С. Радзиевская

Круглый год

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор, биолог по профессии, пишет художественные произведения для детей, главным образом, о природе и животных. В своей книге писательница живо, увлекательно рассказывает о растительном и животном мире Татарии. Рассказы о природе расположены по месяцам, начиная с марта.

- С. Радзиевская. Круглый год
  - МАРТ
    -
    - Лоси
    - Косули
    - Хищники
      - Медведь
      - Волк
      - Лисица
      - Енотовидная собака
    - Семейство куньих
      -
      - Куница
    - Кабан
    - Грызуны
      - Бобры
      - Ондатра
      - Сурки
    - Рыбы
      -
      - Щука
      - Окунь
      - Плотва
      - Уклейка
      - Судак
      - Рыбий язык
  - АПРЕЛЬ
    -
    - Семейство куньих
      - Выдра
      - Норка европейская
      - Барсук
    - Грызуны
      - Бобры
      - Ондатра

- Белка
- Летяга
- Сурки
- Зайцы
- Мыши и полёвки
- Насекомоядные
- Ёж
- Крот
- Землеройка
- Выхухоль
- Кабан
- Лоси и косули

- МАЙ
-
- Стрижи
- Птицы хищные
- Рыбы
- Про «Водяного чёрта»
- Колюшка
- Бычок подкаменщик
- Горчак
- Ротан-головешка
- Змеи
- Уж
- Гадюка
- Земноводные

- ИЮНЬ
-
- Песня о шмеле
- Пчёлы
- О маленькой бабочке — большом вредителе
- Ушастая сова
- Сплюшка
- Орёл змееяд
- Орёл осоед
- Журавли
- Серая цапля
- Утки
- Чечевица
- Крапивник
- Королёк
- Лось
- Хищники
- Рысь

- Медведь
- Грызуны
  - Белка
- Куньи
  - Выдра
- Рыбы
  -
  - Сазан и карп
  - Карась
  - Лещ
  - Рак
  - Моллюски
  - Серебрянка

○ ИЮЛЬ

-
- Грибы
- Сфагнум
- Стахис
- Полезнее лимона
- Летучие мыши

○ АВГУСТ

-
- Отряд куриных
- В любом месяце полезно подумать
- Грызуны
  - Заяц
  - Белка
  - Летяга
  - Бурундук
  - Суслик
  - Сурок
  - Бобры
- Хищные
  - Волк
  - Лисица
- Куньи
  - Барсук
- Олени
  - Косуля
  - Лось
- Рыбы
  - Налим
  - Осетровые
    -

- Белуга
- Осётр
- Стерлядь
- Лососёвые
- Форель
-
- СЕНТЯБРЬ
  -
- ОКТЯБРЬ
  -
  - Птицы улетают
  - Звери
  - Грызуны
  - Лесная сказка
  - Лесной язык
  - Колька, кошка и котята
- НОЯБРЬ
  -
  - Земноводные
  - Рыбы
  - Хозяин воды
- ДЕКАБРЬ — ФЕВРАЛЬ
  -
  - Медведь
  - Волки
  - Волки с передатчиком
  - Зимняя охота в Чехословакии на фазанов
  - Кто как зимует (кроме медведя)
  - Рыбы
  - Сказка Нового года

С. Радзиевская. Круглый год

Софья Борисовна Радзиевская
(1892–1989)

Круглый год
Рассказы о природе

МАРТ

«Улыбкой ясною природа сквозь сон встречает утро года».

Лучше не скажешь. Для наших широт март — месяц, когда ещё нерешительно, «с оглядкой» звери, птицы, растения стряхивают с себя длительный зимний сон. Вернее, не сон, а ожидание, терпеливое и упорное, ожидание радости, имя которой Весна!

Наши предки терпели зиму и ждали весну вместе с природой, к которой они были ближе, чем мы теперь. Поэтому название первого весеннего месяца звучало на их языке ярче и ближе к жизни, чем чуждое, навязанное нам латинское слово «март».

Ненадёжное это время: поворот зимы на весну. Март и радует, и пугает. Виталий Бианки называл его «месяц дотерпи до весны». Для наших зимующих птиц это самый трудный месяц в году. Семена, ягоды, какие с осени держались на деревьях, на кустах, на сорняках, давно подобрал голодный крылатый народ. А что на землю ветер сбросил — снегом замело, не достать. Насекомых, приютившихся зимовать в трещинах коры деревьев, также голодные птичьи клювики уже повыбирали. Синицы, поползни, пищухи, крапивники догадались, стайкой за дятлом летают, насекомую мелочь подбирают в кусочках коры, что из-под

его мощного клюва с деревьев на снег сыплется. Что повкуснее он и сам выберет, а когда за шишки примется, тут уж слабым птичьим клювикам меньше поживы. А март ещё раздумывает: то ли к теплу двинуться, то ли назад оглянуться. Хуже всего, если вдруг ударит оттепель, а за ней мороз. Немногие синички к людям прибьются, кое-где в кормушке покормятся, глядишь, и выживут. Как ни голодно, но и остальных март растревожил. Зимой тоненько попискивали: «Ой, холодно! Ой, голодно!», а теперь нет-нет и песенка польётся. Нежно и тихо большие синицы высвистывают: «Фьють, фьють, гнёзда вить! гнёзда вить!» И парами в лес направляются.

Ещё труднее приходится первым прилётным птицам. Бывает, внутренний зов уже тронул их с зимовки, летят, торопятся. А погода, всем календарям наперекор, вдруг назад попятилась. Птицы в полёте тогда могут задержаться, даже к югу повёрнут. Например, появились скворцы, скворечники осмотрели — всё ли в порядке. И вдруг исчезнут, как их и не было. А на другой день захолодало и снег закрутился. День, два, три, передумал март, улыбнулся и… пожалуйте, скворушки как из-под земли появились, снова у скворечен крутятся, подружек поджидают. Это они без сводок о погоде заранее почувствовали холод и немного южнее повернули, переждали непогоду.

Но если уж птицы в родных местах как следует осмотрелись, то терпят похолодание, даже гибнут, но назад не повёрнут — инстинкт перелёта замолчал.

Всё это бывает. Скажем, термометр показывает с утра -20° и на оконном стекле мороз нарисовал удивительные снежные цветы.

Но что это? К трём часам дня снежные узоры вдруг порозовели и ожили: прямые солнечные лучи упали на окно. И сквозь узоры мороза на стекле что-то замелькало: кап, кап, кап… Значит мороз уже не надолго, солнце уже повернуло на весну…

Март. Чужеземное это слово. Древние римляне так назвали его в честь бога войны Марса. Украинцы сохранили старинное славянское название: березень — месяц, когда оживает природа, берёза готовится распустить молодые зелёные листочки. Климат Татарии суровее, чем на Украине, но и у нас в марте, хоть немного позднее, потихоньку природа начинает пробуждаться. Радостно следить за этим пробуждением. Поля, дороги покрыты снегом, ещё гнутся под слоем снега еловые лапы. Не очень-то по виду март отличается от буранного февраля. Но с каждым утром солнце всё раньше выплывает на небо и вечером позже уходит на покой, точно жаль ему с нами расставаться. Каждый день прибавляется на несколько минуток, и уже скоро оторвём мы

двадцать второй листок от мартовского календаря.

Ура! День сравнялся с ночью! Это почти неощутимо. Но и дальше он будет расти, а ночь укорачиваться, пока в конце июня… Кстати, ещё интересный вопрос: два раза в году, 22-го марта и 22-го сентября наступает равноденствие, то есть день сравнивается с ночью, по 12 часов, и в марте и в сентябре в такой день солнце дарит земле тепла поровну. Почему же 22-го марта холоднее, чем 22-го сентября? Мартовский снег отражает щедро льющиеся на него лучи, посылает их обратно в небесную синеву. Но и когда он, наконец, потемнеет, и тут тепло до земли не доходит: солнечное тепло идёт на таяние снега, а холодная, несогретая земля под ним сиротой лежит. Так марту с сентябрём по теплу и не сравняться. Но зиму, хоть медленно, а всё-таки март побеждает.

Первая победа мартовских лучей — приствольные круги, особенно с южной стороны, нагретых солнцем древесных стволов. Прибавим: тёмных стволов. Тоненькие белые берёзки ещё стоят в снегу. Их белая кора, как и белый снег, плохо нагревается. Вторая победа — разрумянились стволы в кроне лип, берёз, зарделись ветки вербы. А кора осин и бересклета на свой лад весну отметила — живой зеленью расцветилась. Правда, ненадолго, вот уже и пропал яркий блеск до нового марта. А всё же и деревья отозвались, весне по-своему ещё до цветения порадовались.

Но мартовские вечера и ночи ещё холодные, отличаются особенным резким весенним холодом.

Для незаметной нам жизни многих насекомых наступает переломная пора. Те, кому полагалось зимовать взрослыми, подготовились к этому с осени. Они перестали есть и пить, соки тела сгустились, придав им большую выносливость к холодам. Они забрались кто куда на зимние квартиры и погрузились в оцепенение. В таком состоянии, постепенно застывая, они могут выдержать сильные зимние морозы, а весной так же постепенно отогреться и вернуться к жизни.

Но вот солнечный пригрев в конце марта разбудил насекомое. На южной тёплой стене, на стволе дерева и на заборе можно увидеть муху, а иногда и пёструю осу. Это обречённые. Солнце разбудило их слишком рано, они уже не смогут заснуть снова. На другой день вы найдёте их в укромных уголках около той же стенки. Они лежат неподвижно, точно опять в зимнем сне.

Они больше не проснутся: сильный мороз был нечувствителен для них зимой, теперь же, после пробуждения, слабый заморозок убил их. Поэтому после весны с неровной температурой (тёплыми днями и крепкими утренниками) обычно бывает меньше насекомых, чем после весны с равномерно

поднимающейся температурой, без ранних оттепелей.

Среди насекомых много злейших врагов наших полей и лесов. И зная, как они перезимовали, сколько их будет в новом году, мы можем лучше подготовиться к борьбе с ними.

В марте у нас ещё снег. Но где-то на юге уже скоро зазвенят птичьи голоса, засвистят птичьи крылья в торопливом полёте. Они ещё не долетели. Но ведь это к нам они летят. Из Африки, из Китая, из Индии, с юга Каспийского моря. А пока мы слышим, что новыми, совсем не зимними голосами заговорили-запели наши верные друзья — птицы зимники. Тоже весну славят.

Первыми оживились воробьи, в лужицах накупаются и в драке до того осторожность забывают, что даже кошкам на зуб попадаются. Дел у них по горло: два выводка детей за лето надо успеть выкормить. Гнездо строят они ловко, выплетут, как корзиночку, и мягко выстелят. Строят где попадётся: под крышей, за наличником окна, а иной расхрабрится и скворечник занять. Натащит тонких веточек, пёрышек, соломинок, авось скворцам не этот, а другой скворечник понравится, из этого не выгонят. Но чаще скворушка прилетит к своему скворечнику и незваного квартиранта не помилует: сам в драку полезет, своего жилья не уступит. Иногда же просто сядет у летка на ветку и ждёт. Не выдержит в конце концов воробьишка — вылетит. А скворец тут же в скворечник и вмиг воробьиное хозяйство из летка выкинет, чтобы и духом его не пахло. Ну что же? Не удалось. Воробьиная пара не спорит, уже другое место нашла и новое гнездо готовит. Да они и вообще гнездятся не дружно, а какая пара где как вздумает. Воробьи домашние птицы, их лес и весной не манит, только за человеком на новые места летят. В Америку их сентиментальные английские эмигранты сами привезли «в память о родине». На наш север воробьи явились только в двадцатых годах 20 века за русскими поселенцами.

С воробьями зимовали, больше на просёлочных дорогах, овсянки — где просыпанное при перевозке зерно подберут, где в клочке сена семена сорняков отыщут. И чириканьем, и пером особенно от воробьёв зимой они не отличались. А теперь самчик на дерево вспорхнул и весеннюю песню вспомнил: зинь-зинь-зининь! Сам в весенний желтоватый наряд переоделся, а грудка и темечко вовсе жёлтые. Вот другой самчик откликнулся, ещё и ещё. Видно, скоро гнёзда со своими серенькими подружками вить примутся.

Другие птицы, которые к человеческому жилью только зимой на время прибиваются, весной ведут себя иначе. Серая ворона всю зиму около нас кормилась, в мусорных кучах копалась. Но март только задумался — не потеплеть ли, а с ней что-то случилось:

сидит на ветке, головой вертит и не каркает, а хрипит непонятно. Не подавилась ли? Нет, это ворона поёт. Тоже радуется весне. Пела-пела, да как с ветки сорвётся и уже со своей подружкой вверх взлетела. Покувыркались, поиграли и дружной парой в лес направились. Этим их весеннее объяснение в любви закончилось, будут в лесу гнездо вить и детей выводить.

Но знаете ли вы, что это не те вороны, что зимой жили около наших домов? Вороны — кочующие птицы. К зиме наши вороны отлетели немного дальше к югу, а к нам прилетели более северные. А теперь все двинулись обратно к тем местам, где сами вывелись и детей выводили. Так что у нас, оказывается, пела-кашляла не зимовавшая, а наша настоящая летняя ворона.

Как часто мы о зверях и птицах, живущих около нас, знаем меньше, чем о животных Африки и Индии. И напрасно. Потому что в жизни наших зверей и птиц есть тоже много интересного.

Оживились и другие вороньи родственники: длиннохвостые сороки настоящими акробатами в воздухе заиграли. И тоже нарами к лесу направились свои удивительные гнёзда с крышами ладить. Стрекочут тоже по-весеннему, понятно: «За мусорку вам, люди, спасибо. Но детей растить лучше от вас подальше».

О гнёздах начинают заботиться и мирные галки. К весне оживились. Иная на крыше, ещё покрытой снегом, пригреется и даже выкупаться захочет: и на спине и на боку поваляется и крылья распустит, снег оботрёт. Хороша весна!

Зиму галки проводят около людей стаей. В стаю и ворон и сорок принимают, но и в стае остаются верными друг другу: смотришь — на провода сели, каждый к своей подружке поближе. Любопытные отношения у них с грачами. Летом особой дружбы не заметно, каждый своим делом занят. Но осенью, когда грачи улетают, галки это так горестно переживают — летят с ними, жалобно кричат, словно уговаривают остаться или просят: «И нас возьмите!» Возвращаются, любой заметит, грустные, словно осиротели.

Биолог К. Яковлев наблюдал, что и весной ко времени прилёта грачей галки ежедневно по утрам собирались стаями, улетали к югу. Возвращались уже в сумерки, а утром опять исчезали. Наконец, галочьи голоса возвестили: «Прилетели! Грачи прилетели!» Галки кричали, носились в грачиной стае, чуть не кувыркались от радости. Они дождались друзей и радовались встрече. Больше утром они стаей никуда не улетали, а занялись своими гнёздами.

Птицы, зимовавшие в нашем лесу, тоже весну чувствуют. Почувствовал её и дятел, и ему петь захотелось. Да вот беда: голоса для пения природа не отпустила. Как же ему весну

прославить?

Ну что ж, каждый старается, как может. И вот по лесу покатилась звонкая барабанная дробь. Ещё и ещё…

Это дятел усердствует. Сидит на обломанной сухой верхушке дерева и клювом бьёт то по одной торчащей щепке, то по другой. Глазом за ударами не уследишь. Постучит и прислушается, постучит и прислушается. Что ему за радость по пустым щепкам барабанить? Ни жуков там, ни червяков…

Кому надо, тот уже услышал это барабанное объяснение в любви. Услышала дятлиха, и это тронуло её сердце. Зиму она и дятел прожили врозь, в угрюмом одиночестве. А теперь почувствовали: пришла пора долбить новое дупло для гнезда. И вот она летит на нежный барабанный призыв. Вместо песни телеграфный разговор, вроде азбуки морзе: точка-тире, точка-тире.

Дятлиха хорошо эту азбуку понимает, ей и песня не нужна.

Дятлы — птицы серьёзные, зря времени не тратят: поздоровались и за работу. Дятлиха знает, какое дерево лучше подойдёт для квартиры будущих детей: выберет гнилую осину и ну долбить. Дятел не спорит, уступает ей первую очередь, потом и сам помогает. А иногда и наоборот, какие характеры попадутся. В гнилой древесине насекомых найдут, тут же и закусят.

Прошлогодние дупла, покинутые пёстрыми дятлами, не пустуют. Их занимают птицы помельче и послабее, которым не под силу выдолбить дупло. Этим дятлы приносят дополнительную пользу: сами вредных насекомых уничтожают да ещё привлекают в лес птиц, которые им в этом помогают.

Лесники уважают дятлов.

— Дятел у нас за охотничью собаку сходит, — говорят они, — покажет, в котором дереве под корой вредители живут, сам выклюет, другим птицам, что не доел, оставит, да ещё и квартиру им предоставит: пользуйтесь, не жалко.

В густом еловом лесу, где потеплее и потише, зимовали синицы: московки, гаички, гренадерки. Там и крошка королёк зиму перетерпел, и он радуется, немудрёной своей песенкой весну встречает. Дивуешься невольно, как пичуга с пятачок величиной с зимой борется!

Во́рон на зиму от нас не улетает, но и у жилья на мусорке его не увидишь. Редкая птица. В глухом лесу ещё можно услышать его негромкий таинственный голос «круу». Падальник он, лесной санитар, но, если повезёт, и от свежинки не откажется. Охотно селится недалеко от бойни — там скорее кусочек мясца найдётся. Вороны раньше всех своих родственников вороньего рода о детях подумали. Ещё снег кругом лежал, а ворониха уже в гнезде яйца

грела и ворон о ней нежно заботился, кормил. Нельзя ей самой с гнезда слетать, яйца замёрзнут. Но не только о еде ворон заботится: накормил подружку, а сам ну играть: взлетит над гнездом и вниз нырк! Над самым гнездом — опять круто вверх. И падает, и взлетает, и кричит по-особенному мягко, мелодично, совсем на угрюмое «круу» не похоже. Себя ли он тешит или подружку — пойди разберись.

Правда, ещё раньше, в годы большого урожая шишек на елях, клесты в феврале собрались детей растить, но об этом мы в феврале и расскажем.

Это всё дневные радости. А что ночью в лесу делается, когда вся дневная живность спит?

Тихо. В лунном свете снег между стволами голубеет, и вдруг… как захохочет кто-то. Не то дразнится, не то грозится. Не весёлый смех, с издёвкой. «Пу-гуу, пу-гуу…»

Филин это. И не дразнится он, и не пугает. Это тоже его весенняя песня. Наверное, она его подружке по душе пришлась, иначе с чего бы он так распелся? Человека, пожалуй, не найти, кому бы такая песня понравилась. Но филина это не смущает: не для нас поёт. Нам от этой песни страшно, а мелкий лесной народ, и пушистый и крылатый, и вовсе жуть берёт.

А вот, хоть и редко, в наших лесах, где поглуше, весенней ночью раздаётся вой, словно две дюжины котов подрались. Это рыси, наши крупные дикие лесные кошки. Два-три кота собрались, воют и друг друга когтями дерут. А кошка-рысь тут же сидит, наблюдает. То-то они перед ней свою удаль показывают, у кого когти острее и голос звонче.

Страшны ночные голоса. Зато как греют душу, веселят дневные песни. Совы и филины с первыми лучами солнца забираются в дупла дремать до темноты, в глухие места прячутся рыси.

Весна не только радует всё живое. Бывает, кое-кому и радость обернётся бедой. С крыши снежная вода под солнцем каплет, к вечеру прозрачными хрустальными сосульками замерзает. Растут они днём, с хрустом обламываются, падают, но нет от них беды. В лесу же, в поле снег днём сильнее подтаивает, зернится, а ночной мороз его сверху подмораживает. Коварна эта ледяная корочка — наст. К вечеру на снег, как всегда, упали и закопались тетерева, рябчики и глухари. Тепло под снегом, уютно им спится и не думается, что ледяная крыша крепко заковала их спальню. А утром… хорошо, если старый опытный тетерев сумеет под снегом прокопать ход к густой ёлке: под её лапами снег ещё мягкий, можно на волю выбраться. Часто гибнут бедные птицы в ледяном плену.

Но не всегда такая беда случается. И весеннюю радость лесные куры тоже чувствуют. Краса наших лесов, глухарь, спокойно завтракает, ему голод не грозит, зимняя еда всегда наготове: сосновая хвоя. С самой «вкусной» сосны за зиму почти всю ощиплют. Но вот завтрак кончен, расправил глухарь крылья и вниз на полянку слетел. Беспокойно головой крутит, шагает важно и крылом нет-нет и прочертит снег рядом со своим следом. Крепко чертит, на насте след остаётся. Кому близка жизнь леса, без слов понятно: весна взволновала великана. Скоро-скоро на заре послышится его негромкая весенняя песня, недаром алой кровью налились его брови. А на берёзах на опушке уже встречают солнце тетерева, тоже пробуют голоса, бормочут, переглядываются воинственно, но время битв ещё не пришло. В чаще к их бормотанью прислушиваются тетёрки. Ждут…

И наконец… весна расшевелила их по-настоящему. Огромные тяжеловесные петухи-глухари, и маленькие пылкие петушки-рябчики, и воинственные красавцы тетерева почувствовали: настоящее время тока пришло. А для охотников пришло долгожданное разрешение на весеннюю охоту.

Конец марта и начало апреля — совсем немного, около двух недель. Но сколько волнения! Сколько ружей вынуто из чехлов, вычищено до блеска! Охота на боровую и водоплавающую дичь — тетеревов, рябчиков и уток. Собак брать запрещено. Краса наших лесов — глухарь сюда не включён. Запрещение охоты на него полное, и срок окончания не указан: глухарей, как почти каждое живое существо в лесу, в поле, в реке, легче уничтожить, чем восстановить и размножить. Не один год пройдёт (в лучшем случае), пока охотники получат разрешение на отстрел — тоже в определённый и очень короткий срок. В ряде охотничьих хозяйств начали разводить глухарей, но пока это ещё опыты и очень небольшие.

Об охоте на глухарей мы знаем пока только по воспоминаниям старых охотников. Глухари вообще от людей подальше держатся и токуют в глухом лесу. Охотник шалаша не строит, с вечера выслушает глухаря и утром, чуть посветлело, осторожно, почти ощупью, чтобы не спугнуть птицу, подбирается к разведанному месту и замирает. Глухарь токует на толстой ветке сосны или осины, токует с увлечением, но то и дело прислушивается. «Тэ-ке…» и опять чаще: «тэ-ке», «тэ-ке…» Точно деревяшки стукают. И на песню не похоже. Вот замолк, прислушивается. Охотник не дышит. Сейчас глухарь и за триста шагов подозрительный шорох услышит и сразу сорвётся, улетит. Наконец, опять «тэ-ке, тэ-ке». В эту краткую минутку он ничего не слышит. Скорее! Прыжок, ещё прыжок, но песня коротка. Если

охотник не успел до конца песни поставить на землю другую ногу — стой на одной, замри. И замирает. Опять песня, ещё скачок, уже ближе. И наконец — вот он, краса наших лесов, огромный, крылья распущены, взволнованно, едва видный в предрассвете, шагает по суку, поёт, зовёт. Та, которой назначена эта горячая песня, давно уже слушает, замерла неподалёку, ждёт. И она, если неловкий охотник не вовремя шевельнулся, — вспорхнёт, предупредит. Но охотник опытен, знает, когда можно скакать и когда нужно замереть. И вот выстрел. Тяжёлая птица с мягким стуком падает на землю. Ток кончен, ягдташ приятно оттягивает плечо. Как приятно будет рассказать дома об удачной охоте! Удовольствие немного испортит дочь. Осторожно потрогает неподвижную гордую голову с красными бровями, скажет грустно: «Такая красота. И как тебе не жаль было, папа!»

Ток, место рыцарских турниров тетеревов, — это обычно лужайка, на которую бойцы слетаются из года в год, если… если какой-нибудь жадный и нерасчётливый охотник не убьёт хозяина тока — токовика, самого сильного горячего бойца. Он обычно является первым на рассвете, и лес ещё только просыпается, а он уже хозяином ходит по поляне, распустив хвост, красуется белым подхвостьем, брови налиты кровью. Настало время не пробовать голос, а биться за продолжение рода с самыми достойными. Он ходит пока один и жарко бормочет: «чу-фыы, чу-фыы…»

Но вот уже гордый вызов принят. На полянку слетаются опытные бойцы с налитыми бровями, а за ними, ещё неуверенно, молодёжь — впервые попробовать силы в настоящем бою. «Чу-фыы, чу-фыы…» Из-за веток робко выглядывают любопытные дамы-тетёрки, ждут… Чем не рыцарский турнир? Нет лишь перчатки или шарфа дамы на шлемах рыцарей. Покрасовались, показали себя, разгорячились, и уже закипели настоящие парные бои. Токовик бьётся наравне со всеми. В пылу боя никто не замечает, как из искусно замаскированного на краю полянки шалаша осторожно высовывается дуло ружья. И выстрел не пугает — бойцам не до него. Старое руководство по охоте советует не показываться, не подбирать убитых до конца тока. Успеется. Если жадность одолела, убит и токовик… Ток утром быстро кончается и на этот раз — навсегда. Без токовика некому будет собирать бойцов на этой поляне. Но зато одним трофеем больше. А если бы не ружьё, а фотоаппарат… А если бы больше настоящей любви к природе в её лучшие минуты…

У рябчика-малыша, по сравнению даже с тетеревом, ток, как и вся жизнь, проходит по-своему. Рябчики лсивут парами и токуют-ухаживают каждый за своей подругой на своём определённом участке. Они яростно защищают его от других

самцов, но, услышав их вызывающий свист, рябчик часто не выдерживает, бежит драться с ними и не на своём участке. Опытные охотники подманивают его на самодельный манок и, таким образом, охотятся не сходя с места.

Хотя рябчики живут парами (моногамны), но самец в постройке на земле очень простого гнезда самке не помогает. Не помогает и в насиживании яиц, хотя держится около гнезда. И в дальнейшем не отходит от самки и вылупившихся цыплят-пуховичков, но помогает ли в чём — неизвестно.

Весной охотятся и на самого крупного нашего лесного кулика — вальдшнепа.

Тяга вальдшнепов! Коротки вечерние сумерки, в которые начинается она и кончается. В тишине примолкшего леса слышится совсем особый странный звук: «цирк-цирк-хорр, цирк-цирк-хорр…» По поляне проносится порхающим полётом лёгкая тень, иногда две тени, кружатся, сшибаются в воздухе: битва! Битва за подругу, кто сильнее, чей род не угаснет. И выстрел. А то и дуплет. Иногда мелькнут тоже две порхающие тени, но это подруга поднялась навстречу, она впереди, и стрелять можно только в того, кто за ней.

Неудача охотника — тени исчезают, удача — битва или любовный дуэт прерваны, добыча с земли перенесена в ягдташ. Сумерки сгустились, охота окончена. Потом охотник расскажет, как восхитительно поэтичны были минуты ожидания, как он любит природу… Надеемся, он помнит, что самку убивать запрещено. И срок охоты установлен потому, что всё реже слышится в вечерних сумерках «цирк-цирк-хорр…», реже проносятся над темнеющими полянками наших лесов порхающие тени длинноклювых красавцев вальдшнепов. От нас зависит их дальнейшая судьба!

И для охотника-утятника радость весенней охоты теперь недолга. И она — с ограничениями. Стрельба по летящей стае строго запрещена. Разрешена по селезням, причём обязательно на подсадную утку. До рассвета торопится охотник в камышовый шалаш на берегу тихой заводи. За плечами ружьё, в руке корзинка, в корзинке подсадная утка. Но попробуйте найти хорошую, за которую целого выводка не жалко. Вывести из яиц дикой кряквы, подложенных под домашнюю, легко. Но такая утка оказывается пуглива и, главное, «малоразговорчива». Приходится выбирать из домашних, по расцветке похожую на дикую крякву, и «разговорчивую», чтобы хорошо манила пролетающих селезней. На её голос откликнется селезень, ищущий подругу, и опустится на воду. Остальное — дело охотника. Он уже в шалаше, в отверстие в стенке смотрит дуло ружья и зоркий глаз.

Утка спокойно плавает на привычной привязи, но вот виден первый летящий селезень. Утка волнуется, встаёт на воде, хлопает крыльями, зовёт. Селезень откликается, лёгкий ответный свист крыльев ближе, ближе…

«Кря-кря-кря», — волнуется невольная обманщица. Лёгкий всплеск, селезень уже на воде и… выстрел, меткий, если охотник опытен.

Но утка не замечает мёртвого селезня. Она снова зовёт настойчиво «кря-кря». Снова лёгкий всплеск — и второй яркий красавец стремительно скользнул по тихой воде к желанной подруге…

Охотник выйдет из шалаша подобрать добычу, когда окончательно рассветёт и прилёт селезней кончится. «Умница моя», — похвалит он предательницу и осторожно закроет корзинку.

Коротка весенняя охота на уток, но приманчива. На иных озёрах, заводях пальба напоминает чуть ли не артиллерийскую подготовку. Дробь летит в воздух, тонет в воде. В настоящее время уже серьёзно говорится об отравлении уток (крякв, чирков-свистунков) свинцом. Птицы глотают мелкие камешки, необходимые им для перетирания пищи в мускулистом отделе желудка, и вместе с камешками — дробинки, которыми щедро усыпано дно неглубоких водоёмов.

При отстреле селезней, которых приманивает на воду крик подсадной утки, в «руководствах» рекомендовалось привязывать утку так, чтобы течение сносило убитых селезней в одно место, где в конце охоты их удобно подобрать сразу.

Охотники стреляли и подбирали, стреляли и подбирали, пока, наконец, спохватились, что скоро и подбирать-то будет нечего.

В настоящее время изданы «Правила производства охоты на территории Татарской АССР». Правила эти устанавливаются Главохотой РСФСР, но ежегодно могут изменяться. Это зависит от условий зимовки и ещё от некоторых изменчивых факторов. Так, в 1982 году весенняя охота разрешалась на срок с 24 апреля по 3 мая, на вальдшнепов — только на вечерней тяге, на тетеревов — на утренних токах и на селезней — только с подсадными утками.

Много радости приносят весной аисты. Старый и малый ждут, беспокоятся, заранее ладят из старого колеса основу гнезда на своей ли крыше или на дереве-суховершинке. Аистов ждут! Белые красавцы несут на могучих крыльях весну, радость.

Ходят слухи, что в Татарии, в южной её части, кое-где их видели, а может быть…

Может быть всё. Ведь видели же в глухом лесу гнездо чёрного

аиста. Он белому родственник, но нравом вовсе иной: дичится, от людей прячется. Многие надеются и с белой, приносящей счастье птицей познакомиться хотят. Аист зимует в южной Африке. Вот с этого и начнём наш весенний рассказ.

Зелёная змейка скользнула под пучком травы. Она гналась за лягушкой. Мелькнул длинный красный клюв, и змейка, подброшенная в воздух, ловко угодила в широко раскрытую глотку. Лягушка присела, оцепенев от страха, но и она взлетела в воздух и опустилась в ту же глотку. Красный клюв громко щёлкнул от удовольствия, и большая белая птица медленно зашагала по болоту к реке. Яркие жёлтые глаза её видели всё, что только годилось для еды. Но что это? Два глаза, выпуклые, жестокие, появились над водой у самого берега, хотя длинная уродливая голова, на которой они помещались, ещё была под водой.

Птица тотчас повернулась, и длинные красные ноги зашагали чуть быстрее. Уж лучше подальше от реки, так спокойнее, кто знает, не вздумалось ли африканскому крокодилу закусить птицей-красавицей? Аист, и правда, красив: белый как снег, а сложит крылья — как чёрным плащом накроется.

Выпуклые глаза медленно двинулись вниз по течению реки. Если бы и вся морда крокодила появилась над водой, по ней не прочтёшь — разочарован он или, может быть, подумал: не стоит связываться с этой долговязой, длиннющими ногами подавиться можно.

По болотистому лугу у реки аист не один шагал. Целая стайка аистов паслась тут же, но каждый словно сам по себе, других не замечает, птица-одиночка. По пути аист ничего не пропускал: то ящерицу, то жука или червяка подхватит. Удивительная страна Африка: еда со всех сторон словно сама в рот лезет, ешь — не хочу.

Но странно, сегодня точно и еда стала не такая вкусная, и солнце светит не по-прежнему… Аист шагал-шагал, остановился, как бы задумался, шагнул ещё и вдруг, расправив могучие крылья, разбежался и медленно отделился от земли. Выше, выше, чуткие крылья уже уловили восходящий ток нагретого воздуха, опёрлись на него. Теперь аист уже почти не шевелил крыльями, а они уверенно несли его всё дальше, на милую родину, к знакомому гнезду, где он с верной подругой каждое лето растил детей.

Аист не позвал с собой других аистов, не простился с ними, ведь аисты немые. И всё же в воздухе оказался не один. Должно быть, и другие аисты почувствовали то же, что и он, и теперь

тёплые токи воздуха несли их всех вместе в одном направлении.

С каждым днём становится теплее. Ночью лужицы ещё льдом прихватывает, реки не тронулись, но с первыми солнечными лучами с крыш всё звонче капают и бьются хрустальные сосульки. На пригорках ширятся проталины, глубже вязнут ноги в мокром оседающем снегу, и говорливая вода-снежница уже бежит кое-где маленькими струйками-ручейками.

На земле под снегом зеленеют листочки брусники, черники. Это ещё не настоящие подснежники. Они лишь сохранились, притаились ещё с осени под уютным снежным покрывалом, ждут весеннего тепла, скромной, но уже плюсовой среднемесячной температуры. А пока дремлют — не растут.

А вот маленькими солнышками поднялись кое-где на оттаявших склонах навстречу солнцу первые немудрёные цветы мать-и-мачехи. Стебельки без листьев, яркие золотые цветочки пахнут мёдом, и кое-где жёлтенькая бабочка лимонница пригрелась, проснулась и над ними порхает: медовый аромат её зовёт. К вечеру она застынет навсегда. Стебельки мать-и-мачехи только кажутся голыми. Они шероховаты, на них крошечные чешуйки. Это и есть первые листочки. Цветку не терпелось повернуться головкой к солнцу. Накопленных с осени соков на это хватило. А когда цветок повянет, от корня пойдут настоящие большие зелёные листья. От них-то и пошло название цветка: нижняя сторона листьев в светлых волосках, тёплая, приятная, дотронешься — точно материнскую руку погладишь, а верхняя — холодная, гладкая, как мачеха неприветлива. Другие цветы-подснежники ещё наберутся силы в апреле: солнце ярче, день длиннее и проталин больше. Мать-и-мачеха в апреле чаще попадается. В марте она — редкость, встречается на особенно прогретых склонах, но тем радостнее эти редкие встречи.

Верба-бредина, по обочинам дорог, где солнца больше, уже сбросила со своих цветочных почек чешуйки-колпачки. И серебристые барашки на красных ветках точно звенят серебристыми голосами: весна! весна! Барашки ещё не цветут, тепла маловато. Сбросили за вербой-брединой колпачки и другие ивы. Тоже пока не цветут — готовятся.

Серая ольха уже сеет семена. Они созрели осенью, но только теперь раскрываются невидные её плоды и выпадают семена. Падают на землю и прошлогодние плоды липы. Длинный прицветный листочек, как парус, помогает им лететь подальше от родного дерева. Зацветут эти деревья позже — приготовят урожай будущего года.

А в птичьем царстве всё больше хлопот и волнений. Пока

торопятся, летят наши птицы из далёких стран на родные гнёзда, другие птицы, зимние гости, от нас улетать собираются. На север! В тайгу и в тундру. Для их зимовки и Татария — южная страна. Сурова сибирская тайга. А наши леса приветливо встречают далёких гостей: рябина, шиповник, можжевельник — ешь не хочу. И что удивительно, почему у птиц холодного севера яркие цвета далёкого юга? Красногрудые чечётки так хороши на берёзах. Берёзовые семена их любимая еда. Осыпали ветки рябины красавцы снегири. На рябине им не мякоть ягод нужна — они семечки выклёвывают. Вот перелетели на ясень, увешанный метёлками плодов. Снегири в урожайный год ими особенно бывают сыты. Интересно наблюдать, как снегирь, не торопясь, кормится. Сорвёт плодик, ловко переберёт клювом, доберётся до самого семечка, а пустую оболочку бросит. От такого пиршества можно и не торопиться на север.

Хороша румяная грудка снегиря, серовато-малиновый щур не хуже, а красавица чечевица вся переливается красным — от яркой киноварной грудки до малиновой спинки. Правда, таким нарядом могут похвастаться только самцы. Их подруги более скромные — серенькие, желтоватые. Не так ярок, но привлекателен и пёстрый свиристель с розовым хохолком.

Все северяне собрались в обратный путь. Осенью они прилетели к нам с севера позднее, точно жаль было с родиной расставаться, как и нашим перелётникам с юга. Оно и спокойнее: к тому времени хищные птицы от нас уже на юг отправились, один ястреб-тетеревятник на зимовку остался. А теперь, весной, северяне улетят домой — успеют, пока наша хищная команда не вернулась. Правда, с северянами осенью из тундры тоже кое-кто небезобидный к нам пожаловал: красавица белая полярная сова. По росту и свирепости она почти нашему филину ровня. И её к нам из тундры голод гонит. Зимой её добыча — мыши и лемминги-пеструшки под такой глубокий снег ушли, что даже страшным совиным когтям не добраться. А у нас и снега меньше, и зайца словить можно.

Правда, и заяц не прост, знает, что по снегу за ним бежит его след-предатель. Чтобы по следу до него не добрались враги, надо его хорошенько запутать. Вот бедный косой, прежде чем лечь на отдых, и начнёт хитрить: побежит и назад по своему следу вернётся, в сторону прыгнет — раз и ещё раз… Неопытному охотнику в заячьих петлях не разобраться. А сова прекрасно разбирается. Случается, пешком по ним идёт, свирепые глаза горят жёлтым огнём. Зайцу, заглянувшему в эти глаза, редко удаётся спастись от кривых совиных когтей. Неслышно шагает мохнатыми лапами заячья смерть, безошибочно читает заячью

судьбу. Дошла! Страшный охотник запустил когтистую лапу в спину зайца, другой лапой схватился за куст, за ветку, чтобы удержать обезумевшего от страха зверька. Конец! Но бывает, крупный заяц рванётся с такой силой, что лапа, вцепившаяся в спину, оторвётся и заяц уносит её на спине, а покалеченная сова погибает. Охотникам случалось убивать зайцев с заросшей на спине лапой полярной совы, а то и филина.

Но пришла весна, и зайцы стали разбойнице не милы. Домой, домой, в дальний перелёт, в тундру! Эта сова особенная. Все совы ночные птицы, яркого света боятся. А она и днём отлично видит, хотя и предпочитает у нас охотиться не в полдень, а утром и к вечеру. Понятно, летом солнце у неё на родине три месяца подряд с неба не сходит. Как охотиться и детей кормить? Вот она и перестроилась. Прилетит сова в тундру — холод, снега, но надо торопиться: лето коротко. Гнезда не нужно, просто ямка на холмике годится, где солнце едва успело на пригреве снег согнать. И сова сразу начинает греть своё первое яйцо. Потом второе, третье — до пятого, а то и все двенадцать поочерёдно, если леммингов-пеструшек в тундре урожай, еды хватает. Птенцы вылупятся в таком же порядке, один за другим. Сове это удобно. Надо на промысел лететь: одному отцу не под силу накормить всю компанию. Она улетает, а старший птенец согревает оставшихся. Иногда случается и такое: родители задержатся на охоте, дети проголодаются, старшие возьмут, да и скушают младшего. Возможно, впрочем, что родители не обращают на это внимания: и оставшихся хватит.

Зимние гости улетают, а в марте к нам возвращаются наши первые перелётные птицы — грачи. Сначала их мало, точно разведчики высланы — всё ли на милой родине к встрече готово? А потом, глядишь, — новость! — по земле шагают неторопливо большие чёрные птицы. Что-то клюют, переговариваются не спеша, вежливо, как будто это значит:

— Здорово, братец, как ты себя на родной земле чувствуешь? Не пора ли и за дело? Старым — прежние гнёзда ремонтировать, молодым — новые гнёзда вить.

За работу не сразу принимаются. Отдохнуть надо и подкормиться. Хоть дорога домой и не такая дальняя, как у большинства птиц, морей перелетать не приходится, но и с юга Европы путь не малый. Грачи на еду не прихотливы. На дорогах, на проталинах всё съедобное им годится. Раньше грачи ходили в поле за плугом, червяки, личинки, а то и зазевавшаяся полёвка грачиного клюва не миновали. А теперь грач спокойно ходит за трактором. Червяки ведь на вкус хуже не стали, оттого что трактор шума в поле прибавил. Личинки майских жуков и прочих

вредителей весной вверх поднялись, и грачи их из разрыхлённой трактором земли ловко клювом выкапывают, потому и перья у основания клюва у старых грачей обломаны до белой кожи. Полезная птица грач, умная, людей не боится, в лес не летит. Отдохнули от перелёта и в родную рощу гнёзда строить, детей выводить.

Вот тогда вы грачей не узнаете. Батюшки! Где степенные движения, мирные вежливые голоса.

Зайдёшь в рощу и за уши схватишься. Не птицы, а оголтелые разбойники: орут, за каждый прутик дерутся.

А уж воры… чуть один зазевался, другой из гнезда у него ветку тащит. Схватятся, дерутся, глядь, а третий под шумок у драчунов из гнезда подстилкой попользуется.

Раз драчуны задали нам сложную загадку: уж не подбирают ли они себе соседей «по вкусу»? На берёзе были построены четыре гнезда. Вдруг явился пятый грач. Никого не задевая, принялся своё гнездо тут же ладить, но чем-то другим грачам не понравился. Как на него старые жители накинулись! Били, щипали, наконец прогнали, а недоконченное гнездо разломали и прутики раскидали. Вот, мол, тебе!

С чего бы это? Как много ещё для нас в жизни природы загадок! Но загадка загадкой, а грачиные скандалы порой до того людей из терпения выводят, что они возьмут да и гнёзда разорят. «Вы хоть птицы и полезные, но убирайтесь подальше, от вас уши оглохли». Ну, этого, конечно, делать не следует. Грачи так много вредных насекомых истребляют, что за это и концерт грачиный потерпеть стоит.

Немного успокоятся скандалисты, тогда грачихи яиц нанесут и согревать их, насиживать приладятся. Но это будет, когда не только гнёзда готовы, а и земля прогрелась настолько, что личинки и черви в ней кверху поползли, грачам их доставать стало проще, значит будет чем матерей в гнёздах кормить. Наступает временное затишье. Но когда из яичек молодые вылупятся, кушать попросят с таким гвалтом, что и глухой услышит.

А попробуйте найдите в лесу гнездо сороки. Птенцы в нём сидят такие же голодные, как скворчата или грачата, но сидят тихо, ни за что себя чужому криком не выдадут. Почему?

Грачи и скворцы много веков живут под охраной человека. Они утратили инстинкт осторожности, какой есть у диких зверей и птиц. Грачатам и скворчатам не нужна осторожность. Как хочешь ори, около человеческого жилья тебя враг не тронет.

А вороны и сороки точно чувствуют: их любить не за что. Они и цыплёнка утащат, и чужое яйцо из гнезда унесут. Охранять их

детей в лесу никто не станет. Наоборот, найдут и уничтожат. Поэтому выживут у них в гнезде птенцы, которые умеют помалкивать. Кроме того, вороны и сороки никогда не гнездятся колонией, рядышком. Значит, если враг гнездо приметил, на дружескую помощь соседей рассчитывать не приходится. Как дружно кричат грачата: «дай! дай!» У ястреба да и у той же сороки слюнки текут. Как бы их на вкус попробовать! А поди сунься! Вся колония поднимется! Осторожная сорока даже гнёзд строит не одно, а три. Зачем же три? Из хитрости. Заметит (когда к гнезду летит, сорочатам еду несёт), что за ней будто бы кто следит — и с шумом, пусть все слышат, подлетит к пустому, обманному гнезду. И сидит в нём, пока, по её соображениям, опасность выдать гнездо миновала. Тогда уже осторожно, без шума перелетает в настоящее гнездо, к притаившимся сорочатам.

Интересно, что за последние годы всё больше грачей превращается в оседлых. В одной Казани их не меньше двух сотен зимует. Ночуют с галками и воронами, днём держатся больше около мясокомбината и мест, где можно подкормиться съестными отходами. Но ведут себя при этом смирно и воспитанно.

Скворцы весной являются вслед за грачами, дружной стайкой. Сначала прилетают самцы, мирно подыскивают себе скворечники по вкусу, при этом войны у них друг с другом не бывает, а иногда только с нахальными воробьишками. У воробьёв-то семейные дела раньше начались. Прилетели скворцы и сразу к скворечням. Вот так история: в обжитую знакомую скворечню воробей уже всякого хлама натащил, гнездо устраивать собрался. Сам в гнезде сидит, выглянуть боится, чтобы скворец места не занял. Ну, не век же ему так сидеть, вылетит на минуту, а скворец раз — и в скворечнике. Всё воробьишкино имущество повыкидывает. Делать нечего, летит воробей новое место искать.

Скворец издавна привык, что человек о нём заботится. Сотни лет назад в древней Руси уже делали скворечники из коры, понимали: велика польза от этих славных весёлых птиц, сколько вредных жуков, червяков, бабочек сами съедят и детям скормят.

Скворцу и сейчас скворечня кажется удобнее любого другого места для гнезда. Но если люди о нём не позаботились, скворечню сделать забыли, скворец не пропадёт: вспомнит, как жили его дикие предки, и сам себе устроит гнездо где-нибудь в дупле дерева. А то и в компанию к ласточкам-береговушкам попросится. Обрыв над рекой весь норами изрыт, много нор и пустых, без гнёзд. Ласточки народ мирный. Пожалуйста, вей гнездо в пустой норе, если тебе ленивые люди скворечню на дерево не повесили.

Но одно дело скворечню отвоевал, теперь ещё надо хозяйки

дождаться, они всегда на несколько дней позже прилетают. Пока можно отдохнуть, подкормиться и спеть. Но что же спеть-то? А это уж каждому скворцу как поглянется. Своя есть песенка милая и простая, но к ней чего только скворец не прибавит — всего наслушался за долгую дорогу. Тут и утка закрякала, и кошка мяукнула, и лягушка квакнула, и кусочек песни какой из репертуара других наших птиц. До попугая скворцу, конечно, далеко, но зато он наш свой домашний пересмешник. И если постарается, то и человеческие слова переймёт, какие попроще.

А вот это что такое? Песня совсем незнакомая. Не иначе как по дороге где подхватил и запомнил. С песней и подружку ждать легче. И как же радостно взлетает он ей навстречу! На песню она откликнулась, быстро договорились и дружно начали строительный материал собирать. Однако скворец петь мастер, а строит подружка лучше, и многое, что хозяин приносит, она забракует и выкинет. Он не спорит. Раз так — делай по-своему, а я тебе. песенку спою. И поёт… без устали.

Может быть, вы не согласны скворца назвать певцом? Конечно, ему далеко до соловья и даже зяблика. Но зато ведь прилетает он из певцов первый (грача уж никак в певцы не зачислишь). А первая весенняя песня всегда особенно за сердце берёт.

За скворцами и жаворонки прилетели. Отдохнуть с дальней дороги, подкормиться. Снег? Ну что ж, кое-где есть и проталины, а на них что-нибудь найдётся. Пока ещё стайкой, как летели, птички проворно обыскали первый клочок земли, вспорхнули на другую проталинку, на третью. А там, смотришь, стайки уже и на пары разбились, но к человеку не жмутся, в поле всем места хватит. Без споров осмотрелись, и полилась с неба чистая хрустальная песенка. Нам радостно слушать, а той, для которой эта песенка поётся, наверное, ещё радостнее.

Видно, родная земля не только человеку, но и маленькой птахе милее, чем чужая, пусть самая роскошная страна.

Очень редко можно увидеть поющего жаворонка на земле, да и ненадолго, словно он сам по ошибке запел и сконфузился. Но как не залюбоваться им в воздухе! Он поёт, и словно сам воздух его заслушался и бережно поддерживает на лету крошечное трепещущее тельце..

И уже совсем где-то близко летят и, чуть с крыши закапает, явятся на прежние гнездовья милые весёлые зяблики. Сначала явятся самцы, самки их тоже целую неделю ждать и скучать заставят. Уж он и место для гнезда нашёл, и соседей разогнал, чтобы близко селиться не смели, а подружки всё нет. И вдруг — явилась. То-то радости! То-то песен! А попробуйте подсмотреть,

как зяблик иногда, поёт и на ветке приплясывает. Крылышки распустит да боком, боком до конца ветки и назад на прежнее место. Кажется, и само солнце на эту пляску залюбуется.

От зябликов почти не отстала милая доверчивая зарянка. Уже задолго до восхода солнца слышится переливчатая трель, такая нежная, что кажется не птичка, а сама весна теплу и свету радуется.

Прилетели и реполовы, они чуть меньше воробья, но свой серенький наряд красными краями на грудке украсили, пение их — скорее щебет, простенький и весёлый под стать характеру. Зяблик с каждым соседом подраться готов, от гнезда отогнать подальше. А мирные реполовы целой колонией устраиваются, им вместе веселее.

Ещё листья на деревьях не собираются выглянуть из почек и цветы подснежники сны досматривают, а в лесу уже издалека видны на голых ветвях кустов пурпурно-розовые цветы волчьего лыка. Аромат от них нежный, первый настоящий аромат пробуждающейся жизни. Хороши будут и яркие красные ягоды, которые летом украсят зелёный кустарничек. Полюбуйтесь ими, но… издали. Сильным ядом пропитаны все части волчьего лыка: цветы, ягоды, даже корни.

Говорят, что весну нам приносят из-за гор, из-за морей не звери, а птицы. Но и звери не меньше весну чуют, и все на неё, хоть и по-разному, отзываются.

Лоси

Лось! Самый большой и могучий из всех оленей на земле. Старые нерубленые сплошные леса когда-то покрывали огромные пространства нашей родины. Древние племена каменного века жили в них и боролись с суровой природой. Раскопки городищ (например, на Унже, Ветлуге) много рассказали нам о них. Это были ловкие и смелые люди. Кости, черепа лосей во множестве находили исследователи около остатков их жилищ. Удар лосиного острого копыта срубает дерево в руку толщиной. А у охотника было всего копьё с кремнёвым наконечником. Но семье, племени нужно было мясо. И это мясо добывали ценою не только увечья, но иногда и самой жизни. Возможно, мясо лося было самой важной пищей. Его оценили и позже. 15 и 16 века не такая седая древность. Появились крестьяне и господа, а с ними письменные приказы: крестьянам «ходить в вори на лоси». Результаты обязательной охоты не делились поровну. А в царском указе 1822 года взяты на учёт не только «бобровые гоны» и «рыбные ловли», но и «лосиные стойла» — места, где есть лучший корм и зимой постоянно держатся лоси. Охотились на лосей для барского и царского стола.

Ещё при Петре Великом лосей в России было столько, что армию одевали в «лосины». Но лосей становилось всё меньше, и Пётр Великий с обычной своей решимостью особым указом в 1714 году запретил в Санкт-Петербургской губернии «всяких чинов людям стрелять и бить лосей». Ослушникам полагалось «жестокое, без всякой пощады битиё и ссылка в Азов с жёнами и детьми на военное поселение». Екатерина Вторая запретила охоту на лосей уже на всей европейской части России. Однако охраной животных эти указы не подкреплялись, лесов вблизи городов становилось меньше, а охотников больше и ружья их дальнобойнее. Лоси довольно быстро исчезли почти во всей Западной Европе, возникла угроза их исчезновения и в России. Первые декреты Советского правительства об охране природы и, в частности, о запрете охоты на лосей были подписаны В.И. Лениным. Теперь только в Татарии основано 20 заказников, где охота на животных запрещена. (Исключение сделано для волков и ворон). Теперь на лесной дорожке можно встретить рогатого красавца. Человека он стал бояться меньше, а порой и совсем не боится. Но человеку лучше судьбу не испытывать и поскорее уступить могучему зверю дорогу. Кто знает, в каком он сейчас настроении? Правда, чудесные раскидистые рога весной уже не красуются на гордой голове, он сбросил их ещё зимой. Но

напрасно будете вы искать их в лесу. Проворные мыши, полёвки уже с аппетитом сгрызли, сточили их, дополнили этим нехватку кальция в своей ежедневной диете.

В марте у лосей на лбу вспухают шишки — начинают расти новые рога. У молодого лося лопатки ещё нет, рога растут как простые отростки, «спицы» — называют их охотники. Чем старше лось, тем тяжелее его рога, тем больше на них отростков. Бывают рога килограммов по двадцать весом. И такую тяжесть лось носит на голове, да ещё меняет каждый год. Но рога не мешают ему со страшной быстротой мчаться по лесу. На бегу лось закидывает голову, так что рога ложатся на спину и ветки деревьев скользят по ним не зацепляясь. Новые молодые рога ещё хрящеватые, тёплые, покрыты кожей с мягкой шёрсткой, поранить — больно, кровь потечёт. Лось это знает, носит их осторожно, старается ни за что не зацепить. Они окрепнут к осени, когда начнутся ожесточённые драки. Стук рогов и дикий рёв разнесутся тогда по лесу. Теперь же лоси, как и всё живое, мирно радуются весне. Они грызут ивняк и осинки, а за ними часто тихонько пробираются зайцы. Косому самому не добраться до нежной коры осиновых веток, а лось не церемонится, нагнёт осину и пропустит её между ногами, нажимая тяжёлым брюхом. Осинка хрусть и сломается, лось съест сколько ему нужно и уйдёт. А зайцам сломанная осинка пир горой, ведь свежей травинки не скоро дождёшься.

Двинулся в деревьях весенний сок, и уже не только веточки и верхушки молодых деревьев пошли лосю в дело. Сладка весенняя кора, и лоси обдирают её целыми пластами. Они даже ищут лесосеки и обгладывают срубленные осины. Теперь в лесах, особенно в заповедниках, лосей иногда разводится столько, что они наносят серьёзный урон молодым посадкам осины и сосны и приходится регулировать их количество.

Лоси — бродяги по характеру. Но в многоснежные зимы они вынуждены переходить в места, где снега меньше — в густые молодые ивняки, осинники. В таких «лосиных двориках» снег крепко утоптан тяжёлыми копытами, сюда и волки не сунутся. Еды хватает: крепкие челюсти и ветку в сантиметр толщиной разжуют. В «дворике» на притоптанных тропинках и наст не страшен. Но одиночному лосю (бывает, взрослые самцы отдельно бродят) наст — беда. Тонкая корка проваливается и как ножом режет ноги. Лось это знает, и ещё это знают… волки. Окружит голодная стая лесного великана, он бьётся, пока не обессилит. Ноги — его самое сильное оружие. Не только волка — человека может насквозь пробить острое лосиное копыто. Но волки легко скользят по насту, и лосю на израненных ногах от них не спастись.

Волки охотятся организованно: старая волчица прыгает, как будто хочет вцепиться в морду лося, отвлекает его внимание, а молодые волки, улучив момент, перекусывают сухожилия на задних ногах лося. Борьба за жизнь кончилась.

Большая беда, если набредёт на «лосиный дворик» рысь. Сильная кошка бросается на молодого лося, загрызает его на глазах у сбившихся в кучу, обезумевших от страха остальных животных. Они даже не делают попытки защитить погибающего товарища.

Косули

Громадный лось и маленькая косуля мирно живут в лесах Татарии. Охота на косуль запрещена полностью. И несмотря на это, количество их увеличивается очень медленно: косули нежные животные, добывать корм из-под глубокого снега они не могут. Не только волки и бродячие собаки для них опасны, бывают случаи нападения лисиц на молодых косулят. В заказниках их подкармливают, сено они едят охотнее, чем лоси. Но каждая многоснежная зима неизменно сокращает их число. Можно сказать, что вопрос полной их акклиматизации в Татарии остаётся не решённым.

Хищники

Медведь

Самый крупный наш хищник, медведь, пока ещё последние зимние сны в берлоге досматривает. Ведь ему о детях заботы нет, знай спи и лапу посасывай. Но напрасно многие думают, что он из лапы жир высасывает и тем питается. Жира пуды у него с осени под шкурой запасены. Это на подошве кожа меняется — щекотно. Он лапу сквозь сон и полизывает, всё не так свербит.

О постельке для будущих малышей не заботится и медведица. Когда они, крошечные, в берлоге у неё появятся, хватит мягкой шерсти на её могучей туше.

А у лесной мелочи свои хлопоты. Все звери весной линяют. У медведя в берлоге шерсть свалялась клочьями, хотя лежит он почти не шевелясь. Лесные мыши готовят гнёздышки для своих крошечных голеньких малюток. Чего не сделаешь ради детей! Говорят, что мышки тишком под снегом пробираются даже в медвежью берлогу и тащат с медведя клочки зимней шерсти, а случается, у дремлющего и целую полоску на спине выстригут. Вот и набрали шерсти мышаткам на перинку. Говорят также, что и белочка в берлогу за тем же заглядывает. Ей тоже медвежья шерсть на подстилку будущим голеньким бельчатам не помешает. Наверно, очень осторожно это проделывают, ведь у медведя зимний сон не то, что у сурка или суслика, спит он чутко. Если и набрели охотники на его берлогу, но собрались уйти и обложить его позже, надо быть очень осторожными: проснётся и уйдёт. Вернувшись в полной готовности, охотники найдут пустую берлогу, а где-то бродит потревоженный ими зверь. Ошибка большая. Мирный в летнее сытое время, медведь превратился в голодного и опасного для всего живого шатуна. На пробуждение истрачены остатки жира, с осени рассчитанного на мирный сон до апрельского пробуждения природы. Тогда и весенней травки кое-где пожевать удалось бы, и муравьями побаловаться, личинками из трухлявого пня. А сейчас шатуну нужно только мясо. Уже не человек за ним охотится, а он за человеком, если раньше не удастся задрать корову или лося подстеречь. Бывали случаи, когда раненый лось со страшным всадником на спине влетал в деревню, инстинктивно ища помощи у человека, и тут же падал, а медведь принимался рвать и глотать его горячее мясо, обезумев от голода. На шатуна, где бы он ни объявился, приходится срочно организовывать охоту, как исключение.

Вообще же охота на медведей в Татарии полностью запрещена.

Волк

Почуяла весну и распадается волчья стая. Старики родители уходят от детей, присматривают место для нового выводка волчат, а за ними и молодые расходятся, разбиваются на пары. Старые часто устраиваются в прежнем логове, даже если охотники в прошлом году уничтожили в нём волчат. Местные жители о нём и не подозревают, ведь волки-родители в ближней деревне никогда не тронут ни телёнка, ни овцы, чтобы не навести охотников на свой след. Говорят, что они иногда даже защищают местное стадо от чужих волков по той же причине, а себе добычу ловят в дальних местах. Опытные охотники это знают и не там логово ищут, где жители на волков жалуются, а там, где всё тихо, о разбойниках не слыхали.

Это говорит о том, что волк интересный зверь, со сложной психологией, во многом даже умнее собаки. В местах, где ещё не поселились люди, и в лесах животных (в основном копытных) достаточно, чтобы служить пищей, волк — хищник, но в то же время и санитар. Действительно, среди вольных жителей лесов волки ловят чаще больных, слабых калек (так легче). Тем самым они невольно не дают распространяться эпидемиям. Даже улучшают состав стада, например, оленей, оставляя на племя лучших здоровых производителей. Чем не селекция?

Но появились люди, с ними стада домашних животных (а диких стало меньше). И волки, нападая, например, на отару беззащитных овец, убивают всех без разбора и в припадке непонятной жадности режут, сколько успеют. Так санитар становится беспощадным вредителем. Мудрено ли, что и ему люди объявляют беспощадную войну. Однако полное уничтожение волков нежелательно. В Польше, например, убедились в этом, закупили в Германии и выпустили у себя некоторое количество волков, сохраняя, однако, им строгий учёт.

В Татарии в 1981 году (не случайно, по строгому учёту) было отстреляно 300 волков. За шкуры, сданные заготовительным организациям, охотники получали: за волчицу 100, за волка 50, за волчонка 30 руб. В 1982 году Госохотинспекция установила отстрел 270 волков, и цены были повышены.

Лисица

Весной даже молчаливые лисы «разговаривают» голосом, похожим на визгливый лай небольшой собаки. Во время гона за

лисой следуют часто два-четыре самца, их-то лай или тявканье в это время и слышится. Ссорятся они, дерутся иногда свирепо, но до кровавых битв дело не доходит. Лиса разборчивая невеста, обычно она выбирает самого сильного вояку, и тем дело кончается. Вдвоём отправляются готовить нору, если не удастся пристроиться в постояльцы к барсуку (лисицы на работу ленивы). Но не найдя ничего готовенького, лисицы очень быстро и умело копают собственную нору, обычно в удачно выбранном глухом уединённом месте.

Однако в последнее время случается и другое. По непонятной прихоти осторожная лиса вдруг поселяется «под крылышком» у главного своего врага — человека. Иногда это подпол заброшенного строения на окраине села, а то и города или удобная щель-пещерка. Питаться приходит к мусорным кучам, не опасаясь даже вездесущих собак.

Такие случаи — исключение. Основная еда лисицы — вредные мелкие грызуны (мыши, полёвки). Если она и зайца где прихватит, это далеко не основная её еда. А полёвка не только сама летом зерном питается, но ещё и в гнезде на зиму запас устраивает, и среди молодых древесных сеянцев и саженцев настоящее опустошение производит: перегрызает молодые корешки. В вину лисице ставят, что она и тетерева словит, которого зимой на ночёвке под снегом кое-где устережёт. Но за это она своей ценной шкуркой расплатится.

Охота на лисиц разрешается без лицензий, но только в строго установленный срок — с 5-го ноября по 1-е марта, когда лисий мех особенно хорош.

Лисица, хоть и нет у неё острых кошачьих коготков, очень ловко влезает на дерево, если оно стоит немного наклонно или на нём удобно расположены сучья. Одного охотника и его опытную собаку долго водил за нос старый лис. Он жил в известном участке леса. Собака легко находила его след, гнала по знакомой дороге до определённого места, а дальше… лис точно по воздуху улетал: был след и пропал. Не скоро охотник разобрался, в чём дело: след исчезал около одного и того же дерева, лис ловко залезал на него и прятался в пустое сорочье гнездо метрах в десяти над землёй.

Некоторые охотники уверяют, что лисица умеет даже от блох избавляться совершенно изумительным образом. Возьмёт в зубы клочок шерсти и осторожно входит в воду. Не сразу, а шаг за шагом, всё глубже. Блохи воды не любят, лезут с лап на живот, на спину, на голову… А лисица уже вся в воду погрузилась, только клочок шерсти в зубах над водой торчит. Блохи перебираются в этот сухой клочок. Лисица выпускает его из зубов, и шерсть со

всем блошиным народом уплывает.

Енотовидная собака

В начале марта обычно просыпается после недолгого зимнего сна уссурийский енот. На самом деле это не енот, а енотовидная собака. Но её мордочка с забавной чёрной маской удивительно напоминает енота. Мясо зверька вкусное, мех его, хоть и грубоват, но тёплый и прочный, а есть он согласен всё, что по силам и по уменью на зуб попадёт. И плодовит тоже до удивительности: при хорошей еде и шестнадцать щенят не редкость. Завезён в наши края с Дальнего Востока. Родина его — Америка. Охотники в лесных угодьях от него не в восторге: тетёрки, глухарки на земле гнездятся, а наш «енот» и до яиц и до птенчиков лаком. Прекрасно плавает, ему и утята годятся. Но главная его пища — мышевидные грызуны и всякая ползучая мелочь, а если этого нет, и корешки, корневища, луковицы, ягоды ест. Падаль найдёт — и это подойдёт. Поэтому можно считать, что вкусное его мясо и шкурка (не в охотничьих хозяйствах) искупают причиняемый вред.

Единственный из семейства собачьих, он ложится на зиму спать. Большой норы не копает, подвернётся для зимнего сна или для вывода детей старая барсучья нора, а то и просто ниша между корнями старого дерева — он и этим бывает доволен. Родители примерные, о детях заботятся оба, и растут детки так быстро, что часто уже в конце лета уходят в самостоятельную жизнь, а родители, верные друг другу, остаются в старой норе.

Охотятся наши «еноты» в сумерках и ночью, днём спят. Енотовидная собака труслива, и если не она, а на неё охотятся, предпочитает замереть, не оказывая сопротивления, даже если бы и могла спастись бегством. А ведь зверь не маленький, с собаку средней величины, только ноги коротковаты. С осени он, по обычаю всех зверей с зимней спячкой, сильно жиреет, откармливается и в декабре-январе ложится в спячку до начала марта. Спячка не крепкая, иногда в оттепель выглянет «енот» из норы ненадолго и опять спрячется, засыпает.

Семейство куньих

В Татарии живёт целое семейство хищников — куньих, получившее название по одному из самых ценных его (по меху) представителей — кунице. Среди них относительно крупные — выдра, барсук, мельче — норки и сама куница. Остальные мелкие, но и их роль в жизни нашей природы далеко не мала. В зимнюю спячку никто из куньих не ложится, за исключением самого крупного — барсука. Но он и в другом так сильно от родственников отличается, что о нём поговорим подробно отдельно.

Шкурка у всех куньих более или менее ценная, исключение — разве ласка по своим крохотным размерам. Однако гораздо в большей степени многие полезны не шкуркой, а тем, что истребляют мышей и полёвок. Вред, приносимый зверьками, явно преувеличен. Конечно, хорь иногда и заберётся в курятник. И не откажет себе в удовольствии задушить столько бедных клушек, сколько успеет. Но подсчитайте, сколько зерна съедят и спрячут про запас те полёвки, которых хорь мог бы съесть, если бы не был убит при набеге на курятник, и сколько полёвок он успел съесть до этого набега. Простим же ему случайный проступок.

Горностай и ласка — самые мелкие из хищных, но убивают они много больше, чем им требуется для пропитания. И убивают наших опасных врагов — грызунов, расхитителей зерна в поле, в копнах, в амбарах. Ласка — зверёк толщиной с большой палец на руке мужчины и немного длиннее его. Горностай крупнее. Но оба не только убивают грызунов на земле, и в норах нет грызунам от них спасения. Правда, горностай иногда нападает на зайца и на глухаря, и если сильная птица в ужасе унесёт его в воздух, горностай прикончит её на лету. Но это опять-таки не правило, а исключение. Простим же ему и глухаря.

Рыжеватые летом, оба хищника зимой белы как снег, у горностая лишь кончик хвоста круглый год остаётся чёрным. Когда-то горностаевая мантия, сияющая белизной, украшенная чёрными кончиками хвостов, была привилегией царей на торжественных церемониях. Горностая и теперь ловят, красивый зимний мех его по-прежнему в цене. И напрасно: пользы от его охоты за грызунами всё же больше, чем от крохотной, хотя и драгоценной, шкурки. (К сожалению, там, где много горностая, ласки становится меньше; в охотничьем азарте горностай не щадит и товарища по охоте.) Жизнь злобной парочки изучена во многом недостаточно. Известно, однако, что новорождённый горностайчик весит всего два грамма, а ласка и того меньше. Чем

больше бывает мелких грызунов (их пищи) — тем больше и детей в помёте. Они появляются весной, а через два-три месяца молодая самочка уже опять может стать матерью. Почти геометрическая прогрессия!

Куница

О кунице разговор особый, она по курятникам не разбойничает. Но вот белка — её любимое лакомство. Она ловко разыскивает беличье гнездо, особенно в морозы, когда белка, досыта покушав своих или чужих запасов, плотно заткнёт вход в гнездо тугой моховой затычкой и в нём сама свернётся и пышным хвостом закроется: можно хорошо выспаться, пока мороз не смягчится.

Враг бесшумно подобрался к тёплому гнёздышку. Миг — и белка бьётся в куничьих зубах. И уже сытая куница уютно сворачивается на отдых в белочкином гнезде. Удача: и стол и дом к её услугам. Беличья зимняя шубка — большая ценность на меховом рынке. Получается, что куница пообедала полезным для нас зверьком, не то что хорь или горностай. Но кунья шубка много дороже беличьей, и счёт получается всё-таки в пользу куницы. Поэтому в Татарии охота на куницу, хорей (степного и лесного) и горностая разрешается только с 15-го ноября по 1-е марта по особым лицензиям, выдаваемым Госохотинспекцией. Количество лицензий устанавливается ежегодно и может меняться.

Кабан (единственный у нас представитель свиней)

Когда-то дикие кабаны широко водились в лесах средней полосы нашей страны. Но леса вырубались, охотников на такую завидную дичь находилось всё больше. И кабанов становилось всё меньше. Новгородские грамоты 13 века сохранили о них любопытные сведения.

В ту пору кабаны не только обитали в Новгородчине, но уже значительно там были выбиты. Поэтому охотиться на них на расстоянии ближе шестидесяти вёрст от Новгорода имел право только сам новгородский князь. Даже дружественному тверскому князю Ярославу Ярославичу в договоре от 1265 года строго указывалось: «а свиньи ти, княже, бити за 60 вёрст от Новгорода». С 14 века упоминаний о кабанах на Новгородчине уже больше не встречается.

В землях, теперь входящих в состав Татарии, густые дубравы издавна служили приютом стадам кабанов, вероятно, не меньшим, чем те, о которых говорилось в новгородских грамотах. И так же, как на Новгородчине, неумеренная охота истребила их совершенно задолго до образования современной Татарии. Разредились и исчезли и дубравы, дававшие им приют и сытный корм — жёлуди. Что же произошло в дальнейшем?

Первые сигналы о появлении кабанов относятся к 1970 году. Животные появились в Камско-Устьинском и Тетюшском районах. В 1972 году были завезены и выпущены партии кабанов из соседних областей. И с этого времени началось быстрое их расселение по районам республики.

Грызуны

Бобры

Бобр самый крупный среди грызунов. Правда, но величине на первое место просится капибара — почти двухметровый южноамериканский гигант. Но рост — её единственная достопримечательность. Поэтому первое место мы всё же оставляем бобру.

Красотой бобр не блещет: величиной со среднюю плотную собаку, ноги короткие, немного кривые, задние с перепонкой — пловец отменный. Хвост тоже не украшение — неуклюжая лопата, сверху большими роговыми щитками покрыта. Не красят бобра и крупные оранжевые зубы-резцы. Но губы его так устроены, что рот закрыт, а резцами бобр и под водой может работать, вода в рот не попадает. Зато мех его — главная красота. На беду бобру он так хорош, что ещё в Московской Руси за одну шкурку бобра четырёх соболей давали. (Соболь в то время играл крупную роль в сношениях с иностранными государствами). Удельные князья, монастыри цепко держались за владение «бобровыми гонами» — колониями бобров, их жаловали, дарили, а то и отнимали. За незаконное убийство бобра взыскивали, как за убийство человека. Меры по охране бобров пытались применять и в позднейшее время. Но бобровый мех — приманка для охотников, а пуще для браконьеров. Меры по охране не действовали. Только революция и спасла остатки некогда многочисленного бобрового племени от полного уничтожения. Бобровые заповедники начали организовывать вполне действенно лишь при Советской власти.

Зимой выбираться на лёд или по снегу на берег им ни к чему. Нежные лапы и хвост легко отморозить. Да и на берегу опасные враги: волк, а то и рысь могут встретиться. Правда, мощные резцы с волчьими клыками поспорят. Но берег — не спасительная вода. Неуклюж бобр на суше: и ноги коротки, и шея плохо ворочается. Трудно ему против быстрого волка выстоять. А надёжно укрытый в хатке бобр спокойно слушает, как норой по крепкому льду звери и к самой хатке подбираются. Однако стенки её окаменевшим илом сцементированы, ветки и колья недоступны для когтей и зубов. Иногда можно услышать, как мирно в хатке родители с детьми о чём-то переговариваются. Ссор и драк бобровая семья не знает.

Зимой бобры продолжают наслаждаться плодами осенних забот: живут в тепле и уюте, еды с осени запасено достаточно.

Обрубки и ветки самых вкусных деревьев укреплены под водой у входа в хатки или норы. Выплывай по ходу под водой, выбирай по вкусу и неси домой еду, в нижний этаж. Там закусил, шубку выжал досуха, теперь можно и наверх, на персональную постельку. Не нужно ни на берег, ни на лёд: чтобы добраться до воткнутых в дно веток и втащить их в хатку, хватит и нескольких минут под водой. И лёд, в который закована вода, бобру не помеха.

Однако может представиться исключительно редкий случай: по какой-то причине не успели бобры заготовить достаточно еды под водой (и льдом) у самой хатки или береговой норы. Приходится на берег вылезать, чтобы добраться до еды. Тогда бобры могут решиться под снегом прокопать тоннель, ведущий к корму. Это может добром не кончиться. Был случай, когда на берегу на крупного бобра напала большая собака. Бобра она задушила, но сама была так изувечена, что её пришлось пристрелить.

Ондатра

«Младший брат человека». Так говорили индейцы в Америке, наблюдая, как бобры строят плотины, чтобы поднять уровень воды в реке. Да как! Ровно настолько, чтобы вода закрыла вход в хатку или в нору на берегу реки. Засуха? Можно плотину сделать выше. Дожди? Можно отверстия в плотине пробить, спустить лишнюю воду. Где тут инстинкт соприкасается с какой-то степенью разума? Поневоле задумаешься.

Ондатру, уроженку Америки, так и хочется назвать «младший брат бобра». Она и внешне несколько на него похожа, и хатки строит на воде с входом в них из воды. Но на этом сходство и кончается, удивительных плотин она не делает. И по сообразительности от прочих мелких грызунов не отличается.

Ценная шкурка ондатры обратила на себя внимание европейцев, и чехи ещё в 1908 году привезли и выпустили под Прагой всего десять пар зверьков. Посмотреть, что выйдет. Вышло: через десять лет в Чехии их оказалось около двух миллионов, а ещё через пятнадцать лет ондатра заселила в Западной Европе двести тысяч квадратных километров. И тут европейцы в ряде стран буквально схватились за голову. В Германии, Франции, Бельгии, Польше и особенно в Голландии ондатры не строят, а разрушают берега каналов. Голландия почти вся лежит ниже уровня моря, защищённая от него плотинами и дамбами. Проворные лапки неутомимых ондатр копают в них ходы и тем угрожают затопить страну морской водой. Теперь

Голландия платит большие премии охотникам за ондатрами. В 1974 году там добыли пятьдесят три тысячи «американок», во Франции работает «Национальный комитет по борьбе с ондатрой» (на это выделяется миллион франков в год).

Что же из себя представляет этот зверёк, который сумел наделать столько бед в Западной Европе, а нам приносит большую выгоду, хотя тоже не без хлопот.

Среди своих близких родственников — полёвок — он, можно сказать, гигант: весом до двух килограммов. Не только шкурку, нежное мясо его в США очень ценят. Видом на бобра смахивает, но хвост длинный, тонкий, крысиный. Зато рот закрывает, как бобёр: резцы торчат снаружи, и грызть может под водой, не открывая рта — не захлебнёшься. Голова круглая, не крысиная, тело округлое, на низких ножках. На задних — перепонки, гребёт ими в воде, как вёслами, а передние к груди прижаты. Плывёт не очень проворно, зато под водой двенадцать минут пробыть может.

Шкурка красивая, сверху коричневая, изредка чёрная, брюшко сероватое. Волосы подпуши не только густые, на концах ещё извитые, такой мех в воде не промокает, весь серебрится пузырьками воздуха. А вылезет ондатра на берег, отряхнётся и опять суха. На всякий случай ещё расчешет волосы и смажет жиром, как бобр. Зимой засыпать ондатрам ни к чему. Хатка на кочке, уменьшенная (и ухудшенная) копия бобровой, или норка в обрывистом берегу зимой пригревает не только семью хозяев, но и охотно чужих принимает — вместе теплее. И выходить на лёд незачем. Кормовые растения тут же подо льдом, запасов делать не надо. Покушал — и опять в хатку.

Сурки

Спит, как сурок. Поговорка эта сохранилась, а самого зверька теперь редко кто видел. В Красную книгу он занесён. Но это одно мало помогло бы. В Татарии помогли делом. Организованы заказники по сурку и установлен строгий контроль — защита от бродячих собак и браконьеров. Первый заказник — Шугуровский в Лениногорском районе. Сурков в нём несколько тысяч, и живут они там издавна. Недаром две близкие деревни называются Старое и Новое Суркино. Сурки — зверьки невзыскательные, плодятся быстро, еды хватает: на непаханой целине живут, сами щедро её удобряют и тут же семена от съеденных растений подсеивают. Спелые семена не перевариваются в желудке, тут же около норок попадают на землю и потом прорастают. Поэтому кучи земли вокруг нор выделяются зеленью.

Госохотинспекция начала отлов и расселение зверьков из

Шугуровского и Азнакаевского заказников в другие районы. В 1981 году отловили 168 сурков и расселили в Янтыковском и Бавлинском заказниках, а также в Верхнеуслонском районе. В 1982 году 200 сурков было перевезено в Бугульминский, Высокогорский и Бавлинский районы, в специальные заказники. Копать сурки и сами мастера. Как прижились они на новых местах — увидим.

Сурку, родственнику белки, по виду далеко до беличьего изящества. Весит он до десяти килограммов, тело длинное, неуклюжее, на коротких ногах, голова небольшая, сплющенная, цвет шкурки песочно-жёлтый, на спине темнее. Шкурка не нарядная, но тёплая, прочная. Скорняки так научились её обрабатывать, что получается настоящий «котик». Хорошо и жирное мясо сурка. А средств защиты у зверька, кроме большой осторожности, никаких. Поэтому в заказниках так бдительно охраняют его егеря и общественные охотинспектора.

Просыпаться весной сурки не торопятся. Восемь-девять месяцев в году проводят в сладком сне. Вот уже и молодая травка кое-где на пригорках поднимается, а заспанные мордочки только выглядывают из норок между сурчинами (кучи земли, вынесенные наверх, когда копалась нора). Любят сурки спать. Температура тела при этом сильно падает, дыхание едва заметно, буди не добудишься в конце глубокой норы. Зимой в неё пробирается только главный враг: степной хорь, узкий, длинный и ловкий. За время сна от толстого слоя жира, что запасливый сурок накопил с осени на зимовку, чаще всего ничего не остаётся. Даже тёплая шубка сминается, висит складками на боках и на животе.

Спят сурки в норе всей семьёй: родители, дети этого лета и подростки-годовички. Наблюдения за мечеными сурками показали, что часть годовиков уходят из своей семьи и залегают на спячку с чужой. А своя семья тоже чужих приёмышей на спячку принимает. Почему? Этого пока не знаем.

Рыбы

Весна по земле прошла, по воздуху пронеслась, с талой водой под лёд на реках и озёрах заглянула. Не зимняя это вода, а полная кислорода — дыхания жизни. Рыбаки-зимаки вздыхают, скоро кончится их работа часами сидеть на ящике у лунки, подёргивать леску, дразнить сонную рыбу, очумевшую за долгую зиму от недостатка кислорода.

Сначала, точно крадучись, пробираются под лёд с берега маленькие робкие струйки мутной талой воды. Не так ещё тепла эта вода, но пока по земле струйками пробиралась, кислородом напиталась. Вскоре она начинает отжимать лёд от берегов, всё больше, больше, и вот навстречу ей рыбы зашевелились, а те, что в глубоких ямах дремали, стирают с боков (трутся о камни) толстый слой слизи — зимнюю шубу и тоже подходят ближе к берегу, где в воде кислорода больше. Река ещё не вскрылась, но подо льдом против течения уже готовится рыбий весенний ход. Метать икру рыба идёт от мест зимовки ближе к верховьям рек.

Нерест наступает у всех пород рыб в определённом порядке. Щука нерестится, когда вода прогреется до 4–6°, лещ нерестится при температуре 12–16°, карась — при 15–20°, сазан и сом — при 18–20°, линь — при 20–22° тепла. Но совпадают ли эти цифры всегда с определёнными числами на календаре? Конечно, нет. Мы уже говорили, что погода — самая неустойчивая величина, так же как и границы между месяцами. Весна может быть ранней или поздней. Поэтому некоторые тонкие наблюдатели природы отмечают: щука нерестится, когда зацветает волчье лыко, а за ней плотва и окунь — когда раскрываются почки берёзы. Мелкий лещ подождёт, пока и листики её начнут разворачиваться, лещ средний — когда и черёмуха зацветёт, а крупному лещу нужно такое тепло, когда и рожь заколосится. Сому нужно, чтобы шиповник зацвёл.

Надо заметить, что у одних рыб, у щуки, например, икрометание представляет собой как бы стремление освободиться от икры. Интересно проследить, как у различных видов рыб в разной форме проявляется инстинктивная забота о выборе и даже подготовке подходящего места для откладки икры, защите его и даже устройстве настоящего гнезда, даже лучшего, чем у многих птиц. Некоторые виды рыб защищают мальков в течение более или менее длительного срока. Причём, все эти удивительные качества проявляются не у матерей, а у отцов. Развитие отцовского инстинкта идёт как бы параллельно с уменьшением количества икринок. Невольно приходит мысль: уж не потому ли

начали бедные самцы заботиться о детках, чтобы не вымер их род? Разумеется, нет. Причины, вызвавшие когда-то отцовскую заботу о потомстве, относятся к области, в которую мы здесь заглядывать не можем. Достаточно сказать, что малоплодовитые и не заботливые виды просто не дожили до нашего времени. Огромная смертность молоди, от икринок до мальков, не восполненная большой плодовитостью, привела к гибели плохо приспособленные виды. Выжить при малой плодовитости сумели только те, у которых эта малая плодовитость совпала с отцовской заботой.

Щука

В нашей полосе нерест начинает щука, она же «речной волк».

Щука прекрасно приспособлена к волчьей роли. Зубов у неё столько, что невольно удивляешься: неужели они ей самой не мешают? Зубы на челюстях, на жаберных дугах, на нёбе и в глотке, даже на языке! Одни рассасываются, на смену вырастают другие, так что всегда найдётся чем ухватить, что ей требуется. Щука и зимой на охоте промаху не давала. А как почуяла, что апрель на дворе, снеговицы, пропитанной кислородом, глотнула, аппетит у неё удвоился: надо про запас накормиться, чтобы потом, когда разольётся вода по лугам, прогреется, в этой тёплой воде одним о траву тереться — икру выпускать, а другим — молоками её поливать.

Сразу после ледохода и пошли из русла реки «речные волки». Иногда повезёт, попадут которые-нибудь в пруды, в озёра, временно соединившиеся разливом с рекой, но, как правило, они идут в луга, там вода лучше прогревается. Спадёт где вода — икра обсохнет на траве, пропадёт, если не съедят её все, кому захочется. Но щука не заботится о потомстве.

В местах, откуда вода скатывается в русло обратно, если успеют мальки вывестись и с водой уйти в реку — их счастье. Иногда утки весной покормятся на таком лугу, и несколько икринок приклеится к их лапкам. Перелетит утка в другое озеро — вот и переселила редких счастливцев. Но обычно, в ямах, ямках, временных заливах, не имеющих стока и летом пересыхающих, вода превращается в кашу из отчаянно мечущихся мальков. Сколько-то их будет съедено кем-то, остальных ждёт просто гибель, если не помогут люди. Пионеры, школьники многое могут сделать. Где канаву к реке проведут, воду с мальками в реку спустят, а где просто вёдрами, чем попало осторожно зачерпнут живую кашицу и перенесут в речную воду. Спасителям потом весело будет с удочкой у речки постоять, когда

спасённые подрастут.

В коварных низинах и ямах на лугах, когда уйдёт вода, часто высыхают и гибнут не только икра и мальки. Щуки, иногда очень крупные, запоздают, беспомощно бьются, лёжа на боку, в таких низинах, из которых мелкие щучки ещё могли бы ускользнуть. Находка для собак и лисиц, которые бродят в поисках «каши» из мальков, но не откажутся и от крупной добычи. Со щукой, которую вы, ребята, потащите к реке, советуем обращаться с осторожностью, это не беспомощный окунь или плотвичка. Неблагодарный «речной волк» уж как-нибудь постарается цапнуть спасителя за руку или за ногу. Зато спасённая крупная щука ещё много лет будет оставлять на лугах по миллиону икринок. Она потому и выросла, что оказалась хитрее других и не соблазнялась ни блесной, ни прочими рыбачьими уловками.

Кончив нерест, щука возвращается в реку и тут-то показывает, что значит настоящий аппетит. Как настоящий волк, она затаивается в камышах, высокой траве и молнией налетает на жертву. Редко промахнётся.

Я знаю такой случай. Охотник подстрелил крупную крякву, смотрит — небольшая щучка так крепко вцепилась в утиную ногу, что только на земле от неё отвалилась и даже попробовала охотника за палец схватить! Не отстают в жадности и крошечные, едва начинающие охоту мальки. Из икры они, даже в тёплых местах, вылупляются в мае. Правда, не сразу. Первую неделю они не проявляют никакого аппетита, потому что у новорождённого щурёнка на животе есть мешочек, полный питательного желтка. Вылупился детёныш — и прицепился к любому подводному листику. Висит неделю, желтком сыт, никакой другой еды ему не надо, лишь бы самого кто-нибудь не съел. У щурят, как у некоторых других мальков, даже нет стремления сразу спрятаться.

Но вот желточный мешок опустел. К этому времени у щурёнка-малька и рот прорезался и желудок появился. Это уже маленький хищник. Благо, что кругом еда, крохотная водяная живность, только не зевай. Он и не зевает.

Жадность щуки всех возрастов поразительна. Как-то наловил мой сын на лугу в пересыхающей луже целую банку щурят величиной с мизинец.

— Я, — говорит, — их в наш пруд завтра выпущу, пускай разводятся.

Наутро смотрим — что такое? С вечера были щурята как щурята, а теперь плавают какие-то странные: хвосты с двух концов, а ни одной головы не видно. Это ночью они проголодались, друг на друга набросились и попарно друг друга

заглотали.

Если малыши такие жадные, то каковы крупные щуки в 1,5 м длиной и весом до 40 кг. Они могут быть опасны даже для уток и белок, при переселении переплывающих реку. Бывают, как редкость, щуки возраста до 35 лет. Они живут в легендах и охотничьих рассказах.

Л. П. Сабанеев («Жизнь и ловля пресноводных рыб») пишет что под Москвой при чистке царицынских прудов, в 18 веке поймали щуку с золотым кольцом в жаберной крышке с надписью: «Посадил царь Борис Фёдорович».

Окунь

Распускаются почки на берёзе, температура воды поднимается к 15 градусам, и окунь (он не спал всю зиму) особенно оживился. Пора нерест начинать, за щукой рыбью жизнь в реках и озёрах продолжать. Молодые начинают первыми, постарше припаздывают. Но икру окунь не вразброс, где попало, бросает, как щука, а длинными студенистыми трубками, как прозрачными лентами, украшает коряги, прошлогоднюю траву в разливе у самой воды. Икринки расположены в ячейках трубы. Ленты извиваются по течению, хорошо омываются проточной водой. Чем крупнее самка, тем длиннее лента и, следовательно, в ней больше икринок. Самые длинные ленты-трубки откладываются на большей глубине, плодовитость больших самок до 900 тысяч икринок. Дальнейшей заботы от мамы-окуня, как и у щуки, детям ждать не приходится. Но у каждого малька есть питательный запас: желток с жировой каплей. Икринкам и малькам окуня угрожает меньше опасностей от обсыхания и нападения от наземных хищников (бродячие собаки) и различных птиц, чем у путешественницы по лугам — щуки. Студенистое вещество лент также надёжно защищает икру от страшного плесневого грибка сапролегнии и от некоторых водяных врагов (рыб и беспозвоночных). Первое время мальки скромно кормятся зоопланктоном. Но дорастут до 10-ти см длиной и уже показывают свою настоящую природу: беда малькам, которые по росту для них подходящая пища. Годятся и недоростки своей же породы. Причём, пищу окунь (уже повзрослевший) расходует менее выгодно (для нас), чем, например, щука: чтобы прибавить в весе на 1 кг, окунь съедает 4,9 кг рыбы, а щука — только 3,5 кг.

Прожорлив окунь на удивление и, куда ни попадёт, быстро разводится. Часто полезен для местных жителей, которые его ловят в большом количестве, да и любителям уженья отрада: ловится круглый год любыми снастями. Так жаден, что,

сорвавшись с крючка, тут же снова на него попадает. Раз крючок случайно зацепил крупного окуни за глаз. Вырванный глаз остался на крючке, окунь уплыл. Рыбак решил закинуть леску с этой необыкновенной приманкой. Закинул… и тут же поймал на неё бывшего хозяина глаза. Аппетит у того, как видно, не пропал. Правда, окунь как будто полезен тем, что его икрой, молодью и самими взрослыми рыбами (не самыми крупными) кормятся ценные породы рыб: сом, судак, лещ, карп, налим. Но он, ещё более проворно, сам поедает их молодь и икру. Поэтому в местах, где разводятся ценные рыбы, объявляется поход на окуня. В срок, когда ему пора метать икру, ему спускают в воду еловые лапы, пучки мочала и т. п. Полосатые красавцы старательно их украшают длинными лентами икры и больше о них не заботятся. А ленты эти легко вынуть и тем сократить количество обжор до желательного уровня.

Плотва

Плотва, плотица, она же в других местах и серебрянка, и красноглазка — по оранжевому глазу с красным пятнышком в верхней части. Нерест у неё примерно в одно время с окунем: конец апреля — начало мая. В охране икры и молоди плотва от окуня не отличается, икру вымётывает прямо на залитую весенней водой прошлогоднюю растительность, при этом шумно плещется. Но удивительное рядом, сумей только разглядеть. Пустили плотиц в достаточно широкий аквариум. Оказалось, самец выбирает и охраняет территорию, в центре которой находится пучок осоки или другой травы, на котором намечается откладка икры. Затем следует ухаживание и наконец сигнал готовности со стороны самки. Тогда, держась бок о бок, они с силой совершают бросок сквозь намеченный пучок травы. Икра и молоки вылетают так стремительно, что часть икры попадает на растения вне воды, на которых она обсыхает, гибнет.

Весенний танец кончен, дальше мальки заботятся о себе сами. Плодовитостью плотва от щуки всё же отстала: до 8500 икринок. Однако и это много.

Уклейка

Самый забавный случай равнодушия к своему потомству можно наблюдать на вездесущей уклейке — маленькой серебристой рыбке около 15 см длиной. Берёт на любую наживку. Икру метать рыбки собираются целым роем. Однажды известный натуралист Н. Сладков подсмотрел: вокруг большого куста

элодеи в пруду собралась, точно на праздник, стая гостей: окуни, плотицы, ерши. Хозяева праздника, уклейки, в центре вились около элодеи, точно праздничную ёлку осыпали жёлтыми шариками икринок. Гости не зевали: тут же наперегонки хватали их и поедали. Хозяева-уклейки не смущались, навешивали на зелёные веточки всё новые золотистые игрушки. Они кружились в своём удивительном любовном хороводе несколько дней, пока истощился запас икринок, и незаметно уплыли. А гости пировали ещё несколько дней. Такой грустный конец пляски, подсмотренной Н. Сладковым, не беда в жизни уклейки. Икру она откладывает несколько раз и живёт и благоденствует. Не всегда же хищникам выпадает удача присутствовать на уклейкином празднике, и молоди вырастает достаточно.

Судак

Самый крупный и самый ценный из семейства окунёвых — судак. Как и все родственники, — хищный, имеет сильные клыки на челюстях. Но, пойманный, он их в ход не пускает. Яркой раскраски окуня у него нет, весь зеленовато-серый с черноватыми полосами. У него уже намечается инстинкт заботы о потомстве, притом отцовской. Место для нереста находит самец, очищает его от ила, промывает икру сильными взмахами грудных плавников и не подпускает к ней других судаков. Только судаков. Кругом обычно крутятся плотва, окуни, даже колюшка и, разумеется, не с похвальными намерениями. Он их просто не замечает. Мало того, плотва. часто подкрадывается к гнезду и подкидывает в него порцию своей икры. Судак с этой рыбьей кукушкой не спорит, продолжает охранять гнездо целиком. Если почему-либо настоящий отец исчез, его иногда заменяет другой судак.

В выборе нерестилища судак не капризен, ему можно предложить и еловый лапник и мочалу, вообще искусственные нерестилища, и самка откладывает на них икру. Затем их можно перевозить с икрой в другие места. Это чрезвычайно важно, так как судак ценная промысловая рыба. Питается он мелкой рыбёшкой (ёрш, окунь, плотва, уклейка) и, чтобы нагулять вес в 1 кг, поедает всего 3,3 кг малоценной рыбы, то есть гораздо меньше, чем требуется щуке (3,5 кг) и окуню (4,9 кг).

Рыбий язык

Мы много рассказали о рыбах, а о самом интересном забыли. О чём же? О рыбьем языке.

Но как же, удивитесь вы, ведь издавна говорится: «Нем, как

рыба». Ну да мало ли чего раньше не знали. Рыбий язык открыт сравнительно недавно.

Наши уши слышат звуки только определённой частоты. Хорошо это или плохо? Хорошо! Для нас спасение, защита организма. Слышать всё — значит погибнуть от перенапряжения нервов. Подумать только! Воздух вокруг дрожит от разговоров: говорят насекомые, призывая или отпугивая друг друга, говорят летучие мыши, я эхо собственного голоса указывает им, где препятствие, а где вкусное насекомое. Да мало ли кто ещё говорит, по-своему кричит о своих делах. Слышать, узнавать об этом мы можем только с помощью специальных приборов. Мы узнали, что в этом хоре не уступают в болтливости и «немые» рыбы. Теперь уже много интересного знают о них учёные. Оказывается, рыбы зовут друг друга, угрожают, дают сигнал «опасность! всем разбежаться!» и т. д. Подслушают люди эти рыбьи разговоры и с помощью аппаратов сзывают рыб целыми косяками прямо в сети.

У каждого вида свой язык. Причём, у рыб одного вида, живущих в разных местах, скажем, одни у берегов Америки, другие у берегов Европы, язык несколько отличается, как бы различные диалекты наблюдаются.

Г. Гецов перечисляет ряд записанных на плёнку «разговоров» некоторых рыб, слышимых без аппаратов, правда, кроме плотвы, не наших: плотва, вынутая из воды, пищит, ставрида щёлкает челюстями, морской петух и имя получил по крику: кудахчет, рыба-жаба из Атлантики хрюкает, как свинья, и громко гудит. На Азовском море бычок-отец строит гнездо и при этом рычит так грозно, что соперники и не пробуют к гнезду приблизиться. Разговоры же, которые мы слышим вооружённым ухом, интереснее и разнообразнее.

АПРЕЛЬ

Идут по улице серьёзные, положительные люди, а вокруг мальчишки суетятся, то и дело кричат:

— Бабушка, платочек уронила!

Небольшая эта хитрость, но бабушка добрая, нарочно как будто пугается:

— Ох, где же это я его потеряла?!

А озорники хохочут-заливаются:

— Первый апрель, никому не верь!

Им невдомёк, что бабушка для первого апреля их тоже обманула. Все довольны, всем хорошо.

Но совсем уж нехорошо, когда и сам апрель всех и тоже ловко обманет.

Апрель слово латинское, римляне его называли априлис, от глагола «аперире» — открывать. Месяц, открывающий весну, тёплое, лучшее время года. И славяне называли его цветень — месяц, в который всё зацветает. К сожалению, на нашей широте первое апреля иногда тоже оборачивается днём шутки, но плохой: вдруг захолодает, а то и снегом, хоть ненадолго, припорошит. Но и в плохой год апрель с мартом не сравнить: проталин всё больше, зима свои последние сугробы, похудевшие, осевшие, в

лесную глушь запрятывает. Правда, за городом, где нет асфальта, ни пройти, ни проехать: и саням плохо, и колесу нехорошо. И всё-таки апрель двери весне, хоть и с задержкой, а отворяет. Весна, когда бы ни наступила, ранняя она или поздняя, всегда движется одним путём: с юга на север. Одни и те же картины повторяются со скоростью приблизительно 50 км в сутки. Сегодня появились у нас грачи или расцвели подснежники, завтра та же встреча на 50 км севернее. Можно по телефону передавать приятелю, что живёт на эти 50 км севернее: у нас на берёзах почки набухают, или — у нас барсук из норы выглянул, глаза протирает. И у вас то же скоро будет. Ждите.

Понятно, почему старинные русские названия одного и того же месяца в разных местах различны. Велика русская земля, и весна, двигаясь по ней, в разных местах в один срок по-разному проявляется. Поэтому весенний месяц назывался в одних местах квитень, т. е. цветущий, а в других — березень, т. е. месяц, в который распускаются берёзы. Называли его и брезозол, т. е. как бы злой месяц для берёз, которые в то время в тех местах рубили, при подсечном хозяйстве расчищали место для будущего поля.

Хороша, радостна эта волна весеннего продвижения жизни, летящая на север. «Музыкой сфер» называл её много веков тому назад великий древний грек Пифагор. Звучит эта музыка в весеннем шуме леса, в весёлом голоске трясогузки-ледоломки, даже в сонных вздохах медведя в берлоге. Пыхтит недовольно Михайло Потапыч, разоспался, и сам не знает, радостен ли ему весёлый зов природы. Может быть, ещё понежиться? Нет, пора вставать, весна зовёт.

По весенним приметам и люди издавна ход своих сельскохозяйственных работ строили. Так иной дед век свой с сохой матушку землю к севу готовил, потом сын на плуг перешёл, а внук, глянь, уже к трактору приладился. А старик всё же по-старому и для трактора сроки поверяет, говорит: лиловые колокольчики сон-травы в лесу зацвели. Знак что сохе, что трактору один: пахать пора, прогрелась земля. «Парь пар в апреле — будешь с урожаем. Опоздаешь — промаешься даром». По-настоящему мудра народная мудрость!

По-весеннему запели не только синицы, славит весну и чижик, радуется, что перезимовал. А крошечный королёк ещё выше задрал задорный хвостик, выскочит откуда-то на кучу хвороста и зальётся. Песенка простая, но так весело поёт наша самая крошечная певчая пичуга. Теплее становится уже безморозная ночь и, наконец, вот они, долгожданные, не гости, а свои птицы возвращаются, без которых и лес не радует, и поле и речка не веселят.

Когда настоящий перелёт начнётся, выходите тихой ночью на крыльцо, прислушайтесь.

Кажется, сам воздух звенит и летит в нетерпении навстречу весне, навстречу просыпающейся жизни! Темнота не спит, живёт, тысячами голосов переговаривается. Тонкий нежный свист слышится — стайки мелких куличков проносятся. Хрипловато им самый большой кулик-кроншнеп откликнулся.

Дрозды летят певчие, рябинники, каждый свой голос подаёт: «Ой, тороплюсь!»

Бекас дроздам не пара, голос не тот, в хоре и певучие и не певучие голоса смешались — не разберёшь, кто своих окликает, а кто — просто радуется: ближе, ближе родные места!

Так чисто, чудесно прозвучал и самый нежный высокий голосок, его ни с каким не спутаешь: жаворонки пролетели. А вдруг что-то громко заскрипело, вроде немазаной телеги. Цапли? Какие — не разберёшь, голоса у них уж совсем не благозвучны. Но в этом радостном хоре весенней ночи и они хороши, и они радуют сердце.

Высоко в ночном воздухе краса нашей природы — лебеди откликнулись. Ближе, ближе, но вот уже дальше, дальше… и растаяли, стихли серебряные трубы, и нет их. Другие голоса тоже тают вдали, так что и не уловить минуты последнего прощания. Гуси, разные, но не к нам, пролётные! Обеднела наша земля удобными для них уединёнными местами, где и корма вдосталь, и детей растить спокойно. Но вот высоко в небе новый далёкий таинственный трубный звук. У кого не дрогнет сердце, кто не остановится, не послушает в молчании: пролетели журавли.

Услышать в небе голос журавлей легче, чем увидеть этих чудесных птиц. Они осторожны, умны, хотя им как будто бояться некого, кроме людей. Охота на журавлей запрещена. Но знают они об этом или нет, а на диво осторожны. Опустились на землю, сторожа уже на местах. Голоден сторож, заманчиво кормятся около него остальные, но он и зёрнышка не склюнет, пока не станет на его место другой.

Не то малые птахи, беспомощные, неорганизованные. Их по дороге домой всякий хищник обидеть может. Ястреб-перепелятник так и приноровился: осенью с ними улетает, а весной за ними же летит обратно — вот она, еда, в дороге и искать не нужно.

Сокол-сапсан, могучий охотник, тоже как пастух своё стадо пасёт: за перелётными утками летит, себе по вкусу выбирает.

Ещё раз чарующе прозвенели высоко серебряные трубы и смолкли вдали. Опять лебеди-кликуны, увы, и они не к нам, пролётные, на далёкий Кольский полуостров за Архангельск.

Услышим мы их опять только осенью, обратно пролетят на зимовку с молодыми.

Пройдут ещё не одна ночь и не один день, на разливах спустятся, отдохнут пролётные дикие утки и гуси. Порой встрепенутся, жалобно отзовутся им домашние гуси, но погрузнело в сытой неволе тело, ослабели крылья…

Ещё в конце прошлого века в Татарии гнездились и лебеди и гуси различных видов. Теперь остались верны нам утки, и то не всё: в основном, кряквы и чирки-свистунки. Но весенняя охота на селезней уток, вальдшнепов и тетеревов теперь строго регламентирована.

Мелкие певчие птички летят ночью невысоко над землёй и всё время переговариваются: может быть, им просто веселее чувствовать, что летят не в одиночку?

Мчатся они из Африки через Средиземное море. Кто долетит, а у кого сил не хватит, опустится в морские волны. Кто и море одолеет, да итальянцам в сети попадётся, те и соловья не пожалеют — зажарят и съедят.

Часто разные виды летят вперемежку. Немногие угрюмые отшельники путешествуют поодиночке и втихомолку, например, кукушки. Они и осенью улетают от нас молчком и в одиночку: семьи у них нет, каждый кукушонок вырос в чужом гнезде и ни приёмными, ни настоящими родителями не интересуется. Молчком, в одиночку возвращается на родину и коростель. Его летним вечером в лугах, на полях многие не раз слышали. А вот увидеть вряд ли приходилось. Летает он неохотно и от человека не летит, а бежит пешком, да так проворно, никак не догонишь. Бежит и на ходу поскрипывает, словно немазаное колесо: дерг! За это и зовут его ещё дергач. Зимует он в Центральной Африке. Уж не бежит ли он и туда пешком, а на крыло поднимается только по необходимости? Средиземное море да и реки на пути не переплывёшь. Теперь выяснено, что в дальнюю дорогу этот пешеход-любитель всё-таки пускается лётом. Но молчком. Его «дёрг» в весеннем хоре не слышится.

Могучий аист тоже из Африки летит, но крылья бережёт: летит не через море, а в обход, через Гибралтарский пролив или через Сирию и Египет. Его мощные крылья к длительному полёту не приспособлены. Зато аист, как никто, владеет искусством планирования. Он хоть и выбирает дорогу более длинную, но по воздушным потокам, которые его несут, куда надо, и без затраты сил.

Летят птицы. И везде на голос птичьих стай откликается голос воды: по снегу и под снегом шумит апрель-водолей. Ручьи текут, готовится ледоход, вот-вот вскроются реки. Скоро в местах

зимовок ни одной нашей птицы не останется. Ещё не долетели, но все уже на крыле. В разное время они пустились в полёт. Кто далеко зимовал — раньше торопится обратно, чтобы к своему сроку не опоздать. Аисты, стрижи, кукушки на самый юг Африки осенью забрались, отдохнули пару месяцев и скорее обратно домой.

На зимовках нашим птицам жилось неплохо: тепла и еды хватало. Причём, жители тех мест даже не подозревают, какие удивительные певцы к ним прилетают: соловьи, зяблики, малиновки. В местах зимовок они скачут и клюют, что кому нравится, и просто чирикают. Ничего особенно красивого в этом чириканье нет. Свои чудесные звонкие песни они запевают, только вернувшись к нам, на родину, в те сады и леса, из которых они улетели осенью на чужую сторону. Сроки прилёта и отлёта каждого вида не точно совпадают с нашим календарём: иногда несколько раньше средней цифры, иногда — позже. Например, средний срок прилёта грачей в Казань — 20 марта, но могут, в очень раннюю весну, и раньше прилететь, в начале марта, а то и задержаться до начала апреля. Но кому за кем лететь — тут ошибки не бывает. Всегда кукушка и стриж являются позже, чем зяблик. Потому что каждый вид птиц улетает от нас, когда исчезает нужный ему корм, и появляется весной, когда корм готов. Перелётные — в основном птицы насекомоядные. Таковы и стриж и зяблик. Но зяблик и мушку на дереве словит, и червяка подхватит на земле, а кроме того, и зёрнышко склюнет и сыт — чем-нибудь да прокормится. А стриж только летучих насекомых ловит, а те в воздух поднимутся, когда совсем уже тепло. Нельзя ему прилетать раньше зяблика.

Но как даже в далёкой Африке птицы чувствуют, что на севере залетали мушки для стрижей, заползали жирные волосатые гусеницы — кукушкина утеха? Прилетят слишком рано — голод и холод, опоздают — дети не успеют подрасти для перелёта в далёкие края. Кто же им даёт сигнал к отправке?

Сам организм птицы, когда он готов откладывать яйца, выводить детей. Птицей овладевает беспокойство. Ей и африканские мушки и червячки уже не милы, она снимается с места и летит. Но выживают и детей успевают вырастить только те птицы, которым их организм сигналит правильно и сам организм к сигналу подготовлен. Например, осенью молодые и старые кукушки улетают в Африку. Весной, в апреле, они собираются лететь обратно на родину. Но не все. Летят кукушки, которым не меньше двух лет. Они уже способны откладывать яйца. А молодые, прошлогодние, к этому ещё не готовы. Их инстинкт не зовёт обратно лететь на родину. Они спокойно

остаются в Африке, прилетят к нам только на следующую весну.

Много сотен лет понадобилось для того, чтобы выяснить, куда именно какие птицы улетают.

Ещё сам великий Аристотель считал, что ласточки осенью закапываются в ил на дне прудов, а кукушка на зиму превращается в ястреба. Правда, она на ястреба очень похожа, даже садится на ветку по-ястребиному, а деревенские ласточки иногда летом забираются в срубы колодцев.

Понемногу истина прояснялась. Наблюдали, как стаи птиц осенью летят через Средиземное море, весной летят через него же обратно. В 1922 году в Германии поймали аиста, в шее его торчала стрела, какие делают только в Африке. Ну а всё-таки как узнать, откуда и куда летят пернатые?

Школьный учитель датчанин Мартене предложил пойманным птицам надевать на лапки металлические колечки с выбитым на них адресом страны и бюро кольцевания, куда следует возвращать кольцо, если птица убита. Если же птица была поймана и отпущена, кольцо на ней нужно оставить и сообщить в бюро кольцевания сведения, написанные на кольце. Кроме того, отпуская птицу, на лапку ей надо надевать ещё и своё кольцо. Поймает её или убьёт кто-нибудь — сообщит, в свою очередь, в бюро кольцевания сведения, имеющиеся на двух кольцах.

Птицы путешествуют не только по воздуху, хорошие пловцы (частики, гагары, некоторые чайки) отправляются вплавь за тысячи километров. Чернозобая гагара на зиму из Якутии уплывает в Балтийское море. Плывёт 6 тысяч километров, а весной так же возвращается в Якутию.

Другие птицы отправляются в ещё более далёкий путь. Например, ржанка из Восточной Сибири на зиму улетает в Новую Зеландию за 15 тысяч километров. Шилохвостка из Тиманской тундры летит в Египет за 7 тысяч километров.

Небольшие птицы полярные крачки, совсем удивительно, лето проводят у нас на Чукотке, за полярным кругом. Лето там холодное, иногда в июле снег выпадает, и птички лапками сгребают его, снежной стеной окружают гнездо. А на зиму они улетают хоть и на юг, но на такой же крайний, в Антарктиду, к морю Росса и Уэделла! Пролетают мимо жаркой Африки, и она их не привлекает.

Швед океанолог Кулленберг дознался, что крачки летят таким длинным да ещё извилистым путём не случайно. Они следуют за холодными течениями в океане. В них больше рыбы и рачков, а в пути важно хорошо подкормиться.

Кольцевание показало, что многие птицы в перелёте несутся со сказочной быстротой. Певчий дрозд, окольцованный осенью у

нас под Калининградом, через день был пойман во Франции, пролетев 1600 км. Скворца, окольцованного там же, через сутки поймали в Бельгии — 1200 км. Кольцевание выяснило также, что из миллиардов птиц, населяющих Землю, только одна пятая часть постоянно живёт на своей родине. Ещё пятая — перелётные, а три пятых — птицы кочующие, как наши серые вороны. Птицы северного полушария осенью от нас летят на юг. Южные, тоже как перелётные, летят на север, навстречу наступающему там лету.

Между прочим, об аистах имеется очень интересное сообщение с зоологической станции в Рио дель Оро (Западная Африка). Там аисты не меченые не желают принимать в свою стаю аистов с колечками на ногах. Меченых гонят, бьют, а если они отказываются улетать, то вожак уводит от них стаю на другое место. И меченые начали собираться в отдельные стаи: мы, мол, в вас тоже не нуждаемся! Сколько интересного, неразгаданного ещё остаётся в природе Для любознательного человека! Как неправ был некто, заявивший: «В природе всё открыто, даже читать становится неинтересно». Он-то наверняка уж ничего нового не откроет. Куда? Когда? Почему? Вопросы хитрые, и много труда положили учёные и любители природы, чтобы на них ответить. Но самый трудный вопрос ещё требует ответа: как птицы находят места зимовки? Именно те, где проводили зиму их бесчисленные предки и проведут их потомки, если стараниями людей, равнодушных к охране природы, род их не исчезнет с лица земли. Может быть, старые птицы показывают дорогу молодым? У тех птиц, которые летят одновременно, старые и молодые вместе, это, конечно, возможно. Но ведь у многих молодые улетают отдельно. А кукушки? Настоящих родителей они и в глаза не видели, а с приёмными расстаются, как только те бросят их кормить. Да и на юг осенью улетают поодиночке, а долетают куда нужно.

В поисках, ответа на этот вопрос ставилось много опытов. Так, молодые певчие птички, выращенные в клетке, как наступит срок перелёта, бьются, пытаются лететь в том направлении, в котором уже улетают их свободные друзья. И что удивительно, они каким-то образом чувствуют, что положение солнца на небе час от часа меняется, и соответственно меняют в клетке направление, когда пытаются лететь. Инстинктивно они проделывают работу, для которой на корабле морякам нужны сложные приборы.

Интересный опыт произвели в Германии с малиновками, которые всегда летят на зимовку и обратно ночью, т. е. не ориентируются по солнцу, причём безошибочно летят и молодые в свой первый перелёт. Птиц в большой клетке (осенью) поместили в планетарии. Включили лампочки — осеннее небо.

Открыли клетку. Птички сразу направились на юго-восток — в сторону своих зимних квартир. Но «звёзды» планетария быстро изменили расположение. Теперь они показывали птичкам весеннее небо, стало быть, надо лететь на северо-запад. А внутренний календарь подсказывал — летите на зимовку, т. е. на юго-восток. Птицы заметались.

Тогда экспериментаторы восстановили осеннее небо, но не целиком. Они поочерёдно тушили и зажигали на небе планетария отдельные «созвездия» и «звёзды». Исчезновение некоторых птицы совершенно не замечали, исчезновение других, даже отдельных звёзд, заставляло их теряться. Таким образом удалось установить, что самые нужные для них ориентиры — звёзды Вега, Денеб и Альтаир. Они образуют как бы треугольник — звёздную карту, которой птицы и руководствуются в пути. (Птицы видят звёзды и днём.)

Следовательно, молодёжь без стариков храбро летит по звёздам одна, направляясь впервые в места зимовки многих поколений, летевших до них. (Яркая луна мешает ночным путешественникам, как и огни большого города. Но особенно опасны яркие маяки. Тучи ослеплённых пташек сворачивают с пути и разбиваются с разлёта об их сияющие крепкие стёкла.)

Другой учёный, Зауер, повторил первую часть опыта с группой молодых славок. Птички тоже- послушно летели в планетарии то на северо-запад, то на юго-восток, повинуясь указаниям «неба» планетария. При этом выяснилось, что для птиц, побывавших на зимовках, большую роль играет и узнавание ориентиров на знакомых уже местах.

А вот результаты ещё одного опыта. Яйца кряквы из Англии были на самолёте перевезены в Финляндию. Там их удалось подложить в гнездо дикой кряквы. Вывелись утята. Их окольцевали и отпустили. Осенью они улетели на юг. А весной были пойманы не в Англии, а в Финляндии, где вывелись и выросли. Врождённого инстинкта, ведущего на родину родителей, у них не оказалось.

Известного пока много меньше, чем неизвестного. Так, наша овсянка-дубовник весной появляется на пойменных лугах Оки. Зимует она в Южном Китае, а возвращается кружным путём через Дальний Восток. Почему?

Некоторые утки из Заволжья летят от нас сначала вместе, затем часть остаётся зимовать в Заказанье, другая — в Ираке и Иране, третьи — поворачивают на запад, в Северную Турцию. Почему?

Ряд гипотез пытается разъяснить, сгладить противоречия. Не имея возможности подробно обсуждать их в этой работе, мы

изложили только известные нам по литературе факты.

Весна! Спящие пробуждаются, а кто и не спал — оживляется. Птицы, звери, растения. Каждый по-своему. Но для всех это время великих перемен.

Скромны, малозаметны мартовские струйки первой воды — снежницы. Но и они в народных поговорках отмечены. «В марте уже курица из лужицы воды напьётся», «Вода с гор потекла — весну принесла». Потихоньку март к апрелю подобрался, и тот, как ни ловок теплом обманывать, а глядишь, ручейки уже в ручьи слились, закрыты переходы и переезды через реки, вода выступила на лёд. С грохотом ломается лёд, разлились реки, затопили луга и прибрежные леса.

Много хлопот и опасностей несёт разлив всему, что бегает, ходит и ползает по земле. Только великану лосю разлив не страшен, пловец он удивительный. На каком холмике, пригорке ни застала бы его вода — куда хочет спокойно доплывёт. А вот зверю помельче трудно приходится. Маленький пригорок вдруг превратился в островок, а на нём зайцы, ёжик и мыши бестолково суетятся. Горностая тоже вода захватила, нору, в которой он зачем-то оказался, залила. И крота вода из норки выгнала. Кто пробует на кустик залезть, кто замер в испуге — никто друг на друга внимания не обращает, даже горностая и мышей общая беда породнила. Зато хищным птицам приволье: выбирай на завтрак любого зверька. Часто сердобольные люди, по примеру деда Мазая, подъедут на лодке, перевезут зайцев, ёжика, когда редкий случай представится — ондатру, а то и выхухоль.

Ещё весеннее половодье не кончилось, а над Волгой серебром засверкали белые вырезные крылья. Чайки-красавицы с зимовки на родину вернулись. Всем хороши, вот только голоса у них не под стать красоте и ловкости. Ну, не будем слишком требовательны. Глаза радуются на чаечный балет. То одна, то другая скользнёт над самой водой и опять уже, словно играя, вверх умчалась. Танец не для веселья: рыбёшку чайка высмотрела. А рыбёшек пока не так и много, пока насытишься — напляшешься. Но чайки сумели приспособиться. На отмелях, где совсем мелко, и беззубку подберут, а где у воды — и лягушку, и в поле умчатся: мышь, полёвку схватят и — кто бы мог подумать? — за трактором, шумом не смущаясь, червяка, личинку подхватят. Подкормились красавицы с утра, теперь можно и отдохнуть на песчаной каменистой косе, где кустики лозы уют создают, перелёт с зимовки и для их вырезных крыльев утомителен был. Опять подкормятся и на ночлег устроятся — чаще всего в тихом заболоченном месте, где они вскоре целой колонией загнездятся. Дружные птицы. Знают, что к колонии

любому хищнику подступиться трудно. Криком оглушат, крыльями забьют и жидким зловонным помётом обольют. Ни яйца, ни птенца грабителю не захочется, лишь бы убраться поскорее.

Лес ещё стоит прозрачный, листики не смеют выглянуть из смоляных колыбелек, а деревья уже зацветают.

Как зацветают? Где же цветы? Правда, наши деревья весной не радуют глаз ни яркими цветами, ни чудесным ароматом (липа не в счёт, она цветёт и благоухает позже, летом). Скромные серёжки, всю зиму почти незаметные, теперь выросли, окрасились, и вот уже ветер разносит животворящую пыльцу с крохотных тычинок мужских серёжек на крохотные пестики — женских. Происходит незаметное глазу чудо. Рождается семя — зародыш будущего великолепного дерева.

Цветут-пылят осина, ольха, орешник. Верба первой празднует весну. Её белые барашки уже раньше сбросили тёплые тёмные колпачки, но пока не зацветают, а только красуются, яркие, перед скромными серёжками других деревьев. Скоро длинные золотые нити пыльников высунутся из барашков и зацветут. Ива растение двудомное: женские невзрачные цветочки зацветают на других кустах. Как крошечные зелёные ёжики, сидят они на ветках, ждут пыльцы.

Насекомые! Вот кто и пыльцу соберёт, и на приятный аромат нектара на женские цветочки перелетит, полные зобики нектара наберёт, а заодно иве услужит: цветочки опылит. Пыльца — питательный корм пчёлам, шмелям. Как им самим, так и личинкам, которые выйдут из яичек, уже отложенных маткой, и очень голодны. Пир начинается у всех разбуженных тёплыми лучами насекомых.

Природа предусмотрительна: деревья цветут, пока листья, скрытые под колпачками-чешуйками, не мешают ветру творить своё важное дело — опыление. Скромные цветочки ивы опыляются не ветром, а насекомыми, и насекомым легче находить эти крошечные женские цветы, пока они не скрыты листвой.

Деревья цветут, семена, зародившиеся этой весной, созревают и упадут на землю только будущей весной. А сейчас, как и цветы, на весну отзываются даже тонкие веточки деревьев. По-весеннему лиловеют они, тронутые солнечным загаром, а кора осины зеленеет, и не заметишь, в какой день словно лёгкой зелёной дымкой закутаются нежные берёзки. Это ещё не развернулись крохотные листочки, но уже одним глазком выглянули из набухающих весенним соком почек. Последние зимние сны они досматривают на ещё по-зимнему голых ветках деревьев.

Надёжно уберегли их от морозов плотные почечные чешуйки. Живительный сок и зимой доходил до них, но скупо, размеренно, сколько нужно, чтобы поддержать дремлющую жизнь. А теперь льётся он щедро от корней до каждой веточки, до каждой почки, будит жизнь каждого листочка. Сильным клювом лакомка дятел добирается до волшебной влаги. Удар по белой коре, ещё и ещё, ствол кольцом опоясан рядом отверстий. Жадно пьёт дятел берёзовый сок, знает ему цену. А за ним и белка на готовый пир спешит. Напились и по своим делам направились. Сок льётся из открытых ранок, и на солнечном пригреве бабочки, жуки, мухи собрались его долизывать. Синичка тоже мимо не пролетит. Но это дятел, белка, синичка и насекомые. Они сладкого сока берёзы и остролистного клёна напьются, сколько им нужно, и, право, веками сбалансированная общая жизнь леса и птиц от этого не нарушится. А вот почитайте-ка: «Если не рубить дерево варварски, осторожно просверлять в стволе отверстие диаметром 1 см и глубиной 3–4 см и, набрав сока, осторожно замазать, вред дереву будет меньше, чем от грубого надруба топором». Так утешают нас авторы массовой заготовки берёзового сока. А мы смотрим на банки этого сока в магазинах и всё больше расстраиваемся. Далеко не так вкусен и полезен он в стакане, как свежесобранный из раны, причинённой берёзе. Что же касается витаминов, то их больше в любом фруктовом соке, который приготовили не во вред яблоне, сливе или абрикосу. Зачем же ранить берёзу или клён, выцеживать сок, так нужный зацветающему дереву, его просыпающимся листикам, новым древесным слоям, или, оценивая практически, — кубометрам древесины, которых в этом году раненое дерево недодаст в пересчёте на гектар.

Диаметр 1 см, глубина 3–4 см. Как в аптеке.

А какая головокружительная работа проделана природой при изготовлении этого самого сока! Подумаешь, и рука не поднимется ни шёлковую берёзовую кору сверлить, ни банку из магазина домой тащить.

Апрель — месяц неожиданностей, чудесных превращений. Ещё в тени и снег лежит зернистый, но бодрящего зимнего аромата от него не чувствуется. А в редколесье, на краю соснового бора, где почва успела прогреться и вода не стоит, а также на старых вырубках, что поросли кустарником, продолжает цвести (зацветает в марте) волчье лыко. Не отстаёт от него и красно-синий сочевичник. И неожиданно встречаете вы, — что бы вы думали? — грибы! первые апрельские грибы: сморчки и строчки. Снег и грибы! Да какие удивительные! Иногда ещё гриб на гриб похож. А чаще — точно их тискали, мяли, чуть ли не

жевали. Шляпка у каждого на свой лад. Только вкус у всех одинаков: очень вкусные. Но готовить их нужно с одним условием: порезать, проварить минут десять, воду слить и хорошенько грибы промыть, иначе можно отравиться. А проварите, промоете и угощайтесь хоть жареными, хоть варёными. А можно их и не кипятить, а просушить, истолочь и до зимы спрятать. Такой грибной суп зимой приготовите, не хуже чем из сушёных белых. И не опасно: гиберелиновая кислота не только кипяченья, а просто сушки не выдерживает.

Но жаль, выглянули эти грибы-торопыги, порадовали грибников и скорехонько исчезли, ждите теперь конца мая. А место запомните. Тонкие подземные нити грибницы, из которых выросли грибы, остались, живут, и на этом месте опять в своё время на них появятся новые грибы. Опытным грибникам это известно. Места, где собирали те или иные грибы, они знают и в положенное время их посещают, как в свой огород ходят. Но поправку на погоду делать приходится. Например, сморчки и строчки в мае могут появляться и в других местах — в светлых молодых березнячках, где в апреле было слишком холодно и сыро, а теперь тепло и в меру влажно. Но если лето очень сухое, их не жди, засухи они очень боятся. Нет в мае дождей, и грибнице уже не до посылки наверх грибов — расселителей спор. Самой бы тёплого дождичка дождаться. Но и дождавшись дождя, грибнице требуется время в тёплой ожившей земле, чтобы вздохнуть и тогда об отправке наверх грибов подумать. Поэтому радуется опытный грибник долгожданному дождику, но не мчится, сломя голову, сразу вслед за ним в лес с корзинкой. Даже гриб-скороспелка не в один день вырастает. Хороши сморчки и строчки, но эти грибы, как правило, весенние. Грибница, их порождающая, остальные три времени года отдыхает. Причины этого мы не знаем. Иногда, как исключение, выскочит и осенью грибок. Что ж, бывает, и яблоня вдруг осенью зацветёт, обманет её осеннее солнышко. Но ни ей, ни садоводу это не в радость: на следующий год хорошего урожая не жди. Вот и осенний безвременник выскочил, а настоящего вкуса и аромата нет. Дремал бы лучше до весны.

Апрель открывает двери в весну не только птицам и зверям. Просыпаются и насекомые — те, которые зимовали взрослыми. Ещё и снег кое-где лежит, а на согретых солнцем стенах уже греются крупные зеленовато-синие гренландские мухи. Красивы, но… мухи, и потому даже весной им не радуешься. Другое дело бабочки: пёстрые крапивницы, ярко жёлтые лимонницы — самцы и более бледные самки. Эти не смертники, как те, которых случайно тёплый солнечный луч оживил в марте. Они уже

доживут до тепла и отложат яички, обязательно на тех растениях, которыми будут кормиться вышедшие из яиц их дети — гусеницы. Муравьи уже хлопочут, тащат мёртвую бабочку в муравейник, если раньше ею не закусила голодная птичка. В природе ничто не пропадает.

Насекомые просыпаются самые разные. Хищные нам полезны — уничтожают вредителей. Но и вредителей немало: кто взрослым проснулся от зимнего сна, а кто из зимовавших яичек вылупился. И сразу начинают грызть, точить острые челюсти, а тли хоботком проколят нежную ткань растения, сосут его соки, и растение часто вянет, погибает обессиленное. Однако есть и насекомые, которых мы тоже взяли под охрану. Кто они?

В мороз в лесу безжизненными кучами торчали муравейники рыжих муравьёв: сухая хвоя, крошечные веточки, какие-то крошки. Но вот пригрело эту кучу весеннее солнце, снег на ней растаял, струйками стекает по бокам на землю. Промокла куча? Нисколько! Тысячи муравьёв её строили, ходы проложили. А сверху искусно прикрыли всем, что нам кажется мусором, а на самом деле это тщательно отобранный строительный материал. И так его расположили, что ни крошка снега, ни капелька дождя не проникли в тщательно замурованные, не видимые снаружи входы. Теперь муравейник кругом обтаял и на безжизненной его верхушке хвоинки вдруг зашевелились, точно кто-то толкает их изнутри. Дальше больше, вдруг хвоинки уступили нажиму, отодвинулись, и за ними открылись отверстия-входы. Из каждого хода, как из чердачного окошка, выглянула головка с блестящими глазками, усики тщательно ощупывают-обнюхивают воздух. И вот уже вся верхушка муравейника запестрела, зашевелилась — муравьи-следопыты вышли на первую прогулку. Не на долгую. Нагрелись, понежились и обратно в муравейник: тепло в собственном тельце принесли и с ним вести о том, что на свете делается. А на смену им уже бегут другие — за вестями и теплом. Постепенно движение убыстряется, целые партии муравьёв спустились на землю и дружно устремились по каким-то очень нужным им делам.

Появились и жуки. Бойко шныряют туда-сюда проворные жужелицы. Им медленно ползать — с голоду пропасть, они охотники, добычу надо быстро догнать, поймать. Жук-навозник шагает не спеша: его добыча никуда от него не убежит. Если на след коровы напасть посчастливится, куча жуков прокормится и деткам про запас останется.

Просыпаются божьи коровки (тоже жуки). Название какое мирное. А на самом деле страшные хищники. Основная их еда — тли, крошечные с виду безобидные насекомые, а на самом деле

большие вредители. Тли сосут соки полезных нам растений. Значит божьи коровки наши помощники и друзья. Кроме тлей, согреются и проснутся многие насекомые-вредители. Тут уж наше дело — не зевать, вовремя защитить урожай полей и садов.

А вот кто-то загудел басом, все прочие звуки насекомых перекрыл. Мохнатый, толстенький. Удивительно, как его небольшие крылышки в воздух подняли. Чисто летучий медвежонок, шмель. Вернее, шмелиха. Хлопот у неё полон рот. С размаху на цветок шлёпнулась и тотчас хоботком каплю нектара нашла, пьёт не оторвётся. Надо самой подкормиться и скорей гнездо строить, детей выводить. А для нас это знак: шмели проснулись — пора ульи из омшаника выносить, в них пчёлы давно уже по цветам и по свежему воздуху стосковались.

Весеннее солнце разбудило-растревожило не только растения и насекомых на них. Седьмое апреля — день зимоборец, зима с летом борется. В этот день просыпается и встаёт из берлоги хозяин наших лесов — медведь. Неуютно становится в берлоге. День прибывает, и то струйки талой весенней воды под мохнатый бок подтекут, то сверху закапает. Воздух уже не зимний: через лаз чувствуется, да и отощавший желудок о себе напоминает: от осенних жировых запасов ничего не осталось. Вздохнёт, заворочается Михайло Потапыч и вылезет из берлоги. Воздух воздухом, а есть почти нечего. Пока не пошла нежная молодая травка, трудно огромному зверю. Лучше с ним в это время не встречаться. Все камни по пути голодный медведь перевернёт — нет ли под ними насекомых, червей, улиток, дёрн аккуратно, как ковёр, рулоном свернёт — там корешки и какая-нибудь живность: мыши, полёвки в гнёздах — тоже еда.

В тот же день, что медведь из берлоги вышел, просыпается и шустрый весёлый бурундук, по народному поверью — «медвежья совесть». Название неудачное. Маленький бурундук, рыженький, хвостик пушистый, но не кругом, как у белки, а с пробором посередине. На спине пять чёрных полосок. Как в народе говорят, это медведь его ласково когтями погладил за то, что бурундук ему, голодному, свою кладовую с орехами показал. На самом же деле, медведь, пока есть нечего, вынюхивает, нет ли где бурундуковой норки в земле. Найдёт и раскопает. Знает, что у бурундука осенних запасов (семян, орехов) ещё полные кладовые. Не успеет бурундук выскочить, и его лапой прихлопнет, проглотит на закуску. А успеет — сядет бурундук на пенёк, смотрит на медвежий разбой, охватит лапками голову, качает её и свистит жалобно, словно плачет. Может быть, думает медведя усовестить? Не тут-то было: шкура у Мишки толстая, до совести не добраться.

Со стороны смешно, а малышу — горе. Ранней весной не легко пополнить запасы, да и уютная норка могучими когтями раскопана. А ведь и бурундуку пора семьёй обзаводиться.

Медведица с крошками-медвежатками выйдет из берлоги немного позже, они ещё с маленького котёнка ростом, холода боятся, и нежной еды в лесу весна им ещё не приготовила. Пока медведица лежит, дремлет, календарём не руководствуется, но всё равно чувствуется, что подошёл апрель, первый настоящий весенний месяц.

Как забелели барашки на иве-бредине и надулись почки на осине, проснулись муравьи, солнышко их выманило из нижних глубоких этажей муравейника наверх. Самое это любимое медвежье лакомство. Значит пора вставать и детей в свет выводить. От медведя-папы медведица не требует заботы. Знает: этот лодырь только и думает, как бы с осени жиром залиться и в берлогу залечь, а с весны погулять хорошенько для собственного удовольствия.

Вот медведица вывела ребятишек из тёмной берлоги в лес, на первую прогулку, сначала ненадолго и недалеко от берлоги. Медвежата родились слепыми, беспомощными, но теперь уже смотрят и шалить научились. Однако медведица мать нежная, но строгая и очень расшалиться не позволяет. Она старательно учит детей, чем и как в лесу можно пропитаться, одного её молока малышам уже недостаточно.

Вот она раскопала муравейник, положила на него лапы и слизнула наползающих на лапу муравьёв: смотрите, мол, учитесь!

Медвежата быстро сообразили. Сели чинно вокруг муравейника, как вокруг столика, и тоже положили на него бурые лапки: ползите и к нам. Кисленько! Вкусно! Лапки до блеска нализали и вдруг скандал: один шалун приноровился и брату лапку облизал. Тот не спустил: цап обжору за ухо — моих муравьёв лизать не смей!

Мать тут же поддала виноватому лапой. Легонько, но так, что тот мячиком в кусты покатился. Поплакал малыш и опять присел к муравейнику, но наука впрок пошла: лижет честно только свои лапки да на мать косится.

За одним уроком и другой последовал. Мать с гнилого пня пласт коры отодрала, а там личинки копошатся жирные. Показала мать ещё, как вкусные корешки откапывать. Наелись и пошли к речке первый завтрак запивать.

Медведица в санитарии и гигиене разбирается. Ребятишки перемазались, пожалуйте купаться. Медвежата упираются: «Вода холодная! Не хотим!»

Но долго с мамой не наспоришь: цап малыша зубами за

шиворот и ну полоскать, туда-сюда, туда-сюда! Плачь, сколько хочешь, зато чистый.

Вместе с малыми детьми и медведицей иногда в берлоге зимует прошлогодний медвежонок-пестун. Это слово от глагола «пестовать», значит — нянчить. Пестун, говорят бывалые люди, помогает матери присматривать за малышами. А если не уследит, и ему достанется крепкий шлепок.

Так один раз и случилось. Выполоскала медведица детей и встревожилась. Подняла голову, принюхалась и вдруг схватила одного малыша за шиворот, точно кошка котёнка, и поплыла через речку на тот берег. Пестун сообразил: схватил другого и ну плыть за матерью. Третий медвежонок испугался, бросился к воде, лапки обмакнул, пятится, пищит. Пестун тотчас же опять в реку, схватил и понёс и этого малыша, да, верно, поторопился и уронил его в воду. Тот и пискнуть не успел, так быстро медведица прыгнула в реку и его вытащила. Зато пестуна потом так оттрепала, что тот орал на весь лес.

Медведица не знала, что на другом берегу за кустом притаился знаменитый казанский профессор Эверсман. Эту забавную историю он потом записал. Но Эверсман постарался, чтобы медведица его не заметила. Медведица с медвежатами гораздо опаснее, чем взрослый медведь. Заботливой матери всегда кажется, что её милых деток хотят обидеть, и готова лезть в драку с кем угодно. Ведь она единственная защита детей. Медведь-отец их даже сам не прочь обидеть, если они встретятся на пути и если, конечно, близко нет медведицы. С ней он предпочитает не ссориться.

В апреле родились и лисята, и волчата. Отстали, конечно, в развитии от медвежат, ведь они только что появились на свет, а медвежата родились в берлоге ещё зимой. Но лис и волк — заботливые отцы. Первое время лисица и волчица не отходят от детей, а лис и волк приносят матерям добычу. Потом, когда дети немного повзрослеют, начинают кормить и малышей. Но это уже не апрельские дела. Лисица зимой в спячку не впадает, как и все звери семейства собачьих, за исключением енотовидной собаки. Лисицы — близкие родственники волка, однако в любом месте чем больше волков, тем меньше лисиц, потому что для волка лисица желанная дичь. А она не только слабее волка, но волки охотятся на лисиц организованно, стаей, умеют ловко гнать добычу прямо в зубы затаившемуся в определённом месте волку. Против такой охоты лисице-одиночке не выдержать. И лисица иногда спасается… около человека. Угрюмые волки только от большого голода подбираются к людям, даже забираются, случается, во дворы, в деревне собак хватают чуть не из рук

хозяина. Лиса не прочь и на задворках города поселиться, а иногда и детей там завести. Волки на это не пойдут. В поисках пищи лисица за ночь километров десять пробежать может, хотя она и не привередлива. Ей всё годится: мышь, лягушка, рыба, пусть и не очень свежие, заяц — это лакомство. Но и от плодов, ягод не откажется. Летом пассажиры в поездах из окон остатки еды выбрасывают. И тут можно поживиться.

Семейство куньих

Выдра

Кроме куницы, знаменита роскошным мехом выдра. Если бы не строгая охрана (при Советской власти), то и её, в числе других ценных пушных зверей, мы знали бы только по картинкам и музейным чучелам. Кто видел выдру на суше, как неуклюже она скачет на коротких лапах с перепонками, с трудом поверит, что нет в воде рыбы, которая увернулась бы от её острых зубов.

Старое русское название выдры очень к ней подходит — «порешня». По рекам и озёрам бродит быстрый ловкий зверь. Нору самка копает тут же у реки в конце марта или в апреле, выкармливает двух, а то и четверых слепых, совершенно вначале беспомощных детёнышей. За это время она успевает зачем-то выкопать ещё пару запасных нор. Заботы матери-одиночки скоро кончатся. Выдрята, весёлые, глазастые, вырастают быстро, им уже скучно в норе. И соскучился, надо полагать, отец. По некоторым сведениям, он дежурит около норы, ждёт. Строгая мать ему в нору сунуться не позволяет. Выведет детей на воду — пожалуйста, дружная семья вся вместе, можно и в другое место отправиться, где корма больше, а опасности меньше. Но недолга счастливая семейная жизнь. Скоро молодые окрепнут и сами уйдут из родного дома, не ожидая, что их об этом попросят родители. Самостоятельный зверь выдра. Тогда и родители потеряют интерес друг к другу. Бродягам одиночество милее.

Кроме рыбы, основной еды, всё живущее в воде выдре годится: лягушки, водяные крысы, яйца и птенцы водоплавающих птиц. И от мышки, и от полёвки не откажется. Хорошо приспособлен для жизни умный ловкий зверь, но, как и многим пушным зверям, красивый мех жить мешает. Сейчас охота на выдру запрещена по стране. Отстрел разрешается только по лицензиям.

Выдра легко приручается, её можно даже выучить ловить и приносить рыбу хозяину, и делает это она охотно.

Норка европейская

Очень похожа на выдру, но немного меньше — всего до полуметра длиной. Но пальцы на лапках соединены перепонкой не до кончиков. Это показывает, что образ жизни у неё, как у выдры, полуводный, но к воде она привязана в меньшей степени.

Действительно, норка и по земле бегает проворнее, ловко влезает на деревья, даже разоряет птичьи гнёзда. Ест ягоды и за мышевидными грызунами и водяными крысами охотится усерднее, чем за рыбой, поэтому полезна не только своей прекрасной по качеству, хотя и небольшой, буроватой пушистой шкуркой. Норка не бродяга, привязана к своей речке или озеру. Не хватит грызунов — рака, лягушку словит и ещё про запас оставит на чёрный день. Вход в нору в обрывистом берегу копает из воды — надёжнее. Если на берегу застигнет опасность, прыгает в воду.

В Сибири нашей норки не было и потому в 30-х годах туда завезли норку американскую. Она несколько крупнее (45 см, а не 35), мех качеством лучше, детей в помёте не 2–7, а в среднем 9, а то и до полутора десятков — выгода немалая. А через год молодые уже сами приносят детей. Заморская гостья быстро освоилась и принялась расселяться по всей стране. Крупная, сильная, она вытесняет норку европейскую и за другой американской гостьей — ондатрой — охотится.

Образ жизни обеих норок сходен. Можно сказать однако, что американка не так привязана к месту своего рождения, как европейская. Наоборот, часто даже как будто беспричинно отправляется бродяжить и далеко уходит от воды. В зверосовхозах (и в Татарии) норку эту давно разводят. Уже выведены более крупные и удивительно разнообразные по окраске зверьки, гораздо более ценные, чем естественной окраски. Норки занимают одно из первых мест в мировом звероводстве.

Барсук

В глубоком овраге под кустом орешника что-то зашевелилось. Орешник старый, длинными корнями цепко держался за бок оврага, и потому земля в этом месте не осыпалась даже весной, когда таял снег и по оврагу неслись потоки мутной воды. Из отверстия норы, хорошо спрятанного под корнями, высунулся острый нос, полосатая чёрно-белая узкая голова. Барсук осторожно выбрался из норы, осмотрелся и сел около куста неподвижно, точно задумался.

Задуматься было о чём. Барсук, вернее, барсучиха, всю зиму проспала в своей замечательной норе с ходами-переходами в несколько этажей, даже с отдельным туалетом. Весна принесла свои заботы: ремонт квартиры, уже не только для себя, хотя барсуки чистюли отменные. Настало время готовить детскую для будущих малышей и даже поторапливаться. Лишь бы погода не

подвела. Для людей барсук — первый друг. Аппетит у него завидный, мощные кривые лапы и острый нос не хуже трактора разворошат землю, а вкусные личинки, мыши, полёвки — всё, что человеку во вред, а барсуку на пользу — быстро помогут набить отощавший за долгую зиму желудок. Заботиться о семье барсучихе приходится самой. Сама детей на весеннее солнышко выносит, на сколько и когда нужно — материнское сердце подсказывает, сама кормит, а если нужно, и защитить сможет. Супруг ей верен, но особой заботы о семье не выказывает. Кормит детей барсучиха сначала молоком. А потом, когда малыши подрастут, мать в земле им ворох нежных личинок откопает, а где ящерицу молоденькую прихватит или лягушонка, и вот уже целый отряд барсучат с матерью на защиту родного леса отправляется. Барсуки сами не знают, какие они нужные и полезные звери, а то бы возгордились. Но как жаль, что многие люди этого тоже не знают. Иначе не раскапывали бы норы, не убивали барсуков, не травили их собаками. Даже специальных собак для этого вывели: небольших, коротконогих, с сильными зубами. Немцы их назвали Dakshund, т. е. барсучья собака (Daks — по-немецки барсук). Мы их называем таксы.

Барсук сильный зверь, но очень неуклюжий: длинное тело (около метра), сзади широкое, постепенно суживается и кончается острой белой головой с чёрными полосами. Мех его прочный, но грубый, расцветка чёрно-серая, мясо вполне съедобное, жир в народе считается целебным. На разнообразной обильной пище барсук к осени так жиреет, что из 24-х кг общего веса на долю жира приходится несколько килограммов. Однако ни шкура, ни мясо и жир барсука не оправдывают вреда, который приносят охотники (теперь уже только браконьеры). Раскапывая норы, запуская в них собак, они часто уничтожают целые городки, которые строили и дополняли сотни поколений барсуков. Старые городки — это многоярусные подземные сооружения. Возраст многих, по определению учёных, бывает 2–3 тысячи лет. Длинные (до 10 м) норы имеют десятки входных отверстий, несколько чистых гнездовых камер, часто на глубине 2–3 метров. Подземные архитекторы располагают эти камеры обязательно под слоем, непроницаемым для воды, так что в них всегда тепло и сухо.

Бывает и так. Не хочется лисе-лентяйке нору копать, и она норовит к барсуку в жильцы попасть. У барсучихи под землёй ходы во все стороны, ей так много не нужно, живите где-нибудь в дальнем конце с отдельным выходом, от меня подальше. И случается, живут в разных концах земляного городка барсучиха и лиса и друг друга не трогают. Общий подземный коридор барсучиха земляной стенкой перегородит, чтобы лисьим духом не

пахло. У лисиц грязь, кругом объедки, кости, остатки всего, что нежные родители детям на корм приносят. Барсучиха иногда не вытерпит — уйдёт, новую нору себе выкопает и детей в неё перенесёт. Пусть эта нора и не так обширна, как старая, которую из года в год барсуки расширяли, но вокруг свежо и чисто.

Грызуны

Бобры

За первые 25 лет Советской власти только в Европейской части СССР из Воронежского и Березинского заповедников перевезли и выпустили для расселения на новых местах 2300 бобров. Больших усилий стоило организовать охрану и наблюдение за переселенцами. Бобры не только по-своему умны, но подчас капризны. Не всегда новые места им по душе. Приходится загадки разгадывать. Почему, что им не понравилось? Их ведь не спросишь. Просто взяли и поплыли вверх или вниз по реке, на которой их только что выпустили из клеток. И следить за ними надо очень осторожно и умело. Заметят, нарочно подальше от человеческого глаза отправятся, даже если место выпуска очень подходящее.

Замечательные мастера эти с виду неуклюжие звери. Везде, где селятся, строят прочно и удобно. Высокий обрывистый берег? Отлично. В нём быстро копается длинный (до 6 м) ход и в конце — прекрасная жилая камера с отдельными постелями для каждого. Постель мягкая — толстый слой древесной стружки. Сухая трава не годится. Она быстро сопреет. Хоть бобр и тщательно отжимает шерсть прежде чем лечь, но как ни старайся, а до полной сухости не отожмёшь. Ход предусмотрительно начинается под водой, врагу в него не проникнуть. На всякий случай из норы делается не один, а несколько выходов. Под водой начинается ещё и несколько лазов-коридоров, которые не сообщаются с жилой камерой. Они выходят на землю прямо в местах кормёжки. А в случае опасности по ним же можно уйти быстро в воду.

Если берег низкий, заболоченный, тогда на воде ставится хатка, иногда в два этажа. Ход в неё также скрыт под водой. Хатка прочная. Палки, ветки скреплены илом, всё крепко утрамбовано ударом тяжёлого плоского хвоста. Сильная семья хатку строит размером с копёшку сена, так что в неё и человек может забраться. Бобры не только ремонтируют хатки, но и делают плотины, если уровень воды в реке понизился и входа в хатку или нору не закрывает. Плотину строят все вместе. Ни ссор, ни задержки в работе. Кто подгрызает, валит дерево, кто режет его на удобные куски, а кто ветки доставляет и липкий ил со дна речки или ручья, комки его передними лапами, как руками, держат. Уложат и сильными хвостами прихлопывают, бам-бам,

как выстрелы. И вот уже входы в норы, в хатки опять скрылись под водой. За плотиной неусыпно следят: если надо, починят, повысят, дальше протянут. Инстинкт? Да, конечно, но гибкий до изумления. Один наблюдатель видел, как бобры, чтобы повысить плотину, срубили большую осину. Падая, она зацепилась верхушкой за дерево, стоявшее у другого конца плотины, и повисла: комель на земле, как надо, а верхушка — в развилке ветвей другого дерева. Бобры ухитрились забраться на это дерево, подгрызли, что требовалось, освободили верхушку и аккуратно положили осину поверх плотины.

В Шумбутском заказнике Татарской АССР был обнаружен тоннель метров тридцать длиной, которым бобры соединили через гривку два водоёма. По нему они могут безопасно пробираться из одного водоёма в другой. Тоннель обнаружили, когда уровень воды понизился и бобры не успели ещё его поднять.

Спокойная зимняя жизнь бобров нарушается весенним великим событием. В хатке, если приложить к стенке ухо, слышится тихий писк: семья пополнилась новорождёнными: двое, а то и четверо малышей.

Серая Сова, замечательный американский писатель полуиндеец и знаток жизни бобров, вспоминает: он и жена жили в домике у озера. С ними жила пара молодых бобров. И вот родились первые малыши бобрята. Отец выскочил из дома, скатился в озеро и, кувыркаясь в воде, кричал от переполнявшей его радости. Серая Сова наблюдал за ним с лодки и чувствовал едва ли меньший восторг.

Новорождённые бобрята далеко не беспомощные детёныши, как например, бельчата. Глаза у них открыты, они одеты в прекрасную шубку, даже резцы прорезались, сразу готовы к действию. Они и плавать могут почти с первых дней жизни, но вот беда: лёгкое пушистое тельце отказывается нырять. А кругом опасность: сверху болотный лунь налетит, снизу крупная щука схватит. Поэтому заботливая мать не выпускает детей из хатки, пока они не научатся нырять или держаться около неё. Если неслух ухитрился всё-таки выбраться на свободу вслед за матерью, она осторожно охватывает его поперёк тельца резцами и водворяет в безопасное убежище. Малыши умеют и капризничать. Трогательно слышать, как ласковый голос матери терпеливо уговаривает буяна, и тот постепенно умолкает.

В Татарии имеется несколько заказников по бобрам, охота запрещена, но в некоторых местах по лицензиям проводится плановый отлов. Подкармливать бобров не приходится. Бобры расчётливые хозяева, и сами не остались бы в неподходящих по

корму местах.

В начале 60-х годов завезена партия бобров из Белоруссии. Животные прижились по берегам реки Камы и её притокам.

Теперь в целом ряде областей бобры не только прочно обосновались, но и перестали бояться человека. В Гомельской области на реке Сож старший госохотинспектор Н. Н. Гребнев наблюдал, как крупный бобр плыл навстречу их катеру и даже не реагировал на шум мотора. А другой бобр не пропускал ни одного срока, когда кормили уток на птицеферме. Если под забор вкапывали сетку, он устраивал подкоп и являлся к сроку. Утки пугались. Наконец, специалисты, приехавшие за бобрами, поймали его и отвезли в Татарию. На Каме утиному нахлебнику понравилось, и вскоре он сделался родоначальником большой новой колонии.

Ондатра

Весна и ондатр разбудила. Проснулись, потянулись и сразу чужаков-квартирантов по шее. А дальше и очередь до зимовавших детей дошла: ступайте вон, нам пора новых деток заводить. Дети и квартиранты не спорят, пора и им своё гнездо строить. Ещё на льду проталины, а у старых и молодых гон начался. Через четыре недели малыши запищали, шесть-семь, иногда и до пятнадцати щенков. Летом и новые дети появятся, отец и мать о них самоотверженно заботятся. А первым четыре — пять месяцев минет — сами семью заведут. Вся-то жизнь ондатры два, редко три года, надо торопиться.

Белка

Весеннее солнце расшевелило лесной народ, который зиму в уютных норах и берлогах проводил, кто спал крепко, кто подрёмывал и время от времени к своим осенним запасам наведывался.

Белка так и поступала. Проснётся, вытащит плотный комочек шерсти, которым крепко заткнуто входное отверстие, и прыг вниз. Где свои кладовые найдёт, где чужими попользуется, и назад, в тёплую постельку. Но теперь, в апреле, первая забота о детях. Белочка уже приготовила в гнезде свежую мягкую подстилку, везде её собирала, не церемонилась, пограбила птичьи гнёзда. Мамы-птицы ведь тоже стараются, чтобы голеньким деткам было помягче, пока они не обросли пухом и пёрышками. Даже с липы белка дерёт волокна луба.

За белкой водятся дела и похуже. Вот она хлопотливо бежит,

с одного дерева на другое перескакивает, ищет чего-то очень настойчиво.

Нашла! В толстой старой осине чернеет отверстие. Дупло. Движения белочки становятся какими-то вороватыми: не бежит по ветке, а крадётся. Ближе, ближе, любопытная мордочка всовывается в дупло. Писк — и белка отлетела от дупла, еле удержалась на ветке. В отверстии дупла молнией мелькнул и опять спрятался чей-то здоровенный чёрный клюв. Белочка, как кошка, лижет лапку, трёт ею рыженькую щеку. Ещё раз, осторожнее подбирается к дуплу и опять отскакивает. Чёрный клюв появляется и исчезает так же быстро, но зацепить ему уже никого не удаётся.

Раздаётся громкий приятный свист. Это жёлна-отец, чёрный дятел в красной шапочке, мчится нырками по воздуху. Хлоп и прицепился, точно приклеился к стволу осины у самого дупла. Но белочка этого не дождалась. С первым свистом дятла её как ветром сдуло с осины. Куда она спряталась, папа-дятел не заметил. Он на миг сунул голову в дупло, сразу же вытащил обратно, снова громкий свист — и прочь от родного дупла. Самка приняла его приношение. Уже несколько дней она не вылетает из дупла. Пять яичек, белых, как лучший фарфор, греет она в гнезде. Это она так храбро защитила их от нахальной белки. Нахальной ли? В мире животных и птиц каждая мать старается защитить и накормить своих детей, не заботясь о чужих. Белка спокойно заняла бы дупло чёрных дятлов для своих бельчат. Да вдобавок с удовольствием выпила бы и яйца, если бы ей удалось забраться в гнездо в отсутствие обоих хозяев. Мать-жёлна самоотверженно защитила своих детей. Но увы… дупло, в котором сидела, приготовила для своих детей не она с супругом, а пара больших пёстрых дятлов, которых они, чёрные, более сильные, выгнали без зазрения совести. Чёрные только немного расширили дупло для своих более крупных птенцов. Ни белка, ни дятлы не знают, что такое жестокость. Инстинкт заботы о своих детях заставляет заботиться о них, хотя бы и за счёт чужих.

Между тем, белка во весь дух мчалась прочь от дупла с нелюбезной дятлихой. Щелчок по носу оказался очень чувствительным, мордашка её презабавно распухла, но она была сильно озабочена другим: надо торопиться ремонтировать одно из зимних гнёзд, чтобы не опоздать к моменту появления на свет маленьких бельчат. В одном, самом лучшем, за зиму развелись блохи в таком количестве, что выгнали хозяйку. Другое было похуже, но белочка быстро навела в нём порядок. Мох, волос, травинки, веточки для прочности вплела, крышу из веточек над ним построила и спешно ограбила сороку, вытащила у неё из

гнезда целую охапку шерсти на подстилку. Бельчатам нужно очень тёплое хорошее гнездо: они голенькие, беспомощные, глаза у них откроются только к концу месяца. Белка не только кормила их своим молоком, но скоро начала носить им птичьи яйца. Надкусив яичко, держала в лапках и давала отпить каждому, затем допивала остальное.

Белка — мать заботливая, а если надо, то и бесстрашная. Раз пильщики в лесу пилили старую ель. Вот она дрогнула, наклонилась… Тяжёлый удар о землю. И вдруг молодой пильщик закричал:

— Ребята! Бельчата маленькие в дупле! И как не разбились, когда мы ёлку валили. А это что?

Пёстрое маленькое яичко мелькнуло в воздухе и ударилось о ствол ёлки. Мать выронила его — несла детям. Не до яйца теперь! Белка сама одним прыжком оказалась на земле, промчалась под ногами у людей и скрылась в дупле. Мгновение — и опять выскочила, держа во рту бельчонка, закинула его за спину, снова промчалась под ногами у людей и исчезла.

— Ну! — только и выговорил паренёк и даже попятился от дупла. — Ровно страху на неё нету. Ой, опять!

Пушистое тельце снова промелькнуло и скрылось в дупло.

— Ловко! — засмеялся паренёк. — А враз я её шапкой накрою! Враз! Ой, дядя Степан, руку пусти. Больно!

— Я те дам, шапку, — сурово проговорил старый пильщик. — Не видишь разве? Мать!

— Мать! — тихо повторил другой пильщик, и люди осторожно расступились.

Унося последнего малыша, белка нашла перед собой уже свободную дорогу. И когда она в последний раз скрылась в кустах, старый пильщик договорил:

— А ты запомни. На всю жизнь запомни, какое оно материнское сердце бывает.

Летяга

Интересный зверёк летяга. Её называли летучей белкой. Но это не верно, летучие по-настоящему из зверей у нас только летучие мыши. В отличие от белок летяги теперь выделены в особое семейство — семейство летяг.

У высокого дерева мелькнул зверёк, от кончиков передних лапок до задних растянулись по бокам перепонки — живой ковёр-самолёт. Спереди круглая головка, сзади пышный хвост рулит. Вправо, влево, вниз, вверх метров на сорок. К другому дереву повернулась, задними лапками за кору и рраз… молнией вокруг

ствола скользнула и уже из-за него высматривает. Ловко получилось! Это она от крылатого хищника спасалась. Ковёр-самолёт сложился и в зверька превратился, похожего на белочку. Но молнией прыгать по-беличьи и по земле бегать летяга не умеет. На дерево повыше заберётся, ковёр-самолёт расправит и спланирует, куда ей надо.

Летяга — красивый зверёк: большие круглые глаза (на кормёжку отправляется в сумерки и ночью), шёрстка нежная, зимой хороша — серебристо-серая. Но ей на счастье, шкурка очень непрочная, охотников не интересует. Безобидный зверёк встречается не часто, никому из хищников не помеха: основная её еда — почки, серёжки и побеги растений, в основном на берёзе. Она и гнездо строит и детей выводит в дупле старой берёзы, устилает его мягкими висячими лишайниками. Детей в помёте — от двух до четырёх. Слухи, будто бы она теснит белку, подтверждения не имеют и маловероятны. Она и меньше белки, и пищевые вкусы у них разные, о чём же спорить?

Сурки

Первая травка, первое солнечное тепло. Сурки окончательно протёрли глаза и, оглядываясь, осторожно выбрались из зимних надоевших за долгий сон норок. Старые опытные сурки вышли, стали столбиком, аккуратно сложили лапки, точно ручки, на животиках. Стерегут. Чуть что покажется подозрительное — раздаётся предупреждающий свист — и всех сурков как не бывало. Опять появятся, когда уверятся, что опасности больше нет. Молоденькие как ни весело разыграются, а свиста не пропустят. Иногда презабавно несут что-нибудь, придерживая передними лапками, точно маленькие сгорбленные сказочные человечки.

Если всё спокойно, норки чистят, если где обвалилась земля, подстилку сменят. А уж шубку свою и лапками и язычком чистят, разглаживают. Весенняя еда у них — корневища, луковицы, дальше пойдёт молодая сочная зелень.

Зимние норы простые с гнездовой камерой в непромерзающей земле 5–7 метров глубиной. Не то летние норы: многометровая (до 60 метров) сложная система ходов, с большим гнездом для будущих детей, несколько выходов-лазов. Обязательна уборная. Осторожные зверьки ещё и защитные неглубокие норы без гнезда не поленятся изготовить, было бы где ближе в землю юркнуть, опасность переждать.

Сурки смирные и весёлые зверьки. Соперников из чужой колонии они изгоняют, но в своей колонии никаких ссор не

бывает. В семье дети играют, возятся с матерью, а иногда (описывает Н.Н. Гребнев) устраиваются настоящие зрелища: сурки, взрослые и молодые, сидят полукругом на задних лапках и глаз не сводят с двух борцов в центре. А те, неуклюже переваливаясь тоже на задних лапах, сходятся и, крепко охватив друг друга передними, начинают борьбу. Зрители глаз с них не сводят, даже тихонько попискивают от волнения. Ничья. Борцы устали, степенно переваливаясь, расходятся. Зрители с места не двигаются, ждут. Вот и борцы отдохнули, уже опять стиснули друг друга в объятиях. Но тут дозорный встрепенулся: неуместных зрителей заметил.

Люди! Тревожный свист, миг — и площадка опустела.

Еды кругом вдоволь, солнце светит ласково. И сурки торопятся насладиться жизнью, детей вырастить, ведь так мало времени отпустила им на это природа! Надо ещё и запас жира накопить на долгий сон до будущей весны. Других запасов еды сурки не делают. Что на себе — с тем и спать ложись. И они торопятся. Матерям ещё забота, чтобы и молока хватило: сурчат бывает до десятка, и кормит их мать полтора месяца, хотя к концу кормления они и сами начинают прикармливаться травкой. В день взрослый сурок съедает больше килограмма растительной пищи, а к ней охотно добавляет и пищи животной — что попадётся: саранча, гусеницы, моллюски… Скорей! Скорей! Время не ждёт!

Зайцы

Зайцы весну ещё в марте почувствовали, и пошли у них драки, да ещё какие! Иной раз косые так раздерутся, что шерсть летит клочьями, не заметят, как лисица к ним подберётся и ухватит какого-нибудь драчуна.

Зайцы-беляки удивительно плохо умеют приспособиться, когда им в летний кафтанчик переодеться. Опоздают — солнышко пригреет, быстро снег сгонит, и на чёрной земле в белых штанишках неудобно. Тогда в густом кустарнике, смотришь, заячья шерсть на ветках клочьями висит. Похоже, бедный беляк сам лез в чащобу, как гребёнкой с себя зимнюю одежонку счесывал. Пролез и выскочил чистенький, как из парикмахерской.

Заяц-русак так сильно к зиме не белеет, как беляк, тому по шёрстке и кличка. Ему парикмахерская не нужна, да и живёт русак в более открытых местах, где снег тает быстрее.

Снег ещё не стаял, а по проталинкам уже хоронятся первые лесные детишки-зайчата — настовики. Беляков мать родила, один

раз покормила сытным жирным молочком и — прощайте! — убежала по своим делам. Нет уютного гнёздышка, нет тёплого материнского бока, живи как знаешь.

И что ж? Живут. И даже неплохо. Отбежали от того кустика, под которым родились, сбились в кучку и сидят не шевелятся. Ждут чего-то.

Чего? Вот бежит мимо чужая зайчиха. Они всей гурьбой к ней:

— Тётя, дай покушать.

Зайчихи добрые. Ни одна чужим деткам не откажет, покормит. И опять они сыты на несколько дней. Сидят и потихоньку подрастают. Подрастут немножко и за молодую травку возьмутся. Им больше и чужие тёти не нужны.

Не торопитесь бранить плохую мать. У малых зайчат на лапах нет потовых желез, они не оставляют пахучего следа. Сидят под кустиком, и ни волк, ни лиса их не учуют, хотя бы и близко бежали. Если бы мать с ними сидела, по её следу враги скорее бы до зайчат добрались. А так перебрались от того места, где мать их на свет произвела, и зайчатки как под шапкой-невидимкой.

В более тяжёлых условиях оказываются зайчата-русаки. Есть предположение, что русаки передвинулись к нам (на север) сравнительно недавно и ещё не успели «перестроиться» — первые зайчата появляются в начале апреля, т. е. в срок, когда в более южных местах уже теплее, а у нас ещё холодно. Хотя мать-русачиха держится вблизи своего выводка и даже приходит сама кормить, но холод зайчат часто губит.

Мыши и полёвки

Последние из грызунов — мыши и полёвки, к сожалению, в спячку зимой не впадают. И аппетит их и зимой не уменьшается. Мало того, полёвки зимой часто даже гнёзда устраивают и детей выводят не в норах, а над землёй под снежным покровом на кустике травы. Голенькие мышатки в таком гнезде чувствуют себя прекрасно. Суньте в гнездо палец — там тепло. А в нору родители натащили с поля зерна, часто не меньше нескольких килограммов. И лесных семян, а то и желудей, всего под снегом мышиному народу хватает, только нам кормить такую ораву конечно не выгодно. Кроме зерна, полёвки охотно грызут нежные корни саженцев и могут буквально разорить молодые посадки в культурных лесничествах.

Зимой им живётся не хуже, чем летом. Под снегом бегать по протоптанным дорожкам не холодно. Правда, такими же дорожками и ласка, горностай и землеройка пользуются и

встречаются с ними… Ну что ж, зато грызущая мелкота на диво плодовита. Одних съели, другие на смену подрастают.

Зато тем, кого не съели, весна не в радость. Снег больше не укрывает, не защищает. Даже хуже: тает и заливает норы, а от весеннего разлива жди ещё большей беды. Мыши, полёвки выскакивают из нор, барахтаются в воде, тонут, если не удастся на какой кустик забраться или за плывущую ветку уцепиться. Дедушка Мазай или его внуки, если и приплывут в лодке, так не мышиную же мелкоту спасать. Правда, из воды их хищные птицы вылавливают, но у тех своя цель: цап мышку и проглотил, цап другую… От таких «спасателей» радости мало. И всё же временные неприятности мышиное племя выдерживает и плодится нам на беду. Самые опасные из них — мыши лесная и желтогорлая, полёвки рыжая и обыкновенная (уничтожают посевы и молодые всходы леса) и даже домовая мышь: она, а иногда и домовая крыса-пасюк тоже выселяются «на природу», мышиные и крысьи головы о весенней беде не знают. Все они — разносчики тяжёлых заболеваний.

Всё сказанное о вреде, приносимом мышами и полёвками, совершенно справедливо. Но когда надо сказать твёрдо, вредны они или полезны — призадумаемся. Ведь для лисицы, соболя, горностая да отчасти и куницы они основа питания. Тогда не высовывается ли за кончиком пера это самое «третье?» (как в случае с вреднейшими личинками комаров, без которых голодают мальки ценных рыб). Тысячелетиями ковались звенья великой цепи, соединяющей всё живое на Земле. Ответ ищите не в этой книге.

Насекомоядные

Ёж

Зимой в спячку впадает один только представитель насекомоядных — ёж. Трудно представить, что весна даже этого угрюмого одиночку расшевелить может. И всё же расшевеливает. Чуть пригрело, и вот уже лезет ёжик из-под трухлявого пня, иголками трясёт, с тощих боков зимнюю пыль выколачивает. Весь осенний жир за зиму истратился, колючая кожа на боках висит складками. И проголодался же! Всё живое, что по силам, ему годится. Рассказы о сражениях со змеями, возможно, преувеличены, но удивительно он устойчив к змеиному, да и к другим ядам. Он с аппетитом ест даже жуков нарывников, ведь из них готовят сильнодействующий пластырь наружный, а ёж спокойно набивает ими желудок. Мышей, хотя бы полёвок (они не такие быстрые), ежу удаётся поймать не так часто, как об этом говорят. Основная добыча его — жуки, их личинки, гусеницы лесных вредителей (монашенки, непарного шелкопряда и др.). Полезный зверёк, но… клещи, а главное — гроза наших лесов: клещи энцефалитные часто сплошь усыпают его тело. Между иглами им безопасно, те же иглы защищают их и от самого хозяина. Волей-неволей ёж разносит самую для нас страшную заразу энцефалита. За весну он выкормит на себе тысячи иксодовых клещей. Приходится решать, полезен или вреден для нас скромный ёжик. Ведь иксодовые клещи переносят возбудителей опаснейших болезней человека и домашних животных.

Иногда удаётся подсмотреть, как парочка ёжиков, стоя друг против друга на задних лапках, нос к носу, издают слегка пискливые, непохожие на обычное фыркающее хрюканье звуки, отдалённо напоминающие весеннюю песню. Но коротка эта песня, а дальше — обычные хлопоты. Ежата родятся голенькие, слепые и, что для матери важно, мягонькие, без иголок. Иголки появляются через несколько часов, со временем твердеют. Молоком ежиха детей кормит, но начнёт их выводить в свет — учитесь еду находить сами, а моё дело вас вывести и опять в норку доставить. И то первое время. Ежата обычно в июле становятся самостоятельными, и семья распадается.

Крот

С весной оживился, может быть, самый не нуждающийся в солнечном свете зверёк — крот. Ночь, день, разные времена года, как они сказываются в вечной тьме его подземных коридоров? Зимой в сильные морозы он копает их несколько глубже. Он не стремится к свободной прогулке без всяких препятствий. Его сильные кривые лапы с мощными когтями прокладывают ему под землёй коридор в любом направлении свободно и быстро. Однако весной, когда земля оттаяла, крот время от времени начинает прокапывать вертикальные колодцы. В них он выталкивает накопанную землю. Это и вентиляционный колодец. Рыхлая кучка земли, прикрывающая его, пропускает в коридоры затворника свежий воздух. Сквозь неё удаляются также и вредные газы, результат дыхания и усиленного пищеварения. Глаза кроту землёй не запорошит. Они у него крохотные и спрятаны под кожей, ушных раковин и совсем нет. Чуткий хоботок сообщит хозяину всё, что нужно знать в его странном подземном мире. Есть! Есть! Вот единственное, что ему интересно. Ест личинки насекомых, но главная его еда — дождевые черви, штук двадцать на обед. Поспит часа четыре и снова ест! ест! Черви помогают ненасытному обжоре. Запах кротового мускуса их, видимо, привлекает, и, помимо того, что крот их ищет, ещё сами ползут в его коридоры на смерть, в его ненасытную пасть. Всех посетителей ему даже сразу не съесть, он складывает их в кучку — про запас. Чтобы не расползлись, каждого кусает в головной конец. Без запаса кроту не обойтись. За день надо съесть почти столько, сколько весит сам.

Однако и в такой темноте весна чувствуется, и крот находит свою подругу. Встреча быстро кончается, и пара расстаётся. Кротиха сама будет растить кротят. Супруг теперь даже опасен: как бы не съел собственных детей.

Громадная польза от червей в сельском хозяйстве общеизвестна. Естественно было бы записать крота в разряд вредителей. Однако шкурка крота, хоть и небольшая, но прочная и красивая. В средних областях Европейской части нашей страны в заготовках пушнины крот занимает первое место, а по Союзу шестое. Так сложно бывает ответить на простой с виду вопрос: вред или польза?

Землеройка

В апрельском лесу нам попадутся и самые мелкие из насекомоядных и самые полезные — землеройки. Крупные весят не больше восьми граммов. А самая мелкая — землеройка Черского — всего два грамма. Новорождённых надо разглядывать

в лупу. В спячку взрослые не впадают. Их жизнь — непрерывные яростные поиски еды. Два часа голода, и землеройка уже мертва от истощения. Своим видом она напоминает мышку, но с хоботком, как у всех насекомоядных. Злобности и жадности симпатичной зверюшки хватило бы на крупного хищника. Всё, что ползает, бегает — жучок, личинка — ей годится. Но самое заманчивое блюдо — это молодая мышка.

Она больше землеройки, но смелости той не занимать. Хоть и мала, зато мышиная норка ей широкая дорога. Бежит землеройка под снегом, носик-хоботок так и дёргается — принюхивается. Есть! Землеройка исчезла в норке. Писк! Из норки вылотает испуганная мышь. Страшный всадник крепко вцепился ей в затылок. Через минуту всё кончено. Роскошный пир, пока не съеден последний кусочек, затем несколько минут передышки, и вот уже землеройка нервно поводит хоботком, принюхивается: чем бы ещё подкрепиться? Крошке землеройке везде дом: под корнями деревьев, во мху, в норке мыши, которую сама же съела.

К зиме мыши прибиваются к человеческому жилью, и землеройка с ними. В складах зерна и других местах, где мыши найдут еду, они и сами послужат пищей для землероек. В день им необходимо съедать пищи больше, чем весят сами. Живут землеройки поодиночке, ведь при встрече двух сразу решается вопрос: кому кого съесть?

Полезны ли они? Высчитано, что средняя плотность землероек в лесу 100 экземпляров на гектар. За год эта компания съедает не меньше 350 кг животной массы, в основном вредных для человека и его хозяйства существ. Ответ ясен. При этом изумительна и скорость размножения злобных карликов: 5—10 детёнышей весной, голых, слепых, но через шесть недель они уже разбегаются и сами готовы к деторождению.

Опытная хозяйка, если землеройка подчас угодит в мышеловку, бережно её выпустит. Эта длинноносая зверюшка десятка котов стоит, скажет она.

Сравнительно крупная водяная землеройка — кутора почти водный зверь. По краям лапок и каждого пальца в отдельности, на нижней стороне хвоста у неё оторочка из упругих волосков, получаются настоящие вёсла. Пловец кутора замечательный, а в жадности и хищности не отстаёт от своих родственников. Поймает лягушку, но если увидит другую — спешно и за ней кидается, но не забудет первую куснуть в голову, чтобы и её не упустить. Мех куторы (чёрная спинка, белое брюшко) не хуже кротового. Но встречается кутора не часто и потому промышленного значения не имеет.

Выхухоль

Последний зверёк из насекомоядных, особенно для нас интересный, выхухоль или хохуля, похож на землеройку. Зверёк полуводный, под водой может пробыть до десяти минут, затем выставить длинный хоботок, вдохнуть воздух и опять нырнуть. Волоски её шубки на концах утолщены, ложатся плотно друг на друга, воды не пропускают: вылезет, отряхнётся, расчешет шубку и снова, как была, сухая. Весна для неё время опасное. Норка у выхухоли с выходом под воду. Беда, если полая вода нору зальёт. Уцелевшие тоже часто лишаются жилья: их выгоняют нахальные переселенцы из Америки — ондатры. Не легче бывает и зимой. Зимний подъём воды часто заливает нору за считанные минуты. И в засуху плохо: полуслепая выхухоль на кривых лапках не ходок, чтобы найти другой водоём. Любой зверь, даже собака, поймает на берегу, затреплет и бросит. От выхухоли исходит запах мускуса — есть невкусно, но задушить всё-таки интересно.

Выхухоль — забавный зверёк, размером с крысу, прочная тёмно-коричневая шубка красотой напоминает мех бобра. Охотников на неё, понятно, много. А увёртливости, крысиной хитрости у выхухоли нет.

В 1920 году был издан первый декрет о полном запрещении охоты на выхухоль. С 1929 года начали отлов и переселение выхухоли в места, где она прежде жила. Масштаб работ был сразу взят большой. Так, в октябре 1955 года с Хопра из заповедника в пойму реки Сож выпустили 103 выхухоли.

Голод их убивает так же быстро, как и землероек. Поэтому пойманных и накормленных пассажиров мчали на самолёте и спешно выпустили на самом берегу реки — их новом местожительстве. Забавно было смотреть на них. Им некогда было ни осмотреться, ни испугаться. С пронзительным писком они кинулись к реке и набросились на ракушки, пиявок, жуков-плавунцов, грызли корневища кувшинок и подброшенных им мелких дохлых рыбёшек. Только утолив первый голод, они пришли в себя, огляделись, принюхались и, деловито погрузившись в воду, стали подыскивать удобные места, где нору выкопать.

В.Н. Шнитников сообщает, что до 1929 года в девяти областях отловили и выпустили в других местах 2500 зверьков. В. Вольский указывает, что сейчас выхухоль встречается в ряде мест — также в Татарии и в Мордовии.

Подумать только: плохо приспособленная к борьбе за существование (с нашей точки зрения), выхухоль была в числе едва ли не первых крохотных теплокровных млекопитающих,

появившихся на Земле миллионы лет тому назад, когда на ней царили гигантские ящеры динозавры. Крохотные зверьки тогда населяли всю Европу. Шли века, менялся климат, изменялся животный и растительный мир, а выхухоли цепко держались за жизнь. Они «сдали» лишь… когда на Земле появился и воцарился человек. Неужели же человек не сможет удержать в жизни такого цепкого зверька?

Два вида их осталось на нашей планете: в СССР и в Испании. И оба не широко живут, а очень выборочно: Пиренейская выхухоль по чёрным речкам Пиренейского хребта. А наша по прежним данным жила и живёт в поймах малых рек среднего отрезка Волги (Ярославль — Саратов), а также Дона и Урала.

Лет сто назад в некоторых озёрах, старицах лошади не могли пить воду, так сильно пахла она этими зверьками. А в тридцатых годах едва успели вблизи Воронежа создать для них Хоперский заповедник. Там, где выхухоли ещё сохранились, весной образуются пары. В мае появятся в норах и малыши.

Что ждёт беспомощного зверька с великолепной на его беду шкуркой. При Академии наук СССР действует подкомиссия по его охране и защите от вымирания. Не хочется думать, что выхухоль безвозвратно исчезнет.

В одном из заповедников устраивали для бедного зверька «спасательные станции» на время половодья. Возле затонов и стариц, где были обнаружены тогда норы выхухоли, сделали небольшие плотики из хвороста, покрыли сеном и свободно привязали к деревьям. Прибывающая вода поднимала лёгкие плотики. Их сразу оценили не только выхухоли, а вся многочисленная звериная мелочь. Ежи, кроты, землеройки, мыши. Мышей, полёвок тут же вылавливали сачками и уничтожали. Ежей, кротов, землероек почтительно отвозили на Большую землю, а выхухолям представляли плоты в пользование до спада воды. Интересно, что выхухоли как будто поняли, что для них делается исключение. Они сначала первыми с громким плеском кидались в воду, потом прыгали всё медленнее, неохотно и забирались обратно на плот быстрее. К сожалению, Г. Скребицкий не указывает, где это происходило.

Кабан

Давнишний обитатель дубовых лесов сравнительно недавно снова появился в Татарии. Первые годы охота на него была вообще строго запрещена. Но подкормка и охрана невзыскательного зверя в охотничьих угодьях сделали своё дело: кабаны размножились настолько, что теперь уже разрешена и охота, но по лицензиям. Однако количество лицензий может каждый год меняться. От глубины снега и суровых морозов часто зависит, как перезимуют коротконогие звери и чувствительный к морозу молодняк. Корм на земле, а до неё добраться в суровую многоснежную зиму трудно. Одна подкормка не спасает.

Охоту на кабана опытные охотники считают более опасной, чем даже охоту на медведя. Взрослый секач длиной почти два метра весит четверть тонны, острые трёхгранные клыки больше десяти сантиметров длиной. С боков грудь его защищает хрящевое утолщение — калкан, который с трудом можно разрубить топором. Хорошим стрелком с крепкими нервами должен быть охотник, навстречу которому несётся разъярённый секач, раненный или внезапно потревоженный. Характер у него, можно сказать, скверный.

Но вот зима, какова бы она ни была, кончилась. Ранний тёплый март — апрель сделал своё дело. Кончился зимой и гон свирепых секачей, от них в страхе разбежались молодые кабанчики, а свиньи заметно отяжелели. То одна, то другая втихомолку покидают стадо. Их дело требует тишины и уединения. Стадо как будто этого и не замечает, двигается дальше. А тем временем…

На кустах ещё и листьев нет, но так густо переплелись ветки, что не сразу разберёшь, что там зашевелилось. Свинья, крупная, грузная, листья, всякую труху собрала, копытами старательно утаптывает, рылом помогает, похоже, старается постелить помягче. Готово!

Ещё немного покрутилась, фыркнула, легла и затихла. Постель для малышей готова.

Немного времени прошло, и около лежащей матери что-то закопошилось. Они! Все в буроватых продольных полосках. Благодаря этим полоскам так сольются со всем окружающим, что и вблизи враг не разглядит. Едва на свет появились и вот уже к материнским соскам устремились. Она лежит, отдыхает, пока они жадно первый раз в жизни пьют тёплое молоко. Наконец, сытые, к боку матери прижались и затихли.

Стадо, тем временем, не торопясь двигается дальше. Так все

матки по укромным уголкам расходятся. И так же, одна за другой, когда дети окрепнут, в своё стадо придут, каждая за собой малышей приведёт. В стадо к этому времени вернутся и молодые кабаны. Их старые секачи на время гона ревниво отгоняли. А часть секачей опять бродит поодиночке, их так и зовут — одинцы. Поросята всегда веселы, игривы, борьбу, драки затевают. Матери за ними зорко следят, чуть что — на защиту встанут. Впереди весёлое лето, вкусная разнообразная еда, скоро и материнское молоко ненужным станет.

Лоси и косули

Апрель не кончился, а у лосихи появляется потомство: лосёнок, а то и пара. Малыши беспомощные, сначала даже сосут мать лёжа. Смешные, на длинных тонких ножках, точно игрушечные, так и хочется потрогать. Лучше не трогайте: матери около них не видно, она их покормила и отошла, но зорко издали наблюдает. Заметили её и отойдите подальше. Рогов у лосихи нет, но она хорошо умеет, если нужно, действовать зубами и ударами острых копыт.

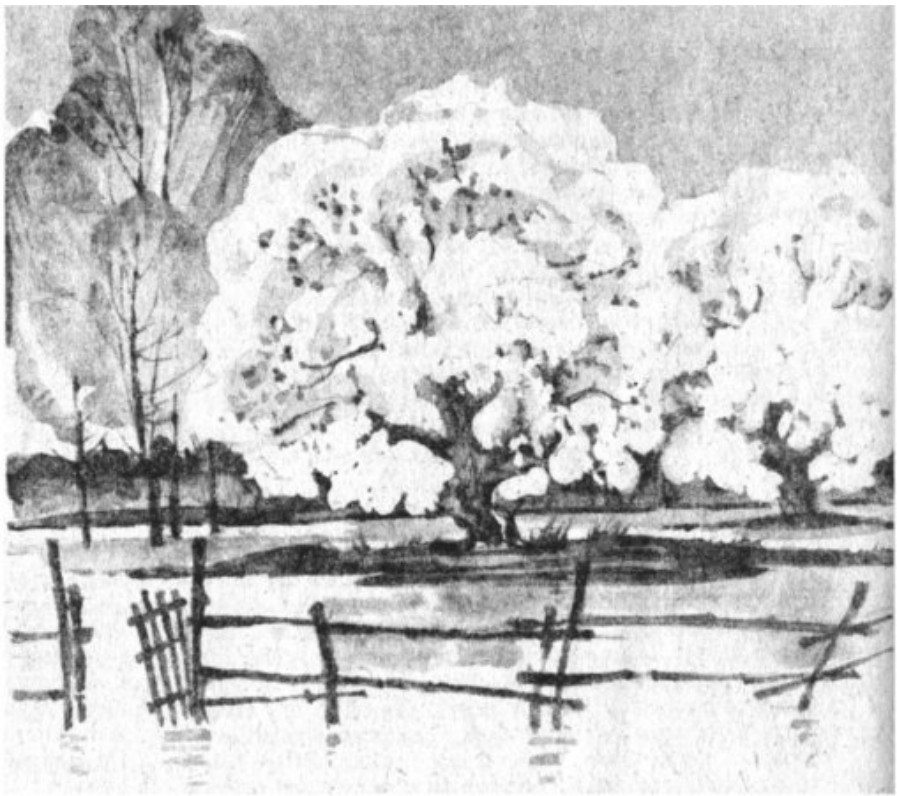
Пройдёт несколько дней, и вы малышей не узнаете. Длинные ножки окрепли, лосята в беге от матери уже не отстанут.

Лоси не единственные олени наших лесов. Осторожный следопыт в сырых местах заметит на земле отпечатки маленького копытца. А повезёт — увидит, как мелькнёт в чаще и тут же исчезнет изящный силуэт косули.

Робкая нежная косуля пришла на территорию Татарии из близких заказников или заповедников. В последние годы она у нас понемножку расселяется. В Альметьевском районе для неё создан большой заказник (24000 га), в трудное время их там подкармливают. Однако численность косуль растёт очень медленно. Каждая многоснежная зима — большое испытание для маленького оленя.

Весна — время рождения молодняка у косули, обычно один — два малыша. Через неделю они начинают ходить за матерью. Шкурка пёстрая, вся в белых пятнышках, точно брызги солнечного света. Лучшая защита: рукой нащупать такого малыша легче, чем увидеть.

МАЙ



Май. Такое название месяцу дали древние римляне, лукаво производя его от Майи — богини обольщения. Весёлый, звонкий, цветами украшенный месяц! Он и травень, и цветень, и квитень. Радостно и ярко зовут его славянские народы.

Мы живём севернее, и у нас, в Татарии, все сроки по сравнению с южанами сдвинуты, всё прилетает и зацветает позже, чем на Украине или даже в Ленинграде, но очерёдность сохраняется. Последние перелётные птицы явились в мае. Одни соединяются в пары обычно на один сезон. У других (лебеди, гуси перелётные, журавли, хищные птицы) пары образуются на всю жизнь. У глухарей, тетеревов, уток краткосрочная встреча. Дальнейшее — постройка гнезда, охрана и обучение детей — дело только матери.

Все отдохнули от трудностей и опасностей перелёта и устраиваются, каждая пара по-своему. Из певчих задорный зяблик всех зябликов с выбранного им участка разогнал, мирные дрозды, наоборот, поближе друг к другу, целыми колониями устроились. Заботы о детях у них пока нет. И отлично. Разве тогда звучали бы

так чудесно их звонкие песни — краткая передышка между полными хлопот и опасностей прошлым и будущим? У певчих пары образуются только на один сезон. Встретились, а дальше серия инстинктов подскажет, что и как делать полагается.

Радостный, чудесный месяц, но неустойчив. То по-настоящему жарко на солнышке, то вдруг ночью заморозок. Случается, правда редко, что в нашей средней полосе даже и про снег капризный май вспомнит. В 1917 году 21-го и 22-го мая снег густо валил в бассейнах Оки и Верхней Волги и, хоть недолго держался, но бед натворил много. Поэтому опытные садоводы на всякий случай кучи мусора между деревьями припасают, берегут нежное цветенье садов. Чуть что — мусор зажгут, он дыма напустит, и дым садовый цвет сбережёт.

Но и холодный май всё-таки чудесный месяц. Травы на глазах тянутся, цветут уже не только подснежники. Даже сырые низины расцветают золотой калужницей (некрасиво и несправедливо называют этот прелестный цветок «куреслеп»).

В лиственных лесах цветёт удивительная медуница. Сначала её цветы красные. Постояли — полиловели. А под конец отцветающий цветок становится голубым. Расцветают цветы на кустике не в одно время. И стоит он весь пёстрый, в три цвета наряжённый. Как ответить на вопрос: какого цвета медуница?

Цветут и жёлтый гусиный лук, сиреневая хохлатка, трёхцветная фиалка, торопятся. Им раннее цветенье на пользу. Пока на деревьях нет листьев, нет и тени, а на свету и насекомые лучше опыляют цветы, и сами растения успевают заготовить в своих клубеньках и луковицах запас пищи для цветения в будущем году. А вот и краса наших лесов: фарфоровой белизны колокольчики ландыша расцвели. Прислушайтесь, так и кажется: звенят-поют фарфоровым чистейшим голоском. Как объяснить людям, что несколько осторожно сорванных стебельков доставят не меньше радости, чем варварски опустошённая полянка и громадный букет, в котором смята, стиснута, обезличена нежная ландышевая красота! К тому же скромный красавец ландыш ядовит, и аромат большого букета ночью в комнате может быть опасен. Полюбуйтесь им в родном лесу и… оставьте. Ландыш трудно возобновляется там, где его уничтожили. Красные ягоды, в которые превратятся чудесные белые цветы, тоже ядовиты.

Изумительно хорошо майское разноцветье! А майская роса! Любую скромную травку, как жемчугом, украшает. И притом целительна. Народ о ней и поговорку сложил: «От майской росы коню пользы не меньше, чем от овса».

За зиму и скот истомился на сухоеди, а трава сразу силы прибавит. Ребятам раздолье, и хозяйкам радость: щавель, кислица

и крапива подросли, зелёные щи сварить можно.

Берёза потихоньку листочки разворачивает, точно деток распелёнывает. За ней скоро и липа зазеленеет. Клён остролистный тоже позеленел, но с хитростью: у него не только листики зеленеют, а уже цветки красуются, собранные в щитовидные соцветия. Они были искусно спрятаны в почках и теперь сбросили чешуйки. Мёдом эти щитки пахнут, сладкого нектара полны. Насекомые их так и облепляют. Зацветает и черёмуха, как всегда через 28 дней после того, как орешник запылит (рыбаки радуются: лещ и сазан оживают). Проверьте примету: раньше зацветёт черёмуха — теплее будут месяцы июль, август, сентябрь. А там вишня, груша и яблоня-дикарка цветут. Культурные сорта ещё подумывают.

«Зеленеют», «цветут», а как различить это у деревьев, на которых цветы не радуют цветом и ароматом, так, как, например, радуют черёмуха, яблоня? Просто: встряхните веточку скромной берёзы, тополя. Невидные их тычиночные серёжки запылят, облачко плодотворной пыльцы летит по ветру, листьев ещё нет, ветер-опылитель легко переносит пыльцу на такие же скромные пестики. Великое дело продления жизни совершилось. Деревья цветут.

В мае всё хорошо: и цветы и песни, невольно залюбуешься и мощным стволом старого дуба, силой и прочностью его узловатых ветвей. А доберёшься до тонких веточек, и на них залюбуешься вырезными листьями, прекрасными ещё весенней яркой красотой. Многое увидел этот дуб за десятки и сотни лет жизни.

Воображение разыгрывается. А вы задержите его, вернее, направьте не на прошлое, а на маленькие, но ещё более поразительные чудеса, которые вы, увлёкшись масштабами, проглядели. Почки, крошечные почки у основания каждого листа, не у дуба только, а у любого дерева. У почек не сотни лет за плечами, они появляются летом и не торопятся развиваться дальше, как прошлогодние почки, которые уже развернулись в листья. Эти сбросят покровы и развернутся в листья будущей весной. И так каждый год. Это «ключи новой жизни, открывающие возрождение зелёного царства», — говорит Я. Суханов. Летом каждый лист делится со своей почкой соками, какие доставляет ему по Черешку родное дерево. Делится не щедро, поэтому почка в рост не трогается, ей рано. Но наступает осень и с ней конец жизни зелёного листа. Он желтеет, сохнет, так как неиспользованный им сок уходит обратно по черешку в ствол и вниз — в корни до будущей весны, а лёгкий сухой лист отделяется от ветки и, порхая, опускается на землю. На ветке в этом месте не показывается ни капельки сока, и место отлома

заранее затянулось тонким пробковым слоем. Почкам не повредило, они продолжают получать питание из запаса, сохраняемого для них деревом. Его хватает с избытком, почки даже немного увеличиваются зимой в объёме, словно не спят, а дремлют. Но в них идёт тайная напряжённая работа: образуются на диво удобно свёрнутые, туго сложенные будущие листики, цветы, всё, что весной в положенное время расправится, выглянет на свет. Морозы почкам не страшны. Верхние кожистые непромокаемые чешуйки плотно укутывают их в несколько слоёв (у липы и ольхи 2–3 слоя, у ясеня — 4, а у дуба… до сорока!). Часто чешуйки сверху покрывает-оберегает ещё слой липкой смолы и даже слой ворсинок, слежавшихся в плотный войлок. У некоторых почек (осина, ива) есть ещё и внутри тёплый слой шелковистых волоконец, у других — добавочные слои смолы и воска. Надёжные укрытия! Понятно. Ведь почки — это будущее каждого дерева. А зима наша сурова и не милует плохо защищённых.

Наконец, ранняя или поздняя весна, а пришла. Средняя суточная температура перешла за +5°, весну почувствовали корни в отогревшейся земле, и сок, зимовавший в них, с живительной водой — снеговицей энергично двинулся вверх по согретому весенним солнцем стволу в ветки, веточки, добрался и до почек. Это уже не скудное зимнее питание «абы выжить». По-весеннему отвечают почки на приглашение к весеннему столу. Весь сок в их распоряжении (прошлогодних листьев ведь нет). Хитрые противоморозные выдумки больше не нужны. Почки наливаются соком, увеличиваются на глазах. И вот уже зимние покровы лопаются по швам. Да здравствует весна!

Почки — начало жизни как у карликовой полярной берёзы, так и у могучего дуба. Они бесконечно разнообразны у разных видов и даже на разных частях одного дерева. Одни, почти плоские, прижимаются к ветке плотно, едва заметишь, другие слегка приподнимаются на коротких ножках, торчком, а иногда тесными кучками на кончиках побегов. Разнообразна их форма, величина и цвет. У берёзы они мелкие, жёсткие, у рябины — крупные, пушистые. Бывают почки круглые и заострённые, гладкие и шероховатые, мохнатые, клейкие. Цвет — от кремовых до чёрных.

Даже на одном дереве почки разные: одни поменьше, в них бережно, удивительно экономно и туго свёрнуты нежные, уже зелёные листочки. А зачатку стебелька с листьями и цветами или целому соцветию (в серёжках берёзы, осины) и почка-колыбелька достаётся покрупнее. Большую почку клёна осторожно развернёшь и… глазам не веришь: в ней крохотный букетик

поместился, да-да, отдельные Цветочки видны и зелёные листики, которые окружат букетик, когда тот развернётся весной. Разве не настоящая поэма без слов? Я знала человека, который рассмотрел такой букетик под сильной лупой и молча снял шапку. Я его поняла.

Мало того, у каждого дерева есть почки разного назначения. Верхушечные, боковые. Одни помогают дереву тянуться ввысь, другие — ветвиться в стороны. Они и располагаются на дереве не как попало, а в строго предназначенных местах.

Наконец, у дерева есть ещё почки спящие. По виду они ничем от других не отличаются, но к весеннему зову природы равнодушны.

Спать они могут не год, а годы, в зависимости от того, как сложится их судьба. Дерево становится всё толще, почки, зародившиеся на молодом тонком стволе или ветви, постепенно скрываются под новыми слоями древесины. Внешнее проявление жизни у них одно: в низу ствола, где кора со временем сильно утолщается, они выпускают к поверхности тоненькие стерженьки-побеги, чтобы нарастающая кора их слишком глубоко не замуровала.

Бывает и так. Годы идут. Почки дремлют и, наконец, дерево спилено или толстый сук обломился. Корни всё так же посылают весенний бодрящий сок вверх к спиленному отсутствующему стволу или обломанной ветви. Но нет хода вверх животворящему соку. Он доходит до поверхности пня или конца сука и изливается на эту поверхность из перерезанных пилой сосудов. Сок, предназначенный питать целое, теперь отсутствующее дерево, переполняет жалкий остаток его, и тогда, наконец, оживают годами спавшие в толще его почки. Избыток сока в пне пробудил их. Они начинают развиваться, как если бы находились на поверхности дерева. И вот уже молодая поросль пробила толстую кору, и весёлый голос её присоединился к весеннему хору проснувшихся деревьев.

Иногда жестокая зима убивает деревья. Они уже не радуются весне. Ствол, ветви, по-видимому, мертвы, почки, с прошлого лета готовившиеся к весеннему празднику, не распустились. Не помогли крепкие одёжки на подкладке из смолы и пуха. Но вы не торопитесь рубить дерево. Вспомним, что есть ещё на стволе и ветках долго спящие почки. Не проснутся ли они? А они часто и просыпаются. Не сразу, иногда через год-два. В самых разнообразных местах ствола и ветвей радостно откликаются пучки небольших веточек. Они не велики, но выполнили предназначенное им: прийти на помощь погибающему родному дереву. Да здравствует жизнь, победившая смерть и тлен!

Весенние цветы-медоносы радуют не только пчёл, вынесенных из омшаников на свободу. Уже не только крапивницы и лимонницы, целый хоровод бабочек вьётся, а с ними и шмели басом гудят, и осы стремительно мелькают, а там и жуки, клопы, всё летучее и ползучее торопится на солнышке погреться, сладким нектаром вдоволь напиться, пыльцой закусить. Пёстрая компания. Одни красотой радуют, другие и пользу приносят, вредных насекомых истребляют. Однако и вредители не зевают. Они плодовиты и прожорливы. Если мы не сумеем наши поля, леса, огороды защитить — прогадаем. Иногда нам сама природа помогает. «Май холодный — год хлебородный» — говорится в народе и не напрасно: насекомые-вредители чувствительны к холоду, он замедляет их развитие. А растения за это время успеют подрасти, укрепиться, летучие-ползучие не так уж им страшны. Но мы не должны ждать милостей от природы. Вот пример, когда мы сами можем защитить полезные растения от вредителей.

Наступает тёплый майский вечер, и в музыке весны появляется новая нота, не мелодичная, скорее угрожающая: вылетели майские жуки. Откуда? Из земли. Жук крупный, рыжевато-коричневый. У самца веером распускаются изящные усики. Симпатичный с виду, но три-четыре года белая, крючком согнутая его личинка жила в земле, беспощадно объедала нежные корешки растений. Наконец выросла. Сбросила последнюю личиночную шкурку — и под ней уже не личинка, а куколка, белая, неподвижная, точно фарфоровый жук с крепко прижатыми к телу лапками. Вскоре куколка потемнела, и ещё одно великое превращение: сброшена последняя шкурка куколки. Настоящий жук скребёт, прокапывает небольшой слой земли, отделяющий его от желанной свободы. Готово! Коричневый красавец почистился, осмотрелся и с солидным басистым гуденьем взмывает вверх. Начинается жучий праздник, берегитесь, нежные берёзовые листочки!

Тучи жуков в грозном танце закружились вокруг молодых берёзок. Жук в полёте не очень ловок, он и об лоб стоящего на пути человека стукнется, но до дерева всё же доберётся и живо за работу, молодые листочки есть.

Весь вечер работают жуки. Не хватило берёзок — всё зелёное годится. К утру жуки пристыли в захолодевшем воздухе, облепили ветки, не едят, ждут тепла. Вот тут-то под деревом надо разложить полотнища, стряхнуть на них оцепеневших от холода вредителей. В котёл их с кипящей водой! Прекрасный корм для свиней и домашней птицы. Жуки убиты и не отложат в землю

яичек, из которых через четыре года вышли бы новые полчища вредителей. За эти годы не меньше навредили бы и личинки, вышедшие из яичек по землёй: корешки обгрызали. Молодые саженцы деревьев от этого болеют и часто гибнут.

По народной примете много жуков — к засухе. Проверьте!

А лес и поле звенят песнями, как будто бы и не было вражеского нашествия. Правда, днём и птицы нам помогали, но крупный крепкий жук не всем под силу. Лес гремит от птичьих песен, весёлые свадьбы справляет. Каждая пичуга, как ей положено, в свой час заливается. А спустится солнце, вырастут негустые ещё тени, смолкнут дневные певцы.

Но время бежит, и вот уже на смену ночи приходит утро и с ним славит солнце — запевает жаворонок. Вы слышали его. Но видели ли, как он поёт, какие изумительные выделывает при этом акробатические трюки?! Песня его не богата разнообразными коленами, как у соловья, нет у неё и определённого конца, как у песни зяблика. Она льётся чистым серебряным звоном колокольчика, и кажется, сам воздух звенит и поёт вместе с маленьким певцом.

Подруга его спокойно сидит на гнезде или кормится неподалёку. Хочется думать, что и она наслаждается его пением. А жаворонок, не прерывая пения, кругами уносится выше и выше и вот уже исчез в высоте, и одна его песня льётся, удаляется, звенит… Нет, ближе, ближе, опять появилась чёрная точка: опускаясь, он не делает кругов, лишь взмахивает крылышками, почти падает, и песня становится более отрывистой. До земли осталось метров двадцать, меньше… Песня смолкла, певец круто планирует вниз и опять с песней кругами уходит в высоту. Всё с начала: тир-лир-лир-лю-ю-ю. И так от зари до сумерек, а иногда ещё и в лунную ночь. Какое увлечение поддерживает эти маленькие крылышки и серебряное горлышко?

Все силы душевные и физические вложены в песню. Зато гнездо, можно сказать, не строится. Ямка, иногда просто след копыта, лошадиного или коровьего, в него неумело натисканы кое-какие травинки, в середине — помягче. Сам певец и в насиживании яичек участия не принимает. Он поёт… пока в гнезде не запищат птенцы. Тут уж не до песен. Сколько вредных насекомых скормят им и сами съедят родители! Чудесная и полезная птичка. Жаворонки даже зёрна в поле не вылущивают из стоящих колосьев, а подбирают на земле падалицу, на которую рассчитывали мыши и полёвки. Шофёр! Если заметишь в колее выбоину и в ней маленькую серую головку — объезжай стороной. Полно страха сердечко матери-жаворонка, но она не вспорхнёт, погибнет под колесом вместе с драгоценными яичками. От зари

до зари поют, славят май весёлые птицы, и вот, наконец, в сумерках запевает маленькая серая птичка с огромными чёрными глазами. Соловей! Сорок разных колен различают знатоки в его песне. И стараются подобрать к ним звуки человеческого голоса. Напрасный труд. Песня соловья неповторима. Она неотделима от мягкой вечерней прохлады, от аромата просыпающихся берёзовых листочков, от сумрака зарослей, нежного шороха зацветающей черёмухи и других кустов низинного подлеска.

Знатоки в былое время платили большие деньги за лучших певцов, вылавливали их в местах, где особо славились знаменитые солисты. Выловили и спохватились: в этих местах соловьи петь стали хуже. Поняли наконец, что соловьи учатся друг у друга. Не стало учителей — не от кого перенять высшее мастерство.

Соловей в клетке. Может ли быть более горькая несправедливость! Соловьёв легко приманить поселиться в удобных им местах, где можно их слушать на свободе. Надо посадить густые кусты подлеска: бересклет, крушину, жимолость, колючий крыжовник… В гущине гнездо соловья безопасно от хищников. В таких зарослях доверчивая милая птица может свить гнездо и в городском парке, в саду. Считаемся, что великий мастер своим пением увлечён и никому не подражает. Но недавно замечено, будто соловьи, поселившиеся в городских садах, иногда, и очень искусно, среди своих «колен» вставляют… позывные радио. А серьёзный наблюдатель В. Строков слышал, как соловей вдруг отозвался на кваканье лягушки. И очень похоже. Но это явно снисходительная шутка великого мастера.

Однажды весной в старом парке одной казанской больницы, подле радио и ярких фонарей, в густых кустах запел соловей. Значит, и гнездо его там, в кустах около липы, и мать-соловушка оттуда слушает его пение и греет пушистой тёплой грудкой крохотные яички. В яичках день ото дня зреют, растут его дети, ради которых родители летели к нам на слабых крылышках через Средиземное море, мимо итальянцев, для которых наше золотое горлышко — только кусочек мяса, на один укус.

Не опоздали к маю и другие, не самые лучшие певцы.

«Ку-ку» вдруг послышалось как будто неуверенно в лесу, и опять «ку-ку» и радостно отдалось в нашем сердце: «Кукушка, кукушка, сколько лет мне жить?»

Кукушку это мало интересует. У неё свои заботы. Крылья расправила, крапчатый хвост веером распустила и с каждым «ку-ку» кланяется, подружку ждёт. Заодно соперникам знать даёт: место занято, летите подальше. Самое бы время отдохнуть, подкормиться и за дело приниматься — гнездо вить, детей

выводить. Ну нет, кукушки ничего строить не собираются, ждут, пока другие птицы гнёзда совьют и яичек нанесут и тогда…

«Ку-ку, ку-ку» — оказывается, это не плач беспризорной бездетной матери. Это самец с самкой перекликается и ей помогает в её тёмном деле. Вот он пролетел мимо гнезда горихвостки. Храбрые птички-родители на него так и накинулись. За ними зарянки, соседи, дрозды — целая армия угнала кукушку-самца далеко, видно, здорово напугала.

Хорошо? Не очень. Гнёзда-то свои оставили без охраны. Этого как раз кукушкам и надо. В это время самка-кукушка молчком прямо к дуплу-гнезду горихвостки кинулась. Заглянула раз и — выбросила одно голубое яичко. Два… и своё, такое же голубенькое, в клюве с земли подняла и в дупло опустила. Готово! Горихвостки вернутся довольные: отогнали врага. Да не того, кого следовало! Теперь будут воспитывать кукушонка. Единственного. Почему же единственного? Ведь остальных яичек кукушка не тронула. Посмотрим же, что дальше будет. Кукушонок вылупляется на двое суток раньше других птенцов. Голый, слепой, с огромным ртом и заметным углублением на спине. На следующий же день уродец становится очень беспокоен. Едва коснувшись другого, ещё очень слабого птенчика или яйца, он подползает под него, так что жертва оказывается как раз у него в углублении на спине. Затем, приподнявшись на ногах, рывком выкидывает её через край гнезда на землю. Кукушонок делает это в отсутствие родителей. Птенцы, не согретые ими, малоподвижны, а он в это время и трудится усердно. Один, другой, третий, четвёртый, с каждым прилётом родителей кого-то не хватает. Но им не до счёта. Навстречу каждый раз разевается жадная пасть кукушонка: скорей, скорей сунуть в неё принесённую пищу и мчаться за новой порцией. И так 200–300 раз в день. Слабый писк выброшенных птенчиков слышится У подножия дерева, под гнездом. Но родителей это не тревожит. Инстинкт говорит им, что их гнездо должно находиться на дереве на определённой высоте и в нём их птенчик. И они преданно кормят убийцу. Скверная мать кукушка. Возмутительная! Правда? Но у каждой палки два конца. Сколько яиц откладывает кукушка? В среднем Двадцать. Допустим, она свила гнездо и высидела два десятка голых Уродцев. Но это не то, что утята или тетеревята, которые почти сразу встают на ножки, покрыты тёплым пушком и уже готовы самостоятельно ковылять за матерью и клевать, как она научит. Может кукушка одна накормить своих уродцев? Конечно, не может. Приёмные родители вдвоём с трудом выкармливают одного. Больше того, она и свои два десятка яиц откладывает по одному, через два-три

дня. Кладка растянута почти на два месяца. Как кормить первых птенцов и высиживать последние яйца?

Вот и получилось, что наши кукушки смогли выжить только потому, что кукушка начала подкидывать свои яйца в чужие гнёзда. Почему они стали так поступать? Вот это и нам очень хотелось бы узнать.

Обычно кукушка удачно пристраивает деток: и яйца похожи на яйца обманутой птахи, и, если в гнезде уже полная кладка, одно хозяйское яичко выкинет, счёт тот же. Да и подкладывает яичко не всегда со скандалом, как мы про горихвостку рассказали. Тихонечко укараулит сама, когда гнездо на минутку осталось без присмотра. Но всё-таки и у хитрой птицы в чём-то бывает промашка. Крошечные крапивники — одни из самых осторожных. Покажется им что-то подозрительным — и бросают гнездо. Погибают и собственные яйца и кукушкино. Горихвостки, камышовки тоже иногда обман разберут, но гнезда не бросят: прикроют свои яички вместе с кукушкиным новым слоем подстилки, новых яичек на неё нанесут и детей выведут. Прежние погибнут, но и кукушонок тоже. Больше ста пятидесяти видов птиц, в основном мелких певчих, растят кукушкиных детей. Кукушка много больше их ростом, а яйца несёт удивительно маленькие, по величине не отличить от «хозяйских». Кроме того, каждая кукушка старается раздать свои яйца тем же птичкам, какие в своё время и её вывели. В гнезде ли зарянки, пеночки, горихвостки. И её яйца цветом именно на яйца этих птиц похожи. Удивляешься, как удаётся иной птице всё-таки обман распознать.

Но вот обман удался. Единственный птенец в гнезде, безобразный кукушонок, стараниями пары приёмных родителей выкормлен, вырос и похорошел. Он один не помещается в гнезде, предназначенном для семьи, один и ест за всю семью. Скоро он вырастет больше приёмных родителей. Прилетая, они усаживаются ему на спину, и головка «мамы» или «папы» с принесённым кормом погружается в его широко открытый клюв. В гнезде уже тесно, кукушонок перебирается на соседнюю ветку, ещё месяц сидит на ней и его кормят крошечные обманутые «родители». А выучится летать — благодарности не ждите. Одиночкой выросла в гнезде молодая кукушка. Ни спасибо, ни до свидания, одиночкой отправится она осенью в чутьём ведомый ей первый путь, в далёкую Африку.

За каждую молодую кукушку в лесу мы платим гибелью целого выводка пташек, а ведь они — защитники наших лесов от вредных насекомых. Нехорошо? Куда уж хуже.

Может быть, перестрелять бессовестных птиц, и дело с концом? Но тут в защиту кукушки все лесники горой встанут.

— Что? Кукушек стрелять? А волосатых гусениц, самых для леса вредных, кроме кукушек, кто клевать будет? Им точно кто по телефону скажет, в каком квартале эта зараза появилась. Так они со всего леса все туда. И сразу за работу. Кукушка лесу первый друг.

Справедливо лесники говорят. Кукушки, собравшись действительно целой стаей на лесную беду, начинают есть гораздо больше обычного. Не зря французы говорят, что аппетит приходит во время еды. И не к одним только кукушкам. Розовые скворцы в Средней Азии также слетаются (точно кто им сообщил по телеграфу) в места, где скопились стаи ещё бескрылых личинок саранчи. И тут начинается пиршество. Объевшиеся скворцы в изнеможении падают на землю с раскрытыми крыльями. Полежат, передохнут и опять начинают пировать. Но саранчуки хоть безволосые. А у кукушки от любимой еды даже желудок внутри мохнатый. Волоски проглоченных гусениц втыкаются в его стенки, покрытые хитиновой кутикулой, становятся похожи на щётку. Не беда, время от времени кутикула отслаивается и выделяется, как погадка, через рот, Желудок опять чист. Можно кушать дальше. И тут кукушкина бездомность приносит лесу огромную пользу. Если бы кукушка грела собственных птенцов в собственном гнезде, как бы она могла бросить их и лететь куда-то, спасать лес, поражённый гусеницами? Это ещё одно доказательство того, как осторожно нужно вмешиваться в отстоявшиеся тысячелетиями условия жизни природы и нельзя с ходу решать вопрос, кто вреден, кто полезен.

В жарких странах живут 130 видов кукушек. Одни, как птицам полагается, строят гнёзда, сами растят детей. Другие — бездомницы, как наши кукушки. Есть и такие, что ни к какому берегу не пристали: то своих птенцов сами выведут, то яйца в чужие гнёзда раскидают, иногда птицам своего же вида.

Но пока ещё лес полон песен, и певцы выступают строго по регламенту. Поздно вечером а уютных зарослях запевает, как мы говорили, «певец тоски и сумерек» — соловей, за ним откликается лесной жаворонок — юла. Немного позже, в два-три часа, просыпаются поле и луг, это подали голос перепел и полевой жаворонок. Им в мелколесье; в садах ответила горихвостка, а в лесу иволга, большая синица. Им отвечает милой простой песенкой крапивник-крохотулька, всего пять граммов весом, а задора у него на большую птицу. А вот в четыре часа уже дуэт: зяблик с овсянкой, а там и зарянка откликнется. Чудесный её голосок в птичьем хоре не теряется. Забавно, что неугомонный воробей утром любит понежиться: раньше шести часов из гнезда

не выберется.

В грачевниках стало тише. Кончились скандалы с воровством строительного материала: гнёзда готовы, делить нечего, и грачихи сели на яйца. Жителям соседних домов кратковременная передышка, вернее их ушам, пока не раздастся хор голодных грачат: есть хотим, дай! дай!

Грачихи кончают яйцекладку и садятся насиживать не раньше, чем земля прогреется. Тогда черви и личинки насекомых поднимутся наверх, навстречу теплу, и грачи легко смогут накормить будущих матерей: ведь они и голодные не слетят с гнезда — яйца могут остыть. А прикрыть их на это время пухом грачихи не догадываются — не утки.

Завершается великое переселение птиц с зимовок в родные места. Дождались тепла насекомые. В воздухе затолклись комарики, мошкара — еда для птиц, которые на лету её ловят.

А тут не заставил себя ждать весёлый щебет: прилетели мы! прилетели! Это ласточки, городские, а за ними и деревенские. Песней щебет их, пожалуй, не назовёшь, но как радостно слушать их милый разговор. Ни ссор, ни драк, мирно поделили, кому гнездо под чьей крышей лепить, отдохнули и вот уже куда-то слетали, кусочки глины, сырой земли со слюнкой в клювиках несут. Первую полоску — основу гнезда на стене под крышей выводят и щебечут — то ли советуются, то ли радуются: в Африке хорошо, а дома лучше. В деревне, где ещё не перевелись лошади, ласточки в сырую полоску обязательно втиснут волос из лошадиного хвоста — для прочности. Годятся для этого и соломинки. Недаром их гнёзда удивительно прочны: и зиму переживут. Но ласточки старой квартиры не признают.

Ласточку деревенскую от городской сразу отличить можно по глубокой вырезке на хвосте. Деревенскую ласково зовут касатка. Она селится больше под крышей небольших деревянных построек. Городская, воронок, предпочитает каменные постройки, потому её чаще увидишь в городе. Мирные птички селятся не в одиночку, вместе веселее. Гнездо из земли со слюной скоро не выстроишь, каждый ряд должен хорошенько просохнуть. Иногда и две недели растёт гнёздышко. У касатки гнездо-чашечка боком к стенке прилепилось, у воронка — почти шарик — боком и верхом к стенке и к крыше. А вход — с другого бока. И то и другое гнездо удобно. Наконец оно готово. Внутри мягкая постелька. На ней яички лежат, но насиживать их помогает только отец-воронок, мать-касатка греет яйца одна. Птенцов кормят обе пары. Ловить насекомых на полдюжины голодных ртов труд не малый, в длинный летний день отдыхать некогда. Раз по шестьсот в день с полными ротиками подлетают к гнезду родители и опять

уносятся в воздух. «Как весело ласточки целый день играют», — часто говорят люди. А ведь им, бедняжкам, надо ещё и самим покормиться и воды клювиками зачерпнуть над прудом или озерком. И всё на лету… Потому и прилетают к нам ласточки, только когда потеплеет и поднимутся в воздух рои насекомых. Слабые ласточкины ножки годятся только на то, чтобы с лету прицепиться к краю гнезда или к шероховатой поверхности стенки, на земле ловить насекомых они не могут. Наконец, птенцы выклюнулись, выросли. Через три недели они покидают гнездо. Ещё несколько дней, и родители перестают их кормить. Учитесь сами. Родителям некогда, пора заботиться о втором выводке.

Обе ласточки, и касатка и воронок, так давно уже привыкли к человеку, что спроси кого-нибудь, когда же и где они жили раньше, почти каждый ответит: около людей. Люди любят этих милых птичек и ждут их с нетерпением. Раньше хозяйки к прилёту ласточек пекли маленькие булочки в виде птичек с глазами-изюминками. И до чего же весело было детям с этими птичками по улице бегать и слушать щебет путешественниц, вернувшихся из дальних стран! Ласточки доверчивы, ведь их даже и мальчишка с рогаткой не обидит. Верят люди, что ласточка дому счастье приносит.

А вот ласточка береговушка возле людей не живёт. Ей не крыша нужна, а обрывистый речной берег. Стоит взглянуть на мощные, с крепкими когтями лапы крота, сразу скажешь, что он прирождённый землекоп. А лапки береговушек нежные, и клюв не грубее, чем клювик сестриц под нашими крышами. Трудно поверить, что эти клюв и лапки прокапывают в крутом обрыве над рекой нередко метровый ход и в конце его ещё гнездовую камеру. И всё это за два-три дня. Если обрыв песчаный, прицепиться ножками в начале работы нельзя — песок сыплется. Птичка повисает в воздухе, часто машет крылышками и клювом долбит, пока не получится углубление. Тогда она цепляется за край его лапками и продолжает долбить клювом сидя. Ямка стала поглубже, в ней можно уже поместиться. Заработали лапки: отбрасывают назад отклёванные кусочки. Копают оба супруга попеременно.

Готовую гнездовую камеру устилают помягче, и вот уже четыре-шесть белых яичек отложены, и дружная пара также попеременно начинает их насиживать. Труд немалый, зато спокойно и безопасно.

Береговушки дружный народ, в подходящем месте они селятся сотнями, а то и тысячами впритык. И охотятся вместе, целой стаей — не густой, рассеянной, над своей рекой и дальше,

над болотами и лугами, где больше насекомых.

Один натуралист рассказал об увиденном. Большущий деревенский кот явился на отмель закусить свежим птенчиком. Осмотрелся по-хозяйски и полез по обрыву вверх, к норке поближе. Что тут началось! Крик, шум, над головой у него ласточки вьются. Он — ноль внимания, к норе уже лапу протянул. И вдруг с воплем кубарем по обрыву и в речку плюх! Это ласточки его в затылок клюнули.

Кот из речки на отмель выбрался и, не оглядываясь, назад в лес. А ласточки долго ещё делились впечатлениями.

Залюбуешься на «игры» ласточек в воздухе, так эта охота за насекомыми с виду похожа на весёлые воздушные танцы. «Играя», ласточки и погоду предсказывают. «Низко ласточки летают — быть дождю», — говорят наблюдательные люди. Так оно и есть. Но сами ласточки тут ни при чём. К дождю воздух становится влажным, волоски на теле насекомых сыреют, лёгкие мошки тяжелеют и невольно опускаются ниже к земле. А за ними, ясно, и охотники — «предсказательницы».

Стрижи

Иногда в воздухе можно услышать поросячий визг. Поросёнку, всем известно, летать не положено. Визжит-то, оказывается, птица, очень на ласточку похожая, и проносится не порхающим, а прямым, как стрела, полётом. Скорость полёта у неё (на коротком участке) временами до двухсот километров в час. Такой летун любому соколу не по зубам. Кто же это? Близкий родственник ласточек? Совсем наоборот. Единственные родственники мрачного чёрного стрижа — крохотные колибри.

К нам стрижи являются вслед за ласточками, когда в тёплом воздухе мельтешат тучи мошкары. Несётся он сквозь такую тучу, раскрыв «рот до ушей» (действительно рот его заходит за глаза). Мошкара, можно сказать, сама набивается в него — знай глотай.

Прилетели из Африки и через недельку принимаются строить гнездо, ещё через неделю оно готово где-нибудь на каменных строениях. К людям, как и ласточки, прибились они давно. Дупло займут в лесу или скворечник, так это по необходимости, если не хватило более привлекательных мест на каменных зданиях. Из скворечника его не выгонишь. Может быть, поросячий визг пугает настоящих хозяев? В одном скворечнике обнаружили раз мёртвого скворчонка. Стрижиха его не выкинула, а просто затолкала в угол и спокойно занялась своим семейством. Стрижи не ласковые родители. Если захолодает, самим есть нечего, нет насекомых в воздухе, стрижи знают, что у голодной птицы не хватит тепла согревать яйца, и выкидывают их из гнезда.

Но если голода не было, птенцы благополучно вывелись, тогда кормят их усердно. Налетают полный рот мошкары — нечто вроде пакетика, склеенного слюной, и несут его птенцу. Всего таких больших питательных пакетов птенец получает за день три-четыре. Оперяться и вылетать молодые не торопятся, сидят в гнезде самое меньшее около сорока дней. А если погода неустойчивая, то и почти два месяца. Это не значит, что у родителей хватает терпения всё это время их усердно кормить. Это самая удивительная страница из жизни северных родичей американских колибри: у их птенцов, единственных среди птиц, кроме колибри, нет устойчивой температуры тела. Неожиданно захолодает, корма нет, и родители оставляют детей иногда дней на двенадцать и улетают туда, где теплее и сытнее. А у птенцов во время такой голодовки температура тела опускается даже до $+20^{\circ}$. Они в оцепенении лежат, не двигаясь, пока не потеплеет и опять появятся родители. Да и сами родители иногда тоже могут недолгое время пережидать холод и голод, находясь неподвижно

в гнезде, причём температура тела и у них понижается.

Не удивительно, что в гнезде птенцы растут и развиваются быстрее или медленнее — как повезёт. Суровые птицы стрижи. Выросли птенцы и сразу бросаются с края гнезда в воздух, учиться летать им не приходится. Вылететь могут и в отсутствие родителей. И они уже друг другу не нужны и не интересны, не то что нежные ласточки. Весной стрижи летят из Африки не стайками, а как кому заблагорассудится. И улетают так же. Молодые обычно раньше, и тоже каждый сам по себе.

«Дитя воздуха, первоклассный летун», — говорят о стриже. Но случится ему оказаться на земле и… в жизни вы не видели птицы более жалкой. Крохотные лапки не могут приподнять тяжёлое для них тело, большие чёрные глаза полны ужаса. Наконец взрослой, более опытной птице это кое-как удаётся. И она сразу же преображается. С победным пронзительным поросячьим визгом стриж умчится — глазом не уследишь. Он и отдыхает, прицепившись коготками, к вертикальной стенке, чтобы можно было от неё оттолкнуться и сразу — в воздух!

Во многом стрижи интересные и особенные птицы. В тёплые летние ночи часто можно услышать их визгливые голоса на очень большой вышине. Швейцарский учёный Эмиль Вейтнауер много раз наблюдал с самолётов стрижей на высоте до трёх тысяч километров, проводящих стайкой целые ночи. В основном, считает Вейтнауер, это были стрижи, не имеющие птенцов. Ловят ли они там насекомых, или отдыхают в парящем полёте, или даже спят — это пока неизвестно.

Удивляют странными привычками не только живущие у нас чёрные стрижи. Например, житель тропиков пальмовый стриж ловит в воздухе растительный пух, мелкие пёрышки и склеивает из них подушечку на нижней стороне вертикально висящего листа пальмы. К этой подушечке он приклеивает одно-два яичка и, держась коготками за подушечку, брюшком в вертикальном положении прижимает-греет яички. Птенцы, голые, как у всех стрижей, тоже коготками держатся за подушечку, кормятся так (родители кормят), оперяются и улетают.

А серые салганы делают гнездо из одной слюны. Эти гнёзда в Южной Азии ценятся очень дорого, как роскошное блюдо.

Дождались мы красы и гордости наших лесов: прилетели из южных мест иволги. Не верится, что их родина — наш скромный лесок, а не роскошные джунгли тропиков. Правда, ярко украшен только кавалер, золотистого цвета, с блестящими чёрными крыльями. Его дама не такая нарядная, зеленоватая. А он и красив, и песня его хороша: мелодичный звучный свист. Но когда рассердится или испугается, может, как кошка в ярости,

завизжать.

Иволга — полезная птица. Она, как и кукушка, не боится волосатых гусениц, беды наших лесов. Но кукушка бездомовница, летит, куда хочет, её детей чужие матери нянчат. А иволге от своего дома далеко отлететь нельзя: гнездо надо строить, яички греть, а потом и птенцов кормить. Бездомовница-то для леса полезнее.

Гнездо красавицы иволги — настоящее произведение искусства. На развилке ветвей, далеко от ствола пара дружно выплетает висячую корзиночку. Снаружи её, не менее искусно, облицовывают под цвет дерева. На берёзе окружают кусочками бересты, на других Деревьях — мхом, так что гнёздышко совершенно незаметно. Чтобы птенцы не вывалились при ветре, по краю гнезда выплетается бортик. А гнездо-корзиночка такое прочное, что и зиму провисит.

Но самое удивительное гнездо у синицы ремеза. Плетётся оно с хитростью: на конце тонкой ветки ивы над самой водой. Врагу к нему не подобраться. Веточка с развилкой на конце, в этой развилке и выплетается свод гнезда. От него ткутся бока, соединяются внизу — получается дно. Одна птичка сидит внутри, другая работает снаружи, переплетают длинные конские (если найдут) волосы или растительные волокна, шерсть. Туда-сюда просовывают птички клювиками эти волокна, как настоящие ткачихи. Две недели работают неутомимые будущие родители, стенки гнезда получаются до 26 мм толщиной, висит оно, не разрушаясь, несколько лет. Снаружи гнездо покрыто берёстой, серёжками ивы, тополя — маскировка отличная. Получается мешок, да ещё с боковым входом-трубочкой, как рукавица с недовязанным пальцем в полтора сантиметра длиной. Не верится, что выплели его две хорошенькие маленькие рыженькие птички.

Синиц у нас большая семья, но ни один вид сравниться с удивительными ремезами в строительстве не может. Прочие гнездятся чаще в естественных дуплах деревьев, иногда и в дуплах дятлов, а то и в небольших дуплах, какие долбит трудяга синичка буроголовая гаичка. Вьют гнёзда даже в гнёздах хищных птиц — среди беспорядочно набросанных нижних ветвей (хищники не первоклассные строители). Так поступают и другие мелкие птахи: хищники вблизи своего гнезда не охотятся, да и мелочь из воробьиных для них не лакомый кусочек.

Весёлый месяц май! Иволги и стрижи закончили весеннее переселение. Лес и поле ещё звенят от песен, но первое отделение концерта уже заканчивается. Птицы строят не для себя, а для тех, кто вот-вот появится на свет, и тогда начнётся второе отделение концерта жизни: менее мелодичное, но не менее громкое и

настойчивое: есть хотим! есть хотим!

На диво разнообразны песни отцов. Кое-кто из них и трудился добросовестно, помогал подружке строить, а то и яички греть. Но чаще основная часть труда всё-таки и у птиц падает «на женские плечи». Да и уменья у самочки больше. Самчик чаще приносит и передаёт ей строительный материал, а она ещё придирчиво проверит, кое-что и выбросит. Искуснее всего плетутся гнёзда на деревьях, в особенности мелкими птицами из громадного семейства воробьиных (странно звучит: ворона, ворон, сорока относятся к семейству воробьиных). Но не эти великаны выделяются особым искусством строительства гнёзд, во много раз их в этом превосходят мелкие певчие. Предполагают, что наименее искусные гнёзда — наземные. Это самый древний, примитивный тип гнезда. Нашла птица ямку, отложила в неё яички и села греть, птенцов выводить. Очевидно, в то время все птицы были выводковыми, то есть птенцы вылуплялись, как у куриных (тетерев, глухарь, фазан, домашние куры). Птенцы куриных очень деятельные существа, покрытые пухом. Они видят, слышат и, обсохнув под материнским брюшком, резво бегут за матерью и начинают, подражая ей, клевать-питаться. Утята так же храбро следуют за матерью прямо в воду и плавают, точно давно выучились. Опасности, грозящие и матери и детям во время насиживания на земле, так велики, что естественный отбор помогал выжить малышам, которых мать торопилась увести от гнезда. Такое временное обиталище и не нуждалось в особом искусстве строительницы. Лишь бы спрятать его поукромнее и скорее с ним расстаться. Некоторые птицы на земле и вовсе не строят даже самого простого гнезда. Козодой кладёт яйца на лесную подстилку, где помягче, некоторые кулички несутся прямо на берегу, и яйца их по цвету почти невозможно отличить от камешков. У некоторых выводковых птенцы, готовящиеся к великой минуте вылупления, уже начинают подавать голос, и мать им отвечает. Есть сведения, что они понимают друг друга, мать даже подаёт им сигнал — притихнуть, если опасность близка, и ещё не родившиеся дети умолкают. Отмечено, что цыплята инкубаторные, не «говорившие» с матерью, не так быстро приноравливаются клевать пищу, как выведенные наседкой «с разговорами».

У птиц птенцовых дети заканчивают развитие после вылупления. Птенец появляется на свет голый, часто глухой и слепой. Яйца птенцовых очень малы по сравнению с величиной самой птицы. Понятно, что для недоразвившихся птенцов нужно меньше питательных веществ в яйце, докормят сами родители после вылупления. Но такие птенцы, долго остающиеся в гнезде,

не выжили бы в гнезде наземном. До него любой хищник легко добраться может. Сами родители, часто прилетающие к гнезду, невольно показали бы ему дорогу. Инстинкт охраны заставляет выводковых матерей спешно уводить пушистые комочки подальше от кое-как сложенного на земле гнезда. Поэтому яйца выводковых крупные по сравнению с птицей: в них должно хватить материала для развития птенцов, уже готовых к жизни под руководством матери.

Выше мы рассказали о примерах особо искусного строительства гнёзд на деревьях, рассчитанных на долгое пользование. Но и остальные, если подумать, что строят их птичьи лапки и клювы (казалось бы, совсем не приспособленные инструменты), тоже могут вызвать чувство изумления. Пройдите по лесу, птичий хор подсказывает, что здесь и гнёзда должны быть. Но найдите их! Каждое не только сделано искусно и укреплено так, что никакой ветер его не сбросит, оно и замаскировано настолько тщательно, что рукой случайно нащупать его легче, чем увидеть глазами. И вместительнее они, чем гнёзда на земле. Те — временный приют, а эти рассчитаны на увеличение роста птенцов, пока их родители докормят и «выведут в люди». У неё лётных, хотя и не умелых ещё, родители будут кормить и о них заботиться так, как им и положено, и делают это инстинктивно. Соответственно у выводковых птенцов, которые, обсохнув под матерью, сразу должны уметь за ней следовать, подчиняться её зову, сигналам, развиты лучше и соответствующие инстинкты.

Забавный пример, когда инстинкт проявляется в изменённой неподходящей среде. Подложите утиные яйца под курицу. Утята в положенный срок выведутся, курица старательно обсушит их под крылышками, не замечая подвоха, и выведет на прогулку, как благовоспитанных цыплят. И тут начинается представление: если близко вода — утята в восторге немедленно в неё залезают и ловко гребут маленькими лапками, словно и век плавали. А обезумевшая курица мечется на берегу и кричит истошным голосом: «Утонете! Назад!» Но кричит-то она на курином языке, для утят непонятном. Иная усердная приёмная мать даже и в воду по колени заберётся, умоляет детей образумиться и вернуться. Результат тот же.

Если дать утке высидеть цыплят, всё получается наоборот. Она сама лезет в воду и на утином языке приглашает цыплят следовать за ней. То же огорчение: утиный язык цыплятам непонятен, и лезть им в воду вовсе ни к чему.

Инстинкт в соответствующей обстановке поражает удивительной к ней приспособленностью. Невольно подумаешь:

«А не разум ли это?» Но измените условия и… инстинкт буквально «попадёт впросак».

Другая крайность — думать, что животные совсем не способны преодолеть инстинкт, если это требуется. Чем выше развитие, тем легче этого добиться, и наоборот. Но даже у высокоразвитых животных — млекопитающих часто бывает трудно добиться, чтобы животное действовало не так, как подсказывает инстинкт, а как этого требуют изменившиеся условия жизни.

Птицы хищные

Хищных птиц у нас не так уж мало по количеству видов, но каждый вид малочислен, а многие даже стоят на грани вымирания. До сих пор принято верить во вредоносность хищников: все будто бы охотятся за дичью, за домашней птицей. Значит стреляй в любого, кто попадётся. Палят. И совершенно напрасно. Например, самый крупный из совиных — филин при удаче и зайца словит, и от глухаря не откажется (особенно зимой), но основная его пища — мелкие грызуны и ежи.

Гнездостроители наши совиные никудышные. Филин просто землю притопчет в укромном месте, мать яйца на неё положит, и лежат на ней вылупившиеся белые пуховички-филинята. Правда, земля эта перемешана с кусочками истлевших костей. Филины из года в год, часто не один десяток лет, выводят птенцов на одном и том же месте и кормят тут же. Кормят филинят обильно. В майском лесу еда сама в рот просится. Но еда подчас не самая диетическая: филин охотно ест ежей, рвёт на куски и глотает, не обращая внимания на иголки. Такое же колючее блюдо часто получают и филинята. Зловещее «пу-гу, пу-гу» больше по ночам не раздаётся, филину петь некогда и незачем: подруга уже с ним рядом, вместе растят детей.

Филин нам оказывает неожиданную услугу. Там, где он поселился, разбойницам воронам не житьё. Вкусны они и не колются. И как же они его ненавидят! Заметят где днём — целой стаей накинутся. Он сидит и клювом щёлкает: перед стаей и взлететь не решается. Зато ночью сведёт счёты. Охотничьих и прочих птиц, а также зайцев филин ловит больше зимой, когда до грызунов под снегом добраться трудно.

О прочих совиных как о вредителях и говорить не приходится. Они полезны тем, что уничтожают грызунов. Например, ушастая сова и сытая ловит лесных мышей про запас «на чёрный день». Ни одна кошка с ней не сравнится. То же можно сказать и о других наших совах, а самые мелкие добавляют в своё меню и насекомых. Тут ещё раз вспомним нашего совиного великана — филина. Он не только не боится ежиных колючек, но при случае охотно глотает жуков-оленей вместе с их огромными «рогами».

По примеру филина и прочие совиные собственных гнёзд не строят. Кто как сумеет — в дупле устроится, а серая неясыть иногда в старом здании, а то и на чердаке птенцов выводить соберётся.

В Раифском заповеднике из совиных гнездятся филин,

болотная и ушастая совы, серая и уральская неясыти и сычи.

Хищные птицы: орлы, ястреба, сокола у нас есть, и перелётные и постоянно живущие. В Московском государстве до Петра Великого соколиная охота славилась породами соколов на зависть западным государям, самые ценные — кречеты считались дорогим подарком при отправке дипломатических посольств. Во время татаро-монгольского ига кречетов посылали в счёт дани. И в каждый подарок, кроме дани, входили не только кречеты, но и сокола менее ценные. Ловцы кречетов на севере для Московского государства не должны были платить налоги, но всех кречетов обязательно поставляли царскому двору. Места гнездовий кречетов в Двинской земле считались «государевой заповедью», за самовольную ловлю полагалась суровая кара. Царь Алексей Михайлович, отец Петра Первого, сам написал устав о соколиной охоте. На каждую птицу царской охоты назначался отдельный сокольничий, он дрессировал её и во время охоты напускал на дичь.

Но появились дробовые ружья, и после Петра Первого дорогостоящая охота постепенно превратилась в редкое спортивное увлечение отдельных людей.

В настоящее время такая охота как промысел сохранилась у нас в Средней Азии. Охотятся киргизы и казахи, но не с соколами. На рукавице сидящего верхом охотника сидит самый мощный наш орёл — беркут.

Беркут и у нас птица не перелётная. Размножаются они очень медленно: в апреле самка садится на гнездо, в котором всего два, а то и одно яйцо. Гнездо под стать огромной птице — большое, до трёх метров в диаметре и двух метров высоты, на деревьях или на скалах. Самец мало помогает в насиживании, но самку усердно кормит. Месяца через полтора появляется птенец и сидит в гнезде почти три месяца. Родители его оба усердно кормят, пока тот не расправит крылья и не полетит. До следующей весны держится он с ними. Беркут — огромный тёмно-бурый орёл до одного метра ростом, пары постоянные, на всю жизнь. На свободе беркут охотится на птицу, на зайцев, может напасть и на косулёнка, но вредителем его считать нельзя уже потому, что везде он очень редок. Не брезгует он и мышами и сусликами, а при случае и от падали не откажется. Как это не похоже на царя лесов и степей!

Приручённый беркут хорошо знает хозяина. Сильный беркут берёт не только лису, но и волка. Охота требует и от охотника немалой силы. Держать почти полупудовую птицу на весу невозможно. Охотник сажает её на рукавицу на руке, и рука опирается на подставку на седле. При всём своём величии царственная птица особой сообразительностью не отличается.

Один путешественник поехал с киргизом посмотреть на охоту. Спустил охотник беркута с рукавицы. Тот взлетел высоко, и охотник ехал за ним. Вдруг беркут резко повернул и устремился вниз, заметив добычу. Ниже, ниже. Охотник киргиз поскакал к путешественнику с отчаянным криком: «Брось шапку! Брось шапку!» Буквально в последнюю минуту путешественник понял и далеко отбросил свою шапку, а беркут с лёта вцепился в неё. Шапка-то была лисья!

— Большая беда, большая беда была! — повторял киргиз. Он соскочил с лошади, дал беркуту кусочек мяса, какой полагался за удачную охоту, и снова в колпачке на голове беркут спокойно сел на его рукавицу.

Хорошо обученный беркут теперь доставляет охотнику немалый доход при охоте на лисиц.

Остальные дневные хищники вредителями, подлежащими истреблению, также считаться не могут. Даже соколы, питающиеся птицами, малочисленны и живут в местах, не обжитых человеком, и не в охотничьих хозяйствах. А большой подорлик, «специалист» по уткам, там, где гнездится, уничтожает не больше пяти процентов молодых уток, а от других причин их гибнет больше половины.

Безусловно вредны, можно сказать, только болотный лунь и ястреб-тетеревятник. Болотный лунь не только охотится за водоплавающей дичью, но и за ондатрой, чем причиняет большой вред в ондатровых хозяйствах. Основная пища других луней — мыши и полёвки, болотный лунь ловит их сравнительно немного.

Гнёзда луней — на земле и, как и прочие гнёзда хищников, искусством не блещут.

Несомненным вредителем надо также назвать ястреба-тетеревятника. Он не перелётный и потому продолжает разбойничать даже зимой, часто добывает лесных кур на ночлегах под снегом, особенно тетеревов. Ему и белка годится, при удаче и заяц. В лесу он с непостижимым искусством лавирует в полёте между деревьями, затаиваясь и молниеносным броском настигая жертву. Особенно большой вред он приносит весной, когда ему приходится кормить иногда и пятерых птенцов. Отец приносит добычу, мать рвёт её на куски и оделяет детей. Преследуя птицу, он так разгорячится, что может за ней влететь и в открытое окно дома, куда в ужасе от него кидается жертва. Однажды самка тетеревятника влетела за голубем в комнату, схватила его, но вылететь с добычей в когтях не успела: была убита! Самец продолжал налёты на птичий двор, и так искусно, что подстрелить его не удавалось. Хозяин кур потерял терпение, выследил его, влез на дерево, где было гнездо, и что же увидел?

Птенцы лежали в нём мёртвые, а по краю гнездо украшено, тоже мёртвыми, цыплятами — все с его двора. Самец аккуратно приносил и бросал добычу в гнездо. А самки, которая должна была кормить детей, не было. Целые, не ощипанные цыплята в пищу им не годились.

С ястребом-тетеревятником у нас вопрос решён так: в крупных хозяйствах, где разводится домашняя птица, и в охотничьих хозяйствах количество тетеревятников строго дозируется, но совсем их не уничтожают. Известен опыт одной из скандинавских стран, где ради охраны белых куропаток уничтожили всех тетеревятников. Однако куропаток стало не больше, а меньше, так как широко распространилось среди них глистное заболевание. Тетеревятник съедал больных не потому, что они вкуснее, а потому, что ловить их проще. Во вкусе он не разборчив. Пришлось ястребов-санитаров завозить из Германии.

Ещё более широкомасштабно сравнительно недавно китайцы решили воробьиный вопрос. Воробьи-де едят зерно на хлебных полях, значит, они вредители. По всему Китаю воробьёв уничтожили вручную, опыт европейских специалистов-энтомологов был отвергнут. А потом закупали воробьёв в Германии. Волна насекомых-вредителей захлестнула поля, сады и огороды. Только тогда китайцы поняли, что вмешиваться в дела природы легкомысленно не следует.

Рыбы

Про «Водяного чёрта»

Май — последний месяц весны. Давно проснулись рыбы в реках и озёрах, многие уже выметали икру. Чуть ли не последними очнулись от зимнего сна в глубоких ямах сомы. Весенняя муть им не нравится. Они выплывают на затопленные луга, в пойменные спокойные озёра и там пережидают, пока успокоится и просветлеет речная вода.

Крупный сом — чудище не только по величине, а и по виду: голова лягушачья, плоская, рот огромный, кожа скользкая, тоже как у лягушки, чёрно-зелёная на спине, брюхо белое. В старину, когда стекло было в редкость, тонкая выскобленная кожа сома («рыбий пузырь») употреблялась вместо оконного стекла.

В лунную ночь крупный сом вдруг вывернется на поверхность воды, да так шлёпнет хвостом — точно где из пушки выстрелили. Недаром во всех сказках водяного царя, а то и водяного чёрта изображают с лягушиной мордой: это, конечно, их с сома списывали. Случается, сом заберётся вверх по течению, а потом на заре плывёт потихоньку вниз и дремлет, выставив из воды страшную лягушиную голову. И сейчас ещё на Волге, на Днепре редко, но встречаются чудовища в три метра длиной, килограммов по триста весом.

Тысячи лет тому назад люди селились по берегам рек и озёр. Они ловили рыбу, ели ракушки, о чистоте и порядке вокруг своих жилищ, конечно, не заботились. Отбросы еды — раковины, кости рыб накапливались на их стоянках целыми огромными кучами и сохранились до наших дней.

Учёные осторожно раскапывают эти кучи и читают, точно листы драгоценной книги, и узнают по ним, как жили и охотились наши предки. Сомы в то время (судя по костям) часто вырастали в огромных, опасных для человека чудовищ. Древний человек выходил на охоту за ними в жалком челноке-долблёнке, вооружённый копьём с каменным или костяным наконечником. Он был очень храбрым человеком. И теперешний не такой крупный сом, попав на крючок (а крючок должен быть очень крепкий), отчаянно борется за жизнь, даже бросается на лодку, и если это долблёнка, то может её и перевернуть. А он малыш по сравнению с теми, чьи кости сохранились. Спасибо древним неряшливым хозяйкам!

Сом страшный хищник, ничему живому в воде, что ему по

силам, спуску не даст. Крупный сом ловит не только рыбу, но и утку, а то и гуся подстережёт. Бывают случаи, что и на переплывающую реку собаку нападёт.

Любимая же пища сома — лягушки. Рыбаки этим пользуются. Плывёт рыбак ночью потихоньку на лодке вниз по течению, похлопывает по воде дощечкой. В дощечке выдолблено углубление, она хлопнет — точно лягушка квакнула. Сом не вытерпит. Выплывает из ямы, бросается на приманку и… попадает на крючок или на острогу. Тут уж дело рыбака не зевать, не упустить сома. Такая ловля по звуку называется «клокченье».

Икру сомы мечут, когда вода как следует согреется: в конце мая, а бывает и в июле. У самых крупных бывает до полумиллиона икринок. Подходящее место отыскивают оба вместе, но яму в полметра глубиной роет одна сомиха плавниками-«кулачками» и откладывает в неё икру, которую сом поливает молоками. Дружная пара остаётся у зарытой ямы охранять будущих детей. Рыб, какие не прочь полакомиться икрой, сомы яростно гонят прочь, бьют хвостами так, что по шуму рыбаки находят место кладки. Если убьют одного, другой непременно возвращается к гнезду, продолжает охрану.

Через семь — десять дней выклюнутся мальки. И тут родительская привязанность начинает слабеть. Молодыми сомятками не прочь закусить не только другие рыбы, но и… собственные их родители.

Малыши прячутся на перекатах между камнями, где спасается прочая мелкая рыбёшка — гольцы, пескари. Живут с ними дружно месяц, другой, а как подрастут, проявляют нрав, унаследованный от родителей, своими же товарищами начинают закусывать. Старые сомы, выметав икру, опять ложатся в глубокие ямы и выходят из них только по зорям на охоту.

Все родственники сомов — жители жарких стран. Потому и сомы так боятся холода. Не успеет лето подойти к концу, а они в сентябре уже заберутся в ямы поглубже, окутаются слизью, как толстой шубой, и засыпают непробудно до следующего мая.

Колюшка

Из всех рыбьих отцов в нашей стране колюшка-отец безусловно самый лучший. Он не только строит гнездо лучше, чем это делают многие птицы, но и заботится о детях в первые самые трудные дни их жизни. У нас в стране живут два вида рыбок из семейства колюшек.

В биологии их так много общего, что достаточно рассказать об одной колюшке — трёхиглой. В гнездо откладываются не

тысячи, а, по разным сведениям, от восьмидесяти до пятисот икринок. Этого и следовало ожидать: с большим количеством отец и не справился бы.

У нашей колюшки, трёхиглой, на спине перед плавником три острых шипа, которые она может поставить торчком. И на брюшке ещё два. Рыбёшка меньше десяти сантиметров, а поди её возьми. Щука и карась берут неохотно — колючая. Но в Белом море, где она иногда разводится неисчислимо, треска, менее разборчивая, набивает ею живот до отказа. Людям её есть неудобно. Но вот жир колюшки целебен: на войне замечательно заживлял раны.

А теперь о колюшке-отце. Весной сероватая невзрачная рыбёшка вдруг преображается. Брюшко становится красное, спинка зелёная, глаза ярко-синие — живая радуга мчится по песчаной отмели прочь от стайки, в которой мирно проводила время. Любой самец из той же мирной стайки теперь будет встречен как соперник, лютый враг. Случается, что вот уже найдено место для будущего гнезда, каким-то способом отмечены границы владения, и тут другой самец, спокойный, ещё не в боевой окраске, невольно их нарушает. Что тут делается с хозяином! Соперник! Гнать его! Боевые краски загораются ещё ярче, исколотый враг выброшен за границу владений. Быстрее! Быстрее за работу! Трёхиглый строит гнездо в ямке на песке, девятииглый на растениях, в основном всё делается одинаково. Кусочки водорослей сплетаются и склеиваются особым выделением почек. Рыбка ловко сгибается, размазывая его, как бы самой не приклеиться: в воде оно быстро и прочно застывает. Приклеиваются комочки песка, приходится снова и снова намазывать. Считается, что запах выделения у каждого самца свой, это помогает ему, если отплыл, быстро найти дорогу обратно. Есть и отдыхать будущему папе некогда. Надо строить, да ещё и сторожить недостроенное гнездо. Кто знает, зачем чужой самец снова заглянул на его участок? Гнать! Гнать его! Хозяин опять вспыхивает — красное брюшко краснеет ещё ярче. Теперь он принимает боевую позу вниз головой. Поза и правда удивительная. Чужак пугается, трусовато отступает. Хозяин пускается было за ним вдогонку, но спохватывается. Скорей назад к гнезду! Может быть, другой нахал уже отхватил кусочек гнезда и с ним удирает…

Наконец готово гнездо величиной с кулак, но почему-то с двумя входами: в один вошёл, в другой вышел. Чуть ниже разъясним. Пока будущие паны строили, дрались, караулили, будущие мамы спокойно отдыхали, питались, полнели от развивающейся в брюшке икры. Дело самца теперь найти самку, привести её к гнезду, подтолкнуть за хвостик и подождать, пока

будет отложена икра. Отложена? Теперь вон самку из гнезда! Почему? Опоздай, и она не откажется закусить драгоценными икринками, ради которых она и была приглашена. Он и раньше это чувствовал, недаром вёл свою супругу к гнезду неспокойно: то манил, то оттаскивал за хвост, и так несколько раз. Даже удивительно, как она это вытерпела… Но наконец — совершилось. Счастливый папаша получил несколько десятков драгоценных икринок. Хорошо, но мало. И он отправляется искать следующую супругу. И ещё, и ещё, пока, наконец, в гнезде не накопятся сотни икринок. Отцовская жажда удовлетворена, недостойные матери угнаны подальше, но до отдыха ещё далеко: начинается борьба за сохранение и правильное развитие икринок. Около гнезда то и дело проплывают новые любительницы чужой вкусной икры и самцы, тоже готовые стащить чужую икру. Но эти самцы не хищники, это отцы-неудачники. По какой-либо причине им хочется добавить в свои гнёзда ещё икринок, хотя бы и сворованных. И от них береги своё имущество. То и дело хозяин-нянька становится у одного входа в гнездо и сильно машет грудными плавниками, прогоняя застоявшуюся воду в другое отверстие гнезда-муфты. Опять и опять через короткие промежутки времени. Для большей прочности стенки гнезда самец ещё обмазывает секретом и им же поливает икринки. Зачем? Дезинфицирует. Если очистить икринки, они заболевают, нападает грибок сапролегния.

Наконец, мальки выклюнулись. Недисциплинированные. Так и лезут из гнезда в разные стороны. Отец терпеливо собирает их… в рот, относит в гнездо и выплёвывает. Ещё две недели беспокойства. Но вот мальки дружной стайкой выплывают из гнезда. Навсегда. Нежного прощания не бывает. Отец уже занят постройкой нового гнезда. Да и родительские чувства в нём угасают так быстро, что он способен выхватить из уплывающей стайки горстку малышей себе на закуску. В общем — спасибо, что развязали руки!

Удивительное несходство характеров. Самоотверженный отец и легкомысленная мать? Но ответить на этот вопрос не так просто. Ведь мать, отложив первую порцию икры, отправляется не просто на отдых, а нагуливает новую порцию, отец же отделался от первых малышей и строит новое гнездо — это тоже отдых перед хлопотами, заботами о новой икре. Ему такие перерывы и перемена в работе только полезны. И для вида в целом неплохо: колюшки при малой плодовитости всё же живут и множатся. На севере, в Белом море, их вылавливают тоннами на рыбную муку и для удобрения (они живут одинаково хорошо в морской и пресной воде).

Но в рыбных хозяйствах колюшка типичная сорная рыба. Прожорливость её изумительна, и питается она не только всякой живой мелочью (личинками насекомых, червями и т. п.), но икрой и мальками ценных рыб. Делали опыт. Одна колюшка съела 75 мальков язя (по 6 мм длиной каждый), а через два дня — ещё 62. Кроме того, она промежуточный хозяин ленточных глистов, которых передаёт птицам, питающимся рыбой.

Бычок подкаменщик

В мае начинает метать икру презабавная маленькая рыбка бычок подкаменщик. Промышлять его не стоит, длина не больше десяти сантиметров. В двойном имени вся его характеристика: затаится около камня и замутит воду так, что муть осядет и его сверху прикроет, и выжидает добычу. Он хищник, но по силам и добыча: мелкие беспозвоночные и рыбьи мальки, икру найдёт — тоже не откажется. Бычок получил имя несомненно за сварливый нрав, особенно проявляющийся в заботе о потомстве. Конкурировать с колюшкой в искусстве гнездостройки ему не приходится. Но всё же бешеный (с другими) отец, в меру сил и уменья, о потомстве заботится.

По одним сведениям, он копает в песке ямку под камнем и ждёт, не подплывёт ли к гнёздышку самка, по другим — самка откладывает на очищенный им камень несколько десятков крупных икринок, и на этом её заботы кончаются. В дальнейшем самец от них не отходит, обмахивает грудными плавниками, чтобы ток воды очищал их от оседающей мути. Икра на ничем не прикрытом камне привлекает любителей наживы, но отец кидается на любую проплывающую рыбу. Плавники у него колючие, на жаберных крышках шипы, а ярости хватит на бешеного быка. Икру, политую молоками, бычок сторожит целый месяц, пока не выклюнутся мальки.

Пользы от этого бешеного водяного ежа нет (бросается даже на подставленную палку), но понаблюдать за ним в аквариуме интересно. Может быть, и тут можно подсмотреть что-либо неожиданное. Пока же видно, что отцовская забота помогает роду бычков не переводиться даже и при малой плодовитости.

Горчак

Ничем с виду не примечательная рыбка, не больше десяти сантиметров длины, серебристая. Питается водорослями, держится на мелководье около берега, где нет большого течения и есть двустворчатые раковины перловиц и беззубок. Почему?

Май-июнь, вода прогрелась, и самцы преображаются: брюшко получает оранжевый оттенок, бока синеватый, а на голове появляются нарядные бугорки. Они торопливо крутятся около беззубок, иногда возникает даже борьба — два самца бодаются около ракушки, которая почему-то понравилась обоим. Победа за сильнейшим, и он отправляется разыскивать подругу. Та окраски не изменила, но к этому времени у неё вырос на брюшке длинный (5 см) яйцеклад. Самец приманивает самку, показывая ей чем-то привлекательную полосу на конце хвоста, и подводит к выбранной им раковине. Самка медленно вводит яйцеклад в мантийную полость беззубки (или перловицы) и откладывает в неё несколько икринок. Самец тотчас выпускает молоки около сифона, при дыхании моллюск засасывает их вместе с водой в мантийную полость. Икра оплодотворена и надёжно укрыта от врагов. Плодовитость горчака, как и следовало ожидать, небольшая — около 300 икринок. Но откладываются они порционно, по нескольку штук в раковину. Личинки вылупляются в полной безопасности, подрастают и покидают надёжное убежище, не причинив вреда покровительнице. Способ, очевидно, выбран удачно, племя горчаков разрастается и служит кормом для многих хищных рыб.

Ротан-головешка

На Дальнем Востоке живёт ничем там не замечательная маленькая рыбка ротан-головешка. Чем понравилась она какому-то любителю-аквариумисту — неизвестно. Чёрно-зеленоватая спинка, более светлое брюшко, вся какая-то крапчато-полосатая. Привёз её для аквариума любитель, а потом надоела, он выпустил её в пруд — пусть разводится. Она так и действует. Уже появилась в Куйбышевском водохранилище (сообщают сотрудники Казанского университета) и двигается дальше.

Ротан неприхотлив, прожорлив, размножается поразительно быстро, в рыбоводных хозяйствах поедает корм, назначенный ценным рыбам, а сам никакой пользы не приносит. Ему и замор от недостатка кислорода в воде не страшен, выживает там, где даже карась гибнет. Попал в промерзающий водоём — вмёрзнет в лёд, а вокруг себя сохраняет непромерзающую капсулу. Летом пересохнет озеро, он закопается во влажный ил и опять спит до лучших времён.

К сожалению, естественных врагов здесь у него нет и даже щуке не пришёлся по вкусу. Правда, на кое-что хорошее ротан-головешка всё же годится: жадно уничтожает личинок комаров, но этим корм, который съели бы ценные рыбы, не окупает.

Змеи

Уж

Гибкое тело метровой длины, ещё более быстрое и ловкое, чем тело гадюки, скользит по берегу спокойной реки, пруда, иногда болота между кустиками травы. Серое, иногда почти чёрное тело, на голове два беловатых или золотистых полулунных пятна. Уж это, змея, но ядовитых зубов у него нет, и кусается он редко и не больно, даже если поймать и удержать его в руке. Окраска, как и у гадюки, непостоянна, и пятен на голове может и не быть. Круглый зрачок — одна надёжная примета, отличие от гадюки. У той зрачок вертикальный, глаза безжалостные, немигающие, от которых и смелому человеку становится не по себе.

Долгий зимний сон где-нибудь в мышиной норке, под корнями деревьев кончился. Теперь уж днём греется на солнце, утром и вечером охотится в воде, на земле. Заглатывает всё, что по силам, даже на детёныша ондатры нападает. Но в основном уж — гроза лягушек, жаб, а не рыб, как думают некоторые. Лягушка, заметив беспощадного врага, цепенеет от ужаса. Куда девается её быстрота! Она неловко скачет и издаёт странный крик, вроде блеянья овцы. А уж спокойно её настигает и, не торопясь, медленно заглатывает живую. Иногда, внезапно испуганный, выплёвывает, и она, побывав в желудке, остаётся живой.

Врагов у ужей много. Они, в сущности, беззащитны перед хищниками и хищными птицами. Спасаются ловкостью и быстротой.

Гадюка

Весна пробуждает от зимнего сна и бодрит даже тех, кто многим внушает ужас и отвращение. Змея! Порой просто ползёт по дорожке, а всё кажется, что к чему-то подбирается не по-доброму. А змеиный взгляд? В зоопарке сквозь стекло стенки террариума взглянет: нам безопасно, а всё равно жутко. Не моргнёт. И не может: прозрачные веки срослись друг с другом. Лучше отвернуться. Даже если это не ядовитая гадюка, а безобидный уж. Но похоже, что природа не только сделала змей несимпатичными с виду, но и плохо к жизни их приспособила. Кто бегает, кто летает, а змея — ползи на животе.

К тому же змеи глухи, да и змеиные глаза совсем слабый

орган. Как же им жить? Как охотиться? Как защищаться от врагов? Ведь их и у опасной ядовитой змеи достаточно. А жизнь сурова. Не приспособишься — погибнешь. И змеи приспособились и живут прекрасно. Шевельнулся кто вблизи — друг, враг, добыча — змея чувствует всем телом малейшее сотрясение земли. А запах, тепло, даже звуковые колебания — обо всём сообщает ей язык. Тот самый длинный раздвоенный язык, о котором многие со страхом говорят: жало. Язык змеи не жало, он не колет, не может колоть. Он быстро, глазом не уследить, прикасается ко всему, о чём хочет узнать змея. «Что это такое?» — как будто спрашивает она языком. И мгновенно получает ответ.

Змеи, к которым принадлежит гадюка, единственная в Поволжье ядовитая змея, называются ямкоголовые змеи. Между ноздрями и глазами у них ямки. А в них особые органы — термолокаторы. Термолокаторы чувствуют тепло, какое исходит от любого предмета или живого существа. Термолокатор парный, поэтому он ощущает, в какой стороне находится излучатель тепла и на каком расстоянии (мы направление и расстояние тоже определяем двумя глазами). Гадюка охотится ночью и в сумерках. Различие в температуре чувствует даже в 0,2°. Дневной свет ей не нужен. Кусает безошибочно и терпеливо ждёт, когда яд подействует, даже если жертва отбежала или отползла перед смертью. Её, тёплую, и в темноте термолокатор покажет. При укусе яд из железы проходит в канал в верхних клыках и попадает в тело зверя, или человека, в которого вонзились зубы. Более мелкие не ядовитые зубы нижней челюсти помогают продвигать добычу в глубь пасти, не разжёвывая. Основная пища — мелкие грызуны, их гадюка и ловит, а то и в норы за ними забирается. Лягушки, ящерицы её привлекают меньше, но и они годятся, даже птенчики и птахи, гнездящиеся на земле. Молодые гадючата выбирают жертву по силам — насекомых, червей, иногда мелких молодых лягушат.

Гадюка, в отличие от ужа, живородящая. Зародыши в яйце, находящемся в теле самки, развиваются не только за счёт желтка, но питаются и соками организма матери. Оболочка яйца в теле матери рассасывается, и на свет появляются восемь — пятнадцать маленьких гадючат сантиметров в пятнадцать длиной. Симпатичные создания шипят, если до них дотронуться, и кусаются, укус их уже ядовит.

Наша гадюка, можно сказать, смирная змея. Человека кусает, только если он сам нарочно или нечаянно её заденет. Укус мучителен, но редко смертелен, даже если нет возможности получить немедленную врачебную помощь (вводят сыворотку). Но применять старинные приёмы — надрезы и выпуск крови —

врачи не советуют, так как яд всё равно успевает проникнуть в кровь. Место укуса надо немедленно обмыть раствором марганцовки.

Зимуют гадюки чаще по нескольку, а иногда и помногу вместе в норах грызунов или кротов, в случайных пустотах под корнями деревьев. Весна их выманивает днём на солнышке погреться. Но они ещё ленивы и медлительны.

Страшна, опасна змея, но и она законом охраняется. Змеиный яд целителен, его применяют при изготовлении многих лекарств. Не удивительно, что теперь добывают яд, не убивая змею. Осторожно держат её в руке и дают укусить край чашки. Рассердить змею проще простого. Она яростно кусает чашку, и яд от укуса вытекает в неё, сердись не сердись, а терпи. Змею кормят в питомнике, дают отдохнуть и берут яд ещё не один раз. Но гадюка и на воле полезна. Случится, она и птенчика съест, и яйцо бедной пеночки или овсянки отведает. Но в основном она ловит мелких грызунов, вредителей сельского хозяйства. Вот и судите — вредна гадюка или полезна.

Земноводные

Весна. И в стоячей или медленно текущей воде уже плавают странные существа, с виду похожие на смешных маленьких рыбок с большими головами. Потому и называют их, головастики. Растут они быстро, жабры и хвостики уменьшаются и исчезают, отрастают лапки, и вот уже на берегу запрыгали маленькие жабки и лягушата, дышат они не жабрами, а лёгкими.

Жабы мечут икру не кучками, а лентами слизи, в которую как бы вкраплены икринки, поэтому её легко отличить от лягушиной. Отложили икру жабы, лягушки и больше о детях не беспокоятся: живите, как знаете. Икры много. У одной серой жабы шестьдесят тысяч икринок. Если бы все дети из них выросли, места для них в воде не хватило бы. Но для водяных жителей лягушиная икра — первое лакомство. Набрасываются на неё рыбы, водяные жуки-плавунцы и их личинки, да все, кому не лень. Вылупились головастики — и за ними пошла охота. Выручает только большое количество икры. После пира сколько-нибудь головастиков да уцелеет. Как раз столько, чтобы род лягушиный не прекратился.

Теплеют воздух и вода, весна взволновала и самых холоднокровных. Лягушки и жабы урчат, булькают на разные лады, по-своему весне радуются. Среди них выделяются маленькие жабки-повитухи, всего пять сантиметров величиной. Голос самца звучит, как звонкий и в то же время нежный стеклянный колокольчик, не менее приятно, чем голос жерлянки. Заслушаешься в тихий весенний вечер, не верится, что поёт небольшая жабка, видом не краше остальных своих родственниц. Но если она внешностью, как говорится, «не вышла», то поведением поражает не меньше, чем удивительным голосом. Об икре заботится, но не мама, а отец. Ленты слизи с вкраплённой в них икрой он наматывает себе на задние лапки, от двух и трёх самок соберёт столько лент с будущим потомством, сколько удастся. Со своей странной ношей он ведёт обычную жизнь на суше, так как икра эта не боится высыхания. Но к моменту, когда должны из неё выйти головастики, отец отправляется в воду. Головастики как будто только и ждали этого. Они покидают размягчённые яйцевые оболочки, а отец, стряхнув с себя детёнышей, сбрасывает с ног пустые яйцевые шнуры и возвращается на сушу.

Рассказы о ядовитости лягушек, и особенно жаб, явно преувеличены. У нас в Татарии весьма распространена небольшая с оранжевым пятнистым брюшком краснобрюхая жерлянка. Её кожные железы действительно выделяют пенистый фринолин,

довольно ядовитый, но это не спасает её от ужей, гадюк, да и цапля и выпь и даже зелёная лягушка её не пропустят. Есть у неё интересная повадка: если её тронуть, она не убегает, а падает на спинку, показывая яркое приметное брюшко, точно инстинктивно напоминает: «Невкусная я, лучше не троньте». Так поступают насекомые, и у них этот инстинкт срабатывает удачно. Яркая окраска или угрожающая поза действуют. Очевидно, какой-то части краснобрюшек тоже удаётся этим спастись, и инстинкт, помогая им выжить, сохраняется, ведь встречаются они и не с такими прожорливыми и неразборчивыми особами, как цапля и гадюка.

В весеннем хоре приятно выделяется серебряным колокольчиком голос жерлянки-самца. Дамы — лягушки и жабы — не поют.

Удивительно заботится о детях тропическая жаба пипа суринамская. Самец обмазывает икрой спину самки. Кожа на её спине разбухает и обволакивает икринки, так что каждая лежит в отдельной ячейке с крышечкой, как в кроватке. Пипа-мама подчиняется этому не очень охотно. Носить деток на спине приходится почти три месяца. Затем крышечки ячеек отскакивают и из них вылезают не головастики, а уже маленькие жабки. На этом заботы родителей кончаются. Пипе не нужно огромное количество икры. Пока из икринок выходят головастики и превращаются в жабок, их надёжно защищает её собственная кожа. Когда дети лезут из колыбелек, пипа-мама выглядит уморительно: крышечки приоткрываются и из-под них торчат где передняя лапка, где задняя, где мордочка.

Пипа крупная жаба, величиной с большой кулак. Но в Северной Америке живёт лягушка-бык, ещё крупнее, в двадцать сантиметров Длиной. Веса в ней шестьсот граммов. Её дети — головастики растут Два года, вырастают до двенадцати сантиметров в длину. В США их разводят для еды по нескольку миллионов штук в год.

ИЮНЬ

Изок. Странное слово, точно скачущее, невольно вспомнишь — скок! скок! И не ошибёшься: слово старое русское и означает оно кузнечик, саранча, словом, то, что скачет на длинных ногах. И много же этих скакунов в тёплом июне! Идёшь, жарко, а они так и брызгают из травы в разные стороны. И не просто скачут. Певуч месяц изок, хорош хор звонко-нежных птичьих голосов, но и сами изоки от певцов не отстают. В жаркий полдень на лесной полянке прислушайтесь: хор, да ещё на два голоса. Одни голоса глуховатые, скрипучие, скорее шумят, чем поют. Зато другие звонкие, чистые, прямо скрипка на высокой ноте. Скрипят саранчовые кобылки. А настоящие певуны — кузнечики. Саранча в большие певцы и не просится: просто трёт краем бедра длинной задней ноги о крепкий утолщённый край верхних крыльев — надкрылий. Скрипка кузнечика устроена хитрее. На левом надкрылье крепкая жилка, красиво наискось изрезана твёрдыми зазубринками — смычок. И трётся он не о грубую ногу, а о другое надкрылье, тоже об утолщённую жилку. Но в жилку эту, как в оправу, вставлено зеркальце — тонкая перепонка. Зеркальце колеблется и усиливает звук — пение изока. Не знали таких подробностей наши предки, а почувствовали правильно. Ближе в

то время люди были к природе, и это отражалось в названиях месяцев. Червень, т. е. красный, — ещё так называли славяне первый месяц лета. Любили в старину этот радостный яркий цвет и про красивых людей говорили: красный молодец, красная девица, а весну «весна красна» величали.

«А войско уходило на войну, и над рядами его, суля победу, развевались червлёные стяги», — читаем мы в древних русских рукописях.

Красив, люб народу красный цвет. Но красное платье в старину могли купить только люди богатые. Добывали багряную краску из насекомого червеца, живущего на корнях граблика (отсюда и «червлён стяг»). Румянились девушки раньше красильной травой червеницей (красный корень, румянка). Она похожа на красностебельную липкую смолёвку. Её краска шла не только на румяна, но и на одежду и стяги и тоже была не дёшева.

Хорош месяц июнь. Уже и деревья нарядились в полный лист и не успели запылиться. Ярко светит солнце, но вдруг брызнет весёлый лёгкий дождик, а то и гроза прогремит, молнией сверкнёт, и хоть ненадолго, а сильный дождь пронесётся, умоет и освежит.

Июньские цветы не жмутся к земле. Высоко поднялись над морем зелени красные гвоздики, колокольчики гравилата, пунцовый шиповник, краснеет луговой василёк. А всех перегнал высокий иван-чай. Он же и кипрей и копорский чай. Прежде его сушили и продавали тем, кому настоящий чай был не по карману. Занимались этим около старинной крепости Копорье — оттого и копорский. Красивы и красно-лиловый цветок кукушкины слёзки и другие ятрышники — розовато-лиловые и розовато-пурпурные. На смену ландышу зацвела белая любка, цветы её собраны в колосовидную кисть. Удивительные это цветы. Капризны, трудно возобновить их, где бездумно, походя их уничтожили, и сейчас у нас из редких редкие. Чудесный аромат свой любка приберегает к ночи, точно с ландышем спорят — кто лучше. Скромные красавицы цветут часто всё лето. Ночными фиалками называют их, белой и лиловой. Ошибочно. В Московском и Ленинградском ботанических садах красуются их родственники — изумительные тропические орхидеи.

Не протягивайте же к ним рук, жадных до букетов. Берегите сокровища родного края.

Не одним ароматом удивят вас любка и ятрышники. Подойдите к ним днём. Вот летит, басом гудит мохнатый шмель, чёрный и нарядный, с жёлтым пояском. Хлоп, сел, даже столбик ятрышника вздрогнул, и сразу голову в цветок спрятал: до сладкого нектара добирается. Напился шмель, голову из цветка

высунул, а на лбу два жёлтых комочка торчат. Цветок его нектаром угостил не даром: комочки пыльцы с пестика приклеил. Полетит на другой цветок шмель, опять голову засунет, а комочки-рожки к его пестику приклеятся. Сам того не зная, шмель большую услугу цветку оказал, совершил перекрёстное опыление.

Не только красными цветами красуется июнь: синие соцветия истода горького, голубая вероника, а где пониже, посырее, и общая любимица голубая незабудка появилась, цвести-голубеть ей до поздней осени с одуванчиком. Неугомонный и он: отцветут у него одни весёлые солнышки, с лёгким пухом отправит своих деток — семена на парашютиках искать нового счастья, а на смену отцветающим рядом уже открываются новые солнышки.

Хороши июньские цветы, и радостно, что они календарей не читают и не знают, что мы назвали их июньскими. А они и до июня, часто в мае через плетень заглянут и границей с июлем не посчитаются, цветут, сколько им солнышко позволит.

Ромашка кустится, а за ней такие же белые цветы с золотой серединкой, это нивяник или поповник. Из него выведены все садовые ромашки.

На лесных полянах глаза радует купальница, золотые цветы, как шары, так плотно сложены, круто загнуты лепестки — одни на другие — не разделишь, не разорвав…

Всем хорош месяц июнь. Ещё в древней Руси отмечали: 22-е июня (по старому стилю 25-е) — самый длинный день в году и значит самая короткая ночь. Не успеет ночь как следует затемнеть, а уже небо светлеет новым рассветом.

А. С. Пушкин об этом сказал:

И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.

Учёные подтверждают: сказано не только поэтично, но великий художник ни словом не погрешил и против науки. Такова точно по продолжительности белая ночь в Ленинграде (северо-западнее Татарии).

Уже в 16 веке на Руси считали 25-е июня днём солнцеворота: день длинный, но после него дни короче, короче… В этот день к царю являлся с печальным известием звонарный староста Успенского собора: «Отселе, государь, возврат солнца на зиму, день умаляется, а ночь прибавляется».

В ещё более древние времена каждому, кто приносил плохие

вести, голову рубили. В 16 веке звонаря уже только на сутки сажали в тюрьму, в Ивановскую колокольню.

Да, в июне день начинает укорачиваться… Но пока об этом лучше не думать. Пока нам радостно видеть, как всё расцветает, радуется жизни. И ещё радостнее знать, что и мы являемся участниками этого весеннего цветения, и наши руки помогли чему-то вырасти, уберегли что-то от неожиданной беды. Цветёт, радуется наша земля, и мы радуемся вместе с ней.

В одиночку мало что можно сделать. Я расскажу вам, что делают школьники в Больше-Сардыкском посёлке Татарии. Это одна из лучших ученических производственных бригад. Она создана уже больше двадцати лет. Значит, сейчас в ней трудятся уже дети тех, кто начинал там работу. Это молодые овощеводы, их плантация двадцать четыре гектара. Они не просто работают. Можно сказать, это маленький исследовательский институт. Они ставят опыты, проверяют новые способы выращивания известных растений. Овощей свежих с грядок они получают столько, что их хватает на весь колхоз. Недаром колхозники называют ребячью бригаду «Витаминная». Это не в шутку, а всерьёз.

Когда немного потеплеет, появится кое-где около ржаного поля и голубой посевной василёк, тот, который раньше густо украшал поле не на радость земледельцу. Злостный это был сорняк (рожь зацветает, и он за ней цветёт), только теперь научились отделять его семена от семян ржи.

Всё выше поднимаются среди высоких июньских трав рослые колокольчики. Цветёт и клевер, замечательный медонос. Весело кружатся над ним шмели, все, кому длинный хоботок позволяет. Нектар-то клевер хитро запрятал в самую глубину своих цветочков. Не скоро наши пчеловоды вывели породы пчёл с хоботком почти не хуже шмелиного, теперь клеверное поле и для нас не скупится. Практичные американцы давно уже оценили клевер. Клеверное сено — великолепный корм для скота. Ещё в прошлом веке европейский клевер переселился и на американские поля. И что же? Растёт, цветёт лучше не надо, а семян нет. Неужели каждый год семена в Европе покупать? Догадались: шмелей с длинным хоботком в Америке нет. Пришлось и шмелям из Европы в Америку ехать, клевер обслуживать. Природа веками и тысячелетиями налаживала цепь жизни, в которой каждое звено связывалось с другими. Рвать эти цепи безрассудно. Дорого платить приходится.

А теперь шмелей и у нас всё больше ценят. Шмель (правильнее сказать шмелиха) работает как опылитель даже лучше, чем наша труженица пчела: не боится и похолодания, раньше начинает и позже кончает работу. Кроме того, пчёл, хоть

и с длинным хоботком, приходится приучать к клеверу, не очень он им нравится. А шмель на нём работает без принуждения.

Песня о шмеле

Тёплый солнечный луч заглянул в дупло старой берёзы, и в глубине его что-то шевельнулось. На край выползла нарядная бабочка. Узорчатые крылышки медленно раскрылись навстречу теплу. Нелегко очнуться после долгого зимнего сна. Яркий свет наконец расшевелил лентяйку, она вспорхнула, закружилась и опустилась на тёплый камень у подножия берёзы. Но что это? Травинки около камня вдруг зашевелились, и на него выбрался кто-то совсем на бабочку не похожий: толстый, в чёрной бархатной шубке, на спинке аккуратно сложены узкие прозрачные крылышки. Настоящий летучий бархатный медвежонок. Бабочка испугалась, вспорхнула, и весенний ветерок унёс её куда-то вдоль полевой дорожки.

Красавец в бархатной шубке не обратил на неё внимания. Его, то есть её — шмелиную матку — тоже разбудил весёлый солнечный луч и выманил из холодной норки на тёплый камешек.

Пёстрой бабочке-крапивнице хорошо беззаботно резвиться. Она напьётся сладкого нектара из чашечки цветка, отложит на куст крапивы кучку яичек и больше о детях думать не станет, будет резвиться в солнечных лучах, насколько хватит коротенькой её жизни.

У шмелиной матки жизнь совсем другая, поэтому и вид у неё озабоченный. Посидела она, согрелась, щёточками на передних мохнатых ножках протёрла глазки — за долгую зиму в норе они основательно запылились. И вдруг, как маленький вертолёт, загудела и поднялась с камешка. Гудит, точно выговаривает: «Батюшки, дел-то у меня! Как только успеть управиться!»

Но дела делами, а матка сначала, досыта напилась сладкого нектара, с каждого цветка по капельке, и вот уже гудит, летит обратно прямо под камешек, в пещерку, где так уютно перезимовала. А мусору-то, мусору там набралось… Будущим деткам чистота нужна. Мать захлопотала: пыль лапками выгребла, щели мягким мохом заткнула, листиков и сухих травинок натащила большой комок, залезла в него и затихла. Стемнело. Но, верно, она и ночью не спала, копошилась, раздвигала травинки и притоптывала, потому что к утру в середине комка получилась камера с гусиное яйцо величиной. Готово? Нет не готово: стенки не гладкие, травинки торчат, колются. Что делать?

Мать словно задумалась. Бросила работу, выползла из норки, погрелась на солнышке и вдруг загудела, поднялась в воздух и улетела. В этот раз её долго не было, она кормилась на цветах

особенно усердно, будто готовилась к какой-то новой и трудной работе. А прилетела, нырнула в гнездо и опять затихла, за хлопоты не принимается.

Может быть, устала? Нет, не то. В её теле идёт сложная работа, для неё-то и понадобился такой большой запас пищи. Не шевелится матка, а между кольцами её брюшка выступают маленькие белые восковые чешуйки.

Вот теперь пора. Мать челюстями снимает чешуйки, жуёт их с комочками пыльцы. Как хороший штукатур, она обмазала этой пастой стенки гнезда. Теперь гладко, ни одна травинка не смеет высунуться. Трудится матка, но то и дело отрывается от работы и — к цветам. На голодный желудок воск на брюшке не выделится, штукатурить будет нечем.

Наконец готово! В детской комнатке тепло и уютно. От неё к выходу из норки мать вылепила ещё восковую трубку — коридор. Минутку передохнула у входа и тут же, точно спохватилась, проворно уползла назад в гнездо. Там на полу, тоже из воска с пыльцой, она построила ещё ячейки под общей крышей.: Чудесные вкусные колыбельки для будущих детей. В них можно расти и… кушать их стенки. Но на первое время мать положила в них более нежную пищу: немножко мёда с пыльцой. А около колыбели вылепила из воска ещё объёмистую кадушку и налила в неё чистый мёд. Это — первая пища для молодых дочерей-шмелей, которые выведутся из личинок. Каждому возрасту — своя пища.

Вот и всё готово. Мать осторожно откладывает яички в колыбельки, закрывает их крышкой. Можно бы и отдохнуть, посидеть у входа в норку, погреться в солнечных лучах, а нельзя. Яичкам в тёмной норке холодно, и мать, раскинув лапки, прижимается к восковой крыше, согревает детей собственным телом. Шмели удивительные насекомые, пушистое тельце матери тёплое, теплее, чем воздух в норке.

А в согретых яичках уже копошится новая жизнь. Прошло два — три дня, тонкие скорлупки лопнули, и из них выбрались крошечные толстенькие личинки. Ни ног ни головы — точно колбаска с заострённым кончиком. Ну и обжоры же эти живые колбаски! Вмиг от корма в ячейках ничего не осталось. Мать торопливо открывает восковую крышечку, добавляет корма, опять закрывает. Ещё и ещё. Каждый раз она при этом немножко надстраивает ячейки в длину и в ширину. Ведь жирные личинки растут как на дрожжах: ячейки раздуваются и лопаются, скорей чини, накладывай восковые заплатки!

Мать кормит, чинит в полной темноте. Но то и дело спохватывается, бежит по восковому коридору к выходу и с

громким гудением торопится на цветы: нужно закусить самой и принести еды прожорливым личинкам. Домой летит тяжело: то зобик полон нектара, то нарядилась в яркие штанишки — это комочки пыльцы в корзиночках на задних ножках. Скорей, скорей! Голодные личинки уже грызут стенки колыбелек, они сделались совсем тоненькие.

А ещё нужно строить новые ячейки для новых детей. Лето коротко, надо торопиться.

Теперь из гнезда так вкусно пахнет жирными личинками. Зазеваешься — и вмиг наползут охотники полакомиться: нахальные муравьи и другие насекомые. Но мать настороже, удар челюстей — и мёртвый грабитель летит из гнезда. Бывает, и ёжик попробует сунуть острый нос. И ему та же честь: с визгом мчится прочь, трётся вспухшей мордочкой о сырую землю. Шмель жалит неохотно, но больнее, чем пчела.

Наконец наступает великое событие: первые личинки выросли, окуклились, и однажды мать вздрагивает и приподымается с крышки, на которой она лежала, грела детей. Крышка, прогрызенная острыми челюстями, поддаётся: десяток молодых дочерей в чёрных бархатных шубках выбирается из ячеек. В норке темно, но они, ещё слабенькие, сразу ползут к кадушке с мёдом. Пьют жадно и много.

Надо набираться сил — ведь в других ячейках растут и требуют пищи младшие сёстры, такие же нетерпеливые и жадные. А мать устала… И вот дочери протрут глазки, усики, почистят бархатные шубки и принимаются за работу так умело, точно век ею занимались. Мать их не учит. Ведь и её никто не учил. Инстинкт ведёт их по дороге жизни так, как вёл тысячи поколений их бабушек и прапрабабушек. С виду они совершенно похожи на мать, только размером поменьше. Ещё бы! Ведь она одна строила гнездо, одна кормила их, когда они ещё были жадными личинками, немудрёно, что еды не очень хватало.

В новых ячейках, построенных матерью, уже копошится следующий выводок молодых личинок — их младших сестёр. Их выкормят общими усилиями старшие сёстры, и они, сытые, будут крупнее и сильнее своих кормилиц. Кто знает, как происходит первая встреча матери с детьми в глубине тёмного гнезда? Может быть, она помогает им сбросить тесную оболочку куколки, выбраться из колыбельки, расправить крылышки и найти дорогу к мёду. Она так заботливо приготовила его, хотя и не знала, для кого и почему это делает.

На пасеке молодых пчёлок ласково встречают в улье их старшие сёстры — рабочие пчёлы. Но там жизнь много легче: рабочих сколько угодно, и каждый знает своё дело в

великолепном улье-дворце. А здесь, в тесной шмелиной норке, никакого разделения труда, и встречает первых новорождённых не толпа сестёр, а одна мать, измученная работой. Молодые дочери не тратят времени напрасно: напились медку, отдохнули и включаются в работу. Мать уже не летает за кормом, ей хватает теперь забот дома. Она кладёт всё больше яичек, а дочери носят корм, кормят личинок и саму матку и строят всё новые и новые ячейки: у шмелей в старые ячейки мать яичек не кладёт, они служат кадушками для мёда. Строят как попало, без плана, громоздят новые ячейки на старые, восковую крышу разбирают и поднимают всё выше, часто до самого потолка норки. Семья растёт быстро, в разгар лета работают уже десятки, а то и сотни дочерей-работниц. В гнезде становится тесно и душно.

Рано утром у входа часто появляется шмель. Он стоит и со страшной быстротой машет крыльями. Раздаётся громкое гудение. Уберите этого трубача — тотчас на его место станет другой и тоже затрубит. Трубач не будит работниц, как думали раньше. Он, стоя, на пороге, дрожит от утренней свежести и машет крыльями — греется. Но гнезду это идёт на пользу: быстрые удары крылышек гонят в него ток свежего воздуха.

Теперь легко узнать, где находится шмелиное гнездо: из незаметного отверстия в земле то и дело вылетают и снова в него возвращаются, гудят бархатные красавцы. И дух от гнезда идёт такой медвяный — даже человеческому носу слышно, если нагнуться пониже. Ёж бежит по своим делам — остановится. Лисица и то пробует докопаться: ей и мёд, и жирные личинки годятся. Но весной гнездо защищала одна мать. А теперь целая гудящая армия поднимается навстречу когтистой лапе и нахальному носу. В гнезде все за одного, один за всех, жизни не жалеют.

А вот в поле, на работе, шмели, как и пчёлы, не умеют заступаться друг за друга, тут каждый сам за себя. А жаль! Большие опасности караулят бедных шмелей в дороге. Вот летит один в ярких штанишках из цветочной пыльцы, груз пыльцы только наполовину легче веса самого шмеля. Вдруг с пронзительным жужжанием перед ним взвивается сильная злая оса-шершень. Блестящий, жёлто-полосатый ловкий убийца так не похож на бархатистого спокойного шмеля. Шмель отчаянно старается ускользнуть — напрасно. А у гнезда, низко над самой землёй, — ктырь. Огромная хищная муха. Принюхивается к сладкому медовому духу. Другому шмелю от этого разбойника тоже не увернуться. Цепкие лапы хватают его на лету, длинный острый хоботок, как насос, вытягивает до последней капли соки его тела, и вот на траву уже падает пустая бархатная шубка…

Многие работницы вылетели утром на работу и в гнездо не вернутся, но мать этого не замечает, семья продолжает расти.

К концу лета в шмелином гнезде новое событие: из куколок начинают выходить не работницы, а вполне развитые самки и самцы. Эти не утруждают себя работой. Беззаботно порхают они над цветами, кормятся сладким нектаром и не несут в гнездо корма личинкам, не помогают строить новые ячейки. Да этого и не требуется. Ведь лето проходит, и вот уже наступает конец шмелиной семье. Последние личинки ещё дозревают в ячейках, но им уже не придётся вырасти и заботиться о новом поколении сестёр. И тут поведение взрослых работниц вдруг чудовищно меняется. Они, только что такие заботливые кормилицы, вдруг бросаются к ячейкам, вытаскивают беспомощных личинок и убивают их. Мать тщетно пытается защитить младших детей от старших, превратившихся в безжалостных убийц. Страшные сцены разыгрываются во мраке шмелиного гнезда. Но молодые самки и самцы не принимают в них участия. Они уже покинули гнездо.

Разлетелись и работницы. Первые холода наступающей осени их погубят. В кустах травы застыли мёртвые самцы. А молодые самки забились в трещинки земли, в норки под камнями и крепко уснули До первых весенних дней. Недолгая беззаботная летняя жизнь для них кончилась. Но весной они проснутся, прочистят лапками запылённые глазки и примутся за работу: строить своё гнездо, растить детей. Учить их некому, да этого и не требуется: они делают всё так же хорошо, как делала их труженица-мать.

А мать? Что с ней сталось? Она покинула разорённое гнездо, в котором ничто уже не удерживало её. Слабая, в вытертой, когда-то нарядной шубке, она вяло отползла от него под кустик травы и, прикорнув под ним, затихла. Жить и трудиться больше не для кого. Весной её работу продолжат дочери.

Пчёлы

Лето поначалу бывает не очень тёплое, не очень солнечное, иногда сразу тёплое, но всё-таки лето, и жизнь летняя идёт своим чередом. Цветут цветы и ярким цветом лепестков и нежным ароматом приглашают насекомых: летите к нам скорее, у нас для вас приготовлен и сладкий сок — нектар и сытная пыльца. Насекомые не отказываются. Кто сладкого сока напьётся, кто пыльцой закусит. А пчёлки и о детях заботятся: наберут полные зобики нектара, натискают пыльцы в корзиночки на мохнатых ножках, точно жёлтые или красные штанишки наденут, и скорей, скорей домой! Дома ведь всегда разных дел хватает.

Кроме наших домашних пчёл, на цветах и другие дикие пчёлки хлопочут: серенькие, черненькие, величиной поменьше и гудят потоньше.

Сладкий сок и пыльцу они тоже собирают и кормят своих личинок. Но запасов на зиму не делают. Им и не требуется. Такая пчёлка летом вырастила детей где-нибудь в норке, а осенью все они запрячутся под кустики, оцепенеют от холода и затихнут. Весной, когда солнышко пригреет, очнутся только молодые самки. Каждая начнёт рыть норку, откладывать яички и воспитывать свою семью, как именно этим пчёлам полагается. А старая мать уже не проснётся. Она в жизни потрудилась достаточно. Из яичек, отложенных молодыми матерями, вырастут их дети — пчёлки. Но весной, когда цветут наши сады и огороды, их ещё мало. Главные весенние опылители растений — наши домашние пчёлы. Они и живут по-другому: семья, много тысяч пчёл-работниц, зимует, но не спит вместе с маткой. С первым весенним теплом сразу закипает работа. Вот пчела, с зобиком, полным сладкого цветочного сока, вернулась с поля и вползла через леток в свой улей. Ей некогда: скорей надо лететь обратно на цветы! В улье к ней подбегает другая пчела. Ей, из хоботка в хоботок, сборщица передаёт-переливает нектар, который принесла в зобике. Затем сразу поворачивается и вылетает из улья за новой добычей. А пчела, которая приняла от неё нектар, передаёт его, тоже из хоботка в хоботок, другой пчеле. Та уже несёт драгоценную капельку в пустую ячейку на сотах. Вы думаете, хлопоты уже кончены? Нет, ещё несколько раз другие пчёлы перенесут капельки нектара из одних ячеек в другие, к нему добавляются выделения желез из зобика. Нектар сгустится, созреет и превратится в мёд. Тогда пчёлы запечатают полную ячейку восковой крышечкой, предварительно опустив в неё крохотную капельку яда — консерванта. Такой мёд не закиснет.

Собрать нектар и изготовить один килограмм мёда! Для этого надо пролететь расстояние в несколько раз большее, чем окружность земного шара по экватору. Конечно, одна пчела это выполнить не в состоянии. 150 килограммов мёда за сезон может собрать лишь вся сильная семья. Но и для семьи какое прилежание! Подсчитаешь и съешь ложку мёда не просто, а с глубоким почтением.

Пчела, которая принесла на ножках комочки пыльцы, сама ползёт по сотам и ловко сбрасывает в ячейки пухлые комочки. Скорей! Скорей! Самой даже покушать некогда — всё отдала. Но вот к ней подбежала сестрица-пчёлка и протягивает ей хоботок: на, я тебя покормлю мёдом, тогда и лети.

Напьётся мёду пчёлка и опять на работу. А около ячейки, в которую она сбросила комочки пыльцы, уже хлопочет пчела-трамбовщица, сунулась в ячейку и головой мнёт, уминает пыльцу. Ей тоже работы по горло: вот и ещё пчела прибежала, пыльцу принесла й опять её трамбовать-уминать надо. Наполнится ячейка пыльцой, её пчёлы сверху зальют мёдом и тоже запечатают восковой крышечкой — в запас.

В улье живут десятки тысяч пчёл. Если они примутся без толку соваться туда и сюда — вся жизнь в улье разладится. Но пчёлы работают так, точно ими кто-то командует: каждая на своём месте. Кто ясе это её так хорошо учит? Никто. Это не разум её ведёт, а инстинкт. С инстинктами, все живые существа рождаются. Конечно, с разными. Например, котёнок построить восковую ячейку не может, но зато, едва появившись на свет, сразу ползёт к матери и начинает сосать тёплое молочко, и этому его никто не учит.

Так и пчёлы-сборщицы. Они несут в зобике нектар, на ножках пыльцу и не знают, для чего нужны эти запасы, но готовят их столько, что хватает и личинок выкормить, и самим зимой прокормиться, и нам ещё останутся соты, полные сладкого мёда.

Вот пасечник вынул из улья рамку с сотами. В ней много пустых ячеек. Толпа пчёл покрывает соты. Среди них одна пчела много крупнее других. Это матка, или царица. Так её называли раньше, думали, что это она так хорошо управляет пчёлами. Но она умеет только откладывать яички. Вот она медленно ползёт по пустым ячейкам, пчёлы окружают её тесной толпой, они наперебой протягивают ей хоботки, предлагают корм. Капельки его похожи на молоко. Он так и называется — молочко.

Это молочко выделяется особыми железами в теле рабочей пчёлы. И не всегда, а только когда она кормит матку или молодых личинок. Матка, не останавливаясь ни на минутку, жадно пьёт молочко. Другие пчёлы осторожно гладят её усиками,

лижут язычками. Матка словно этого не замечает — некогда. Каждую пустую ячейку она осмотрит, усиками ощупает стенки и дно: ячейки чистые? Матка опускает в неё брюшко, мгновение — и ползёт дальше. А на дне ячейки, стоймя, уже приклеено крошечное белое яичко. Матка о нём не заботится, заботятся пчёлы-кормилицы. Да и когда же ей ухаживать за детьми? В разгар лета она откладывает тысячи две яичек в день, хорошо, что дочери непрерывно кормят её на ходу.

А что делается с яичками? Через три дня из яичка вылупляется крохотная белая личинка. Сотни раз в сутки к ней заглянут кормилицы, и каждая положит около неё капельку свежего корма. Три первых дня дают молочко, как матке, но потом только кашку из мёда с пыльцой. Прошло шесть дней. Личинка, толстенькая и жирная, перестаёт кушать и плетёт себе нарядный шёлковый кокон. Пчёлы заботливо закрывают ячейку восковой крышечкой, кормилицы больше не нужны.

А в запечатанной ячейке внутри кокона совершается чудесное превращение: тело личинки расплылось, точно сметана, и из этой густой массы складывается белая молодая пчёлка. Она неподвижно лежит в прозрачной оболочке, как спелёнутая. Потому и называется — куколка. Постепенно белая пчёлка темнеет и, наконец, точно просыпается. Вот она изнутри прогрызла крышечку ячейки, высунула головку, медленно выбирается из ячейки. Лапками протёрла глазки, расправила крылышки, осмотрелась. А старшие сёстры тут как тут, дружно ей помогают, кормят, точно рады встретить новую сестрицу. Она ещё слабенькая, покушала и устроилась где-нибудь на сотах отдохнуть. Ей никто не мешает, отдыхай. Но она сама времени терять не хочет, посмотрите: уже скребёт-лижет язычком ячейки, из которых вылупились молодые пчёлки, ведь матка в плохо вычищенную ячейку ни за что яички не положит. Дня четыре молодая пчёлка служит домработницей, работает без устали, и вдруг… кончены хлопоты. Она больше не следит, чисты ли пустые ячейки. Теперь она хлебопёк: усердно месит сладкое тесто из мёда и пыльцы, которые собирают другие пчёлы. Скорей! Скорей! Она охватила челюстями сладкую лепёшечку и бежит, спешит, точно хорошо знает, куда ей надо. Нашла! В одном из сотов лежат большие жирные личинки. Наша пчёлка поделила им лепёшку, поровну, по крошке и мчится обратно, за новой порцией корма. Туда-сюда.

Но вот ей исполнилось восемь дней, и она сразу перестала интересоваться взрослыми личинками. Её железы начали выделять молочко. Она и отправляется кормить тех, кому это молочко нужно: самых молодых личинок или их общую мать —

матку.

Несколько дней она заботливая кормилица. И новое превращение: молочко у неё пропало, что делать дальше?

Пчёлке никого спрашивать не требуется, сама чувствует, чем нужно заняться.

Она уверенно спешит к входу в улей — к летку. Теперь она принимает у сборщиц нектар и относит его в пустые ячейки или выносит из улья мусор и, наконец, становится, кем бы вы думали? Парикмахером. Да-да, парикмахером, или, лучше сказать, санитаром.

Что же она делает?

Она бродит по улью и трогает усиками всех пчёл, что бегут ей навстречу. Вот одна пчела, в ответ, останавливается. Ага! Договорились! И пчёлка живо принимается за работу. Ну и парикмахер! В дело пошли и гребешки, и щёточки на ножках, челюстями она перебирает волосок за волоском на тельце пчёлы. А та очень довольна: и крылышки растопырит, и повернётся, и даже на бок приляжет, чтобы парикмахеру было удобнее. Иногда одну пчёлку чистят сразу два санитара.

Наконец, в теле парикмахера происходит новое изменение: особые железы на брюшке готовятся выделять воск. Пчёлка не желает больше причёсывать сестриц, она бежит к рамке, на которой строится новый сот.

Это удивительное зрелище: пустая деревянная рамка покрыта густой занавеской из пчёл. Они напились мёда и теперь висят на рамке неподвижно, сцепившись ножками, точно ждут чего-то. Наша пчёлка тоже к ним прицепилась, ждёт. Дождалась: у неё на брюшке появились крохотные белые чешуйки воска. Она тотчас же отцепилась от остальных пчёл. Забралась по ним, как по живой лестнице, кверху и прикрепила к рамке комочек воска со своего брюшка. За ней ползут и другие пчёлы, лепят свои комочки один к другому, уже вытянули целую пластинку из воска, закрыли ею рамку. На этой пластинке другие пчёлки строят восковые ячейки. Вот и готова новая рамка с сотами. А наша пчёлка уже покинула соты, воск на брюшке больше не выделяется, ей строить не из чего. Она опять спешит к летку. Новое превращение: она уже не приёмщица нектара, у неё новый чин: она страж гнезда. Строгий сторож. Пусть какой-нибудь воришка попробует прорваться в улей полизать чужого медка. Не удастся. Чужая пчела, или оса, или муравьишка ног не унесут, зажалят их строгие сторожа, ведь в них к этому времени развиваются ядовитые железы.

Лишь иногда чужак осмелится пробраться в леток: уж очень вкусно пахнет в улье. Его из улья не выпустят — убьют. Мёртвых насекомых пчёлы тут же выбросят из улья. Но воровку мышь

вынести им не под силу. Если останется она лежать на дне улья, испортится и заразит весь улей. Пчёлы и тут не растеряются: уже бегут новые и новые пчёлки, и все несут в челюстях клей — прополис. Этот клей пчёлы собирают на почках растений, замазывают им щёлочки в стенках улья. А сейчас клеем надёжно покрыта, облеплена мёртвая мышка. Так она и останется лежать в улье, точно в гробу, через который не пробьётся ядовитый запах гниения.

А вот и ещё один воришка летит, медком полакомиться захотелось. Бабочка! Большая, жёлтая с чёрным. Это «мёртвая голова». Название странное. Потому что светлый рисунок на её спинке, и правда, напоминает череп человека. Хитрая воровка опустится на прилётную доску и начнёт пищать. Говорят, этот писк похож на голос пчелиной матки. Удивлённые сторожа дают ей дорогу, прямо к медовым сотам. И пока пчёлы опомнятся, «мёртвая голова» успеет высосать целую ложку мёда.

Иногда в улье воздух становится слишком тёплым и влажным, пчёлы начинают дружно махать крылышками так быстро, что глазом не уследить. В улье точно вентилятор заработал. Воздух освежился, и пчёлы успокоились.

Но вот пчела прожила в улье почти три недели. Настало время для главной работы, и пчела вылетает из улья. Она полетает около Него, осмотрится, запомнит местность. Теперь, пока хватит сил, она сборщица нектара и пыльцы.

Вы думаете, о ней больше нечего рассказать?

Вот одна пчела принесла в зобике нектар, но почему-то не отдала его приёмщице, а сразу пробежала от летка дальше на соты, в самую гущу пчёл. Остановилась, отдала капельку нектара одной пчеле, остальной нектар — другой пчеле и вдруг как принялась на сотах танцевать. Да ещё как! Бегает по соту, точно описывает восьмёрку. Бежит Ровно, потом вильнёт как-то брюшком — и опять восьмёрка. И опять брюшком вильнёт. Мы не поняли, с чего она развеселилась, а пчёлы поняли. Встревожились и побежали по сотам за ней. Бегут, на бегу её усиками трогают, точно спрашивают: правильно ли мы тебя поняли? А она уже на другой сот перебежала и там брюшком завиляла, и там пчёл растревожила. И что же? Эти пчёлы поспешно вылетают из улья и несутся в одном направлении, точно им в воздухе кто-то невидимую дорогу указал. Кто? Наша пчёлка. И сама она потанцевала и по этой же дороге обратно полетела. Своим танцем она разъяснила, в каком направлении надо лететь и как далеко, и очень ли там много цветов. А другие пчёлки усиками трогали её и ощутили запах цветов, на которые пчёлка их приглашает.

Если цветы находятся очень близко, пчёлка не пляшет

восьмёрку, а просто бегает по кругу: значит, до цветов не больше сотни метров, найти не трудно.

Но лето идёт, матка продолжает откладывать всё новые яички, и каждую минуту в улье новая молодая пчёлка выбирается из своей ячейки. Тесно, места всем не хватает. Тогда пчёлы строят несколько очень больших ячеек, не шестигранных, как все ячейки, а похожих на жёлуди. Матка и в них откладывает яички. Такие же, как и обычные. Но личинок в этих ячейках-маточниках пчёлы кормят только молочком, как матку. И каждая такая личинка превращается не в рабочую пчелу, а в молодую матку.

Пчёлы к этому времени очень разволновались: бегают по улью, за нектаром не летят. И вдруг половина их кинулась к ячейкам, они набрали полные зобики мёда, точно запас на долгую дорогу, и толпой бросились из улья. С ними из улья улетает и старая матка. Целой тучей, роем, взвились пчёлы на воздух, матка опустилась где-нибудь на ветку, и рой опустился с ней, пчёлы облепили ветку мохнатым комком. Чем им не понравился старый улей? Инстинкт подсказал им: семья стала сильная, в улье всем не поместиться, надо разделиться, поискать другое жильё.

Где же его найти? На поиски от роя уже отделились и полетели в разные стороны пчёлы-разведчицы. Рой смирно ждёт. Наконец вернулась разведчица, нашла где-нибудь в старом дереве подходящее дупло. Опустилась на клубок пчёл и давай танцевать — дорогу показывать. Миг, рой поднялся с ветки и тучей полетел за разведчицей на новое место. Так делали пчёлы много тысяч лет тому назад, когда люди ещё не строили для них ульев. Так делают иногда и теперь. Но хороший пасечник не зевает. Как рой привился на ветку, пасечник тут как тут. Он осторожно стряхивает пчёл с маткой в корзинку-роёвню и пересыпает их в пустой улей, ведь он его заранее приготовил. Вот у пасечника одной пчелиной семьёй стало больше. Улей хороший, рамки для сотов есть, и даже на них пластинки из воска натянуты, сразу на них можно строить соты. И пчёлы принимаются за работу, словно и век тут жили.

А что делается в старом улье? Пчёлы остались без матки? Нет, в большом восковом маточнике уже созрела, выросла молодая матка. Вот она срезала челюстями крышечку маточника, выбралась на свободу. Пчёлы её лижут, гладят, кормят, может показаться, что они не помнят себя от радости. Пройдёт несколько дней, молодая матка окрепнет и вылетит из улья в свой первый и единственный брачный полёт. С ней целым облаком вылетают трутни. Их легко можно отличить от пчёл рабочих: большие, тяжёлые. В улье они жили, ничего не делали,

ползали лениво по сотам, и сёстры-работницы даже кормили их мёдом. Их вылетает много, и это спасает матку от врагов в её полёте: птицы не прочь полакомиться пчёлами и хватают трутней, а матки в их куче и не заметят. Так трутни выполнили задачу жизни.

Молодая матка вернулась из полёта, теперь улей может спокойно жить и работать. Но что это? Матка сразу, с сердитым жужжаньем, начинает бегать по сотам. Ведь пчёлы выкормили не одну молодую матку. Ещё две, а то и три уже готовы выйти из запасных маточников. Они слышат голос матки и особым голосом «квакают» ей в ответ: сейчас и мы освободимся!

Ну, матка ждать не собирается, её жало сквозь стенку маточника насмерть ранит-убивает младших сестёр. Теперь она единственная хозяйка улья, может спокойно начать откладывать яички.

Но бывает и так: запасная матка уже успела выйти из маточника на свет божий. Тогда между матками завязывается сражение. Они бросаются, отскакивают, опять бросаются друг на друга, пока одной не удастся смертельно зажалить другую. Однако, если семья очень большая, то часто первая молодая матка без битвы, мирно тоже улетает с частью пчёл, и даже вторая молодая матка может улететь со своими пчёлами, а в улье хозяйничает третья с оставшимися. Но хороший пчеловод этого не допустит, чтобы семья не ослабела. Он вовремя сам уничтожит лишние маточники.

Уцелевшие от птиц и прочих опасностей братья-трутни благополучно возвращаются в улей. Добрые сестрицы — рабочие пчёлы продолжают их кормить. Счастливая жизнь. Пока… ещё тепло и в цветах много нектара.

Но вот подошла осень. Нет больше нектара, запасы мёда нужны самим работницам на долгую зиму. И кончилось трутневое счастье. Сестрицы-работницы хватают их за крылья и волокут из улья. Забраться в улей обратно не удаётся: сердитые сторожа караулят у летка. Голодные трутни слабо ползают около улья, ночной холод их быстро приканчивает.

Семья готовится к зимовке. Все личинки превратились в пчёл, матка больше не откладывает яиц, пчеловод вынул пустые рамки, но часть медовых сотов оставил: пчёлам надо кормиться и зимой. И вот пчёлы собираются в плотный клубок. Посередине — матка. Внутри клуба тепло, а снаружи холодно. И потому клуб непрерывно шевелится: пчёлы, озябшие снаружи, лезут внутрь, а те, кому слишком жарко внутри, оказываются снаружи, пока тоже не озябнут.

Пчеловод перенёс уже улья в омшаник — помещение, где не

морозно, но и не слишком тепло. Время от времени он прислушивается: всё ли в улье благополучно, и довольный уходит. Скоро кончится суровая зима, запылят ива и орешник, он вынесет ульи на прежние места на точёк. И вот уже из летка на прилётную доску медленно выползли первые пчёлы. Они чистят усики и крылышки, протирают отвыкшие от света глаза. Дальше… всё повторяется.

О маленькой бабочке — большом вредителе

В очень старой немецкой книге вы можете прочитать описание удивительного суда. В книге имеется и рисунок. Вот что на нём изображено: за столом сидят судьи в длинных старинных одеждах, на головах у них парики из завитых длинных волос. Тут же находятся обвинитель и защитник подсудимого, а на скамейках для свидетелей и потерпевших — целая куча народа: видно, что преступление совершено немаловажное.

Как будто всё на месте. Позвольте, а где же обвиняемый? Скамейка, на которой ему полагается сидеть, — пуста. Только на одном её конце, на самом краешке, стоит какая-то банка, но что в ней — не разобрать, что-то уж очень маленькое.

Если бы в неё заглянули — и тут бы ничего не поняли: в банке ползают гусеницы — жирные черви, сантиметра по три длиной.

Ну, а где же сам преступник или преступники?

Они это и есть: гусеницы. Они, конечно, не могли прийти на суд и потому их пришлось принести в баночке, но судят их так же серьёзно, как настоящих преступников-людей.

Обвинитель — важный, тоже в завитом парике и длинной одежде. Он встаёт и объясняет собравшимся, в чём виноваты мерзкие черви.

«Господь бог создал фрукты и овощи на пользу человека, — говорит он, — а черви вдруг взялись неведомо откуда — вероятно, родились из пыли и нечистот. И размножившись, объели все листья в садах и в лесу около города».

Некоторые женщины при этом закрывают лицо руками и плачут: им жаль чудесных яблок, которые уже не вырастут в этом году на объеденных деревьях.

Обвинитель сердится. Он находит, что черви, отнявшие у людей урожай их садов, заслуживают смерти.

Но тут встаёт защитник. «Черви — тоже божьи создания, — говорит он, — и потому имеют право кушать. Наверно, они объели яблоки по ошибке, поэтому следует отвести им участок земли подальше от города, пусть уходят и питаются там травой, никого не обижая».

Суд согласен с таким решением. Черви тоже слышали его и могут рассказать о нём своим братьям, поэтому банку с преступниками осторожно переносят в один из садов и вытряхивают на траву. Завтра уж, наверное, ни одного червяка в

городе не останется.

Но на другой день женщины плачут ещё громче: нахальные черви продолжают объедать деревья, даже хруст идёт по садам. Они и не думают убираться на отведённый им участок.

Огорчённые жители дорого заплатили судьям. Теперь они вздыхают и платят ещё священнику: не уберутся ли черви по его молитвам?

Иногда черви ещё продолжают некоторое время есть после молитвы, но в конце концов таинственно исчезают. Бедные люди радуются: хоть и дорого взял жадный поп, а всё-таки молитва помогла. Они думали так потому, что лет пятьсот тому назад даже образованные люди не знали, что «черви» — это гусеницы бабочек, что они и без молитвы священника вырастают и уходят в землю окукливаться. Не знали они и того, что через некоторое время из куколок выведутся бабочки и отложат яички, из которых опять вырастут прожорливые гусеницы. Люди думали, что черви, и правда, уходят в леса, испугавшись молитвы священника или решения суда.

Сохранился ещё старинный рассказ о том, как в суд вызывали полевых мышей, портивших хлеб. Мыши не пришли, но защитник объяснил, что они не виноваты, так как о вызове, наверное, слышали и кошки и караулили около здания суда. Поэтому мышей пришлось судить заглазно, а решение суда громко прокричали на всех перекрёстках, чтобы мыши знали, что им приказано убираться.

В наше время так играть могут только маленькие дети.

В июне в белоснежные цветы оделась калина, к осени она их сменит на красные ягоды, целебные и по-своему вкусные. Цветёт боярышник. Белыми кистями украсилась и рябина, вторая за берёзой народная любимица. С нетерпением ожидают ребятишки, когда сменит и она белые цветы на яркие ягоды. А уж когда эти ягоды первым морозцем прихватит, горечь из них выйдет, ох и вкусны же они. Но есть удивительная рябина, для которой и помощи мороза не требуется. И так сладкая. Рассказывают, что случайно сладкую рябину в одном саду нашёл пастух около села Невежино Владимирской губернии. От неё и пошли черенки, и разрослись целые сады сладкой ягоды. Нежинской (не Невежинской) стал её называть виноторговец Смирнов. Он назвал её «Нежинской», чтобы другие виноделы не нашли, где она растёт, и не могли готовить такую наливку, как его знаменитая смирновка. Теперь саженцы и черенки чудесной рябины можно выписывать из совхоза имени 17-го МЮДа (Международного юношеского дня) Владимирской области Суздальского района.

Варенье из этой рябины отменное. Кушайте на доброе здоровье!

Одумалась, зацвела и брусника. Ей бы можно было и раньше цветочки выпустить, ведь она и зимой под снегом зеленела, кустик-многолетник. Но хорошо, что и в июне зацвела. Листики у неё красивые, сочно-зелёные, плотные, а кисти цветов на концах стебельков — нежные, белые, чуть розоватые маленькие колокольчики. Мало заметные, а присмотреться — удивительно хороши, только что не звенят хрустальным звоном.

В тенистых лесах, на лугах с высокой травой растёт чистец лесной. Довольно крупный стебель немного похож на крапиву. Цветочки не по росту его мелкие и не густо сидят на стебле мутовками, к верхушке чаще. Венчики тёмно-пурпуровые, нижняя губа каждого почти в два раза длиннее верхней, почему чистец и причислен к семейству губоцветных. Присмотритесь, мал цветочек, а наряден: губа украшена белыми волнистыми линиями. Цветёт чистец всё лето, хороший медонос: и пчёлам, и шмелям радость, так и гудят, вьются около него. И чистецу хорошо — опыляют. А впрочем, если насекомые какой цветок и проморгали, он неопылённым не останется, рыльце пестика нагнётся к тычинкам — сам опылится. Стебель чистеца вверху густо опушён, и волоски на ощупь клейкие — возможно, защита от лазящих и ползающих.

Чистец болотный с виду мало чем отличается от лесного, но больше селится где пониже и повлажнее. На корневищах, как крупные бусы, четырёхгранные жёлтые клубни, иногда до пятидесяти на одном кусте. Не одним нектаром богат чистец: можно клубни и варить, как картофель, и муку из них делать. В одной старой ботанике так и говорится: «Коренья телистые, можно их и людям варить и употреблять в кушанье». Может быть, и несправедливо его рассматривать в поле (на переувлажнённом) только как злостный сорняк. Ведь дикий картофель ни вкусом, ни величиной клубней не напоминает наши культурные сорта. А интересно попробовать селекцию. Например, на школьном участке.

Не все цветы июня радуют глаз и чаруют ароматом: на лугах и в заброшенных местах появилась белена. Недаром в народной пословице сохранилось выражение «белены объелся»: отравление беленой вызывает галлюцинации, так как она сильно возбуждает. Ядовита белена и сухая, даже в силосе может вызвать отравление скота. Самый вид белены чёрной неприятен, цветы грязновато-жёлтые с чёрно-фиолетовыми жилками, листья, стебель и плодовая коробочка покрыты неприятно пахнущими волосками. Цветёт она долго (и в августе), на растении одновременно находятся и цветы и зрелые коробочки. К сожалению, мелкие

чёрные семена похожи на мак, случается, дети ими и полакомятся. И ещё более страшно зацветающее по топким тенистым местам высокое зонтичное — вех ядовитый, или цикута. Ядовито всё растение, особенно его корневище. Весной оно плотное, кругловатое, осенью продолговатое, разделённое внутри поперечными перегородками. Пряный запах и сладковатый вкус нравятся детям, небольшой съеденный кусочек приводит к смерти. Опасно большое сходство веха с некоторыми безвредными зонтичными «дудками», которые дети охотно грызут в лесу. Они растут в местах более сухих и вообще в варёном виде годятся в пищу, например, во время весёлых походов в лесу. Но лучше, зная свойства веха, зонтичные в пищу не употреблять. Тем более, что среди зонтичных не менее ядовит ещё и болиголов пятнистый, у него тоже высокая полая внутри «дудка», стебель у основания покрыт мелкими тёмно-красными пятнами. Цветы у обоих ядоносов белые мелкие сложные зонтики на концах ветвящихся стеблей. У веха листья рассечены на узкие доли, у болиголова трояко рассечённые. У веха и запах коварный: похож на запах съедобных сельдерея или петрушки. Листья болиголова, если растереть, пахнут неприятно. Соком болиголова был отравлен древнегреческий философ Сократ.

Детям внушайте — не трогайте «дудки», если с вами нет старшего или опытного ботаника.

Наконец зацветают дубы. Странно ставить лесных великанов в одну строку с клевером, но так оно и есть: цветут наши красавцы. Дуб цветёт и в конце мая и в июне, как подскажет погода, зацветает, и одновременно распускаются его листья. Удивительно, что мужские цветы — серёжки из почек на концах прошлогодних побегов, а мелкие одиночные женские — на молодых побегах этого года, еле заметные, но не в красоте дело. Цветёт и столетний дуб, и старше, великан нектаром пчёл и прочих лакомок угощает. Не торопится дуб с цветом — боится заморозка, а то не видать в этом году желудей. Это большая беда для лесного народа, большого и малого: напрасно будут переворачивать под дубом лесную подстилку кабаны, желудями и белочка рада подкормиться и на зиму про запас закопать. Сойка тоже в разных местах желудей напрячет. И обе забудут, где прятали. Не беда, в чужих кладовках найдут — погрызут. Если кто другой до кладовки доберётся — на доброе здоровье. А если никто не найдёт, ещё лучше: весной прорастут молодые дубки, где их раньше не было, и лесничий труженицам спасибо скажет.

На соснах светлые молодые побеги-свечечки. И сосны зацвели, от дуба не отстали. По народной примете сосны цветут на 70-й день после прилёта грачей. (Проверьте!) Но с семенами

не торопятся, созреют они только в октябре будущего года, через полтора года после цвета и опыления.

Легко дышится в сосновом бору. Летучие вещества (фитонциды) выделяет зелёная крона, они убивают вредные микроорганизмы. Прошлогодние зрелые шишки раскрылись в марте — апреле. Недаром торопится сосновый клёст вывести детей зимой в тёплом гнезде. К рёву метелей они привыкли, и пища — смолистые семена — питательна. А опоздай в погоне за теплом, ветер унесёт лёгкие крылатые семена, поди догоняй!

Ель по сравнению с сосной торопыга: отцвела в конце мая, а нежные молодые шишечки на концах веточек вырастут и созреют поздно осенью уже этого года. Раскроются они во второй половине зимы. К ним и подгадает еловый клёст — выведет детей, прежде чем шишки полностью раскроются и ветер разнесёт сухие крылатые семена.

Велики и разнообразны богатства нашего леса. Лещина — кустарник, обыкновенный наш лесной орех. Но и это обыкновенное оборачивается необыкновенным. Весной на лещине ранний взяток пыльцы Домашним пчёлам, что из ульев вылетают голоднёхоньки, и шмелям, и диким одиночным пчёлам. Покушают, а заодно и цветочки опылят. Невзрачные цветочки и на цветы не похожи. Но из каждого к осени орешек вырастет. Всё? Нет, не всё. Из гибких прочных веток орехового кустарника плетут корзины, мебель. А корни лещины ещё ценнее. Почему? Овраги — народное бедствие. Начался овраг чуть заметной ложбинкой, а дальше — глубже, дорогу перерезал, поле перегородил, почву, самый плодородный слой, с водой уносит. Орешник тут и спасает: обсадят им склоны оврага, и цепкие его корни скрепят их, точно в глубине невидимую корзинку сами выплетут, остановят овраг.

В Средиземноморских странах давно уже из дикой лещины вывели сорта прекрасных орехов фундуков. Там они занимают десятки тысяч гектаров. В Греции фундук возделывают две тысячи лет. А в испанском городе Таррагоне пятьсот лет тому назад был издан закон: каждый землевладелец должен принести из леса и посадить у себя пятьдесят кустов лещины. Иначе — штраф.

Многое сделал для нашей страны садовод-волшебник Иван Владимирович Мичурин. Не все свои мечты успел осуществить, оставил своим продолжателям. И надеялся, что одно из первых мест в будущих садах займут наши собственные фундуки, выведенные из нашей лещины. Нашёлся продолжатель — девочка Рая Кудашева. Тогда это была школьница, с увлечением слушавшая Мичурина, теперь — знаменитый садовод. Делом её жизни стало выведение культурных фундуков для северных

районов Союза. Лещина сама просится в культуру. Нет другого растения с таким разнообразием кустов на одном небольшом участке. Соседи, а все не одинаковы. На них вызревают орехи и мелкие, и крупные, и толстая у них скорлупа, и тонкая, и вкус различный, и созревают неодинаково, ну точно кто-то эти кусты нарочно из разных мест в одно переселил.

Собрать орехи с каждого куста в отдельных кварталах большого леса на Тамбовщине, взвесить, описать их Р. Ф. Кудашевой помогали лесники и ученики местной школы. Больше двадцати тысяч образцов орехов с разных кустов собрали. Среди диких нашлись кусты с орехами не худшими, чем южные культурные сорта.

Почему же они растут и плодоносят вперемежку с плохими? Тут придётся призвать к ответу насекомых-опылителей. Они своё дело делают честно: пыльцой покормятся, пыльцой попудрятся и на другой куст полетели и с его цветочками пыльцой поделились. Но откуда же им знать, что цветочки хорошего куста они опылили пыльцой с куста с маленькими и менее вкусными орехами? Это знают селекционеры и уж не ошибутся, с какого куста на какой надо осторожно перенести кисточкой пыльцу. Даже лёгким колпачком прикроют женские, нужные им цветочки, чтобы нечаянно на них не попала пыльца с непригодных кустов.

Кроме Р. Ф. Кудашевой, теперь лещиной занимаются и другие растениеводы.

Несколько лет тому назад в Москве на ВДНХ был проведён Всесоюзный конкурс-дегустация сортов фундука, созданных в СССР теперь уже многими селекционерами. «Тамбовский поздний» — сорт, выведенный Кудашевой простым отбором из дикой местной лещины, и гибридный «Память Яблокова», созданный ею же, оказались на первом месте, вкуснее всех южных сортов. И вызрели они, что особенно ценно, не на юге, а в Подмосковье. Теперь к нам уже наведываются специалисты по фундуку из США, ФРГ, ГДР, Кубы и Турции. Хотя Турция — родина фундучных садов. Ученица Мичурина выдержала испытание.

На очереди вопрос: как быстрее создать плантации северных фундуков? «Очень просто», — отвечает Раиса Фёдоровна. Она пригибает, укладывает ветви выбранного куста на землю и плотно их пришпиливает. Через месяц ветки по всей длине, в пришпиленных местах укореняются и из почек в местах укоренения прорастает множество побегов. Они растут на кусте до осени, от одного куста таким способом получается до восьмисот саженцев. Плодоносить они начинают уже на следующий год после пересадки. Средняя урожайность дикой

лещины менее тонны с гектара, у культурных фундуков — свыше четырёх тонн. Лещина обыкновенная занимает по всему Союзу больше полутора миллионов гектаров. Сосчитайте: если хоть на сотне гектаров засадить вместо лещины культурный фундук, осенью наберётся с каждого по четыре тонны крупных вкусных орехов. А ведь школьники — народ на работу быстрый, вспомните помощников Кудашевой! Любое лесничество поможет!

Сибирский кедр отлично растёт и у нас в Татарии. Цветёт обычно в первой половине июня. Мужские цветы — красноватая шишечка у основания побегов этого года. Пыльца созрела, шишечка вытянулась в колосок, пожелтела, побурела, ветер унёс облачко пыльцы на женские цветы, опыление совершилось. Шишки, полные маслянистых орешков, созреют на следующий год. Кедр живёт и плодоносит сотни лет. Под Ярославлем роща, возраст которой четыреста лет, ещё даёт хорошие урожаи каждые девять лет (в Забайкалье через три-четыре года). Одна беда: дерево-великан в лесу, в естественных условиях первые шишки дарит лет в пятьдесят, в культурах только наполовину раньше. В Татарии в Волжско-Камском заповеднике три гектара молодых посадок (1956 г.) растут и развиваются хорошо. А на территории Казанской обсерватории растут и плодоносят кедры, которым уже по восемьдесят лет. Пора шуметь в Татарии кедровым лесам (в разных местах есть ещё около двадцати гектаров молодняка). Но селекционеры не успокаиваются: как заставить кедр пораньше дарить нам шишки, полные чудесных орешков? Пробовали прививать молодые сеянцы кедра на нашу обыкновенную сосну. Сначала всё пошло хорошо, но через семь-восемь лет оказалось, что толщина могучего кедра-привоя с каждым годом обгоняет сосновый подвой. Ветер и снег обламывают деревцо в месте прививки.

Теперь применяют новый остроумный способ. Прививают кедр не к стволику саженца сосны, а к корневой шейке его. При этом привой кедра пускает собственные корни, и тогда сосна-няня совсем удаляется.

Возни, хлопот много, скажете. Семенной посев проще. Но подсчитайте, во что обойдутся лишние годы, в течение которых придётся терпеливо ждать, пока сеяные кедры вырастут, возмужают и на ветвях их появятся первые шишки.

И о грецком орехе не забудем. Могучее чудесное дерево: ростом и красотой дубу не уступает. В нашей стране и сейчас ещё в горах Киргизии зеленеют леса дикого грецкого ореха. Скорлупа дикого орешка крепче, чем у культурных селекционных сортов, каких много в садах Средней Азии, но вкус такой же великолепный и польза не меньшая. Недаром И. В. Мичурин

называл его хлебом будущего. Положите на одну чашу весов килограмм орехов без скорлупы, а на другую по килограмму хлеба, мяса, рыбы, картофеля и литр молока. Все эти пять килограммов, вместе взятые, по питательности равны одному килограмму орехов. Да к тому же, в орехах витамины, соли железа, кобальта, белки и превосходное масло (в садовых до 75 % от общего веса). Не удивительно, что в Средней Азии в прежние времена его применяли вместо денег, а в Греции называли «жёлуди богов». Грецким этот орех у нас называется потому, что завозили его к нам в давние времена древним торговым путём «из варяг в греки». Стоил он, наверное, немало: лакомились им только богатые. Теперь селекционер С. С. Калмыкова вывела прекрасные морозостойкие сорта, вполне пригодные для Татарии. Дело за молодыми нашими садоводами.

Конец мая, половина июня. В лесу, в поле, на лугах сам воздух, кажется, трепещет и поёт вместе с крылатыми певцами. Но время идёт, и вот уже постепенно затихают песни, лес не звенит, а поёт тише, словно призадумался о чём, прислушивается. А прислушаться есть к чему. Негромкому, бесконечно повторяющемуся, но каждый раз словно по-новому. Новая жизнь просыпается и в маленьких и в крупных чудо-яичках. И матери и отцы чутко прислушиваются к её зарождению. Матери — все, отцы, к сожалению, не все. Тетёрки, глухарки — матери-одиночки, судьба большинства мам куриного племени. Правда, рябчик, хоть в няньки не согласен, но поблизости от гнезда держится. Исключение — куропатки. Самоотверженный отец куропатыч, если случится с самкой беда, один детей воспитывает. А если встретит чужих сирот, и их подберёт и вырастит.

Недолог месяц июнь, не длиннее других, а перемены в нём большие. Многие мелкие птички успевают вывести даже второе поколение. Можно сказать, что в июне птичьи голоса третий раз меняются. Весёлый хор отцов перекатывался через майскую границу (воображаемую). А вскоре жадные требовательные голоса птенчиков запищат, затребуют по-своему: «дай, дай!» Когда подрастут, с гнезда слетят, они уже не пищат, а весело чирикают и учатся жить по-взрослому. Скворцы на этом родительские заботы кончают. Стайками с молодыми кочуют по полям, к пасущимся стадам прилаживаются в компанию. Сообразительные: корова шагнёт, рой насекомых из травы спугнёт, а скворцам — закуска. Иной прямо на коровью спину сядет и на ней добычу ловит — оба довольны. Но отцы-скворцы в весёлой стайке уже не поют, чирикают наравне со всеми. Некоторые споют коротенькую песенку ещё раз осенью, когда прилетят к скворечнику, где прошло хлопотливое родительское время, точно попрощаются с

милой родиной. И всё…

На дворе, в саду воробьята-несмышлёныши, распустив крылышки, проворно за родителями скачут: дай, дай! И те, ещё нежности полны, в жадный ротик то мошку сунут, то червячка. Пользуйтесь, пока новые дети под стрёхой не запищали, не до вас будет. Мрачные вороны и вороны и те детей вывели, но у них на этом родительским заботам до следующего года конец. Угрюмые филины от детей ещё не скоро освободятся. Больше месяца грели они яйца, пока вывелись нескладные, точно шерстью покрытые, головастые птенцы. Разные: побольше и поменьше (насиживала мать сразу с первого же яйца). Нрав у них под стать зверскому виду: опоздают родители с кормом — старшие скушают младшего. Такое у многих хищных птиц водится. Только беркуты одного птенца выводят. Но зато это — королевский сын.

Ушастая сова

В угрюмой совиной семье ушастая сова выделяется не только торчащими на голове длинными пучками волос, отсюда и название «ушастая». Она и нравом не по родственникам: любопытна, а уж если чем заинтересуется, смешна до упаду — крутится, изгибается, рожицы строит такие забавные, что невольно развеселишься. Вечером или в лунную ночь ушастая любопытница чуть не вплотную подлетит к идущему человеку, покружится, исчезнет, опять появится, только что не спросит: куда и зачем? И так иногда довольно далеко его провожает.

На пролёте весеннем, осеннем они стайками летят. И в лесу, если корма хватает, селятся друг к другу поближе. Семью заведут — тоже вместе держатся. Если год на мелких грызунов урожайный, и на зиму у нас остаются. А нет — в Африку зимовать летят. Гнездятся в апреле, совят выводят уже в мае. Насиживает самка с первого яйца, если кладка до восьми яиц, то последний птенец вылупляется позже, старший его раза в три крупнее и тяжелее. И выжить последним удаётся редко: старшие пищу отнимают, а то и младшим братцем закусят. Совиная природа себя выдаёт. Родители, хоть специалисты по мелким грызунам, но ночная охота иногда соблазняет: на спящую галку или даже на ворону нападут. Гнёзд, как и все совиные, не делают. В пустом гнезде вороны или сойки селятся, у сорочьего — крыша не нравится: разломают, прутики из крыши укладывают на дно гнезда и на борта.

Сплюшка

Маленькая и милая совка обычно гнездится в дуплах. Но однажды дружная пара сорочье гнездо переделала по-своему, чтобы на дупло было похоже: на рыхлую просвечивающую крышу оба натащили кучу прутиков и сухой травы, получилась тёмная избушка с боковым входом. Насиживают оба и, что особенно удивительно — нередко дружно сидят на яйцах вместе. Людей сплюшки почти не боятся, устраивают гнездо и в парке, и в саду, было бы подходящее Дупло. Совка — крошечная копия огромного филина, даже и ушки торчат. Еда — насекомые, даже у фонаре при публике ловить их не стесняются. Полезнейшая птичка. Хотя, с кем не случается, бывает, сплюшка и птичкой мелкой соблазнится, а то и такими великанами, как песчанка или тушканчик. Смелый охотник.

Некоторым, наверное, знаком мелодичный, чуть грустный свист малышки, она как будто выговаривает: «сплю, сплю». Отсюда и «сплюшка». Нежный голос слышится всю ночь почти до утра.

Орёл змееяд

Уже по названию видно: нрав у орла не совсем обычный. Бывает, конечно, и другие хищные птицы на змею польстятся. Но змееяд однолюб, его пища — змеи. Гнездо его пока обнаружено только в Окском заповеднике: маловато змей в Среднем Поволжье. Его, как правило, видели на пролёте в более добычливые змеиные места. Он не так уж велик, из средних хищников, но сразу запоминаются огромные жёлтые глаза и голубые ноги. Его и называли в старину «голубоногий коршун». Где змеи — там и змееяд. И кормят родители единственного детёныша тоже только змеями. Уж, ядовитая змея — всё годится. Только с большого голода иногда подцепит он лягушку, мышку, птенчика. Охота на змею для него не безопасна. Иммунитета к яду у змеелова нет, а чтобы выкормить прожорливого птенца, нужно принести больше двух сотен змеек в тридцать — шестьдесят сантиметров длиной. И себя не забыть. Ловить гадюку — каждый раз риск: надо схватить её с лёта за голову или за шею. Ошибка стоит дорого. Но вот удача: змея схвачена, охотник заглатывает её с головы и торопится к гнезду. Хвост змеи свисает из клюва. Зачем? Птенцу удобно: вцепился в хвост и тянет добычу из родительского горла. Вытянул и сам приспосабливается покушать — тоже с головы. Случается, змея живуча, шевелится. Орёл её тут же приканчивает, и она исчезает в горле птенца уже целиком.

Орёл осоед

Это ещё один интересный хищник. Гнездится он в начале июня, но у нас в Татарии очень редок: известно одно гнездо в Волжско-Камском заповеднике. Основная, во всяком случае самая любимая пища, как видно по названию, личинки ос и шмелей. Хитёр осоед. Сидя на дереве или в медленном полёте, он следит за летящими осой, шмелём и, обнаружив, где они скрываются под землёй, подходит и лапами быстро и ловко раскапывает вход в гнездо. Туча разъярённых хозяев вьётся вокруг грабителя, но плотные перья хорошо защищают его от укусов. Копать иногда приходится глубоко, осоед почти весь скрывается под землёй. Но наконец докопался до добычи, жирные белые личинки копошатся в разгромленном гнезде, есть чем насытиться и что отнести паре птенцов. А если этого не хватит, годятся и крупные гусеницы, жуки, кобылки. Иногда и лягушку, мышку прихватит, птенчика, а то и змею, но это уже когда любимого корма не нашёл: ведь в день надо ограбить с полдюжины гнёзд, значит птенцу отнести почти тысячу личинок!

Кладка начинается в начале июня, почти на месяц позже, чем у большинства хищных, но не скоро ещё птенцы выведутся, а там я станут на крыло.

Журавли

Высоко в небе стая за стаей протянули весной журавли. Прилетели из тёплых стран. Птицы-красавцы, наравне с лебедями гордость нашей страны. Но у нас, к сожалению, большинство стай — пролётные. Отдохнут в укромном месте, покормятся и вот уже «курлы-курлы» и дальше потянули. Всё меньше становится у нас мест, где можно безопасно вить гнёзда, выводить детей. А жаль… Но вот в Подмосковье, в Дубненской пойме (Талдомский район) обнаружена стая серых журавлей. Тысяча! Такая стая — единственная в европейской части страны. Журавль ведь исчезающая птица. Исполком местного Совета принял решение усилить охрану редкостной стаи. На одиннадцати тысячах гектаров этого массива вводится режим строгой охраны. Запрещены мелиорация, строительство, сельхозработы. Запрещён выпас скота, сенокос, сбор ягод и грибов. В Татарии пока нет заказника по журавлям. Но всё-таки кое-где, даже не очень далеко от людских поселений, и у нас найдут журавли тихое место и решат: можно и загнездиться — не побеспокоят. Отдохнут, осмотрятся, подкормятся, и начнётся то, чем известны журавли: их знаменитые пляски. Пляшут только взрослые птицы, те, что, закончив праздник весны, примутся за важное дело всей жизни — детей выводить и растить. Трудно к ним подобраться, полюбоваться: сторожа не меньше, чем на кормёжке, бдительны. Но если удалось — не налюбуешься! Никаких трудов не жаль! Вот в круг вышли два плясуна, выступают церемонно, кланяются, щепочку подхватят, подкинут, поймают. Крикнут и вприпляс местами поменяются. Натанцевались — новая пара становится на смену. Настоящий балет. Но натешились, натанцевались и уже парами расходятся, пора веселья миновала.

Гнездо строится в неприступной крепи болота, поросшего тростником, ивняком, куда ни пешком не пройти, ни на лодке не подъехать, на сухом месте, на кочке или каком-нибудь бугорке так, чтобы можно было издали заметить врага.

Гнездо красотой не блещет: ямка, кучка сухой травы, в ней вытоптано углубление с более мягкой травой — лоток, и в нём чаще всего два яйца. Журавлиха сидит на гнезде, журавль около, наблюдает. Не побоится, бросится и на лисицу, если она попробует подобраться. Кумушка с удовольствием закусила бы яичницей из пары крупных журавлиных яиц, да поди сунься! Клюв у журавля острый, а уж ногами лягается… лучше поискать в лесу гнездо тетёрки или рябчика, безопаснее. Отец часами недвижимо стоит у гнезда, что-то говорит журавлихе глухим

воркующим голосом. Она слушает, но не отвечает, точно боится выдать врагу тайну гнезда. Зато когда дети выведутся, оба подолгу говорят горячо. Если удастся подслушать, становится обидно: вот бы узнать, о чём это они с таким интересом беседуют? А если, пока дети не вылупились, журавль заметил опасность, сигнал, — и мать сразу, низко нагибаясь, сходит с гнезда и взлетает уже в отдалении.

Но вот мать как-то встала с гнезда походить, размять длинные ноги, уставшие от долгой неподвижности, и вдруг насторожилась: тонкий писк! Чуть слышный. Но сердце матери не ошибается. Писк из яйца: оно уже живёт! Длинноногому, длинноносому журавлёнку в нём так тесно, что не пошевелиться, и он просит: «Мама, помоги!»

Мать уже у гнезда. Она осторожно поворачивает ожившее яйцо так, чтобы птенец оказался в нём головой вверх. Сильный клюв ловко отламывает кусочки скорлупы, ещё, ещё… Ну, вылезай же, малыш! С тихим ласковым воркованьем мать опускается на гнездо и прячет освобождённого птенца в пушистых грудных перьях. Отдыхай и сохни!

Отец в этом участия не принимает. Но он тут же, напряжённый, взволнованный, следит, желая, но не смея помочь. Только мать знает, что и как надо делать. Знает инстинктивно, как знала её мать и как будут знать её дочери, внучки и правнучки. Наконец птенцы обсохли, отдохнули, расправили длинные неуклюжие ножки. Здорово их так скрючило — в яйце! Теперь отец приближается к гнезду. В клюве у него превкусный крошечный лягушонок: «А ну, малыши, отведайте! Вкусно! Нет, в гнезде не дам. Вылезайте!»

И тонкие ножки неуверенно переступают через край гнезда. Начинается ученье. Начинается жизнь.

В Красную книгу занесён стерх, белый журавль, редкий исчезающий вид. В Окском заповеднике растут белые журавлята. Известно, что яиц у стерха в гнезде два, но журавлят оказывается всегда один. Предполагают, что сильный заклёвывает слабого. В тундре, в Якутии с большим трудом доставали по одному яйцу из гнезда, чтобы второго вывели сами родители. Выведенные из этих яиц журавлята с такой яростью накидывались друг на друга и на молодых серых, что научным сотрудникам Окского заповедника пришлось воспитывать их каждого отдельно. Так же ведут себя и выведенные в заповеднике серые журавлята. Возможно, что на воле родителям серых приходится тоже некоторое время воспитывать их отдельно. Когда подрастут, помирятся.

Учёные надеются, что стерхи вырастут в заповеднике и улетят на зимовку с пролётной стаей серых журавлей. Весной

вернутся выводить детей в Окском заповеднике, на своей второй родине. Время покажет.

Серая цапля

Трудно увидеть танец журавлей. Но ещё большая редкость весенний танец больших серых цапель. Птицы очень осторожные и танцуют не хуже журавлей, но не в весёлом кругу, а парами отдельно, сами для себя. Это случайно подсмотрел натуралист С. Павлов. Вот его рассказ.

Они с дедом Семёном только закинули удочки в известном деду самом рыбном месте, как на болотинку возле них спустились две самые большие серые цапли.

«Крак», — вопросительно крикнула одна.

«Крень-крень», — успокоила её другая. Оглянулись и, высоко поднимая голенастые, зелёного цвета ноги, рядышком, крыло к крылу, пошли по болоту. Не спеша, как на прогулке взад-вперёд, затем, вежливо поклонившись друг другу, направились в разные стороны. Всё? Нет, только начало. Постояли церемонно, перекликнулись, и вдруг одна, широко раскинула крылья, подпрыгнула, да как пустится в пляс, куда и важность девалась. Вторая не выдержала: пригнула голову на гибкой шее до земли, откинула её на спину, плавно закружилась и вдруг ловко подхватила с земли полусгнивший сучок и грациозно замерла перед подругой.

«То цапля-жених цапле-невесте подарок подносит, — прошептал дед Семён. — Глядите дальше, то ли ещё будет».

Невеста поняла. Грациозно вытянула длинную шею и, как бы в знак благодарности, дважды поклонилась жениху. Бережно, из клюва в клюв, приняла подношение, тихонько курлыкнула — поблагодарила. Отступила и вдруг, точно волна радости её подхватила, опять увлеклась живым потешным переплясом. Но подарок бережно держала в клюве. И, улетая в паре с супругом, подарок унесла с собой».

Утки

Из уток у нас гнездятся кряквы и чирки-свистунки. Над головами весной свистят крылья и других уток, но они пролётные. Тут уж не только охотники и браконьеры виноваты: расширяет свои захваты У природы человек. Меньше становится мест, где удобно гнёзда вить, Детей растить. И… мимо, мимо свистят крылья утиные, гусиные, лебединые. Однако кряквы и чирки-свистунки к июню уже прилетели. На пары успели разделиться на зимовке или в полёте и гнёзда сразу вить начинают. Селезень кряквы ярко разукрашен. Наши домашние утки из кряквы выведены и красавцы-селезни наряд дикий сохранили. Прилёт с календарём не сходится. Но гнёзда в июне уже хоть и не очень искусно, а изготовлены. Селезень подруге помогает: правда, не строит, но хоть материал подносит. При этом ярко разукрашенный красавец успевает и за другими утками поухаживать, с женатыми селезнями подраться. Но в основном держится около своего гнезда, охраняет, пока утка кладку кончит и на гнездо прочно усядется. Теперь наши селезни мирно стайками отправляются в дельту Волги, где поглуше и водных зарослей больше. Ведь линяющий селезень почти месяц нелётный, пока новое перо отрастит. С селезнями семейными отлетают и холостые и почему-либо бездетные самки. Дальнейшие заботы о детях — дело матерей.

Матери начинают линять, когда дети подрастут, почти до одной трети полного роста. Утки старательно прячут гнездо в густых зарослях не только от хищников. Случается, что селезень, оставшийся холостым, сгоняет утку с гнезда и бьёт яйца. По-видимому, чаще случалось это, когда была запрещена весенняя охота на селезней с подсадной уткой и холостяков оказалось много. Теперь эта охота разрешена, но строго ограничена.

Гнездо обычно строится вблизи воды. Уходя кормиться, утка тщательно прикрывает яйца пухом из своей грудки. И теплее, и белые яйца хищникам не так в глаза бросаются. Охотников до утиных яиц много. Иная ворона часами сидит на дереве, высматривает, когда утка с гнезда подкормиться пойдёт.

В институте биологии КФАН делали плотики из жердей с кусками пенопласта. На них ставят неглубокие корзины и маскируют их водяными растениями. Плотик ставится на якорь. Подъём воды его не затопит (он поднимается с водой), сенокосилки ему не грозят, и коровы, пасущиеся на берегу, не затопчут. Утки очень охотно устраивают в таких корзинках гнёзда. И утятам не топать до воды по берегу, она рядом.

Наконец, последний утёнок вывелся и обсох под заботливыми крыльями и распушёнными перьями груди. Пушок их при этом смазывается жировой смазкой и не намокает в воде. Наступает ответственный момент — путь от гнезда к воде, если гнездо не у самой воды. На каждом шагу опасность: ворона рада подхватить пуховичка, а болотный лунь и саму мать не помилует. Но вот и вода. Малышей учить плавать не приходится. Осмотрелись, и уже покушать нужно: на растениях всё, что движется, годится: червячок, паучок, а в мелкой воде какая-нибудь водяная живность сама в клюв так и лезет. Утке остаётся за безопасностью следить, вовремя укрыть детей в водяных растениях или на берегу.

До сих пор не объяснено, почему кряква иногда делает гнездо и выводит детей в поле, на сухом лугу, почти на километр от воды, к которой потом ведёт их, измученных, по открытому месту. От охотников приходится слышать, что утки поступают так в годы, когда ожидается очень высокий паводок (чтобы гнездо не затопило). При таком тяжёлом путешествии утка может растерять всех детей, стараясь отвести беду единственным своим нехитрым способом — притвориться больной или раненой. К воронам и луням присоединяются и лисицы, а то и кошки, и собаки ближней деревни — неожиданная лёгкая добыча.

Иногда кряква гнездится на деревьях, в старом гнезде вороны, пустельги или сороки, а то и в дупле. Лёгкие пуховички, обсохнув, сами прыгают с дерева на землю. Некоторые натуралисты, однако, сомневаются в безопасности такого полёта, считают, что утка сама переносит утят в клюве. Известно же, как самка вальдшнепа переносит детей в лапках в случае опасности. И встревоженная самка козодоя во рту переносит яйца.

Чирок-свистунок — самая малая наша уточка, до двухсот граммов весом. Но число их в тех же местах, где гнездятся кряквы, значительно больше. Образом жизни и яркостью наряда селезней чирки напоминают крякву. Одомашнивать их не пробуют из-за очень уж малого роста, но промысловое их значение даже больше, чем кряквы.

Попалась мне маленькая книжка современного французского писателя Жака Лякарриера «Путём-дорогою». Не торопясь, он прошагал Францию с севера на юг, смотрел, слушал, думал. Что же его особенно поразило? Мёртвая тишина лесов, не только вдоль проезжих дорог, но и узких нехоженых тропинок. Молчат леса и перелески во Франции. Молчат, потому что неутолённая жажда охотников, за отсутствием настоящей дичи, переключилась даже на мелких певчих птичек: трясогузку, зарянку, а то и соловья. Ведь древние римляне на роскошных пирах лакомились

знаменитым блюдом из соловьиных языков. Так почему же современному французу не закусить целой тушкой маленького певца? И закусывают. Да так усердно, что в лесах уже не только пения отцов, а и голодных криков птичьих детей не слышно: кричать некому.

Не безмолвен, полон жизни наш лес. Птичьи хоры в мае и июне веселят нашу душу. Не все птенчики выглянули из своих скорлупок, и их отцы пока не кормильцы, а ещё певцы.

Но скоро день начинает убывать. Немного, всего на две минутки становится меньше день, длиннее ночь, пока…

Две минуты, казалось бы, кто их почувствует? Природа. Ей календарей не нужно. Прислушайтесь: ещё светло, а трудяга дятел уже стучать перестаёт, и даже хлопотливые синички начинают раньше пристраиваться к ночному покою. Медленно, неохотно день уступает место сумеркам, догорает заря. На темнеющем небе одна за другой засветились звёзды, и вот уже крадучись из соседнего болотца пробирается вверх, цепляется за кусты туман.

Но кто засыпает, а кто и просыпается. Не звёзды на землю упали, тихими огоньками в траве загораются светлячки, молчаливый призыв, кому нужно — поймёт. Этот свет — одна из неразгаданных пока загадок природы. Ивановым червячком называется самка нашего светлячка. Бескрылая, действительно напоминающая личинку. На конце брюшка её и находятся удивительные светящиеся клетки. Люциферин (несущий свет) наполняет их. Окисляясь кислородом воздуха, он светится. Непременно присутствует и особый фермент — люцифераза. Сам он при этом не изменяется, но без него света нет. Холодный, таинственный свет. Нагревает ли он «червячка»? Нет, всего два процента его превращается в тепло, девяносто восемь — в свет.

Сравните этот таинственный свет со светом нашей электрической лампочки. Если тронуть её рукой, обожжёт. И не мудрено: всего четыре процента энергии в ней превращается в свет, девяносто шесть нагревают воздух и саму лампочку, что её только портит. Далеко ещё нам до тонкой работы природы!

Темнеет. «Светлячиха» выбирается из укромного уголка на травинку повыше. Пора зажигать фонарик. У многих видов светлячков фонарик зажигается и гаснет по нескольку раз с определёнными интервалами. Крылатый кавалер узнаёт по этому даму своего вида. А в тропиках самки некоторых видов собираются сразу сотнями и загораются и гаснут одновременно, как по незримой команде. Незабываемое зрелище!

Не любо солнцу с землёй расставаться. Июньские сумерки самые долгие. Но наконец «долгий день покончил ряд забот», уже

с тихим писком взметнулись лёгкие тени — летучие мыши вынеслись на охоту. И вдруг ещё чья-то тень, чёрные вырезные крылья хлопнули крыло о крыло, вираж и вниз, на нижнюю ветку сосны. Птица козодой, соперник летучих мышей по ночной охоте. Исчезла из глаз в одно мгновение, но тут же послышалось как бы лёгкое мурлыканье. Смолкло и снова мурлыканье. Это запел козодой, ему другой откликнулся — попоют, помурлычат, прощаясь с дневным отдыхом, и на охоту: детей кормить и самим закусить. Днём, при свете, козодой только случайно где вспорхнёт и тут же на ветку, не поперёк, а вдоль ляжет, с ней сольётся, рядом стоишь — не разглядишь. Ночью козодоя на ветке, пока не вспорхнул, тоже трудно разглядеть, но зажгите фонарик, и его глаза красным ярко засветятся, даже жутковато станет. Днём отец на ветке, мать на гнезде неподвижны, есть днём и ей не полагается. Даже если кто близко подойдёт к гнезду, и тут мать не двинется. Только зашипит, открыв пасть «до ушей», так что оторопь возьмёт. Чтобы осмотреться, ей и поворачиваться не надо: разрез глаз к затылку загибается: обзор 360 градусов. Но едва вечером она услышит голос своего (не чужого) козодоя, как срывается с гнезда — ночь коротка, пора! За день проголодались. Имя у этой забавной птички странное. Придумали же, будто коз доит, молоко сосёт. Его действительно можно увидеть около козы. Но молоко тут ни при чём: ловит вредных насекомых в то время, когда дневные птицы спят. Так полезную птицу ни за что обидели.

Июнь ещё во всей красе, но соловья уже не слышно. Смолкли и шумные дрозды, где есть горлицы — проворкуют, точно прощаясь. И потому особенно радостно услышать: всё ещё здесь наша птица флейта, золотая радость наших лесов — иволга. «Фиц-лиц-лиц», — повторяет самец свою короткую песенку, и хочется слушать её ещё и ещё в когда-то полном песнями, но уже затихающем лесу. Выросли и птенцы в своей хитро сплетённой лубяной колыбельке. Недаром любит липу иволга: из липового лыка сплетена основа гнезда, никакая буря его не сбросит. На редкость смела золотая птица: защищая гнездо, и сороку, и ворону отгонит, говорят, и тетеревятника не побоится. Но встречает врагов в стороне от гнезда, чтобы детей не выдать. Когда выберутся из гнезда осторожные птенцы, они поведут себя сразу по-другому: куда их молчаливость девается. Слётки то один, то другой презабавно и громко хихикают. Похоже, что разбрелись в разные места и дают родителям знать: «Не потеряйте нас!» А сами не суетятся и сидят неподвижно: «хи-хи-хи». Родители их слышат. Слышат, вероятно, и хищники. Но молодая иволга не яркая, она похожа на желтоватый поблекший

от июльской жары листок. Сиди — не шевелись. А если опасность и правда близка — тревожный сигнал матери — и хихиканье умолкает, Слёток невидим и неслышим. Хорошие родители иволги. Много вредных гусениц. и личинок пилильщиков скормят они своим детям в гнезде и молодым слёткам, пока те будут готовы к первому путешествию в далёкую Африку. Полезны птицы-красавицы. Счастливого им пути!

Дятел, как никто, любит жить с удобствами. Тепла июньская ночь, дятел уютно устроился в дупле до утра. И в дождь лучше пересидеть, хоть и поголодать, но в собственной квартире, чем потом сушить мокрые пёрышки собственным теплом. О детях хлопочет больше отец, пищу носит даже чаще, чем мать, и, по некоторым наблюдениям, даже ночует не в отдельном дупле, а в семейном, вместе с птенцами. В весеннем хоре «кик-кик» дятла звучит не так уж музыкально, но всё же лучше, чем отчаянный требовательный крик почти взрослых детей. Родители им приносят до 300 раз в день полные клювы всякого лесного корма. Но голодный крик не смолкает ни на минуту. Отец и кормёжку начинает раньше матери, и за чистотой в гнезде следит лучше. А если скворцы в гнездо наведаются — скворечников не хватило, — то второй раз сильного клюва дятла попробовать не захотят. В холодную дождливую весну о дятле ходят слухи похуже. Малые беззащитные птички в гнездовое время на земле и в дуплах недаром его боятся: чего не сделаешь с голода. Но сейчас тепло, и голосистые птенцы уже выбираются из дупла, скоро и сами прокормиться сумеют.

Из синиц лучше всех знаем мы большую синицу. Это она зимой прибивается к человеческому жилью, в суровый мороз иногда стучит клювиком в застывшее окно, влетает в гостеприимно распахнутую форточку.

Но теперь зимняя стужа забыта, к человеческому жилью не тянет. Уже майские птенчики подросли, вот-вот на свободу из дупла запросятся, но ещё к этому не совсем готовы, а матери пора вторую кладку начинать. Что же делать? И бывает… птенчики сидят, а под ними яйца. Заботливая мать нашлась: снесла и ловко под птенчиков спрятала. Яйца греются, а она пока больших детей докармливает, вот-вот вылетят, место освободят.

Таких хлопотуний, как большая синица, поискать: она и лесную подстилку клювиком переворошит, и в каждую щёлку в коре заглянет, и клювом расколупает. Не хуже дятла выслушает, выстукает кору, на слух определит, не спрятался ли кто съедобный и можно ли до него добраться. Конечно, с дятлом ей силой не мериться, но если тот что-нибудь по небрежности бросит, обязательно подберёт. А на ветке часто висит вниз

головой, как акробат, и осмотрит её и сверху и снизу. Только самые тоненькие веточки крапивнику и корольку оставит.

Иногда проверяешь дуплянки: где кто поселился — и наудивляешься. В одной дуплянке большие синицы выкормили своих детей и — кто бы подумал! — скворчонка. Наверное, скворцы вначале заняли дуплянку, одно яйцо снесли и почему-то жильё бросили, с ними так бывает. А синицы опустевшую дуплянку заняли, яйца не тронули, и нежная синичка со своими синичатами вырастила и приёмыша. Хищные стрижи поступают иначе. Но об этом в своё время.

Много трогательного приходится читать и слышать о лошадях, кошках, ну и, конечно, о собаках. Даже о крупных птицах — лебедях. Об их преданности друг другу, верности хозяину.

Не менее трогательную историю рассказал мне один мой знакомый и о маленьких птицах.

Две галки что-то клевали на дороге. Порой взлетали, уступали дорогу машинам. Одна неудачно задела птицу, повредила крыло, может быть и лапку, ещё что-то, потому что она упала в колею и не могла подняться. А вдали показалась ещё машина. Здоровая галка не улетела, с криком хватала раненую за крыло, старалась оттащить в сторону. Не смогла. Шофёр не пожелал объехать. Но галка не отскочила, продолжала тащить раненую, пока… колесо не проехало по обеим. И ещё рассказ — про воробья. Он сидел на тротуаре, голова странно свёрнута набок, один глаз белый, слепой. Этим глазом калека не мог заметить идущего человека, но тот заметил — не наступил на него, отошёл, наблюдая. И тут другой воробей подлетел к кривошейке и из клюва в клюв передал ему какие-то крошки — покормил. Видно маленький и по-нашему мало развитой «птичий» мозг способен на очень неожиданное большое великодушие. А не замечаем мы этого часто потому, что сама-то птичка маленькая.

Представьте себе на минуту, что не стало в городе шумных стаек воробьёв. Не почувствуете ли вы, как сразу пусто станет около дома. Ни шум автомобилей, ни стук женских каблучков на тротуаре не заменят чириканья драчливой воробьиной компании. Да и драка ли это? Голубь нашёл корку и рад с ней управиться в одиночку. А воробей? «Чив, чив», — торопится он, созывает всех друзей и родичей. Посадили как-то маленького слётка в клетку и выставили за окно. Так к нему семеро друзей слетелось, и каждый по крошечке в жадный ротик сунул. «Накормить голодного малыша — воробьиная заповедь», — сказал один зоолог. И кормят. Славные пичуги. А если вишню в саду не помилуют, —

так насекомых-вредителей больше в этом саду поклюют и своим детям скормят.

Чечевица

Чечевица — забавная птица. Весной, когда семена на траве, на кустарниках не успели созреть, ей и цветы, и молодые почки годятся. А самая любимая еда — золотистые солнышки одуванчика. Утром они ещё не раскрылась, а чечевицы тут как тут. Хруп — бок цветка откушен, под ним густо посажены незрелые ещё семена. Вкусно! Чечевицы от одного цветка к другому, к третьему и наелись досыта. Хороши их красавцы красные кавалеры, а самочки скромные, зеленоватые. Самцы дня на два раньше прилетели, уже свой участок выбрали. Немудрёная песенка слышится: «Ви-ти-ви-тю». Песенка воинственная, означает: в мой дом ни одного нахала не пущу!

Иногда нахал находится, и ему этот участок нравится. Ну и драка же начинается! Часто в воздухе сцепятся, вместе на землю упадут, крепко друг друга держат, лежат, пока один не улетит. Вероятно, всё-таки это не тот, что первый «застолбил» участок. А победитель оправился и снова звонко «ви-ти-ви-тю» поёт, зовёт. Самочка услышала, спустилась, но покажется и спрячется в кусты, покажется и снова в кусты. И драчун застеснялся: осторожно попискивает, вокруг вьётся.

Наконец договорились. Самочка тут же захлопотала, уже материал для гнезда собирает, строить пора! Самчик около неё, глаз отвести не может. А гнездо строит низко над землёй и очень неумело одна самочка. Возможно, чечевицы почему-то недавно с земли повыше переселились, не приспособились ещё строить на ветках.

Насиживает тоже только мать. Выклюнутся дети, кормят их родители сообща. Но собирая еду, самчик так безотвязно следует за матерью, что корма-то носит больше она. Для малышей зрелые семена — грубая пища. Чечевицы недозрелые семена измельчают в кашицу и отрыгивают эту кашицу, может быть, отчасти и переваренную, в широко разинутые рты детей. Кормят усиленно: ведь в августе, как только дети окрепнут, взрослые должны улететь на зимовку. Молодые улетят в сентябре. Инстинкт поведёт их безошибочно в далёкий путь — в Индию.

Самчик трогательно привязан к своей подруге. Однако иногда он успевает вблизи завести и другую семью. Самочки слетают с гнёзд, мирно кормятся рядом и возвращаются, каждая к себе домой. Если самец пропадёт, в осиротевшее гнездо, иногда уже через несколько часов, является другой и занимает его место. Если и с ним случится беда, найдётся и второй отчим, а то и третий, обычно молодой, и так же усердно заботится о детях.

Крапивник

Громкая и мелодичная песенка, трели одна за другой, и все разные. Кончилась песенка, маленький певец вспорхнул с пенька в кучу хвороста, и нет его. Вот опять — шмыг да шмыг по земле, в кустарнике, в кусте крапивы. Даже не верится, что это не мышка, а птичка, и цвет у неё чуть ли не мышиный. Коротенький хвостик торчком выдал: это крапивник, крохотулька, а задора и голоса — на большую птицу. Он уже отец семейства. И детей кормить и звонко распевать — всё успевает. Мало того, весной он на своём участке успел построить полдюжины гнёзд один, до прилёта самочек. Правда, внутри не отделал, а некоторые вообще довёл только до половины — сами жёны доделают. Когда появляется самочка, её дело выбирать любое и достраивать по своему вкусу. Вот она уже и на яичках сидит, а он её кормить и не думает: знай облетает свой участок, песней чужих самцов отгоняет. Время тёплое, яички не замёрзнут, самочка сама с гнезда слетает кормиться. А самчик часто и второй даме недостроенное свободное гнездо предложит, и третьей… Они соглашаются: сами гнёзда достроят. С яиц и кормиться слетают вместе, мирно, и каждая на своё гнездо возвращается. Выведутся птенцы — отец их кормить помогает, иногда и во всех гнёздах, но кормит меньше, чем мать (или матери). И поёт… И его милая песенка слышна в весеннем хоре. А маленькая мама (или мамы) слушают с неменьшим удовольствием, чем, например, огромная по сравнению с ними иволга своего супруга. Кормить многочисленных малышей крохотному папе нетрудно, так как самочки прилетают в его гарем не одновременно и дети выводятся в разных гнёздах не сразу.

Крохотулька птичка. Около десяти граммов весом. И яички его с горошинку. А пара новорождённых птенчиков в напёрстке для шитья поместится. Но польза не весом и ростом измеряется: кормятся пичуги всякой насекомой мелочью (клопами, тлями, гусеницами и жучками), которую большие птицы не едят, а от этой кормёжки лесу — большая польза. Иногда взрослые и семян поклюют, осенью и от ягодки не откажутся. Но это между прочим. За год один крапивник уничтожает до десяти миллионов мельчайших вредителей. Да и кто, кроме него, возьмётся их выискивать на кончиках крошечных веточек?

Королёк

И при всей своей малости крапивник ещё не самая малая птичка наших лесов. Меньше всех, приближается по размеру к тропическим колибри, наш королёк. Громкое имя, хоть и с уменьшительным оттенком. В старой сказке говорится: решили птицы выбрать себе птицу-короля. Какая взлетит выше всех, та и будет их королём. Всё выше, выше поднимались, всё больше птиц отставало. Наконец, остался один орёл. Широко раскинул он могучие крылья, и тут раздался тонкий голосок: «Я выше всех, я выше, я — король». Над головой орла показалась птица-крохотка. Она пряталась в перьях на груди орла, а теперь вылетела и взвилась над его головой.

Возмущённые птицы чуть не заклевали обманщицу пичужку и дали ей насмешливое имя: королёк.

На голове королька золотистая полоска и правда напоминает корону. Весом малышок всего пять граммов. Крошечные птички охотятся за вредителями леса, на которых птицы покрупнее и внимания не обращают. А королёк гнездо сплетёт на конце еловой лапы, и тлей и прочую мелочь выискивает между иголочками на еловых лапах. Гнёздышко-шарик из мха, скреплённого травинками, можно заметить только по тому, как заботливые родители то и дело в него ныряют (раз по триста в день) с тлей, листоблошкой и другой еле заметной добычей в клювике. В июне бывает и второй выводок, а потом — весёлая бродячая жизнь своей стайкой или с синичками.

Лось

Летом рога лося покрыты бархатистой шкуркой и очень чувствительны. Лось очень их оберегает, старается не задевать за ветки. Они окончательно отвердеют к августу, и тогда лось обдерёт с них о деревья рубашку и даже съест её. Трёт рога он так энергично, что иногда ломает молодые деревья в руку толщиной.

Летом можно отдохнуть, откормиться после зимних лишений. Однако новая беда: одолевают слепни, мелкий гнус и самое страшное — оводы. От слепней бока и спина защищены густым липким жиропотом (залепляет дыхальца, и насекомое задыхается), но носовой овод всех опаснее и мучительнее. Поэтому лось летом пасётся около воды, надолго забирается в неё — одна голова над водой — её часто погружает, набирает полный рот растений и уже наверху их пережёвывает. Захватывает и плавающие растения: кувшинку, кубышку, гречиху земноводную. На берегу охотно бродит по старым гарям, лесосекам с молодой древесной растительностью (ива, берёза, дуб, рябина). Захватив молодой побег, протаскивает через рот, листья остаются во рту, а от разжёвывания древесины, хотя и молодой, летом можно отдохнуть. Летом лось не трогает и кору осин, водянистую и не питательную, зимой же ради неё лесосеки разыскивает.

Лось прекрасно плавает и ныряет. И болота не боится, копыта раздвижные, помогает в мягкой почве и вторая пара копыт. А где, топко, он и на брюхе проползёт, выбрасывает вперёд длинные ноги и подтягивается.

Характер у лося прекрасный (за исключением времени гона). Его приручали ещё в очень давние времена. В Восточной Сибири на скальных рисунках людей каменного века есть изображения лосей в узде. Около них спокойно стоят невооружённые люди. В древнем карельском сказании Калевала волшебник Вейнемейнен ездит верхом на лосе.

Ручной лось незаменим в тайге: он и пройдёт везде, где не пройдёт лошадь, летом и зимой не нужны запасы корма — сам пропитается, а ручная лосиха ещё даёт прекрасное молоко: в нём жира тринадцать процентов.

В Печоро-Илыкском заповеднике не один год уже существует лосиная ферма. Живёт там несколько поколений совершенно ручных лосей. Утром они уходят в лес и возвращаются ночевать сытые. Лосихи приходят доиться. На лосях возят вьюки, запрягают, ездят верхом. Пока не удаётся перевести их, хотя бы частично, с веточного корма на сено, чтобы уменьшить вред лесопосадкам. Сложно устроенный желудок лося не мирится с

сеном, и лоси его не любят. На ферме они так привыкают к собакам, что даже к волкам некоторые относятся недостаточно настороженно, а это добром не кончается.

Хищники

Рысь

Это единственный крупный зверь из кошачьих в Татарии. Встречается исключительно редко и только в крупных массивах старого леса, и то чаще рыси переходят из Удмуртии и Марийской республики. Котята появляются в мае, два-три, слепые, беспомощные, а в июне уже кормятся не только молоком, но приучаются и к животной пище. Гнездо в буреломе, под корнями дерева. Кормит малышей, заботится о них мать. По некоторым сведениям, отец присоединяется осенью. Охотится рысь чаще на зайцев, ловит и мышей, птиц, но ест немного: зайца не доест — спрячет. К своим запасам не возвращается. Когда кормит детей, запасы редко остаются. При недостатке пищи кочует. На домашний скот, на человека не нападает, только если раненой некуда убежать. Ручная рысь (взятая из гнезда детёнышем) по-собачьи предана хозяину, ласкова. И что удивительно — домашней птицы не трогает. Собакам быстро умеет внушить почтение. — Дикая рысь опасна для молодых косулят. А в зимний голод бесстрашно может в лосиный дворик пробраться и молодого лося задрать. При встрече с волчьей стаей предпочитает отсидеться на дереве, хотя и смела. Но разницу в силе учитывает. Охотятся на рысь с собаками, которые тоже загоняют её на дерево. Мясо рыси считается в Западной Европе очень вкусным. На Венском конгрессе царей в 1814 году подавалась рысятина как большой деликатес. Мясо для пира пришлось выписать из России, так как в Европе рысь была уже уничтожена. Охота на неё у нас не ограничена.

Медведь

Летом медведь уже успел откормиться, но ещё не жиреет, а только набирается сил. Нет больше зверя с таким разнообразием стола, в основном вегетарианского. Неудивительно, что летняя встреча с ним не так опасна для человека, как встреча с «шатуном», стронутым с берлоги зимой, когда он невольно становится хищником. Сытый медведь труслив. Но июнь — месяц медвежьих свадеб. Тут и сытость может забыться, страшна драка двух осатаневших крупных самцов.

Большой вред лесу приносит любовь вегетарианца к муравьям. Едва стряхнув зимний сон, он спешит к высоким

муравейникам больших рыжих муравьёв — охранителей леса от самых страшных его вредителей: гусениц непарного шелкопряда, личинок соснового пилильщика и др. Муравьи поедают вредителей на месте и тащат про запас в таком количестве, что буквально покрывают их мёртвыми телами всю верхушку муравейника. Принесут — бросят и бегут за следующими: потом разберёмся. На деревьях, у подножия которых стоят муравейники, обычно нет вредителей, вредители и разгуляться не успели — съедены начисто. Но могучие медвежьи лапы часто так (да ещё повторно) исковеркают дом трудового народца, что восстановить муравейник хозяева уже до зимы не успевают — гибнут.

Неуклюж с виду медведь, идёт косолапит, а ведь ни сучок под ногой не треснет, ни травка не прошуршит. Идёт, переваливается, голова вниз. Ищет. Чего? Еды, разумеется. Крупный медведь до пятисот килограммов весит. Легко ли такой громадине насытиться травкой. Он, конечно, и мясом побалуется — если встретится ящерка, лягушка, мышка, птица на гнезде с яйцами и птенцами. Где есть медведи, скот в лес гонять небезопасно: соблазн велик. Рассказывают такой случай. Заломал медведь телушку. Охотник у дерева, где часть телушки осталась, настил на дерево (лабаз) устроил и сам на нём с ружьём устроился, ждёт. Солнце садится, от телушки попахивает, портится мясо в жаркую погоду — самый вкус в нём для медведя. На поляну заяц выскочил, присел и вдруг в кусты шариком — испугался. Чего? Перевёл, охотник глаза на телушку, и дух у него захватило: медведь-то уже на ней сидит и аппетитно ест. Под самым деревом прошёл, а охотник не услышал. Вот вам и косолапый!

Грызуны

Белка

Жизнь леса идёт незримо для не умеющих слушать и видеть. Молчанием, как бы пустотой встречает она неловкий хруст ветки под ногой и яркое платье, бьющее в насторожённые глаза. И снова оживает позади неумёхи. Но молодые белочки, едва покинувшие родительское гнездо, ещё плохо слушаются материнского «замри». У них ещё и хвостики по-настоящему не распушились, и шишка еловая в крошечных лапках неумело поворачивается, их и неловкий пешеход легко увидит. Середина июня — первое поколение малышей. Скоро мать белка решит, что им пора жить самостоятельно, шишек и грибов в лесу достаточно, а ей можно и о новом выводке подумать, чтобы и эти дети перед суровой зимой подросли и всему, что узнать полагается, научились. Бельчата и не горюют. Молодые и старые белки радуются жизни в хвойных лесах, полных шишек с сытными маслянистыми семенами, у нас — еловыми, в Сибири — и кедровыми. Если шишек мало, на земле под ёлками валяются кончики веточек с выеденными почками. Плохой признак: корма мало, и детей белочки тоже выведут меньше.

Куньи

Выдра

Жизнь этого интересного зверя изучена недостаточно. Обычно детёныши появляются в апреле-мае, их четыре-пять; но бывает и до семи (редко). В Астраханской области в семейной норе 15 июня нашли трёх молодых, величиной уже почти с родителей. А в логове на земле 26 мая оказались ещё слепые, только что появившиеся на свет детёныши. Иногда малыши появляются осенью и даже зимой. Но всегда у беременной самки бывает приготовлено гнездо для будущих детей. Тут она осторожна: ход в гнездо для безопасности начинается под водой и ведёт в просторную гнездовую камеру под корнями дерева или в плотном грунте выше уровня воды. В камере всегда чисто и сухо, не забыты и два узких отнорка для вентиляции.

Рыбы

Семейство карповых огромное, о всех его представителях не перескажешь. Самое большое их отличие, пожалуй, в том, что и у хищников (жерех, голавль), и у растительноядных зубы расположены не на челюстях, как у щуки, например, а сидят глубоко в горле на дужках. Хищный голавль дробит зубами крепкий панцирь рака и может сломать даже толстый крючок.

Сазан и карп

Казалось бы, что карп возглавляет всё семейство карповых. На самом деле он и не настоящий природный вид. Селекционеры-рыбоводы вывели его из сазана, какой и посейчас у нас в Волге водится и в нашем рыбном хозяйстве много значит. Однако издавна живёт сазан в Волге и лет сто тому назад нередко ловились рыбины килограммов по сорок и больше. А теперь — и двадцать килограммов большая удача. Перестали сазаны расти? Нет, не успевают дорасти. Метровая рыба — редкость. Ведь такая самка мечет до полутора миллионов икринок! Но сколько лет она должна прожить — не попасть на крючок или в сети, чтобы дорасти до такого веса и плодовитости? Ведь рыбаков и браконьеров, как и хитрых способов ловли, становится всё больше. Потому не успевают не только сазаны, а и все прочие промысловые рыбы дорасти до положенного им природой возраста. Какого? Точно неизвестно. Вот сколько прожила каждая рыба — это у неё записано на чешуе. Летом еды больше — рыба растёт быстрее, и по краю каждой чешуинки нарастает полоска широкая. А зимой — более узкая. И сколько их — столько рыбе лет. По относительной ширине нарастающих полосок можно также судить, в каком возрасте хорошо рыбе жилось и в каком плохо. Так, конечно, не только, сазан, а любая рыба о себе рассказывает. Как мы, глядя на срез спиленного дерева, можем по кольцам прироста каждого года прочитать, сколько ему лет и хорошо или плохо жилось дереву в каждом году.

А теперь про жизнь самого сазана. Как и все карповые, весной он не торопится к нересту. Дождётся, когда вода до 15, а то и до 20 градусов в разливах согреется. И утром она вдруг точно закипает: далеко слышен шум и плеск. Рыбы бьют хвостами, высоко выпрыгивают из воды, вытекающая икра прилипает к растениям. Через несколько дней выходящие из неё личинки приклеиваются к веточкам травы, согреваемым солнцем, и неподвижно висят на них, пока не истощится запас питательного

желтка — единственная «забота» родителей. Дальше учитесь сами хватать посильную живую мелочь и растите, сколько кому удастся. Родители со спадом воды возвращаются в русло.

Рыбаки примечают: иногда сазан вдруг начинает из воды выпрыгивать и сильно хвостом бить и не во время нереста. Это к плохой погоде. (Проверьте.)

Сазан — крупная промысловая рыба. Давно уже из него вывели культурную породу карпа. Карп оказался и вкусом нежнее и менее привередлив, чем сазан. Если в воде кислорода меньше, стерпит это легче, чем дикий привереда. Ему и река не нужна: в прудах хорошо растёт и в весе прибавляется на любом корме, почти всеядная рыба. Карпа разводят во многих странах и у нас. Вывели много форм, но различие их — уже причуда селекционеров: есть карпы голые и с разным количеством чешуек, но всё это для разведения роли не играет: растут и вкусны они одинаково.

Карась

С виду напоминает своих родственников — сазана или карпа, но меньшего размера. Неприхотлив. Золотистый красавец охотно живёт в таких местах, где и сазану, и карпу не нравится. Любит он не чистую и быструю реку, а заболоченный пруд, да ещё чтобы на дне ила побольше. В нём он роется и ест всё, что попадётся: и растительные остатки, и всякую мелкую живность. Тут же в иле зарывается на зиму дремать. Промёрзнет пруд до дна вместе с карасями — не беда: весной оттает, и как ни в чём не бывало проснутся и заплещутся в нём караси. В жару высохнет пруд — и это карасям не страшно: придут дожди, размочат грязь, глядишь, и в ней караси живёхоньки. Бывает и так. Копают лопатой ил, когда воду из пруда спускают и дно чистят, и в комках сухого ила находят карасей. И стоит им в воде полежать — опять уже плещутся в воде: живы мы!

Для нереста карась тоже тепло любит: когда вода до 15–20 градусов нагреется. Тогда он свою любимую тину и грязь покидает, плещется-играет на поверхности. Самка до 300 тысяч икринок вымётывает, но не сразу, порциями, и оставляет икру плавать кучками на поверхности воды.

Простая как будто рыбка, грязнушка. Но в природе простое так часто оборачивается удивительным. Карасей у нас два: обыкновенный — золотой и другой — серебряный, с серебристыми боками и чёрным брюшком. У серебряных карасей нет самцов или их очень мало. А как же с размножением? У самок во время нереста икру поливают молоками самцы других рыб,

близких родственников (например, линь, карп, золотой карась). Но из неё выходят не гибриды (помесь признаков двух пород), а чистые серебристые самки.

Из этого же серебристого карася тысячу лет тому назад китайцы и японцы вывели совершенно сказочные породы золотых рыбок, которыми мы и сейчас любуемся в аквариумах. Только в 17 веке золотые рыбки прибыли в Европу с караванами купцов с Востока. На роскошных, золотом шитых китайских шелках, в хитрых узорах на драгоценных вазах европейцы видели их и раньше, но считали выдумкой искусных художников. И вдруг изумительные существа оказались явью. В России первые золотые рыбки прибыли из Китая в дар царю Алексею Михайловичу, отцу Петра Великого. Китайцы и японцы много потрудились, чтобы вывести из карася редкого оранжевого цвета рыбок, сияющих золотом. У этих рыбок оказалась ещё более редкая способность давать потомство и разной окраски, и даже видом на себя не похожее. Искусный отбор во многих поколениях помог развести удивительных рыбок, отличающихся и красотой, и безобразием. Первые приехавшие в Европу, вероятно, стоили золотом дороже, чем сами весили. Теперь же каждый школьник может принести из зоомагазина в свой аквариум и телескопа, и комету, и ещё дюжину рыбок, одну другой удивительнее. Известно 126 разновидностей золотых рыбок. До нас не дошли некоторые рыбки синие, лиловые, лазурные, о которых говорится в давних китайских описаниях. Редкостные одиночки получаются иногда неожиданно для самых опытных и искусных мастеров. Но они обычно не дают потомства, похожего на себя. Можно представить, сколько стоило такое единственное украшение аквариума и какую славу составляло счастливому создателю. А чаще — хозяину. Ведь умельцы самых разных специальностей: художники, писатели, рыбоводы жили при дворцах феодалов, работали только на них, а слава за уникальные произведения доставалась хозяину. Упомянутые 126 разновидностей, способные давать похожее на себя потомство, тоже бывают разноцветные, например, вуалехвост (все цвета, кроме зелёного). Чем реже встречается рыбка, тем она дороже.

Самая редкая в Европе (известно всего несколько экземпляров) — жемчужница. Круглые, выпуклые её чешуйки похожи на жемчуг. Вместе с рыбками китайцы привозили о них легенды, также одна другой удивительнее. По одной, золотые рыбки, плавая в небесном дворце бога, так разыгрались, что нечаянно упали через край облака на землю. По другой, рыбки жили во дворце повелителя океана, и страшная буря выбросила их на берег, а люди подобрали. В третьей — прекрасная девушка

горько плакала: её покинул жених. И слёзы девушки падали на землю золотыми рыбками.

Лещ

Лещ, родственник карпа, тоже любит воду потеплее, нерест начинает в мае, а то и в июне, когда вода согреется до 12–16 градусов. Самец окраски не имеет, но голову, бока его украшает, как говорят, «жемчужная сыпь». Нерест начинается на рассвете. На мелководье (самое тёплое место 12–16°), где гуще заросли травы, вода будто закипает. Яркие золотые рыбины торопятся, толкаются, то и дело взлетают в воздух и плашмя, с громким плеском падают обратно. Сотни икринок, облитые молоками, прочно приклеиваются к травинкам. Часто всё в один день до полудня и кончается. Лещи уходят в глубину, а солнце и тепло довершают остальное. Бывает, нерест и повторяется. Это удивительное зрелище: от золотистых рыб в глазах рябит.

Самка мечет 100–150 тысяч икринок. Но около нерестилища толкутся мелкие лещики и плотва и, конечно же, не с добрыми целями. Икринки приклеены к растениям, дальнейшая их судьба родителей не интересует. Выручает плодовитость — сколько-нибудь икринок да уцелеет.

Дней через пять выклёвываются личинки, ещё дня два висят на растении, пока не кончится запас желтка в желточном мешке. Теперь слабенькая крошечная личинка предоставлена самой себе в огромном незнакомом ей мире.

Крупный лещ — хитрая рыба. Насадку не хватает с лету, как жадина окунь. Опытный рыболов расскажет, что у леща и характер в разных местах разный. В одном — он живёт в гуще растений и кормится ночью, в другом — лови его на утренних и вечерних зорях у кромки водяных растений, а то и в глубоких ямах около коряг и обрывистых берегов.

Рак

Медленно, важно ползёт по мелководью странное существо. Ни дать ни взять средневековый рыцарь в военном уборе: с ног до головы закован в твёрдый панцирь, только не стальной, а из твёрдого хитина. Рыцарь, упавший с лошади, сам с земли и подняться не мог без помощи оруженосца. Переверните рака на спину, и он тоже мучительно забарахтается — как бы перевернуться, оруженосца нет. А оглянуться — шея не ворочается. Ведь шеи у рака тоже нет: передняя часть тела в общей твёрдой скорлупе так и называется: головогрудь. И глаза у

рака особенные — выпуклые, на стебельках. Им шея не нужна, сами поворачиваются, друг от друга независимо, а если потребуется, рак их и втянуть может в углубления на панцире и опять выпятить. Задняя часть тела, брюшко, совсем странно называется: «шейка». На ней пять пар «ходильных» ног. Рак ползёт на них медленно и важно, выставив вперёд тяжёлое оружие: острые клешни, недаром на немецком языке их называют «ножницы». Ими рак и нападает, и защищается. А если приходится удирать для спасения жизни, шейка изгибается, шлёп по воде, и рак пятится, загребая ею очень быстро. Ножки тут не помогают.

Неуклюжий рак, конечно, для быстрой рыбки не опасен, наоборот, некоторые рыбы раками питаются. В основном он питается водными растениями. Родест, роголистник ему особенно нужны: в них много кальция, необходимого для его скелета. За жизнь сколько раз н старую одежду сбросит, а новой, мягкой отвердеть поскорее нужно.

Рак и от мясного блюда не откажется, с удовольствием съест улитку, червяка, рыбку дохлую. Когда ловят раков вершами, кладут в них мясо с душком, запах помогает им скорее найти приманку. В пищу идут только шейка и клешни, поэтому больше ценится широкопалый, чем узкопалый — мяса в клешнях больше. Широкопалый капризнее: любит воду почище, где кислорода больше. Споров за место у них с узкопалым не должно бы быть. Вместе они почему-то не встречаются. Если подселить в реку или в пруд узкопалого к широкопалому, первый постепенно как бы вытесняет основного жителя. Почему?

Где раков много, наловить их можно руками. Днём они сидят в норах в обрывистом берегу или под корнями, камнями. Залезут в нору задом, клешнёй загородятся: удобно и зацепить съедобное, что мимо ползёт, и от врага защититься. Тепло, солнце светит ласково, пищи хватает, только бы расти и множиться. А как расти в твёрдом панцире? Приходится сбрасывать его и каждый раз новый, попросторнее заводить. И рак линяет. Наверное, это мучительно: старый панцирь трескается, надо вытягивать из него мягкие ножки, клешни, ногочелюсти, даже выворачивается старая оболочка желудка с твёрдыми выступами — нечем жевать, нечем пищу в рот засовывать и нечем обороняться, а враги того и ждут. Зато новый мягкий панцирь растягивается, можно подрасти, пока кто-нибудь не съел. Скорей, скорей в убежище, панцирь скоро затвердеет.

Линяют раки, растут, приходит время и о детях позаботиться. Рачиха ложится на спинку и откладывает сто — двести яичек на подогнутое брюшко. Встаёт, а липкие яички висят на нижней

стороне брюшка. Им так с рачихой и зимовать. Многие не уцелеют. Оставшиеся весной дозреют, вылупятся почти прозрачные крошки. Куда такие денутся? Их первая рыба проглотит. Сначала так и висят под надёжной крышей. Потом отползают понемножку, начинают есть. Тревога! И они стремительно бросаются под спасительное мамино брюшко, как цыплята под крылья наседки.

Отличают ли они мамашу от других раков. И она их? Подаёт ли она им какой-нибудь сигнал? Для проверки в одну банку посадили мать, рака самца и рачиху, у которой не было своих детей. Туда же поместили и рачат. На следующий день все детки оказались под брюшком родной мамы.

В Европе раки плодились успешно, это было лакомство богатых и серьёзное подспорье на небогатом столе. Но случилось неожиданное, с полвека тому назад в Европе, в том числе и нашей стране, распространилась эпидемия совершенно неизвестной рачьей чумы: за несколько недель грибок уничтожил рачье население целых рек и озёр. Что за грибок — определили, а средств для борьбы с ним не нашли. Вспышки чумы повторяются до сих пор, прежнего обилия европейских раков ни в одной из стран нет.

Начали ввозить пресноводных раков нескольких видов из Америки. И удачно: эти раки менее чувствительны к европейской чуме. Возможно, что сам чумной грибок — американский и потому у американских раков за тысячи лет совместной жизни выработался к нему иммунитет. В Европу могли завезти вредителя случайно корабли из Америки с пресной водой.

Кое-где сохранились у нас свои раки. Однако эта вкусная пища становится редкостью.

Моллюски

На тёплом мелководье тесными рядами выстроились ракушки, самые обычные двустворчатые моллюски: беззубка, перловица. Они нам знакомы. Это няни, которым удивительная рыбка горчак доверяет воспитание своего потомства. Само по себе это забавно. Но в нашей жизни скромные «няни», оказывается, играют не забавную, а очень значительную роль.

Дело в том, что через тело моллюска непрерывно проходит вода, он её фильтрует. Всё органическое, живое и неживое, моллюск переваривает. Это его пища. Неорганические же частицы оседают на слизь, покрывающую его мантию. Осели, прилипли, окутались комочком слизи. Незаметным глазу движением слизь скользит к краю раковины и выбрасывается моллюском в воду. На

этот комочек набрасываются микроорганизмы. Глазом их не увидишь. Комочек — это их пища. Они его и съели, а вода — очистилась.

Двадцать перловиц или беззубок пропустят через себя в сутки четыреста литров воды. Столько чистой воды требуется в сутки одному человеку для всех его бытовых нужд. Оказывается, скромная ракушка годится на большее, чем изготовление из неё дешёвых перламутровых пуговиц. Пожалуй, пуговицы лучше делать из чего другого, а скромных беззубок и перловиц сохранить. Жемчуг, действительно, в перловице попадается, но очень редко и невысокого качества. Давайте перловицу побережём, а она на нас поработает.

Серебрянка
(Конечно, паук не рыба и не рак, но этот паук настолько «водяной», что сам просится к ним в компанию.)

Пруд был небольшой, ветру на нём негде разгуляться, кругом деревья. Поэтому лёд на поверхности пруда таял спокойно, становился тоньше и, наконец, растаял весь, точно его и не было. И тогда стало заметно, что на воде тихо колышется от ветра раковинка улитки-прудовика. Осенью она вмёрзла в лёд, да так и пролежала в нём неподвижно всю зиму. А сейчас — освободилась из плена и ветерок тихонько подгонял её к берегу.

Но что это? В раковине что-то зашевелилось; из прокушенного шёлкового кокончика, лежащего в ней, высунулась пара длинных коричневых ножек, за ними коричневая головка, а на ней восемь маленьких чёрных глазков.

Так вот это кто! Это не улитка — бывшая хозяйка раковинки. Это разбойник паук устроил в пустой раковинке свою зимнюю спальню. Теперь он проснулся и аккуратно протирает лапками блестящие глазки — Кажется, я здорово заспался!

Покончив с глазами, паук опёрся лапками о край раковины, но тут неустойчивая лодочка перевернулась. Пассажир оказался в воде. Ну, теперь он, наверно, изо всех сил уцепится за какую-нибудь щепку, веточку, чтобы не утонуть. Пауки ведь не водяные жители, плавать не умеют.

Как бы не так! Паук проворно высунул кончик брюшка из воды, нырнул и, так же проворно перебирая ножками, направился вниз, к кустикам водорослей. Но что ещё удивительнее, под водой коричневое брюшко паука вдруг превратилось в серебряное, заблестело, точно капелька ртути. Это серебрился воздух: он задержался между волосками брюшка, когда паук

высунул его из воды. А теперь паук, нырнув, унёс его, чтобы дышать им под водой, через дыхательные отверстия на брюшке, потому что пауки не могут дышать воздухом, растворённым в воде, как дышат рыбы и раки.

За блестящее брюшко водяного паука и назвали Серебрянкой.

Прицепившись к веточке водоросли, Серебрянка несколько минут оставалась неподвижной: видно, нелегко сразу очнуться от долгого сна в ледяной колыбельке. Можно отдохнуть, пока не кончился запас воздуха.

На дне, около водоросли, мирно копошилась разная мелкая водяная жизнь. Серые рачки — водяные ослики — тоже проснулись от зимнего сна и не спеша ползали, покусывая то гниющую палочку, то нежный зелёный листик водоросли. Безобидные крошки, может быть, по-своему тоже радовались весне. Они были похожи на мокриц, какие живут в сырых местах на земле. И умишко у них такой же маленький: где им сообразить, что совсем близко от них притаился враг.

А паук сообразил: его восемь глазок загорелись бы ещё ярче, если бы смогли. Но они и так блестели, как крошечные фонарики. Он слегка пригнулся на веточке, совсем как кошка на охоте, и вдруг метнулся вниз, острыми коготками зацепил ослика и поднял к ветке, на которой только что сидел сам. Остальные крошки почти не испугались: еды для них хватает и что за беда, если одним осликом стало меньше.

А Серебрянка, всё ещё держа ослика в лапках, быстро, быстро стала прижиматься кончиком брюшка к водоросли. Серебристые липкие нити тянулись из её прядильных бородавочек на брюшке и тут же в воде твердели. Ослик, убитый ядовитым укусом, в одну минуту был надёжно привязан шелковинками к водоросли. Его длинные, длиннее тела, усики в последний раз слабо дрогнули и замерли. Однако паук ещё не думал приниматься за обед, которого дожидался всю долгую зиму. Он быстро взлетел на поверхность воды, опять высунул брюшко и запасся свежим воздушным пузырьком. Теперь скорее за работу. Быстро, быстро он принялся скакать по веточкам водоросли, трогая их прядильными бугорками брюшка. Здесь и там, здесь и там… Прозрачные липкие нити тянулись из бугорков.

Здесь и там, здесь и там… Вот уже и готова паутинная сеть, какую обыкновенные пауки плетут не в воде, а в воздухе.

Кого же это собирается ловить в неё Серебрянка? Ведь в воде паутина быстро станет неклейкой.

Серебрянке нужно совсем не то. Вот она опять отправилась в путешествие наверх. Но теперь она ползёт вверх по растению и тянет за собой паутинку.

Зачем? А вот зачем. В этот раз она ухитрилась забрать между волосками брюшка такой большой запас воздуха, что этот пузырёк мешал бы ей плыть: воздух ведь лёгкий, тянет вверх. Поэтому паук и не плыл вниз, а полз, цепляясь за паутинку, и так благополучно добрался обратно до своей сеточки. Он нырнул под неё и ножками осторожно отделил от себя слой воздуха. Попался, пузырёк! Стараясь вырваться, он натягивал паутинную сеть кверху, но паук поспешно вплетал в неё всё новые и новые нити, укрепляя её. Ведь если пузырёк прорвётся, улетит вверх — беда! Пропал весь труд!

Но нет. Ловушка сделана с толком. Пузырёк держится прочно, а паук всё не успокоился, так и летал: вверх-вниз, вверх-вниз. Он приносил всё новые и новые пузырьки воздуха, прибавляя к прежним, укреплял новыми паутинками, и подводный домик надувался, вырастал и, наконец, сделался похожим на серебряный напёрсток донышком кверху. Теперь пора и пообедать. В одну минуту паук втащил бедного ослика в своё логово: здесь можно спокойно кушать и дышать свежим воздухом.

Серебрянка улеглась в воздушном колоколе на спину и, держась в нём передними ножками, высосала ослика начисто, а пустую кожицу выкинула: в домике должны быть чистота и порядок.

Насытившись, паук принялся прихорашиваться. Он облизывал задние лапки и усердно натирал ими волоски на брюшке: ведь если на волосках заведётся плесень, они слипнутся и воздуха между ними удержится меньше.

Всю весну Серебрянка охотилась и ела почти непрерывно. Стоило какому-нибудь бедному водяному ослику задеть за шелковинку, проведённую от колокола к водоросли, и ему не было спасения. Серебрянка, молнией вылетала из серебряного домика и возвращалась с бедной жертвой в лапках.

Время шло. И вот. Серебрянка начала какую-то новую работу. Она наплела целую кучу рыхлой паутины в самом верху колокола, прицепилась к этой паутине и впала в глубокую задумчивость. Но это так только казалось. Брюшко её непрерывно двигалось, сокращалось, а в колоколе росла и росла кучка жёлтеньких яичек. Мать старательно заплела их паутиной, охватила ножками и замерла. Кончились весёлые охоты. Теперь водяные ослики могут спокойно дёргать за сигнальные нити вокруг колокола: мать не заботится о себе, она стережёт покой и жизнь будущих детей.

Раз в колокол попробовал заглянуть такой же паук, покрупнее. Но Серебрянка, не сходя с места, так грозно поднялась и наставила на него свои кривые челюсти, что бродяге сразу

стало понятно: надо убираться.

Время от времени мать оставляла драгоценные яички и забиралась на верхушку водяного домика. Осторожно раздвигая нити колокола, она выпускала в отверстие пузырьки испорченного воздуха: блестящие пузырьки целым потоком мчались сквозь воду кверху. Затем Серебрянка заделывала отверстия паутинкой и опять — вверх-вниз, вверх-вниз, наполняла колокол новыми и новыми пузырьками свежего воздуха: ведь дышать должны не только пауки, но и яйца. Газы проходят в них сквозь незаметные отверстия в скорлупке.

Наконец, дней через десять в кучке яичек произошло что-то новое: острые челюсти принялись скоблить и резать скорлупки изнутри, тоненькие лапки высовывались в прогрызенное отверстие. Новорождённые паучки выбрались из яичек. Ещё неделю им нельзя вылезать из колокола. Они ждут, пока брюшко их обрастёт пушистыми волосками, так как на гладком брюшке без волосков воздух, необходимый для дыхания, не удержится. Вот они пока и живут и дышат под родимой крышей, и мать готова защитить их ценой собственной жизни.

Но вот настал великий день: брюшко каждого малыша покрылось нежными волосками. Теперь путь в мир для них открыт.

И сразу же изменилось их поведение. Крошки величиной с булавочную головку все как один покинули родной колокол.

А мать — ну представьте себе, до чего она проголодалась, сидя на кучке яиц и ожидая, пока выведутся её дети! Теперь осликам лучше держаться подальше от её гнезда. Один ослик, другой, третий. Она набрасывается на них, как тигр, и беспощадно уносит в свой серебряный дворец.

Вдруг, всё ещё голодная, она замечает крошечную серебристую точку: один из её нежно любимых деток спускается вниз с пузырьком воздуха на брюшке…

Что поделаешь: инстинкт защиты детей уже ничего не говорит свирепой мамаше, серебристый паучок для неё теперь только дичь, а она — охотник…

Мамаша не успела съесть своего младенца. Её саму проглотила плывшая мимо рыба.

Остальные малыши этим не были огорчены. Пауки и паучата не заботятся о своих родителях и друг о друге. До осени из сотни паучат осталось не так уж много. Но те, что уцелели, превратились во взрослых пауков. Осенью они сплетут себе зимние коконы, кто — в раковинах, кто — в растениях, и заснут до будущей весны.

ИЮЛЬ

Июль — самый жаркий месяц нашего лета. Даже ночью подчас прохлады не дождёшься, а днём воробьи и те в тени распластались, крылышки раскинули, дышат тяжело. Канюк от жары берёзовые и осиновые ветки ломает, птенцов в гнезде закрывает. Аистиха над гнездом широкие крылья распахнула. Самой жарко, сил нет, а детишек бережёт. Тетёрки, глухарки малышей в самую чащу увели.

Небо от нестерпимого зноя словно выцвело, куда голубизна делась. Вдруг, откуда ни возьмись, тучи его заволокли, ветер налетел, пыль на дороге заклубилась и тёмную тучу пронизала молния, в землю ударила. Тут же гром в тучах заворочался, точно с трудом просыпается. Молния — гром, молния — гром, всё ближе за молнией громовые раскаты, гроза прямо на нас надвигается. Чем ближе она, тем быстрее гром догоняет свою молнию. Ещё бы: свет молнии мчится со скоростью триста тысяч километров в секунду. От далёкой молнии гром (звук) когда ещё до нас доберётся. Но гроза надвинулась, молния над самой головой сверкнула, и гром уже не ворочается где-то, проснулся,

оглушил, раскатился, от своей громовой стрелы не отстал — невольно за голову схватишься. А гроза уже летит дальше. Молния сверкнула, и до её грома мы «раз, два, три» сосчитать успели. И опять молния, и «раз, два, три, четыре, пять» просчитали. Ну, пронесло, значит гроза летит дальше, дальше.

Но как налетит, так и проходит быстро июльская гроза. Опять сияет солнце, точно её не было, если молнии беды не натворили, ничему живому не повредили. Недаром народ назвал этот месяц «грозник». Жарок июль и грозен, но отходчив. Примечено, что молния чаще всего ударяет в высокие предметы. Поэтому на высоких зданиях ставят громоотводы.

Часто молния бьёт в отдельно стоящие деревья, особенно страдают дуб, тополь, ель, сосна. А застанет вас молния на открытой равнине — лучше лечь на землю и переждать беду, если нельзя успеть спрятаться в густом лесу или в кустах. И уж конечно антенну переносного радиоприёмника надо немедленно убрать. Это совет для тех, кто, идя на природу, собирается слушать не чистые птичьи голоса, а поп-музыку.

Частыми грозами пугает нас грозник. Но как же хорошеет природа, освежённая быстролётной грозой! Целителен воздух, напоённый озоном, промытый от пыли. Само солнце, кажется, отдохнуло от жары и золотится на ярко голубеющем небе. А в каждой капле дождя на зелёном листке словно отражается маленькое солнце! Нет, не стоит обижаться на летнюю грозу. Небольшой испуг и большую радость принесла она и нам, и природе.

Богат июль травами, а значит и цветами. Хороши корзинки нежного красного василька, и тут же голубые колокольчики, а чудесный высокий поповник белыми крупными цветами вовсе заслонил настоящую ромашку. Недаром настоящее его имя почти всеми забылось и зовут его тоже ромашкой. «Ландыш!» — радуются дети и бегут к другому белому цветку с кожистыми листьями. Белый он и пахнет, но нет ландышевого изящества, и запах скорее яблочный. Грушанка это, ну что ж, и она в общем пышном цветенье радует глаз. Каждый цветок, присмотритесь, по-своему хорош. Есть у ландыша и родственник, даже близкий — купена. Сама по себе купена хороша: и цветы изящные, белые, словно фарфоровые, и тоже красиво свисают по одну сторону стебля. Но не ландыш, да и только. Не чувствуется чудесного аромата, которым дышишь и ещё бы дышал. Но и цветы купены по-своему ароматны, изящны листики, зеленеющие у каждого цветочка на противоположной стороне стебля. Купена, как и ландыш, многолетник. Осенью увянет стебель, но подземная его часть — корневище — живёт, и весной снова, как и у ландыша, от

него вырастут побеги с цветами и листьями. Зацветает купена позже, чем ландыш, как бы ему на смену. И ещё у неё особенность: на корневище остаются отпечатки прежних стеблей, за это купену называют — Соломонова печать, хотя очень мало кто знает, что Соломон был в глубокой древности царь еврейского государства. Кто наградил купену таким странным названием — неизвестно.

В июле зацветает на влажной болотистой почве дербенник. В густой траве и до двух метров вытянется и высунет из неё целый колос красно-лиловых некрупных цветов. Цветы на колосе сидят точно этажами-мутовками. Каждый этаж отделён узкими зелёными листиками. Чем выше, тем меньше и цветочки и листики, а верхние совсем крошечные. И все листья — узкие, длинные, потому и называется растение дербенник иволистный. Нигде он не пропадает, из густой заросли высунется и стоит, как будто бесполезный, его и скот не ест, даже в сухом сене. Но бесполезного в природе не бывает. Скот не ест, а пчёлы, шмели так над ним и кружатся, сладкий нектар собирают. Мёд из него хорош, хотя и немного терпкий, и цветом красив: золотисто-зелёный. Пестики в цветках разные: одни — повыше, другие — покороче. И тычинки вокруг пестика расположены двумя кругами: одни подлиннее, другие — покороче. Пока пчела за нектаром меж ними пробирается, они её по пушистому боку каждый мазнёт, каждый — на своей высоте, пыльцой своего цвета. Пока пчела нектар сосёт, она невольно на пестик стряхнёт как раз пыльцу с подходящей ему по росту тычинки, принесённую с другого цветка. Пыльца со своих тычинок ему по росту не подойдёт, её пчела на другой цветок перенесёт. Перекрёстное опыление совершилось. Можно написать целую книгу о способах, какими разные растения его добиваются.

Народное название этой хитрой травы — плакун-трава. Живёт она в сырых местах, в листьях её есть щёлки. Насосали корни даже в сухую погоду лишней воды, плакун-трава от неё быстро освободилась — крупные капли покатились из щелей с листа. Чем не слёзы? Если любое растение нам кажется ничем не удивительным, значит мы его просто недостаточно знаем.

Всё цветёт, всё зеленеет в июле. Даже вода. В прудах, озёрах, небольших водоёмах, где нет быстрого течения, воды даже не видно: мельчайшие листики покрыли её. Захватишь несколько штук и удивишься: крохотный листик, а от него в воду свисают тоже маленькие, но несомненно корешки. А посерединке? Ничего: ни стволика, ни черешка, цепочкой по несколько штучек листики сцепились. Не листики это, а каждое целое растение с корешками. И не водоросль, а цветковое растение — ряска (водоросли не

цветут). Ростом ряска не вышла: самая маленькая — полтора миллиметра, другие «великаны» — по пять-шесть миллиметров. А цветы? Какие у них цветы? Тут тоже всё особенное, не как у других. Цветут ряски так редко, что в нашей стране за много лет посчастливилось наблюдать цветущую ряску всего двадцать раз. И цветёт она по-особенному: на поверхности её появляется бугорок, а всё тельце «листика» вздувается, наполняется воздухом, чтобы хорошо держаться на поверхности воды. Ведь из бугорка выглянет чуть видный цветочек, его нельзя намочить: он должен опылиться пыльцой, летящей по воздуху. Дальше всё, как полагается: в цветке-крохотке созреет крохотный плодик, упадёт в воду, и из него вырастет дочка-ряска. Удивительно? Очень. Но ряске, как видно, плодики не очень и нужны, она быстро размножается просто делением (вегетативно), да так, что за неделю удваивает свой вес. В этом она похожа на водоросли, у которых цветов вовсе нет. Понятно, что, раз появившись в подходящем месте, ряска быстро покрывает весь водоём плотным зелёным ковром.

В природе всё чему-то служит. И от маленькой ряски польза немалая: посмотрите, с каким увлечением едят её домашние утки и гуси. И не меньше рады вкусной нежной её зелени все наши дикие водоплавающие.

Но не одна ряска украшает стоячие и медленно текущие водоёмы. Подлинная краса поистине радует глаз. Местами ещё сохранился (теперь уже редкий) русалочий цветок — белая кувшинка. Хотите увидеть? Придите к месту, где известно, что он живёт, до семи часов утра. Нет ничего? Терпеливо ждите. Наконец, семь часов. Что это? Медленно выплывают на поверхность между широкими зелёными листьями туго завёрнутые бутоны. Нет, цветы. В шесть часов вечера они заботливо укрылись чашелистиками, и стебель, свёрнутый спиралью, унёс их в тёплую, прогретую солнцем воду. Он распрямляется ровно в семь утра, и белоснежный цветок раскроется навстречу свету и весёлому рою насекомых. Сладкую пищу приготовляет он им, нектар и пыльцу. И они не остались в долгу: пыльцой опылили пестик. К осени цветок вянет, и крупные ягоды с чёрными семенами пригодятся в пищу птицам и рыбам.

Красив сияющий белый цветок с золотой серединкой, так и тянется рука сорвать, унести… И напрасно: черешок длинный, гибкий, как резиновая трубка, трудно его перервать. А если удалось… на глазах почти сразу вянет яркая красота. До дому донесёшь, а в вазу ставить нечего. Но бездумных собирателей минутных букетов находилось столько, что уже редкостью стал у нас русалочий цветок, как и жёлтая кубышка. Оба они значатся в списке растений, охраняемых на всей территории СССР.

Удивителен он не только красотой. Присмотритесь внимательно, не срывая, к его лепесткам. Их несколько рядов. Наружные самые крупные, следующие, чем ряд ближе к центру цветка, тем не только они становятся меньше, но и жёлтый краешек у лепестка становится всё больше. Постепенно лепестки превращаются в золотые тычинки, окружающие пестик, полные плодотворной пыльцы. Так русалочий цветок открывает нам тайну постепенного развития цветочных лепестков из тычинок. Ведь ветроопыляемые цветы берёзы, орешника и совсем обходятся без лепестков. Яркие лепестки полезны цветку, привлекающему насекомых, и потому их появление издавна закреплялось и совершенствовалось естественным отбором.

И, наконец, сладкий чудесный запах, словно перебил, затмил все скромные лесные ароматы: зацвела липа. Единственное у нас лесное дерево, кроме черёмухи, цветы которого ароматны и для несовершенного носа человека. Для насекомых, разумеется, пахнут и сильно цветы прочих деревьев, недаром они так уверенно летят и на иву, и на дуб, и на орешник. Но, может быть, это и защитное для нас свойство, так же как наши уши не могут слышать хора ультразвуков, наполняющих леса, поля и луга. Нервы наши не выдержали бы разговоров насекомых, летучих мышей… Но и они, несомненно, слышат избирательно друзей своих и врагов. Даже собаки слышат некоторые звуки, для нас как бы несуществующие. Продавались раньше в магазинах для охотников свистки: звук их слышала только собака и им повиновалась, а дичь, отлично знакомую с голосом человека, звук этого свистка не тревожил.

Всем хороша липа: красива, долговечна, мало того, почву улучшает, чем для соседей — дуба, ели, лиственницы, сосны полезна. Листья перегнивают в почве в два-три раза быстрее, чем иголки хвойных деревьев, и количество листьев, опадающих с них осенью, больше. Иголки сбрасываются понемногу и постепенно. Ведь вы никогда не видели ель или сосну, целиком раздетую, лиственница — исключение. А больше гумуса в почве, больше и плодородия.

Липа цветёт. Недаром в украинском языке сохранилось ещё старое славянское название июля — липень. Отцвела липа — значит, перевалило лето на вторую половину, подумаешь — и сердце, точно лёгкая боль, защемит: как недолга наша весёлая летняя радость. Почему липа так не торопится: цветёт, а на других деревьях уже плоды зреют? Потому что цветочные почки у неё закладываются только на однолетних побегах, сначала они вырастут, одревеснеют, тогда распустятся, зацветут на них скромные, но такие чудесные ароматные цветочки.

Но пока ещё липа цветёт, и уже гудят в её густой кроне пчёлы. Издалека не поленятся они прилететь за любимым взятком. И для людей нет вкуснее и целительнее липового мёда, который готовят нам из волшебного нектара пчёлы-труженицы.

Но не только пчёлам нравится липовый нектар. Около каждой липы кого только нет! Осы, шмели, бабочки, мухи, жуки… целую коллекцию сладкоежек можно собрать, не сходя с места. Кто на месте наслаждается, пьёт, лакомится, а пчёлы наполняют зобики и спешат со сладкой ношей домой.

Проследим за сборщицами. Не всем удастся благополучно закончить рабочий день. Крупные злые мухи-ктыри стерегут их на душистой воздушной дорожке. Ктырь и пчелу схватит, и осы не побоится. Яд его действует мгновенно: схватил жертву, и она тут же высосана. Не пощадит бедную пчелу и злобная сильная оса филант — пчелиный волк. Злобная, пожалуй, неправильно: ведь это мать, которой нужно кормить детей, так говорит ей инстинкт. Выкопав норку, филант закрывает вход камешком. Затем, когда пчела поймана, убита уколом жала, филант тащит её в корку, откладывает на неё яичко и опять тщательно закрывает норку. Удивительное есть и тут: филант выдавливает мёд из зобика пчёлы и слизывает его. Лакомится? Не только. Мёд — лакомство для матери, но главное — сильный яд для личинки, от него мать её и оберегает. Знаменитый французский энтомолог Фабр проверил: кормил личинок пчёлами с мёдом. Отведав мёда, личинки умирали. Удивительна и точность, с какой филант запоминает место, где замаскирована его норка, ведь за добычей летать приходится далеко. Медоносная пчела тоже кормит детей, но никого не убивает. При этом не своих детей, а сестёр: личинки и кормилица в улье — дети одной матери.

Наш разговор о липе-кормилице ещё не кончен. Не только нектаром кормит она крылатое и ползучее население сада и леса, на её листьях сидят неподвижно крохотные зелёные живые существа. Встряхните лист — они не шевельнутся, не упадут с него, потому что крепко с ним связаны: крохотные хоботки воткнули в лист и сосут, сосут его соки. Тля — тоже насекомое, но до последней степени, так сказать, с виду упрощённое: спереди хоботок, снизу шесть тонких ножек, почти не пригодных для ходьбы, сзади две коротенькие трубочки. Всё? А ей больше ничего и не нужно: хоботок держит и кормит. Ножки, если нужно, сделают несколько крошечных шажков. Одна беда: сок листка жидкий, чтобы насытиться, приходится сосать непрерывно и почти непрерывно выделять из трубочек лишнюю жидкость. В ней находятся продукты пищеварения и много лишнего для тли сахара. Листья под кучкой тлей мокрые, липкие; сладкий сок с

них капает, точно лёгкий дождичек моросит. А из воздуха уже споры грибков тут как тут, на сладких листьях грибки растут, листья чернеют, от них задыхаются. И тлям в этой сладости не сладко: тонут, да куда денешься на слабых ножках? Но к тле спешит неожиданная помощь: муравьи тоже любят сладкое. Вот муравей подползает к тле и осторожно щекочет её усиками. В ответ тля выпускает сладкую капельку, муравей жадно слизывает её. Если мало, он переходит к другой тле, третьей, четвёртой, пока не напьётся досыта. Там, где есть муравьи, тли даже не отбрасывают капельки, лягаясь ножкой, словно берегут их для посетителей.

Разные виды тлей питаются на очень многих растениях. Разведётся их много, засосут растение, оно болеет, может и погибнуть. Тли размножаются с такой быстротой, что если бы все выживали, за год на Земле не осталось бы свободного места — тли покрыли бы её толстым слоем. Не верите? Не ленитесь, понаблюдайте: сидит, сосёт листик толстая тля. Вдруг из неё у вас на глазах появляется маленькая дочка. Посидела, как будто осмотрелась, воткнула хоботочек в лист и… начала преспокойно сосать. А мамаша и внимания на неё не обратила: ведь у неё уже появляется на свет следующая дочка. И так далее…

Муравьи оказываются не просто лакомками, они защищают своих дойных коровок: моё! не сметь трогать! Вот на липовый листок опустилась божья коровка, красивый жучок, красный с чёрными пятнышками. Тоже закусить явилась, только… цап тлюшку и в момент сжевала. Цап другую. И тут в коровкину ножку вцепился разъярённый муравей, в другую — другой. Э, тут не до обеда. Коровка и муравьи в драке свалились с листка на землю. Жучок еле отбился, раскрыл крылышки и улетел.

Дружба тлей с муравьями нам не выгодна, лучше подружиться с божьей коровкой. Божьи коровки не только сами хищники, такие же хищники и их дети-личинки. В личинке сразу по виду можно узнать хищника: маленькая, проворная, и челюсти торчат кривые, совсем на хорошеньких родителей не похожа. Мать яички прилепляет на листики, на которых угощение приготовлено: тли сидят, беды не чуют. Личинка, как из яичка выйдет, сразу за работу. Кривые челюсти в ближнюю тлюшку воткнула и замерла. Жуёт? Нет, у неё челюсти не как у матери, — это две трубочки, воткнула их в тлюшку и сосёт. С хитростью: сначала через те же трубочки в тело тли сок выпустила пищеварительный, получился готовый бульон — знай, пей. А те муравьи, которые тлей защищают, тлям друзья и защитники, а для нас — враги.

Тли сидят и сосут, сидят и сосут. Съест ли какую божья

коровка или высосет личинка — об этом они не задумываются. По правде сказать, им и задумываться-то нечем.

А сейчас поговорим о сладкой пище, которой они лакомят своих союзников-муравьёв (есть и другие муравьи — наши друзья, но об этом потом).

Вкусен липовый нектар, и когда его много, полный зобик несёт пчела в улей, есть что приёмщицам передать. Падь — выделения тлей — ей не нужна. Но год на год не приходится. Поскупилась липа на нектар, и тогда пчёлка от пади не откажется — лишь бы было что домой принести. И приёмщицы не отказываются. Получается падевый мёд. На вкус он всё-таки мёд, ведь побывал он в зобиках и сборщицы, и тех, кто над ним, не щадя труда, в улье поработал и капельку яда своего в каждую ячейку положил, перед тем как ячейку запечатать. В Германии такой мёд даже нравится. Но на зиму в улье оставлять падевый мёд нельзя, пчёлы от него болеют.

Грибы

Давно уже лесоводы заметили: привезут для посадки в степь молодые деревца, а они растут плохо. Почему? В лесу они росли не в одиночку: невидимо, под землёй, тянутся нежные белые нити и ниточки — это грибница, то есть само растение, а грибы со шляпками, которые так вкусно жарить и солить — это плодовые её тела. Грибница высылает их наверх, чтобы они рассеивали мельчайшие, глазу почти не видимые, лёгкие споры. Споры на влажной и тёплой почве прорастают, начала жить новая грибница. Но везде ли она приживается? Ей нужна влага и тепло. Тогда она даёт во все стороны тонкие ниточки — гифы. В гифах нет хлорофилла, который придаёт листьям растений красивый зелёный цвет и, что ещё важнее, создаёт и питает растения органическими веществами. Но гриб «знает», что надо делать, чтобы себя обеспечить: гифы ведь растут под землёй вблизи деревьев, и… тончайшие их кончики тянутся, ищут — нашли! Окутывают плотным чехлом такие же тончайшие кончики корней деревьев, срастаются с ними, получается утолщение — микориза, или грибокорень. Еле заметная грибница соединилась с деревом. Ему не вред? Нет, на пользу: дерево получает от неё воду и растворённые в ней минеральные вещества. А грибница получает взамен органические вещества, вот ей собственный хлорофилл и не нужен. Лесоводы догадались: теперь, сажая в степи молодой дубок или другое деревце, они в ямку кладут горсточку лесной земли с места в лесу, на котором растут именно эти нужные им грибы — живите дружно!

Грибница от того места, где начала жизнь крошечная спора, растёт, как спицы колёса, — вкруговую (если условия позволяют). Каждый год «грибное колесо» увеличивается (на десять — тридцать сантиметров), а центральная часть всё на большем расстоянии от центра «колёса» стареет и отмирает. И плодовые тела — грибы располагаются на кончиках нитей грибницы кольцом всё большего диаметра. Очень хорошо это видно там, где росту грибницы больше простора. Суеверные люди давно подметили эти круги грибов (например, шампиньоны на лугу) и называют их «ведьмины круги». Как будто ведьмы ночью плясали хороводом и вытоптали центр круга. Луговые шампиньоны и некоторые другие грибы дружат с луговыми травами. Другие (съедобные и ядовитые грибы) дружат, т. е. образуют микоризу с различными деревьями. Причём одни грибы — привереды, например, подлиственничному маслёнку нужна только лиственница, а настоящему годятся и лиственница, и сосна, и

ель. А ядовитому красному мухомору хороши и хвойные, и лиственные деревья. Лесоводы давно уже не просто сажают жёлуди в полезащитных лесных полосах. В каждую ямку сыплют горсть земли именно из дубового леса, значит в ней содержится кусочек мицелия, нужного, чтобы образовать микоризу с нежными корешками прорастающего из жёлудя молодого дубка.

Грибница стелется очень неглубоко под землёй. Замечено, что если выросла она там, где нет нужного ей дерева, она может и совсем не выпустить наверх свои плодовые тела. Напрасно потратит время грибник, с пустой корзинкой придёт домой. Опытные грибники советуют или очень осторожно «выкручивать» гриб из земли, слегка его пошатывая, чтобы как можно меньше повредить нежную капризную грибницу, или срезать гриб также осторожно очень низко. Если оставить высокий пенёк, он может загнить, а нежная грибница гнили не переносит. Грубо раскапывать, расшвыривать слой перепревших листьев и подстилки в месте, где найден гриб, тоже не следует: смяты, разорваны нежные нити грибницы, и она уже не оправится.

А когда же всё-таки по грибы собираться? Где найти грибной календарь, по которому глянул — и сразу за корзинку и в лес. Людям, близким к природе, на календарь, что на стенке висит, смотреть не нужно, в природе всё своим чередом идёт: на тепло, на влагу отзывается. Ещё весной мы говорили: начала осина серёжки ронять — значит, где посуше и потеплее, иди сморчки и строчки собирать. Фенологи говорят иначе, суше, не так поэтично, но смысл тот же: осине и сморчкам тепло одинаковое требуется. И так далее. На сцене появляется градусник. Грибной, свой календарь фенологи и открывают… с первого дня, когда градусник покажет: земля прогрелась на один градус выше нуля. На другой день смерили — к первой цифре эту цифру прибавили. На третий день и третью к этой сумме прибавили. И так дальше (те дни, в которые цифры с плюсом, а не с минусом). Когда сумма стала около пятисот градусов, появятся первые ранние грибы. Это не тот календарь, про который Фамусов сказал: «Всё врут календари». Он не врёт. Чтобы тронулись в рост летние, ждите, пека ваш календарь перескочит через 800.

Старые грибники счёт ведут иначе. Начали дружно пылить соцветия, шишечки на сосне, также дружно собираются высыпать маслята. Зацвела рябина — подберёзовики, тут и подосиновики закраснеются. Самые названия вам покажут, какой гриб с каким деревом дружит. Это, как говорится, первый грибной слой. Наступит пора сенокоса и рожь заколосится, появятся колосовики. Живут они недолго — недели полторы. Солнце ещё не так сильно землю пригревает, не успевает грибница своих

посланцев-расселителей на свет выпустить. Торопитесь, грибники!

Вторую грибную волну позовёт, отцветая, душистая липа. Отцветает и красавец иван-чай. Этот слой продержится вдвое дольше: солнце греет жарче, и у грибницы силы прибавляется. В настоящую силу грибы войдут уже в августе, тогда мы о них опять вспомним.

На вырубках и среди кустарников покраснела душистая земляника, поспевают и другие ягоды, уже не прячутся среди зелёных листиков, как прятались неспелые, ещё зелёные, чтобы их птицы раньше времени не заметили и не склевали. Теперь в зрелых красных ягодах и семена созрели. Кушайте нас на здоровье. Семена пройдут через кишечник и упадут на землю неповреждённые, так ягодные кустики обеспечили деткам переселение на новые места. За красной земляникой приняла чёрно-сизый цвет черника, созрела более светлая голубика, красная и чёрная смородина. Дурную славу голубике доставляет её непременный сосед — багульник. От его действительно сильного запаха болит голова, а люди обвиняют в этом неповинную голубику — это, дескать, от неё голова болит. Поспевает и нарядная золотистая морошка.

Одновременно с чёрной смородиной по лесным оврагам, по старым гарям и вырубкам в густых зарослях малинника нежный аромат сообщает: и мы тоже поспеваем, первые ягодки. Лесная малина мало уступает садовой по величине ягод, но зато насколько же она ароматнее и вкуснее. Удивительно: ведь дикие яблоки, груши ни в какое сравнение с культурными сортами не идут: те и вкуснее и ароматнее, да и на вид красивее. А вот с ягодами селекционерам не повезло. Разве можно сравнить крупную викторию, садовую малину, чёрную смородину с дикарями? Ростом вымахали, а аромат и чудесный вкус в лесу остались.

Первый жёлтый листок — первый вестник осени, говорят фенологи. И это же народная примета: зреет наша главная ягода — замечательная брусника. Замечательная не только потому, что собирают её в нашей стране больше, чем любой другой дикой ягоды (только по Сибири в 1975 году было собрано больше, чем клюквы и черники, в несколько раз) — всего три миллиона тонн. Её охотно покупают Англия, Голландия и ФРГ. С первым жёлтым берёзовым листком зарумянился нежный бочок беловатой пока ягодки. Но вся краснеть она не торопится, хотя и живёт на солнечных полянах в сухих сосняках и лиственных лесах. Только в августе, когда подходит к концу жатва, поспевают ягодки на верхушках тонких стебельков. А блестящие зелёные листочки и

зимовать под снег отправятся, не побоятся. Так же весело и весной из-под снега выглянут: вот мы и перезимовали! Ягодки-то зимовать не остаются, не клюква (та к весне ещё слаще делается). Сколько же лет живёт храбрый кустик? Точно определить трудно. Длинные тонкие корневища брусники далеко стелются под землёй и дают всё новые и новые кустики вверх, к солнцу. Вот и определите — сколько лет корневищу и который по счёту кустик от него вы видите перед собой. Предположительный возраст корневища лет триста. Не всякое дерево столько прожить может. Есть у кустика свой секрет: собрали вы с него ягоды, залили их в бочонке или банке холодной водой, можете не торопиться варить варенье: мочёная брусника и так очень вкусна и совершенно не портится, в ней есть бензойная кислота. И, кроме того, брусничная ягодка — это клад полезнейших веществ: сахар (больше, чем в клюкве), каротин, различные кислоты. А в её зелёных листиках целая аптека. Отвар из них выводит из нашего организма вредные соли, а наука фармакология добывает из них важные лекарственные вещества.

Это для людей. А лесные животные в лекциях о пользе брусники не нуждаются. Медведь, лисица, соболь — её первые потребители. Соболь, если чудесной ягоды неурожай, не поленится — много километров пробежит, урожайного места ищет. А не найдёт — и детей в этом году меньше будет, и сам недоупитан. Наши дикие лесные куры — тетёрки, глухарки, рябушки откормили деток насекомыми, а летом тоже на ягодниках пасутся, на нежной пище витаминами на осень и зиму запасаются.

До чего же вкусна (хоть не на всякий вкус) и черёмуха. Она ароматом своих цветов с липой поспорить может, а красотой цветов липа с ней не сравнится. Надумала, зацвела высокая раскидистая (сказать «трава» даже к ней не подходит, назовём: травянистое растение) пижма. Дикая рябинка по-другому её называют — листья сильно вырезные, как у рябины. На концах стеблей плоские соцветия из большого числа очень плотно прижатых друг к другу золотисто-жёлтых корзиночек — цветов. Пахнут они грубовато, но довольно приятно. Зацветает и вовсе невзрачная полынь-чернобыльник. Точно чувствуя, что любоваться её мелкими цветочками некому, жмётся по оврагам, канавам. Цветёт и такая же невзрачная серая полынь, тысячелистники и кустарник красная бузина. Эти растения замечательны не красотой и не ароматом. Их запах содержит вещества, отпугивающие насекомых-вредителей. За это не ленитесь — посадите их в вашем саду. И не обижайте, не называйте «сорняками».

Вот репейник, несносный неуклюжий куст: отцветут фиолетовые цветы, а плоды, колючие репьи, прохода не дают, за всех цепляются. Лохматую собаку, овцу, как панцирем свяжут — поди отцепи. А на полях и в огородах в густой тёмно-зелёной листве мелкие цветы — белые и фиолетовые с золотой серединкой, довольно красивые. Это что такое? Картофель, второй наш хлеб. Привезли его из Южной Америки в Европу. А что с ним делать, не знали. Дамы обратили внимание на цветы, они даже в моду вошли, знатные дамы ими украшались. Решили, что цветы дадут съедобные вкусные плоды, попробовали — вкус оказался препротивный. Лишь позже дознались, что настоящая ценность картофеля хранится в земле — в клубнях. Растениеводы немало поработали, пока вывели современные вкусные и урожайные сорта. В Россию картофель прибыл в 18 веке из Европы, но народ принял его в штыки, священники учили не сажать «чёртово яблоко». Цветами его селекционеры не интересовались — вызревшие семена дают растения с клубнями, похожими на диких предков. Поэтому и сажают только клубни.

Немного позже выбрасывает овёс свои не колоски, а метёлки. В это время замолкает кукушка, говорят, усом овса подавилась. А им уже не до кукованья: пора в отлёт!

Сфагнум

Лес, поле, луг, каждый уголок природы по-своему хорош, и жалко, очень жалко видеть, как такие уголки часто уничтожаются человеком, иногда по незнанию, а иногда и по злому умыслу. Но каждый такой уголок, легко или трудно, а восстановить можно. Поле или луг наново перепахать, засеять, ещё и урожай собрать. С лесом труднее: на беспризорной вырубке не скоро деревья вырастут. А и вырастут, наконец, тоже на смену малоценные породы придут. Много труда и терпения нужно, чтобы поправить случившуюся беду. Но есть в природе и практически невосстановимое — сфагновое болото, особенно верховое. Верховое — звучит странно. Мы привыкли к виду болот в низменных местах, где сток воды затруднён, она и застаивается. Но сфагнум — мох особенный. Он впитывает воду, как губка (по-гречески сфагнус — губка), поэтому не только низовое, но и верховое сфагновое болото копит, хранит влагу. Оно отдаёт эту влагу ручьям, питающим реки. Огромный вред может принести легкомысленное осушение такого дара природы.

На Великой Отечественной войне сфагнум употребляли для перевязки гнойных ран. Сфагнум, или белый мох, — основное растение этого болота, отсюда и его название — сфагновое. Тут же и другие растения, например, пушица, тростник, болотный хвощ. Растут и деревья: сосна, берёза, реже — ель. Но до чего же они несчастные!

Сами не понимают, зачем занесло ветром их семена в гиблое место. Сосна — уже древняя старушка, а тоненькая, чуть живая. Хозяин болота — сфагнум. Корней не имеет, растёт в высоту, а снизу отмирает, образуя торф. Быстро? Ну нет, в год доли миллиметра, в лучшем случае, несколько миллиметров. Сколько же веков жить болоту, чтобы получился слой торфа в 10–20 метров толщиной? На западе нашей страны раскапывали торфяник — торф был нужен как топливо. На большой глубине откопали немецкого рыцаря в полном вооружении, сидящего на коне. Много веков тому назад он провалился в болото и задохнулся так быстро, что не успел соскочить с лошади. В полном вооружении это было трудно. Торф задерживает гниение. Так и остался сидеть на коне разбойник, явившийся в теперешнюю Латвию грабить мирных леттов. А в ФРГ, близ Гамбурга, в слое торфа в 18 метров толщиной раскопали дорогу — настил из брёвен и на нём монеты римских императоров. Возраст торфа был 18 веков.

Быстро сгорает в печке сухой торф, который природа копила

тысячелетия. Торф содержит столько полезных веществ, ценных для медицины и химической промышленности, и как удобрение, что жечь его в печах очень жалко. Наконец, на сфагновых болотах растёт клюква — ягода не только вкусная, но очень полезная. Знают об этом не только люди, но и звери, и птицы: рябчики, тетерева, куропатки, зайцы, белочки, и хищная куница, и сам хозяин леса — медведь.

Удивительная ягода. Не собрали её, она и под снегом не портится, ещё слаще делается. А весной, как стает снег, она подкармливает тощего голодного медведя. На пролёте остановятся подкрепиться ею гуси, цапли, журавли. Хороша пламень-ягода!

У нас сбор клюквы часто совпадает с журавлиным отлётом. Ягода на диво урожайна, ещё бы, ведь засуха ей не грозит — сфагнум об этом позаботится. Его зелёные подушки краснеют от поспевающей в них ягоды. Собирают её просто, не по ягодке: широкой деревянной гребёнкой прочёсывают мох, и ягоды градом сыплются в подставленное лукошко. А сколько пропадает урожая в отдалённых от селений мест (особенно на севере). Отдельные кустики дают и ягоды разные: в Карелии, в Сибири, а возможно и у нас (надо поискать), находят ягоды с вишенку. Не нужно и к американским селекционерам на плантации заглядывать: своя ягода так и просится в культуру. Кое-где в Ленинградской области, в Прибалтике уже закладываются большие питомники (например, в Латвии на Дробиньском болоте).

Сфагнум удивительный, и всё на нём удивительно. Мало заметны на моховой подушке в низинках белые невзрачные цветочки росянки. А присмотритесь к ним поближе: круглые листочки её, с гривенник величиной, усажены ресничками, точно булавки с головками. На головках прозрачные капельки, отсюда и название — росянка. Любопытные мушка, комарик летят да на листик опустятся. К липкой капельке прилипнут и… переварятся: капелька-то настоящий пищеварительный сок. От комарика остались рожки да ножки — хитиновый панцирь, остальное всё переварилось и всосалось, вот росянка и пообедала.

Стахис

Сейчас мы как бы уходим от основной темы — жизнь природы в Татарии и поведём речь о растении, которого у нас нет, вернее, не было. Но теперь стахис из Китая или Монголии уже перебрался в Европу. А сейчас — нам же не отставать — его выращивают не только на Украине и в Белоруссии, а уже совсем рядом с нами — в Подмосковье.

Чем же интересен стахис? Он родственник мяты, лаванды, майорана (семейство яснотковых), но используют у него не душистые листья, а клубеньки, как у картофеля! Только клубеньки не с картофель величиной, а всего около четырёх граммов весом. Но зато в конце сентября подкопайте куст, выросший из такой крошки на лёгкой песчаной почве, и соберёте сто, а то и двести клубеньков. Чистить их не надо, достаточно вымыть. Затем пять — десять минут варки, можно ещё и обжарить в сухарях с маслом. Рекомендуют стахис как ценный овощ и лекарственное растение. Например, доктор сельскохозяйственных наук П. Колонков и другие. Подробную статью о культуре и использовании стахиса найдёте в «Юном натуралисте» № 5 за 1980 год и там же адрес, по которому можно получить посадочный материал, а именно: 143080, Московская обл… Одинцовский район, п/о Лесной городок, ВНИИ селекции и семеноводства овощных культур.

Полезнее лимона

На моём садовом участке около дороги, рассказывает биолог В. Лисеев, растут четыре куста японской айвы. В пору цветения нет прохожего, который бы не обратился ко мне с вопросом: «А что это такое». Хочу поделиться тем, что узнал по опыту об этом растении.

Осенью мы обычно сажаем яблоки, вишни, крыжовник, смородину. Вот почти и весь небогатый ассортимент наших садовых растений. А ведь есть и другие, нехарактерные для наших садов, но очень ценные растения.

В горах Японии растёт невысокий колючий кустарник со звучным латинским названием хеномелес маулея, более известный у нас под ненаучным термином айва японская. Академик Луке начал выращивать это растение в Ленинградском ботаническом саду. Кустарник оказался выносливым и неприхотливым.

Хеномелес — стелющийся кустарник, высотой до метра. Ветви его несут острые твёрдые колючки.

Весной, одновременно с яблонями, куст густо покрывается розовыми цветами с полупрозрачными лепестками, а в сентябре можно собирать урожай.

С четырёх кустов собираю до двух вёдер плодов. Плоды крупные, до четырёх-шести сантиметров в диаметре, на вкус кислые из-за содержания яблочной и лимонной кислот. Любопытно, что витамина С в них больше, чем в лимонах. Плоды освобождают от семян, мелко нарезают и засыпают сахаром (1:1,5).

Через пять-десять дней появляется сироп. Его добавляют в чай. Такой чай по вкусу не уступает чаю с лимоном. Сироп можно добавлять также в холодные напитки.

Летучие мыши

Летучие мыши вылетают на охоту не все в одно время: вечерницы летают вечером, даже перед заходом солнца, и второй раз, на рассвете, нетопыри и кожаны — в глубоких сумерках, а ночницы — в совершенной темноте. Всё очень полезные зверьки: они охотятся, когда дневные птицы спят, им на зубок и попадают ночные насекомые, почти все страшные наши вредители. Темпы ловли удивительные: до шестисот мелких насекомых в час. Долго летать не нужно. Наши мышки, почти все, у нас и зимуют в пещерах, на чердаках, в заброшенных зданиях, шахтах, в овощехранилищах, где холодно — ко сну клонит, но не так, чтобы промёрзнуть. Некоторые, как птицы, улетают зимовать на юг. Нетопырь-карлик из Воронежского заповедника перелетает в Грецию и Болгарию — две тысячи километров. Кольцевание летучих мышей даёт нам интересные сведения. (Колечко на кости предплечья не мешает полёту.) В местах, где очень большие пещеры, мыши собираются зимовать иногда десятками тысяч, например, на Среднем Урале. В Туркмении есть огромная Бахарденская пещера. В ней озеро с постоянной температурой 32–33 градуса. Мыши живут в ней тысячами, но в тёплое время года. Ведь зимой тепло не даст им заснуть, а кормиться нечем. Инстинкт и вызывает их осенью из этой тёплой пещеры в прохладные места — спать.

Страшные рассказы о летучих мышах-кровососах, которые могут засосать спящих до смерти, пришли к нам из Южной Америки. Там действительно живут такие летучие мыши-вампиры. Нападают на домашний скот и на человека. Напьются крови, и она ещё долго течёт из ранок и тем ещё больше ослабляет жертву. Могут укусом привить вирус бешенства. Но наши мышки безвредные.

АВГУСТ

До чего же условно наше деление на месяцы: каждому свои границы нипочём, то и дело и цветами и птичьими повадками друг к другу через забор заглядывает. Таков и август. Так и хочется его разделить пополам: первую половину соединить с июлем, а что останется — передать сентябрю. Отсюда и разнообразие названий. Кроме ничего ни нашему уму, ни сердцу не говорящего чужеродного «августа», по-старинному он и серпень, и жнивень, и даже густарь, и хлебосол. Потрудись, погни спину с серпом в руке над поспевающей нивой, а кончишь жатву, и всего будет густо, сытно, есть с чего и попраздновать.

В начале месяца и солнце светит по-летнему, день укоротился, ночь прибавилась, хотя пока ещё мало заметно, погода сухая и ровная. Но время течёт, и вот уже по утрам крадётся из низин, стелется, прячась между кустами, всё более плотный туман. И роса знобкая и дольше держится на гнущихся под её тяжестью травах. И вода, холодеет, прозрачная, больше не «цветёт», ряска убралась на дно дремать до весны. Ещё роскошно августовское цветенье высоких трав, много среди них жёлтых, словно золото летних солнечных лучей, прощаясь, задержалось

на земле. Продолжают цвести пижма — дикая рябинка, золотые пахучие донники, зверобой, золотая розга — прекрасный медонос, пыльца с него даже в ненастье привлекает пчёл. У кипрея всё ещё распускаются вершинные цветы, хотя в нижних давно уже пушистые хохолки разносят лёгкие семена. Яркие красные, красно-лиловые: колючий чертополох, иван-да-марья, васильки; и белые — поповник, а где потенистее — чудесный запах миндаля: пышно цветут белые шапки таволги. Любят ею полакомиться лоси и поваляться на ней: и корм и мягкая постель.

Удивительно разнообразны не тропические орхидеи, а их скромные северные орхидные родственники: ятрышники (их мы вспоминали в июне — июле) и ночная фиалка — любка. Венерины башмачки ещё удивительнее, даже точно и не цветы. Но нашему северному вкусу ближе, понятнее милый белый поповник, как ромашка с золотой серединкой, только крупнее. И так же мила и ястребинка. Вся она похожа на разросшуюся пышную серединку ромашки. Но сходство обманчивое: это всё цветки язычковые свернулись, превратились в узкие золотые трубочки. Во всей корзинке их около сотни. Корзинка (соцветие, а не цветок) на стебельке, который поднимается из розетки лежащих на земле листьев. Ястребинка к осени часто и второй раз зацветает. Вот и решайте, к какому месяцу ястребинку отнести. Интересно, что семянки в каждом цветочке (трубочке) завязываются всегда без оплодотворения. Семянки похожи на узкие палочки с хохолком, ветер легко их разносит. Скоту цветочки-солнышки не нравятся, на лугах это подчас нежелательный сорняк. Притом упорный: зелёные розетки-листья и под снег уходят зелёными, ждут тепла.

Высоки августовские травы. Вровень с чертополохом ярко цветёт голубой цикорий. Красивы его нежные цветочки-звёздочки, они точно приклеены на очень короткой ножке к стеблю, прямому, как палка, без изящного изгиба. Букета из этих палок не сложишь, так нелепо выглядят на них цветочки. Срезать их со стебля тоже не получается. Применение нашли только корни цикория. Засушенные, размолотые, они служат суррогатом кофе. Среди высоких трав выделяются белым цветом и к вечеру точно светятся «дудки» — зонтичные, которые так нравятся детям. Если сорвать, в дудку можно и воды набрать, и подудеть, да и с удовольствием пожевать, а то и сварить в походном котелке сочное мясистое сладковатое корневище. Строго запрещайте детям пробовать их на вкус, если нет с ними опытного вожатого. Среди безвредных, даже съедобных «дудок» прячется смертельно ядовитый вех. Да и борщевики есть очень опасные. А отличить их не легко. У веха корневище даже вкусное, и пахнет он приятно, а

результат — мучительная смерть.

Зонтичные легко определяются: высокие, стебель полый — дудкой, листья мелко многократно рассечённые, каждый стебель наверху заканчивается плотной плоской корзинкой невзрачных мелких белых цветов.

Пышен, богат зеленью и цветами щедрый месяц август. Но вот к аромату живых цветов постепенно примешивается новый аромат подсыхающего свежего сена. Двинулись, где можно, по росам сенокосилки, а где машине ходу нет, и коса-матушка им помогает. Хорошо дышится полной грудью. Но порой в крепком бодрящем запахе свежего сена заметён особый новый аромат. В свежем травостое его не было. А это скромный невысокий злак — душистый колосок. Ничем свежий с виду не замечателен. Срезанный — вянет, и тут-то и просыпается нежное его благоухание. Принесите скромный букетик домой. Не ставьте в воду, положите на полку шкафа, увядая — он заговорит.

На травяных и осоковых болотах ещё в первой половине лета нельзя не заметить белокрыльник. Большой ярко-белый от покрывающих его пушинок лист с одной стороны окутывает початок с мелкими не особенно броскими цветочками. Лист-покрывало действительно похож на птичье крыло, отсюда и название — белокрыльник. Теперь крыло увяло, красный тяжёлый початок ягод сник, лежит на траве. Не трогайте, он ядовит. Летом белое крыло служило хорошим барометром: перед ненастьем отгибалось — ненадёжная защита для початка. Опытному следопыту в лесу и белокрыльника искать не нужно. Перед дождём и спелый одуванчик закроется, спрячет свои парашютики, чтобы дождь их к земле не прибил. Немудрёная травка кислинка тоже сложит свои тройчатые, похожие на клевер, листики и прижмёт их к стебелькам. В поле, в лесу на любой ваш вопрос можно получить ответ, нужно только суметь понять этот ответ.

Не так нежны, но хороши под вечер горьковатые немудрёные запахи полыни, мяты, самосева укропа. Теплы ещё ночи, и в их влажной темноте (поближе к ёлкам) усиливается ещё островатый запах — грибной. Идёт пора третьего слоя грибов — листопадников. Сигнал тому — первые жёлтые веточки в зелёных косах берёз. Очередь грибы держат строго. Если средняя месячная температура +16, +17° и есть влага, появляются красные мухоморы. Значит, ждите, идёт гриб боровик, над грибами полковник. А появились волнушки — ждите рыжиков. Третий слой держится дольше всех, иногда и в ноябре дотошный грибник не с пустой корзинкой домой придёт.

Есть у августа и ещё название — меткое, как всё народное: межняк. Пробрался хитрый месяц между летом и осенью. Цветы

себе позабирал от июля, какие ему понравились, с пышным букетом, нарядный, и красой и сытостью изобильный, повернулся к осени. Над августовским пёстрым букетом какие только насекомые не вьются! Но угощает он их не просто, а по выбору: к зонтичным (купырь, дягиль, дудник) все пожалуйте, нектара у цветов полная чаша, самый короткий хоботок — жучий, мушиный — из нектарника напьётся. А бобовые: клевер красный, ароматные донники, люцерна — капризные хозяева. Медовая чаша — нектарник у них глубоко запрятан в трубочке венчика, поди достань. Недаром американцам пришлось шмелей-опылителей на клевер из Европы завозить: у местных пчёл хоботки коротки.

У нас тоже хорошо работают на клевере мохнатые шмели, но, к сожалению, всё меньше остаётся нераспаханных мест, где шмели устраивают гнезда. А меньше шмелей — меньше и урожай клеверных семян. Теперь выведены и породы пчёл с более длинными хоботками. Но вот беда: лентяйкам клевер не очень нравится, легче добывать нектар с других цветов, у которых он спрятан не в таких глубоких трубочках. Ну и беда: шмелей не хватает, пчёлы на клевер лететь не хотят.

Выход нашёлся, и до чего же простой! Надо погрузить в сахарный сироп цветы клевера, пусть пропитается их ароматом. Плошку с сиропом поставьте в улей и закройте леток. Пчёлы невольно попробуют сироп на запах и на вкус. Теперь откройте улей. Летят! Прямо туда, куда надо — на клевер. Наука впрок пошла. Работают и, конечно, не подозревают, что это работа по заданию.

Изумительный по простоте, этот способ уже широко применяется и не только на клевере. Хорошие медоносы цветут в разное время и в разных местах. Опытные пасечники не заставляют своих пчёл тратить время и силы на дальние опасные перелёты: пасека сама переезжает, когда куда надо. Часто едет на медоносы, на которых пчёлы и сами рады похозяйничать и без обманной подкормки. И получить можно мёд любого сорта, это как пасечнику вздумается. Чем усерднее пчёлы собирают нектар с растения, тем больше семян будет в цветках, опылённых пыльцой с разных цветков этого же растения. Из таких семян и растения вырастут более сильные, и значит на них распустится больше цветков, и будет больше нектара. Это «похоже на сказочную скатерть-самобранку, на которой пищи становится тем больше, чем больше её съедают», — говорит великий знаток насекомых И. Халифман.

Удивительный результат хорошо задуманного и хорошо поставленного опыта. Но не все смело задуманные и

недостаточно аккуратно выполненные опыты кончаются удачно. Даже и с пчёлами. Поистине ужасна и ещё не имеет конца история с африканской дикой пчелой.

В Бразилию перевезли европейских медоносных пчёл, они хорошо прижились. Но местным пчеловодам захотелось лучшего. («Лучшее враг хорошего», — говорил знаменитый французский философ Вольтер.) В Африке есть местные медоносные пчёлы. Они начинают работу раньше, заканчивают позже, летают быстрее и мёда дают вдвое больше. Учёный генетик У. Карр, по заданию местных пчеловодов, привёз в Бразилию этих замечательных работниц, которые к тому же роятся и плодятся очень активно. Правда, было известно, что африканки очень злобные и яд их особенно токсичен. Но У. Карр на то и генетик: он решил скрещиванием вывести новую породу пчёл, трудолюбивых, как африканки, и мирных по-европейски.

Правда, Карр был осторожен: он поместил свою опытную пасеку в лесу, вдали от людей. Опыт удался, но наполовину. Гибриды дали мёда вдвое больше и как опылители растений работали лучше европейских. Но злобность и токсичность яда сохранили африканские. Карр не унывал: ведь это только начало. К леткам ульев он приделал прочные решётки, через которые свободно проходили пчёлы-сборщицы. Трутни и матки более крупные, они через решётки из улья пройти не могли. А без оплодотворения молодой матки рабочие пчёлы не могут улететь и образовать в лесу новый дикий рой где-нибудь в дупле дерева.

Но случилось непредвиденное. В отсутствие учёного на пасеку заглянул любопытный пасечник и отодвинул заслонки. А двадцать шесть ульев были готовы к роенью, и двадцать шесть роев исчезли в лесных дебрях.

Происшествие дало о себе знать не сразу. Но спустя некоторое время из разных мест Бразилии стали приходить вести о том, что появились пчёлы невиданной злобности, целыми роями нападают на людей и скот. Уже есть и известия из Перу — смертные случаи. Ареал нападений пчёл расширяется. Местное население называет их «пчёлами-убийцами», учёные — «африканизированной пчелой». В Бразилии с 1969 года от их укусов погибло более двухсот человек, тяжело больных сотни тысяч, не считая коров и лошадей. За двадцать лет убийцы захватили Южную Америку и продвигаются на север. В США введён на них строгий карантин. Бразильские пчеловоды ввозят на пасеки маток спокойной итальянской породы, пока результаты не заметны. А что делать с «дикарями» в лесных дебрях? Созданы специальные команды для борьбы с ними. В США надеются, что мексиканская пустыня остановит продвижение «убийц» к ним на

север.

…Тихо ползут туманы, холодеют росы, больше стало не белых, а красных, лиловых цветов. Их лепестки не отражают горячих июльских солнечных лучей, а впитывают, берегут ласкающее тепло второй половины августа. Перелом лета. Чутко откликается на него природа.

В июле-августе все птичьи выводки давно встали на крыло. Кончены и споры и драки за свою территорию далее у таких забияк, как зяблики. Гнёзда опустели. Но кое-кто успел завести и второй выводок, велик инстинкт родительской заботы.

Один наблюдатель рассказал: «Под моей крышей вывели птенцов деревенские ласточки. Весело смотреть было: четыре чёрные головки, четыре раскрытых ротика то и дело высовывались над краем аккуратного гнёздышка и, получив свою порцию мошек и комариков, Успокаивались. А родители уже вновь вьются высоко в синеве. Игра-Ют? Не до игры. Да и не до еды самим. Скорей, скорей сквозь тучу Клубящихся мошек. Вернулись с полным клювом еды для деток. А я полюбовался и уехал. Надолго. Вернулся, август, опустело гнездышко? Смотрю, те же четыре головёнки, раскрытые жадные клювики… Мать прилетела, порция каждому, «на, успокойся». Отец летит, тоже еду несёт — но мимо, прямо к ветке яблони у самого окна. А на ветке четыре ласточки сидят, взрослые, только хвостики почему-то короче. Четыре клювика разинуты и — дай! дай! дай! Что же это такое? Хозяйка вышла на крыльцо и смеётся: «Не поняли? В гнезде сидят не те, что вас провожали, это новые. А те — вон на ветке, родители и разрываются, всем угодить нужно. Лентяям давно бы пора самим кормиться».

Вышел я на улицу. Тепло, но уже не совсем по-летнему. В небе ласточек что-то не видать. Нет, летят, и опять полный рот. Откуда же добычу несут?

Проследил я за их полётом. На лужке овцы пасутся, хвостиками помахивают. Из-под ног у них, из травы то и дело насекомые выпархивают. И ласточки не в небе вьются, а тут уже полные ротики нахватали. Скорей назад. И в гнезде и на ветке голодные детки ждут». А время не ждёт. Собираются в отлёт поодиночке и редкие у нас цапли.

В Европе в средние века феодалы, случалось, воевали с соседями из-за цапель. Цапля считалась любимой дичью на соколиной охоте — «моих цапель не тронь, своих заводи». В 18 веке в Германии поймали цаплю с серебряным кольцом на ноге. Кольцо оказалось надетым… в Турции. Кем? Почему? Жаль,

больше нам ничего не известно. Но, видно, и там цаплями для охоты интересовались. Известно и другое, и очень грустное: у нас серая цапля быстро становится редкостью. Любит она гнездиться в глухих местах, а их год от года всё меньше и меньше. Много цапель гнездилось колониями, по 10–30 птиц, на одном большом старом дереве в начале века в пойме Камы, теперь ещё у нас встречаются, в меньших количествах, в устьях Камы и Вятки. Но за последние двадцать лет известный биолог В. А. Попов больших колоний уже не замечал, лишь кое-где встречаются одиночные пары (в Сараловском участке Волжско-Камского заповедника).

К большой колонии цапель подобраться трудно: цапли налетают дружно, и смельчак обычно отступает, облитый прицельным обильным дождём отвратительно пахнущих испражнений.

Не хватило места на высоких деревьях, цапли устроят грубое гнездо из сучьев и на кусте, а иногда даже на заломе из кучи крупного тростника. Детей кормят обильно всякой живностью, что попадётся: рыбы, лягушки, змеи, грызуны, даже крупные насекомые. Птенцы беспомощные, но растут быстро, уже через две недели встают на ноги, а в конце июля семья летает, малые кормятся самостоятельно.

Хотите и тут найти неожиданное, удивительное?

Один любитель природы вот что рассказывает: «По глубокой топи, еле ноги вытягивая, добирался я сквозь непроходимые ивовые заросли, искал гнездо цапли. Осторожная птица, пристроилась с гнездом к грачиной стае, сама не догляжу — соседи подскажут. Наконец в развилке сучьев гнездо, неряха хозяйка, как яйца сквозь кое-как набросанные ветки не вывалятся! Руку протянул и ещё быстрее отдёрнул: на суку перед гнездом змея висит, огромная. Присмотрелся — мёртвая, но не сразу это разберёшь. Где тут хитрость, где ум, где инстинкт? Мать за добычей отправилась, а змею-пугало повесила — птенцам на охрану».

Оказывается, орёл змееяд на Кавказе тоже деток охранять убитую змею вешает, пока сам за добычей улетает.

Отряд куриных

Кого мы в этом птичьем отряде лучше всего знаем? Каждый ответит: конечно нашу домашнюю курицу. Но вот что странно. В Татарии живут куриные шести видов, а которые же из них по нашим дворам гуляют, несутся, цыплят выводят? Никоторые. Дикий банкивский петух из юго-восточной Азии — вот родоначальник наших кур. До сих пор рыже-золотые петухи, как две капли воды, похожи на дикаря из тропиков. Наши дикие куры: глухарь, тетерев, рябчик, серая куропатка, перепел не одомашнились. (Белую куропатку правильнее и не считать нашей, случайно в редкие годы её видим.) Из них перелётная только перепёлка. У неё и крылышки немного острее (признак лучшего полёта), а всё-таки не такая уж она мастерица — много её сестриц до желанной Африки не долетает. Глухаря на специальных фермах, пока в виде опыта, выращивают, но только для выпуска в охотничьих угодьях. Разводят и перепёлку — это уже яичное направление — считают перепелиные яйца ценной диетической пищей. Но и тут перепёлки, живущие в вольерах, домашними не делаются, это ещё в порядке эксперимента. Серую куропатку в Европе разводят, хотя тоже в охотничьих хозяйствах, но в больших размерах. Серые куропатки премилые курочки рябы: но бокам красноватые полоски, но на грудке у самочки два слабых коричневых пятнышка, у самца нарядная коричневая подковочка. Очень друг на друга похожи. Кавалер не просто щеголяет распущенными крыльями и хвостом, как тетерев или глухарь, он заботливый глава семьи, и ему, как и самочке, выгодно оставаться незаметным. Так оно и есть. Парочка удивительно дружная, гнездо у них как у всех куриных: ямка, кое-какие травинки кое-как в неё брошены, но зато яиц бывает и до двадцати с лишком. Несётся курочка целый месяц. А уж осторожна… Утром крадучись проберётся к гнезду, положит очередное яйцо, прикроет травинками и уйдёт до следующего утра. Солнце, Дождь — яйца терпят. Кладка кончена — мать становится ещё осторожнее. Сидит неподвижно, рябенькая, незаметная, разве блеск чёрных глаз, её выдаёт. В полдень уходит кормиться, ещё тщательнее прикрыв драгоценную кладку. Назад её ведёт самец-разведчик, он сторожил поблизости. Долго он высматривает со всех сторон, вытягивает шейку поверх травы. Всё! Безопасно! Тихое, чуть слышное квохтанье — сигнал для матери. Она не выглядывает, наоборот, приседает, нагибает голову, сторонкой крадётся к гнезду, наползает на него, замирает и постепенно начинает убирать из-под себя травинки, ближе прижимается к яичкам.

Петушок к гнезду не подходит, но он тут, на страже. Если надо отвлечь врага, шумно взлетает, распустив неожиданно яркий рыжий хвост, падает, опять взлетает, отводит беду от детей с опасностью для жизни.

Яйца отложены в разное время, а птенцы из них выходят до неожиданности одновременно. В это время отец ложится в гнездо рядом с матерью, и птенцы, освободившись от скорлупок, тут же пробираются под него, обсыхают. Скорлупки остаются под матерью, она их не выбрасывает. Птенцы обсохли, родители поднимаются, и вся семья уходит от гнезда навсегда. Ветер сам развеет скорлупки.

Большую семью непослушных детей даже обоим родителям собрать было бы нелегко. Но птенцы с первого дня удивительно энергичны и послушны: кормятся, по сигналу замирают, на второй неделе уже немножко и пролететь могут. Живут ведь не в глухом лесу, а в поле, на опушках, придорожной лесной полоске, а то и на пустоши, в кустарнике. Около города не побоятся, умеют на глаза не попадаться. Полезные птицы: сколько вредной насекомой живности уничтожат. А к зиме на семена сорняков перейдут и хлебные зёрна, где в поле остались, подберут. К сожалению, хищники не дремлют. К весне из семейного табунка хорошо, если несколько штук уцелеет.

В Польше весной на полях собирают кладки яиц во время сельскохозяйственных работ. На инкубационной станции мама-инкубатор выводит цыплят. Через несколько дней на 40–50 цыплят в клетку подсаживают настоящую маму или папу. Папу — это удивительно, но он с большим выводком справляется лучше. Ещё несколько дней дают детям привыкнуть к новому родителю и выпускают их в поле, где уже кончились работы. Польза от такого табунка с хорошим аппетитом огромная. А осенью — отлов или отстрел в положенное время.

В жизни птиц можно подсмотреть удивительное. Вот о чём рассказывает один любитель природы: «Птица птице помогает. А вот видали вы, чтобы птица рыбе помогала? И в тот же щедрый на последнее солнечное тепло прощальный летний месяц август? Сидел я на своём любимом бережке у тихой заводи, а на золотистом песке играла, серебром переливалась стайка пескарей. Мелко, тепло, самое место для рыбьего сада подходящее. Сюда, на мель, и сердитая тётя щука не заглянет. Я тихонько нащупал в кармане щепотку завалявшихся крошек, но рука так в кармане и застыла: на соседнем плоском камешке оказались две малиновки. Из клювиков торчат мелкие белые личинки — извиваются. Птички опустили головки к самой воде, и

она точно закипела: стайка рыбёшек кинулась с открытыми ротиками навстречу угощению. Малиновки никого не обидели, червячков всем досталось. Я и пошевелиться не успел, как птички с звонкой радостной трелью вспорхнули и исчезли в кусах… Чтобы вновь появиться уже безмолвно… клювики-то опять полные еды.

Вода кипела: серебряные хвостики взбивали её, жадные ротики хватали добычу, малиновки улетали и возвращались, улетали и возвращались, источник пищи находился где-то очень близко. 10–15 минут я не шевелился. Наконец решили ли птахи, что детки накормлены досыта, или устали, но взлетели напоследок молча и исчезли.

— Спасибо за представление, — сказал я и высыпал в воду крошки из кармана. Ротиков и хвостов и на них хватило».

Малиновки (они же зарянки) нередко хлопочут о чужих беспризорных птенцах, это хорошо известно. Но здесь-то рыбы. Что случилось с птенчиками осиротелой пары? Бродячая ли кошка, ворона, мальчишка с рогаткой? Мало ли бед стережёт доверчивую птаху с малиновой грудью. Пусть это не разумное, а инстинктивное стремление положить в чей-то жадный ротик принесённую добычу. Но какое же это милое проявление инстинкта! Многие научно-популярные книги обошёл рассказ о тропической яркой птичке кардинале в Америке. Она в пруду кормила золотых рыбок. Я от души радуюсь тому, что и у нас нашлись такие удивительные красногрудочки.

Выше говорилось, что всё меньше становится тихих мест, где бы можно было птицам и зверям спокойно кормиться и детей растить. Теснит природу человек.

А если приспособиться?..

И вот на наших глазах начинается во многом даже непонятное. Во многих городах, даже севернее Казани (т. е. более суровых по климату), всё чаще и в большем количестве начинают оставаться на зимовку грачи, скворцы, чёрные дрозды, зяблики и даже серые цапли! Некоторые превратились в постоянных кочевников: днём роются на окраинах в мусорных кучах, а ночью спать — в большой город, где на несколько градусов теплее и много всяких ниш, убежищ. Чёрные дрозды, зяблики, скворцы, случается, ночуют между тёплыми буквами светящихся вывесок. А враги? И они к городам приспосабливаются, почуяв поживу. Ястреба, канюки и даже сокола: пустельга, чеглок, сапсан — это претенденты на дневную городскую добычу. И мало того, в городах появились никогда раньше не виданные воробьиный сычик, ушастая сова и угрюмый великан филин. Летом кормятся

мышами и крысами, а зимой на окраинах промышляют воробьёв. В Москве городские вороны в охоте на мелких зимующих птичек превратились в настоящих хищников, решено сократить их количество. В Лондоне большие синицы ловко открывают бутылки с молоком, которые молочники привозят и оставляют у двери в дом.

В любом месяце полезно подумать

Всякую здравую мысль можно довести до абсурда. Плохая репутация ястребов — тетеревятника и перепелятника и болотного луня переросла у людей, не сведущих в биологии, в убеждение: «все хищники вредны, и их надо истреблять». И мало того, уже в наше время в охотничьих хозяйствах РСФСР в.1959 году выплачивали премии за каждую пару лап хищников. Было предъявлено 40000 пар. Из них 400 пар лап относительно вредных дневных хищников. Займёмся вычитанием: 39600 пар лап принадлежали кобчикам, пустельгам, канюкам, осоедам — птицам, безусловно полезным, которые едят вредных грызунов и насекомых. Мнением научных работников при выплате премий не интересовались. В 1964 году отстрел хищных птиц и — выплата премий были отменены. Ведь для ряда горе-охотников эти премии делались несомненно источником дохода. Мы ещё раньше говорили, что даже ястреб-тетеревятник в небольшом количестве является полезным санитаром (конечно, не вблизи птицеферм). Природа не терпит безграмотного нарушения веками установленных норм в цепи отношений между живыми существами, будь то птицы, животные или растения.

Грызуны

Заяц

Кончились весенние и летние заботы и хлопоты не только у птиц, но и у зверей. Дети выросли и становятся самостоятельными. Зайчата, даже третьего помёта, травку едят и у своих и чужих мам молочка не просят. Правда, умишка ещё по-настоящему не набрались и потому для молодых хищников, тоже не очень опытных, — лёгкая добыча. И барсук от комочка живого тёплого мяса не откажется. Не будь зайчихи так плодовиты, род заячий прекратился бы. Но в удачный год одна мама за сезон больше десятка деток принесёт, так что живы зайцы, и беляки и русаки, и будут жить.

Зайчата вооружены, можно сказать, отрицательными способами защиты: не бегут — сидят спокойно, не пахнут, первое время не мочатся и не испражняются, не пищат и не кричат (если их не трогают), не бросаются в глаза цветом шкурки. Оказывается, это тоже бывает полезно.

Вреден заяц или. полезен? Вопрос, который так часто ставится по отношению к очень многим зверям, птицам, рыбам. И ответ часто бывает неожиданным. В книге В. В. Строкова «Леса и их обитатели» рассказывается о том, как в одном охотохозяйстве под городом Лугой полный запрет охоты на зайцев вызвал порчу садов. Тогда стали усиленно зайцев истреблять. Результат неожиданный: исчезла серая куропатка, стало меньше фазанов и лисиц. А ещё через год, зимой, мыши и полёвки повредили ягодники и фруктовые деревья сильнее, чем это делали зайцы. Почему? Автор объясняет: раньше около русаков серые куропатки кормились, зайцы раскапывали снег, добирались до травы, и за ними куропатки выщипывали корешки трав и собирали семена. Лисы ловили и зайцев, но, в основном, мышей и полёвок, не давая им размножаться. Зайцев не стало, куропатки ушли южнее, где снега меньше. Лисы, лишённые зайчатины, переловили фазанов и тоже ушли в другие районы. А мыши и полёвки, которых стало некому ловить, размножились и дали людям наглядный урок: осторожно вмешивайтесь в жизнь природы.

Белка

Тепло, иногда и жаркие дни выпадают, но белку не обмануть: пора готовить на зиму запасы. Инстинкт подсказывает это и

молодым белочкам. Они зимы ещё не видели, а так же усердно собирают запасы, как мать и другие взрослые белки, хотя кругом еда в рот просится.

Весело смотреть, как работают хлопотуньи. Ягоды сушат, развешивают на ветках и зорко следят, не наведаются ли к ним дрозды или снегири. Так же сушат и грибы, из них предпочитают маслята, развешивают очень умело, так что и ветер их с веток не сбросит. Охотнее вешают на сухостойных ёлках, там лучше сушит их солнце и продувает ветер. Кладовые свои зимой под корнями деревьев и под глубоким снегом находят, вероятно, чутьём. А не найдёт белочка своей, и в чужую кладовую заберётся, не поцеремонится.

Заботливо и гнездо к зиме она утепляет всем, что под лапку попадается: зима-то долгая.

Летяга

Летяги успели вырастить летяжат. В августе молодые уже пробуют силы в «полётах» сверху к подножию дерева. Оттуда, тоже как полагается, винтом вверх по стволу и назад, опять к подножию дерева. Запасы в дупле кое-какие на голодное время собраны: тонкие веточки берёзы и ольхи с серёжками. Небогатый запас, но летяга, как и белка, по-настоящему не засыпает, в гнезде пережидает самые сильные морозы.

Бурундук

Но как ни хлопочет белка о зимних запасах, ей в этом далеко до родственника — бурундука. Ростом он вдвое меньше белки, а запасов соберёт не меньше двух килограммов. В лесу это семена деревьев — клёна, липы, дуба, вяза. Но если бурундук поселился около хлебного поля, тут он настоящий вредитель: зерно выбирает только первосортное.

Запасливый малыш начинает заниматься заготовками ещё в августе. Попробуйте наносить в защёчных мешочках полную кладовую, если порция зерна в них за один раз не больше десяти граммов. Бурундук разборчив: норку выкопал под пнём или повалившимся деревом, а ему почему-то понравилась пшеница в поле за два-три километра. Вот он упрямо и путешествует: вперёд — налегке, а на обратном пути оттопыренные щёки так и тянут голову вниз. Иногда тысячу раз он пробежит, пока пять-шесть килограммов натаскает, а бывает и до десятка. Понятно, почему медведь (ложится спать позже бурундука) старательно ищет его норку. Вынюхает, раскопает, а если уже поздняя осень и бурундук

спит, то запасы съест и хозяином закусит. Но пока, в августе, бурундук, не жалея лапок, ещё бегает, делает запасы.

Суслик

А вот сусликам запасы делать на зиму ни к чему. Они накопят слой жира, и в августе уже не увидишь в поле ни одного суслика. Ещё тепло, кругом полно еды, а они в норах спят глубоким сном. Постройка норы на зиму на диво продумана, сказали бы мы, если бы суслик был к этому способен. Но это, конечно, на диво полезный в условиях его жизни и потому закрепившийся в огромном числе поколений инстинкт.

Лето в разгаре, а суслик уже готовит зимнюю нору. Спит каждый в одиночку. Наклонный вход с земли готов, но суслик копает ещё от спальни вверх вертикальный ход, но до конца не доводит, оставляет над ним слой земли в двадцать — тридцать сантиметров. Землёй, взятой из этого хода, он наглухо забивает длинный наклонный ход от поверхности до гнезда. Зверьку, ослабленному долгим сном, весной было бы трудно прокопаться сквозь наклонный промёрзший слой на поверхность. Но этого и не нужно: он прокопает небольшой конец вертикального выхода вверх на свободу. Этот пятнадцатисантиметровый слой уже прогрет весенним солнышком. Кроме того, тёплое дыхание спящего зверька всю зиму подогревало этот слой снизу, а сверху, по вертикальному ходу, будет просачиваться холодный воздух, его немного, но достаточно для слабого дыхания спящего зверька. Как инстинкт «учитывает» законы физики!

Сурок

Сурки в августе ещё не спят, но к спячке старательно готовятся. Они, как и суслики, запасов еды не делают. Запас сала под шкуркой, которого должно хватить до весны, — вся его забота. Но сурок не вредитель. Сало он копит, не отнимая у человека его запасов. Степное разнотравье его еда. А спать он ляжет позже суслика, в сентябре.

Бобры

Август — время спокойного наслаждения мирной семейной жизнью у бобров. Бобрята этого года уже не требуют больших забот, и щука под воду не утянет, и кормить не нужно, сами поедят, большие хлопоты с заготовкой корма к зиме ещё не начались, прошлогодние дети, теперь молодые бобры, уже где-то

самостоятельно устроились, у них свои семьи. Родителей их судьба не тревожит.

Хищные

Волк

Воспитание детей в норе и около неё закончилось. Молодые волчата выходят на охоту вместе с родителями. Лес полон еды: молодые неопытные зайчата, глупые птенцы-подлётыши из запоздалых выводков. А уж ягод, сочной зелени на каждом шагу. В стае волчата этого года и молодые волки прошлогодние. Когда мать кормила волчат, старшие держались отдельно, теперь соединились со стаей. Они будут держаться с родителями осень и будущую зиму. Всё лето «серые помещики» работали молча, искали добычу вдали от гнезда, чтобы не видать детей, да и сами дети знали порядок: жили так тихо, то в ближнем колхозе люди и не подозревали, какими страшными соседями обзавелись. И домашний скот волкам трогать было ни чему: были сыты. Но пришёл конец лета, гнездо брошено, стая бродит, где ей придётся, и молчаливые волки «запели». Много рассказов существует о волчьем вое, звук особый, тонкий, жалобный, любому на нервы подействует. Не верится, что «поёт» большой, сильный, злобный зверь. А если это в лесу, в сумерки, и холодает, туман ползёт, сквозь кусты подбирается — тоска берёт за душу. И особенно, когда знаешь, что это волки (летом и осенью) собираются в стаю перед выходом на охоту. Волчица и волк воют несколько ниже, переярки — тенором. Неумело, визгливо пробуют голоса младшие — прибылые, знаешь, что волки летом людей не трогают, а по спине дрожь… Стая — это семья из трёх поколений, семь — двадцать волков, рассказы о стаях в десятки волков относятся к разделу охотничьих. Дисциплина в стае железная: идут строго гуськом, след в след, впереди обычно волчица, замыкающим — отец. Зрение, обоняние прекрасное, но слух — просто изумительный. Незаметно подойти к волку невозможно. Мне приходилось с ручным волком бывать в лесу — полное затишье для меня, а для него воздух полон звуков. Случалось — он бросался и из-под листика, лежавшего в нескольких шагах, уверенно лапой доставал небольшого жучка. Наедаться досыта волку удаётся не часто. Если повезёт загнать крупную дичь или набрести на падаль, вволю волк может съесть до двадцати килограммов мяса. Такие сытые они далеко не уходят, залегают поблизости. Понятно, от пойманного стаей зайца каждому достаётся на один укус. И тогда бродит голодная стая и полсотни километров пройдёт свободно. Волк очень умный

и хитрый, а когда надо, и отважный зверь. Считают его трусом — волчица не пробует защитить детей, если люди открыли логово и забирают волчат. Но это скорее трезвый расчёт.

Она видит, что детям ничем помочь не может. Случаи нападения на людей, о каких много писали в прежнее время, в наше время не повторялись.

Но вот грянула Великая Отечественная война. Из колхозов ушли на фронт охотники, жёнам не до охоты. В лесах выросло поколение волков, не знавшее выстрела, и появились случаи нападения волков на людей. Женщины в дальнем колхозе Омской области, если приходилось идти в одиночку лесом, брали с собой «пару железяк. Идёшь да железяку об железяку и постукиваешь. А волк боится — может, ружьё это стучит». Записала я это точно, как слышала. Зоолог В. В. Строков говорит, что волки прекрасно отличают мирных пешеходов от охотников, а лесорубов — от окладчиков по тем предметам, которые они носят с собой. В данном случае, возможно, что волки-родители ещё помнили облавы, когда окладчики носят не ружья, а железяки и их стуком направляют волков в окладе на охотников.

Волкам нравится мясо собак и лисиц, поэтому, где волков много, лисиц мало. Причём, охотятся загоном: загонщики гонят лисицу на засаду. На собак охотятся с увлечением. Бывали случаи, когда волк прыгал в сани безоружного ездока и выхватывал из них собаку, которую безоружный хозяин спрятал, зная, что в этих местах водятся волки.

Непонятна ненасытная жадность волка, это делает его особенно вредным и опасным в животноводческих совхозах и колхозах, а также в спортивных охотничьих хозяйствах. Дорвавшись до «дичи», волки рвут и уничтожают не столько, сколько им нужно для еды, а сколько могут убить. Раз одна семья из пяти волков убила и покалечила 152 овцы. Ненасытная жадность им же и вредит: каждый успел бы утащить на загривке одну овцу и безопасно съесть её в лесу. Но увлёкшись бойней, они дождались охотников и были убиты. Остаётся добавить, что волки — носители глистных заболеваний, которые передаются домашнему скоту, и вируса бешенства. Поэтому волк-санитар нужен в лесном хозяйстве, уничтожая в первую очередь больных и слабых животных, но число таких санитаров должно быть строго ограничено.

Лисица

Красивый ловкий зверь, иной горожанин её даже и за небольшую собачку принять может. Выдаст её, пожалуй, пышный

хвост с белым кончиком. Полезный хвост: рулём служит. Догоняет лисица зайца, вот он резко скакнул в сторону. Собака с разбега промчалась бы мимо, а лиса махнёт хвостом-рулём в сторону, срезав угол, и ловким прыжком настигает добычу. Эту же хитрую уловку с хвостом она применяет, когда сама убегает от преследующих её собак: круто взмахивает хвостом в одну сторону, а сама, так же круто, поворачивает и мчится в другую. Одураченные, «висевшие на хвосте» собаки не сразу успевают повернуть — промчатся мимо.

Лисята уже прошли летнюю школу на полузадушенных зверьках, каких приносили им родители, и теперь вся семья вместе выходят на настоящую охоту. Отец и тут полон самоотвержения. В случае опасности бросается навстречу собакам и уводит их за собой. На ночь семья первое время возвращается к норе. Молодым ещё многому приходится научиться у стариков, прежде чем они станут совершенно самостоятельными.

В конце августа или сентябре плохо приходится лисам: линяют подошвы лапок, выпадают густые волосы, которые так хорошо грели их зимой. Новые отрастают сначала короткие и колются. Лиса ступает осторожно, лапки бережёт. Осенью молодые уже мало отличаются от родителей ростом, но до настоящей ловкости и хитрости им, пожалуй, далеко и многому приходится учиться у стариков. К сожалению, лисицы всё ещё предмет охоты на шкуру. Мясом лисицы у нас брезгуют. А в Европе оно справедливо считается деликатесом.

Лисицы запасов не делают. Но есть сведения (не проверенные), что в Сибири в августе — сентябре они закапывают грызунов в землю и используют зимой.

Куньи

Барсук

Ловкие хищные звери куньи, все небольшого роста до крошечной ласки включительно. Исключение — барсук, величина его с небольшую собаку. И видом своим исключение: скорее какой-то неудавшийся медвежонок. Он, единственный из куньих, зимой спать залегает. В августе, как ночи похолодают, начинает чистить и подправлять нору, меняет подстилку. Нагребёт лапами ворох сухих листьев и, пятясь, задом вталкивает их в нору. Е. В. Кучеров говорит, что на зиму барсуки запасают коренья и грибы. Сушат маслята и боровики, раскладывая их на пнях.

Молодые к осени ростом почти догоняют мать. Иногда и зимуют с матерью. Тогда листья на зимнюю подстилку заготовляют сообща.

Олени

Косуля

Июль и до середины августа — время гона этого маленького изящного и мирного оленя. Самцы только в это время возбуждённо фырчат, дерутся, но обычно не до серьёзных ранений. При победителе остаётся одна, но иногда и до трёх самок. Больших гаремов не бывает. Косули соединяются в более крупные группы только во время кочёвок (уходят уже зимой в менее снежные места, где легче добывать пищу).

Лось

В августе слышится, чаще на рассвете и по вечерам, глухое мычанье лосей. Начался гон. В это время, обычно мирный, лось становится опасен и для людей. Даже медведь уступает дорогу бешено мчащемуся самцу. Рога к этому времени окрепли и представляют грозное оружие в битве с другими самцами. На полянах завязываются бои рогами (удары копыт пускаются в ход в битвах за жизнь зимой с волчьей стаей). Но и битва самцов иногда кончается смертью, даже обоих, если ветвистые рога сплетутся и их не распутать. Смерть от голода обычно не наступает: судьбу беспомощных борцов решают волки. Если битва кончилась благополучно — бегством одного из драчунов, к победителю присоединяется самка, наблюдавшая из кустов, даже две-три. Иногда период гона длится до октября — ноября.

Рыбы

Налим

Большинство наших рыб рыбы как рыбы: тело, сжатое с боков, покрытое серебристой чешуёй. А вот эти рыбы никак под это описание не подходят: скользкое по-змеиному тело, чешуйки мелкие, нежные и так глубоко втиснутые в кожу, покрытую слизью, как будто их и вовсе нет. Это сом и налим. Не родня они нашим рыбам. Но оказывается, что и друг другу ещё меньшая родня. Сом — единственный представитель южных рыб, «заблудившийся» на севере. А налим — родственник северян: трески, наваги. И жарко ему у нас просто нестерпимо. Как вода в реках нагреется весной до пятнадцати градусов, налим теряет аппетит, становится вялым, скучным и норовит затиснуться под корягу или в рачью нору дремать. Ждёт желанного похолодания. В сибирских реках ему живётся приятнее, чем у нас, и растёт он лучше (в Иртыше до двух метров). С сомом на удивление схожи только плоские лягушиные головы и скользкое тело, а не образ жизни. Вот лето проходит, сом уже приглядывается, где бы на зиму спать устроиться, а налим все летние сны под корягой пересмотрел и подумывает, чем бы ему после летнего поста разговеться. Тут пора и рыбаку за дело приниматься. Изголодавшийся за лето мелкий налим жадно на червяка берёт, а крупный и на кусочек мясца, чуть-чуть уже лежалого, с запашком, и на пескаря, и на лягушонка. В октябре — ноябре в настоящий аппетит войдёт. Лишь бы на крючок попался, а вытянуть налима, даже и крупного, легко: идёт, как бревно.

В хорошее для себя время просыпается налим: холодает, а остальные рыбы уже отдохнули от нерестовых тревог, нагулялись, подкормились за лето и начинают подумывать, где бы им, сонным, зимней шубой из слизи окутаться и залечь, зимние сны про весёлое лето смотреть. А налиму того и надо: присматривай и выбирай по вкусу. Хитёр налим. Он и в садок за рыбкой заберётся, и в мотню невода не побоится заглянуть, рыбу в половину своего роста ухитряется заглотать. Подкрадывается к добыче, как кошка, не делая резких движений, зубки мелкие, как щётка, но если хоть и за хвост ухватит — не выпустит. Осенний жор начался и длится месяца три до начала зимы.

Осетровые

Самое ценное семейство в нашем рыбном хозяйстве — конечно, семейство осетровых. Оно же сильнее всего пострадало от плотин, которые им помешали подниматься от Каспийского моря в Волгу метать икру. Чисто же речных среди них только два вида: стерлядь и волжская форма осетра. Нерестилища проходных (белуга и осётр) располагались на Волге и Каме по всей их протяжённости в границах Татарии. Путь к нерестилищам им преградила плотина Куйбышевской ГЭС, в связи с чем сразу сократилось их количество.

Белуга

Белуга — гигант среди осетровых. Но теперь только в книгах можно прочитать, что ловились в старину белуги до тонны весом, доживавшие до восьмидесятилетнего возраста.

Когда образовалось водохранилище, в нём «в плену» оказалось некоторое количество белуг. Они поднялись из Каспия метать икру и не успели уйти в море. В 1956 и 1957 годах они дали потомство в необычных для себя условиях, и молодь стала расти. Прежде молодь до половины лета оставалась в реке, а затем уходила в море. Теперь и из водохранилища молоди ещё удаётся скатиться в море, а взрослые «пленники» в 1963 году опять нерестились, значит условия жизни в пресной воде оказались достаточно хорошими. Остаётся успешно решить, как организовать пропуск новых проходных для нереста.

Осётр

До белуги осётр и в лучшие для него времена не дорастал. Изредка встречали экземпляры весом до 30 кг и возрастом до 35 лет.

Задержанные в водохранилище, осетры успешно размножаются, но из-за браконьерства число и молоди и производителей уменьшается. Теперь судьба осетровых зависит от выращивания молоди на рыбоводных заводах и выпуска её выше плотин.

Стерлядь

Стерлядь, единственная из наших осетровых, всю жизнь проводит в реках: Волге, Каме, Белой и Вятке. Она меньше белуги и даже осетра, теперь и метровая встретится не часто. Лов её запрещён. Стерлядь не хищник, кормится личинками ручейников,

пиявками, даже такой мелочью, как личинки комара-толкунца. Правда, во время нереста менее ценных пород (плотва, густера, даже лещ) она не прочь и их икрой подкормиться, но ценность самой стерляди так высока, что этого учитывать не стоит.

Лососёвые

В реках Поволжья сохранился даже единственный крупный лососёвый — каспийский лосось. Лет триста тому назад промышляли его очень много. Попадались и великаны до 50 кг весом. Но речные берега заселялись, мельничные плотины мешали доступу к удобным нерестилищам, и сейчас каспийский лосось у нас редкость — память о прежних временах.

Форель

Рыбка обманщица. Это название (не научное) подходит к форели, потому что иногда трудно установить, о какой именно форели идёт речь, настолько пластичны и изменчивы лососи, так легко они приспосабливаются к изменившимся условиям. Например, озёрная форель, ручьевая форель и проходная кумжа легко переходят друг в друга. В Татарии форель ручьевая, или пеструшка, живёт в небольших речках бассейна Волги с чистой и холодной водой (притоки Зая, Берсута и некоторые другие). Рыба хищная. Разводится в прудах ради ценного и вкусного мяса. Икру откладывает осенью. В Куйбышевском пригородном рыбоводческом хозяйстве разводится радужная форель. В «Жизни животных» говорится, что «радужной форелью считается одна из форм стальноголового лосося из Тихого океана, которая теперь разводится в прудах».

Наша задача рассказать вам не только о том, что уже известно, но показать, как много ещё есть неизвестного, что вам ещё предстоит узнать.

Разве не интересно узнать, почему одни виды так неустойчивы, а другие в чрезвычайных обстоятельствах твёрдо остаются сами собой? Например, в Горячинском источнике около Байкала температура $+47^{\circ}$, и в нём живут караси. А ведь условия среды очень не похожи на привычные. В чём причина? Стоит подумать.

И ещё более необычайная история, похожая на сказку. Мы знаем, что десятки и сотни миллионов лет тому назад в морях жили древние целакантообразные рыбы. Последние окаменелые остатки их мы находим в самый близкий к нам период, меловую эпоху (70–80 миллионов лет тому назад). От них произошли

наземные позвоночные.

В декабре 1938 года произошло редкостное событие: в океане перед устьем африканской речки Халумны рыбаки поймали целаканта! Его сородичи вымерли 70 миллионов лет тому назад, а его поймали. И просто зажарили бы и съели… Но его увидела женщина-учёный, мисс Латимер. Купила у рыбаков и срочно вызвала учёного ихтиолога профессора Смита. Я думаю, у обоих учёных тряслись руки при обследовании: перед ними лежал, хоть и сильно попорченный тропическим солнцем, несомненный целакант. Д. Смит назвал его Латимерия халумне — в честь женщины, спасшей это ископаемое от сковородки, и в память об африканской речке — месте его находки.

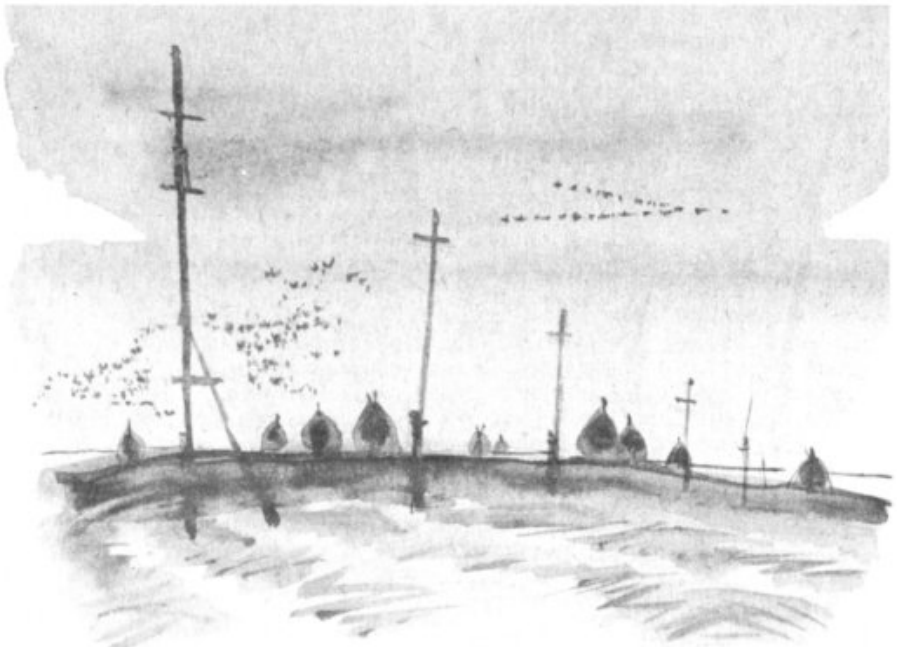
Профессор Смит двадцать лет жизни посвятил поискам необыкновенной рыбы. Настоящее место обитания латимерий оказалось в водах Коморских островов между Африкой и Мадагаскаром. Рыбаки хорошо знали её, ценили вкусное мясо, но им и в голову не приходило, что профессору Смиту продавать странных рыб выгоднее, чем жарить. Латимерия — полуглубоководная рыба, светящиеся глаза — приспособление к жизни в темноте. Это крупный сильный хищник — последний из когда-то богатого видами отряда. Сейчас их уцелело немного, ловят их на удочку на глубине до полукилометра, и в руки ученых до сих пор попало всего около двух десятков. Сохранить некоторых живыми больше нескольких часов пока не удавалось. Если форель — рыба-обманщица, то латимерия — рыба-загадка.

С образованием крупных водохранилищ и прудов возникла проблема борьбы с зарастанием их водными растениями, особенно в водохранилищах (Заинской ГЭС) и других. Их тёплая вода нравится водным сорнякам, и местные рыбы с ними не справляются. В Средней Азии, где зарастание водных каналов настоящее бедствие, удачно акклиматизированы три замечательные рыбы: белый амур, обыкновенный толстолоб и пёстрый толстолоб. Это южане, крупные мясистые рыбы с удивительным аппетитом, причём ими поедаются и некоторые корма, непригодные для карпа. Родина белого амура — верховья реки Амур, толстолобиков — Южный Китай.

В 1967 году в водохранилище Заинской ГЭС были завезены двухлетние белые амуры и развивались хорошо. В новых водохранилищах, где температура воды выше, чем в природных прудах и озёрах, возможна акклиматизация этих ценных теплолюбивых пород. Опыты проводятся в ряде водохранилищ, их хозяйственное значение может быть огромно. Кроме того что толстолобики и белый амур дают большое количество вкусного мяса, эти рыбы как растительноядные очищают зарастающие

водохранилища и каналы.

СЕНТЯБРЬ



Сентябрь (он и вересень — цветёт вереск). Ещё ласково греет солнце, ещё и день, по сравнению с соседом-августом, как будто бы и не укоротился и не похолодал, а уже заканчивается усиленный летний рост растений. Первые дни ещё неожиданным теплом подарят. Народ подметил это, и название этим дням придумал: бабье лето. Значит кончилась уборка хлеба, разогнулась наболевшая спина жницы: ведь не комбайны когда-то гуляли по полю, когда родилось это название, серп мелькал в проворной женской руке. Сколько горстей колосьев надо было срезать, чтобы сложился из них туго перевязанный сноп!

Уже кружатся над родными местами стаи чёрных грачей. Недавно они на крыльях весну принесли, а теперь лето уносят. Волнуются, грустно переговариваются галки. Им никуда не улетать, но отлёт грачей будит в них смутную тревогу. Щемит наше сердце слышное высоко в небе курлыканье пролётных журавлей. Они не сразу тронулись в дальние края. Готовясь к отлёту, выбирали настоящие учебные площадки и прилетали на них не вразброд, а отрядами. Молодые учились летать треугольником (так легче на дальнем полёте). Впереди летит старый опытный журавль, устанет — уходит в конец, его сменяет другой. Ко времени отлёта весь курс наук проходят.

Подобраться к журавлиной учебной площадке трудно: зоркие

опытные сторожа дадут сигнал тревоги, и вся стая — на крыло. Но если удастся — ну и зрелище, не оторвёшься! Прыгают, приседают, взлетают и вновь опускаются. Это уже не весенние танцы, а строгий курс наук. Ни споров, ни замешательства. Путь им предстоит дальний. Впереди не только земля, на которой и отдохнуть и подкормиться можно, но море, когда спокойное, а когда и бушующее. А дальше — опять земля, чужая, далёкая Африка.

Не так мелодично, но тоже осеннюю грусть навевают прощальные голоса гусей. Эти нас не тешили ученьями, подготовкой к полёту. Здесь они пролётные, не хватает у нас спокойных мест, чтобы вывести, вырастить детей.

Дикие утки тоже к дальнему путешествию готовятся: долго в воздухе кружат, а утром и вечером на болота, речные мелководья летят кормиться.

Умолк и поросячий визг стрижей, эти раньше унеслись: в холодеющем воздухе уже не толчётся мошкара, всякая летучая мелочь. А стрижу с земли, да и с ветки насекомое не подхватить — не приспособились. За ними соберутся и ласточки по этой же причине: и они — дети воздуха и кормятся не тем, что ползает и скачет, а тем, что по воздуху летает. Птенцы их уже вылетели из гнезда, но иногда сами ещё ловить добычу не умеют, так их родители в воздухе из клюва в клюв покормят и водой напоят. Потом добычу в воздухе бросают: лови! Трогательно смотреть: иногда первые птенцы всю науку прошли и младших сестриц второго поколения в гнезде кормят — родителям помогают, точно чувствуют, что время не шутит, торопиться надо! Рано у молодых певуний материнский инстинкт просыпается. Этот могучий инстинкт заставляет иногда ласточек нести пищу в чужое гнездо и даже выдерживать бой с настоящей матерью. Бывает, что отлетающая стайка навестит гнездо, в котором ещё есть молодые. Начинаются длительные переговоры, даже задержка в пути. Воронки — городские ласточки — улетают со стрижами, касатки — деревенские — могут и припоздать, они и насекомых, сидящих на заборах, стенах, могут поклевать. Воронки перед отлётом часто вереницей летят в пустые гнёзда, заглядывают, точно проверяют, не зазевался ли кто, должно быть, не только своих, а и чужих птенцов жалеют кроткие птички. А то влетят в пустое гнездо, сразу четыре-пять, посидят, о чём-то оживлённо почирикают, иногда даже заночуют. Привязанность к родному гнезду у них так велика, что в древнем Риме их даже использовали, как мы — почтовых голубей.

Певчие пичуги уже сбились в стайки, молодые и старые — все вместе. Им в стайке удобнее. Ведь у них, у слабеньких, враги

кругом одному за всем не усмотреть, живо попадёт в чьи-нибудь когти или зубы. А когда все следят, поглядывают по сторонам, обязательно кто-нибудь заметит врага, пискнет, и все наутёк. А еды всем хватит. Там зёрнышки, там ягоды, насекомые вкусные. Молодые клюют, на старших поглядывают: те лучше уследят опасность. Особых учений перед отлётом на юг эта мелкота не устраивает. Они полетят не строем, а как попало, точно куча камешков, брошенная сильной рукой. Молодые приучаются к полёту, пока летают по полям и лугам. Коровы, овцы, вся домашняя живность — невольные их благодетели. Вспугнутые ими насекомые взлетают в воздух — хорошая подкормка перед далёким путешествием. Бесцеремонный скворец и на спину коровы сядет и что-то там ухватит, а она и ухом не поведёт. Но время идёт, в холодеющем воздухе и насекомые взлетают реже. А перелётный инстинкт, тысячами поколений выработанный, подстёгиваемый недостатком еды, и даже при наличии её, даёт о себе знать. Недаром начинают волноваться и биться в это время птички в клетках в тепле и сытости. Вперёд, вперёд, навстречу опасности и трудностям далёкого, а молодыми ещё и нелётанного пути. Рвутся, раздираются противоречиями маленькие сердца. Вот и скворушка прилетел к родимой скворечне, где лето провёл и детей вырастил. Посидел… и запел. Ещё посидел, сорвался с ветки, и нет его. Прощальная это была песня.

Улетели и мухоловки, сбились в стаи дружные дрозды — жили вместе, дружно, и лететь вместе веселее.

Кое-где слышится робкое неумелое пение молодых пеночек и зябликов: перед отлётом пробуют силы к весне. Исчезли незаметно кулики, чибисы. Соловьи уже в Африке, кому удалось долететь, клюют африканских насекомых, со своими далёкими сравнивают, какие слаще покажутся.

В середине сентября вдруг затокуют тетерева, великаны глухари. Побормочут и замолчат, точно спохватятся: весну с осенью перепутали. До драк дело не доходит, пошумят и разойдутся. Тетёрки и глухарки этого шума всерьёз и не принимают. Глухарям и тетеревам сейчас другая действительно важная забота: утром и в сумерки усердно собирают, глотают камешки, крупный песок, можно поду мать — лакомятся. Но это инстинктивная подготовка к переходу на грубые зимние корма, вместо нежных вкусных ягод — жёсткая хвоя для глухаря. Камешки в мускулистом желудке перетрут её, и зубов не требуется. Пока он подвядшим осиновым листом угощается. Тетеревам для их более мягкой пищи (берёзовые, ольховые почки и серёжки) требуется меньший запас «каменных зубов». Рябчик

ест ягоды майника, его зёрнышки помогают перетирать пищу.

Из куриного племени у нас одна перепёлка перелётная птица. Голос перепела — «подь полоть» — многим известен, а видеть его удаётся не часто: перепел летает редко и неохотно. Сейчас перепёлки незаметно отлетают в далёкое путешествие в Африку. Слабые крылья несут их и через бурное Средиземное море. Но часто не живых птах, а тела бедных путешественников волны грудами прибивают к желанному берегу Африки. Да ещё на европейском берегу их перед перелётом ждали сети и прочие средства лова итальянцев. Остаётся удивляться, что ещё большая их плодовитость (на наших полях и лугах) помогает перепелиному племени не исчезнуть совсем.

Осенью птицы летят в чужие края медленнее, чем мчатся весною назад. Мелкие птахи летят чаще ночью: ведь их в дороге подстерегают дневные перелётные хищники — соколы.

Хищники молодых вырастили, выучили и уже от себя прогнали: промышляй еду сам. Но зато детей они воспитывают и учат дольше, чем другие птицы. Это и понятно: клевать червяков и ягоды легче, чем выучиться правилам охоты на живую дичь. Сокол-учитель кувыркается в воздухе перед сидящими на ветке птенцами, показывает им фокусы искусного полёта. А мать в это время, пролетает и сталкивает соколёнка с ветки. Волей-неволей полетишь. Перелётные хищники летят не стаей, в одиночку, но с хитростью: немножко раньше безобидных птах. Очень удобно: проголодался, притаился, подождал и… дождался, обед сам в когти просится. Словил, покушал, лети дальше, паси своё стадо.

Тих месяц сентябрь. Ни птичьих песен, ни жадных требовательных голосов птенцов, летом пришедших на смену певцам. Воздух так прозрачен, что кажется, будто небо поднялось выше, а даль, видимая глазом, ещё дальше отодвинулась. Тишина. И вдруг… странный звук: не то рёв, не то хриплое мычание прокатилось и смолкло. Ещё и ещё. Возникает и умолкает, и не определить точно, откуда оно идёт.

Послушаем…

Тропинка была узкая, на одного ходока, так тесно её обступили молодые колючие ёлки. По ней бесшумно двигалось что-то большое, мохнатое, ветка не хрустнула, листья не зашуршали. Медведь… Только он умеет так осторожно ступать тяжёлыми, неуклюжими лапами. Идёт, головой покачивает, точно сам с собой о чём-то важном рассуждает. И вдруг остановился мгновенно, застыл на месте. Голову поднял, но не для того, чтобы лучше рассмотреть — глазам он мало доверяет, а лучше прислушаться, что там впереди, за поворотом тропинки делается.

Услышать было нетрудно: кто-то мчался совсем без

осторожности, ломился прямиком сквозь кусты и еловую гущину. И заботы нет, что кругом весь лесной народ переполошил, притаились все, слушают.

У медведя губы над клыками дрогнули, вот-вот оскалится и рявкнет по-хозяйски. Но вдруг из гущины на тропинку выломилась туша покрупнее медведя. Лось редкостной величины. Жёсткая щетина на загривке дыбом, сам дышит тяжело через раскалённые ноздри. Сразу видно: несётся, не разбирая дороги, и никому её уступать не собирается.

Маленькие глазки медведя загорелись. Надо принимать бой или тут же катиться в кусты задом, поворачиваться некогда.

А лось уже увидел его и, не останавливаясь, всхрапнул от радостной злости: есть на ком сердце сорвать. Ну-ка! Он бурей налетел на… то место, где вот сейчас, сию минуту был медведь, и остановился, точно споткнулся обо что-то невидимое. А медведь, позабыв о своей ярости, катился под обрыв, трусливо поджимая зад, словно пряча от удара острого копыта.

Послышался треск. Удар копыта, не доставший медведя, пришёлся по молодой ёлке, и она рухнула, как подрубленная. Мишкины лапы заработали ещё быстрее, уже без всякого стеснения. Не до самолюбия тут, когда бешеный зверь ищет, с кем бы схватиться. Острый медвежий запах пуще раздразнил лося. Настало время осенних сражений, но пока не нашёлся настоящий противник. Буран теперь и от медведя бы не отказался.

Буран — такую кличку дал ему дед Максим, самый старый лесник этого леса. Он при встрече с лосем всегда сыпал на землю пригоршню соли: «Полижи, старый, в своё удовольствие». Но сейчас и Максим осторожно обходил старого приятеля: кто его знает, что взбредёт в ошалелую голову?

А лось в ещё большей ярости устремился по тропинке дальше на поляну, поросшую высокой густой травой.

Здесь! Лось неуклюжим галопом проскакал по поляне, остановился, высоко закинул голову, так что рога легли на спину, и заревел. Точно кто-то затрубил со страшной силой в огромную трубу.

— Это кто так кричит? — спросил удивлённо звонкий детский голос.

— Лось это, другого лося на бой кличет. Потрубит и помолчит, не слышно ли, как другой к нему на голос понесётся. И опять потрубит и слушает.

Кто говорил за густым осинником, не было видно. Но вот осинки зашуршали, раздвинулись, и на дорогу вышли высокий старик с маленькой девочкой.

— Я посмотреть хочу, дедушка, — сказала она и потянула

деда за рукав. — Скорее пойдём.

Дед покачал головой.

— Как бы нам от такого посмотру худо не было, — проговорил он. — Мы лучше послушаем, да и домой подадимся.

— Ну и чудной ты, дедушка, — засмеялась девочка. — Это же просто лось. Он людей не кушает.

— Так-то так, — дед тоже улыбнулся. — Он тебя есть не станет, а ногой ка-ак двинет — и готово. Потому у лося в это время характер бывает бедовый. Вдруг и нам такой попадётся? Характерный.

— И не правда, этот, который трубит, вовсе без характера. Я по голосу слышу. Ну, дедушка, миленький. Мы же летом их видели. Ты им соли давал. Этому, как его? Бурану. И опять дадим.

— Дадим, дадим! — ласково приговаривал дед и незаметно за руку повернул девочку на дорогу к дому. — Это сейчас Буран ревёт, по голосу признаю. Мне и то ему сейчас на дороге попадаться не безопасно. Вот зимой рога он скинет. Стукнет о дерево, они и отвалятся. Тогда уж он присмиреет до весны, когда новые рога вырастут.

— Ой, как плохо, — огорчилась девочка. Она за разговором и не заметила, что они уходят в сторону от лосиного рёва. — Волки нападут, а ему их бодать вовсе нечем. Он что делать будет?

— На волков ему рога не требуются, — утешил её дед. — Он ногой брыкнёт — из волка и дух вон.

— Это хорошо, — успокоилась девочка. — Мне, конечно, волка тоже жалко. Только если он лося хочет съесть, пускай его за то лось ногой забодает.

Разговаривая, они завернули с дороги к маленькому домику на поляне и поднялись на крыльцо. Дверь со скрипом отворилась и сразу за ним захлопнулась. Сквозь толстые стены избушки далёкий трубный зов лося почти не был слышен.

А лось на далёкой поляне всё больше разъярялся. Широкая шея его раздулась, кусты, трава и комья земли летели в сторону от бешеных ударов копыт… и вдруг — далёкий ответный рёв. Ближе, ближе, вот уже слышен треск растоптанных ломающихся кустов. Другой лось, тоже разъярённый, мчался, не разбирая дороги, и вылетел на поляну. Буран с диким храпом кинулся ему навстречу.

Молодой боец ростом и силой был не меньше. Но это ещё первая осень его сражений и первый бой в жизни. А Буран — издавна самый смелый и опытный боец во всей округе. Будь молодой не так горяч, выбрал бы себе противника попроще. Но рассуждать было некогда. Две огромные туши сшиблись

посередине поляны. Комья земли взлетели в воздух и посыпались на их спины. Они не замечали этого.

Рога ударились о рога, ещё и ещё. Новый удар, и молодой лось покатился по смятой растоптанной траве. Буран, торжествуя, отскочил, примерился для нового разгона, но… бить уже было некого, кусты и молодые осинки захрустели под тяжёлыми копытами. Молодой летел, спасая свою жизнь, боевого задора как не бывало.

Хруст и топот затихли вдали. Буран постоял, обводя поляну налитыми кровью глазами, и вдруг вздрогнул, прислушался. За кустом шиповника мелькнули тени. Волчица-мать хорошо знала, чем может кончиться сражение великанов, мёртвый или тяжелораненый лось — завидная добыча. Она заранее привела серую семейку покараулить за кустами, не перепадёт ли пожива. Но побеждённый молодой лось чуть не растоптал зазевавшегося волчонка. А на поляне остался великан, к которому на твёрдой земле нечего и думать приступиться. Вот зимой, когда глубокий снег свяжет ему ноги…

Старая волчица даже зубами щёлкнула: вспомнила, как в прошлом году… Но тут же взвизгнула тихонько и шарахнулась в сторону.

Лёгкий ветерок донёс до ноздрей старого бойца страшный волчий запах, и жажда мести вспыхнула в его крови. Он вспомнил, возможно, то же, что и старая волчица. Вспомнил глубокий снег прошлой зимы и смертный бой со стаей волков. Они легко прыгали по твёрдой ледяной корке на снегу, а он проваливался в глубокие сугробы. Старая волчица высоко подпрыгивала перед самой его головой, дразнила и отвлекала внимание. Она знала, что делала: молодые волки подбирались сзади, чтобы перекусить ему сухожилия на задних ногах. И они сделали бы это, но раздался выстрел и тотчас — другой. Два волка растянулись на снегу. Остальные исчезли, будто их сдуло ветром.

Старый лось напряг все силы и выскочил из сугроба. Около толстой сосны стоял высокий человек, в руках его дымилось ружьё.

— Буранушка, голубчик, — проговорил человек. — Так это я тебя из беды вызволил?

Голос знакомый, и лось минуту стоял неподвижно, не сводя с человека больших тёмных глаз.

— Буранушка, — повторил тот, но тут лось фыркнул, ударил ногой так, что комья снега, как пули, полетели в стороны, и, выскочив на твёрдую дорогу, умчался.

Это ли вспомнил старый лось, или что другое — не важно:

много счётов накопилось у него с волками за долгую жизнь. Бурей он налетел на куст, за которым притаилась серая разбойница. Рога для неё — много чести, хватит удара копытом. Но этого удара волки дожидаться не стали, бросились в разные стороны. Преследовать их лось не собирался. Гордый, ещё не остывший, он вернулся на поляну, и снова по лесу разнёсся трубный звук — вызов на борьбу новому противнику.

Однако смелого бойца больше не нашлось. Голос Бурана, видно, хорошо был известен лосям округи. И сам боец, потрубив немного, почувствовал, что на этот раз довольно, и, спустившись по склону к речке, с наслаждением погрузил разгорячённую голову в прохладную воду.

Да, были битвы, в которых волки нападали, а он отбивался, спасая свою жизнь. Но так, как сегодня, ещё не бывало: он первый на них бросился, и они пустились наутёк, даже не смея огрызнуться!

Напившись вволю, великан снова вернулся на поляну, обошёл её кругом, долго взволнованно принюхивался к следам врагов. Бежавших! Он щетинил загривок, и глаза его горели огнём победы.

Однако битва с молодым лосем тоже была нелёгким делом. Трубить больше не хотелось. И старый лось не спеша, горделиво ступая, покинул поляну.

* * *

Это случилось десять лет тому назад, весной.

Старый заяц-беляк, не спеша, ковылял в густом ивняке, недалеко от речки. Тут горькую кору на ветке пожуёт, там травинку скусит. Но вдруг поднялся столбиком на задние лапки и застыл. Только нос смешно дёргается и усы топорщатся: что это там под старой осиной зашевелилось? Ещё! Смотрит!

Маленькая головка на тонкой слабой шейке повернулась к зайцу, тёмные глаза засветились удивлением: всего несколько часов жил на свете новорождённый лосёнок. Мудрено ли, что всё вокруг для него ново? Зайца он видел первый раз в жизни. Но немноякко посмотрел и уже устал. Голова опустилась на землю. Задремал.

Заяц, пожалуй, подковылял бы поближе, всё-таки интересно. Но длинные уши его уловили чей-то вздох, не то храп. Мать-лосиха стоит недалеко за кустом, а глаза, уши, нос на страже — не случилось бы с лосёнком какой беды. Заяц — это, конечно, не беда, и мать даже не шевельнулась. Но косому трусу и от вздоха

её стало страшно: стрелой метнулся в сторону, и нет его.

Лосиха спокойно опустила голову, длинной губой, точно рукой, охватила пучок тонких веточек ивы и вдруг выпустила. Не до еды сейчас: что-то рыжее, пушистое мелькнуло в ивняке. Кумушка лиса крадётся по заячьему следу, закусить зайчатиной норовит. Чутким носом прихватила с ветерком нежный запах лосёнка и тоже остановилась. Дичь, конечно, не по ней, но принюхаться и то приятно.

Ближе, ближе… Ну нет, нюхать её лосёнка? Посмей только! Раздражённая лосиха топнула ногой, всхрапнула. Миг — и лисица тоже исчезла, только рыжий хвост мелькнул в кустах. Лиса и сама не рада, что тут лосёнок оказался, следы объяснили ей: заяц только что так спокойно прыгал, ветками закусывал, одно удовольствие было к нему подбираться. А теперь, говорят следы, он несётся где-то впереди, как сумасшедший. Ищи ветра в поле!

Лосихе и правда лиса показалась опасным зверем: она взволнованно фыркнула, несколько раз осторожно обошла вокруг детёныша, успокоилась и вернулась к месту, где собиралась позавтракать.

Она так и не узнала, что, отгоняя лисицу, навлекла на себя настоящую смертельную опасность. Петька рыжий умел пробираться по лесу не хуже медведя: лист не- прошуршит, сучок под ногой не хрустнет. А Петькины уши и глаза при этом слышали и видели в лесу всё, что лесным зверям было на вред, а ему, Петьке, на пользу. И винтовка Петькина была как, раз по руке браконьеру: била точно и далеко всё, что могли в лесу приметить его чуткие уши и безжалостные глаза.

Встревоженный храп лосихи, хруст сучка под тяжёлым копытом — и Петька мигом насторожился. Не дыша, нагибаясь, чтобы не задеть о ветку головой, он скользнул с тропинки в обход, чтобы ветер его не выдал. Лось чуткий зверь, а мать, стерегущая детёныша, — вдвое. Но лес не пришёл ей на помощь в беде. Ни один сучок не хрустнул предупреждающе под Петькиной ногой, и ветер, предатель, не известил о грозящей беде. Она мирно разжёвывала последнюю, такую вкусную ивовую ветку, а Петька, прячась под деревом, уже дожидался, когда она повернётся к нему левым боком.

Резкий короткий звук выстрела на мгновение заставил смолкнуть все мирные лесные голоса. Глухое жалобное мычанье одиноко прозвучало в тревожной тишине. Раненая лосиха рванулась последним прыжком туда, где лежал лосёнок, и упала, почти коснувшись его головой. В последнюю минуту жизни мать помнила о детёныше и, умирая, старалась защитить его от

опасности. Петька в этом увидел лишь новую добычу.

— Ого-го! И телёнок ещё! Здорово! — Но на этом радостный крик оборвался: что-то сильно толкнуло его в спину. Падая вниз лицом, он почувствовал, как резким рывком кто-то вывернул ему руки на спину и на них навалился.

— Пусти! — хрипел Петька. — Пусти, тебе говорят. Не то плохо будет.

— Плохо-то будет тебе, ворюга, — отвечал дед Максим и тут же, лёжа на Петьке, ловко связал его руки приготовленным ремнём. — Я за тобой, подлая душа, с утра слежу, знал, чего ты добиваешься. Самую малость припоздал, беда-то какая!

Лесник встал, осторожно поднял голову лосихи, дунул в глаза.

— Готова, — горько проговорил он. Голова мягко упала на землю. — Красу какую загубил! — продолжал Максим, выпрямляясь. Сжав кулаки, он шагнул к браконьеру. Тот яростно катался на земле, дёргал руки, старался освободить их от ремня. Он словно онемел и, задыхаясь, злобно смотрел на лесника.

Молчал и тот, тоже не в силах вымолвить ни слова.

— Рук только вот об тебя марать не хочу, — сказал он наконец и, схватив Петьку за шиворот, поставил его на ноги. — Шагай, супостат, — промолвил сурово. — Деревьям на тебя глядеть противно, вот что. Торопись в милицию. Мне ещё воротиться надо, телёнка забрать. Не один ты в лесу волк, кабы другие не проведали.

Петьку Максим сдал в милицию. С винтовкой. На телеге увезли лосиху, а лосёнка лесник на руках принёс домой.

— Корова есть, заместо кормилицы ему будет, — сказал он. — А там — поглядим.

Бабка Василиса, тогда ещё бабкой её никто не называл, приняла нежданного питомца сурово.

— Пользы-то с него, что с козла молока, — заворчала она. — Сюда, в уголок в сенцах клади. Не было заботы! Да не торопись ты, дай помягче подложу.

Двенадцатилетний Степан сияющими глазами смотрел то на лосёнка, то на отца. А тот украдкой, чтобы мать не видала, приложил палец к губам и помахал им остерегаючи: помалкивай, знай, дай самовару перекипеть!

Степан знал эту отцову примолвку и не удержался, усмехнулся. Ну и тотчас же за это поплатился.

— Тебе всё смешки, — напустилась на него мать. — Посмеёшься, как на этакую скотину молока не наберёшься! А вырастет — все окна рожищами повысадит да, гляди, и бока пропорет.

— Мам, да зачем ему окна рогами?.. — начал было Степан. Но отец дал ему в бок тычка: сказано — помалкивай.

Они и помалкивали, только исподтишка перемигивались. А лосёнок, досыта напоённый парным молоком, спокойно вытянул тонкие слабые ножки на мягком мешке. Он и не заметил, какая большая в его жизни случилась перемена.

* * *

— Вот так-то я Бурана, телёночком ещё, домой и принёс. А уж бабка твоя ворчала-ворчала, а потом ей Буран за родного сынка стал, — договорил лесник.

Анюта сидела за столом и, подпирая кулачками румяные щёчки, слушала внимательно, не сводя глаз с деда Максима. А он весело засмеялся и подвинул к самовару большую кружку со стёртой позолотой.

— Налей, бабка, ещё кружечку по этому случаю.

— И наливать тебе не стоит, греховодник, — заворчала бабка, но кружку всё-таки под самовар подставила и кран отвернула.

— «За родного сынка»… Скажет такое. А по правде… — Бабка Василиса приостановилась, лицо вдруг собралось в мелкие добрые морщинки, и на кран не смотрит, видно, вспоминает.

— А по правде… — задумчиво повторила она.

— Ой, бабушка, кран! Кран! — вскрикнула вдруг Анюта. — На стол льётся!

Бабка словно очнулась и проворно завернула кран.

— Ты что по правде сказать хотела, бабушка? — торопила девочка.

— Да это присказка такая, — улыбнулась бабка. — Разве ж я когда не по правде говорю? До чего же он занятный был, Буран-то! Сначала и на ножки не вставал, слабенький. А потом как пошёл расти. Да ласковый… Губами руку заберёт, а губы что бархат. Будто целует. Я по двору — он за мной. Я в кладовку — и туда лезет. На другое лето рожки выросли, сам что конь здоровый, а всё за мной да за дедом, ну никак не отстанет.

— А почему теперь отстал?

— Дело такое вышло, — вмешался дед. Он уже кончил чаёвничать и старательно набивал трубку.

— Приехал отец твой из города, из ученья, на лето отдохнуть. И вздумал Бурана объездить.

— Как объездить? — не поняла Анюта.

— В упряжке, значит, научить ходить, телегу возить. Я не позволил. Рано, говорю. Так он сам потихоньку в телегу его

запряг, а на шею бубенцы пристроил, с музыкой прокатиться решил. И прокатился… Бубенцы как звякнули — Буран ровно ошалел: по двору заметался, Степана чуть не смял. А сам — в ворота да как пошёл по дороге в лес! — только бубенцы вдали прозвенели.

— Ой! — испугалась Анюта и всплеснула руками. — А дальше что, дедушка?

— А дальше как уж он телегу разбил да хомут с бубенцами с себя содрал, за что зацепился — не знаю, только счастье его в том. Не то совсем бы со страху ума лишился. Ну снял. И с тех пор одичал, к рукам никак не подходит, нашего дома сторонится. Вот как беднягу от двора отвадили.

— Я уж сама в лес ходила, — вздохнула бабка Василиса. — Солью манила. Смотрит сдалека, ровно сам грустит. И сейчас повеп нется, и нет его.

— Жа-алко, — протянула Анюта и погрустнела.

На другой день солнце ещё только поднялось над лесом, когда дверь лесного домика скрипнула и отворилась.

— Подмажь ей, мать, салом пяточки, — испуганно проговорил Максим. — Неровен час, Анюта проснётся, без неё никак не уйдёшь. А я в дальние кварталы наладился.

— Ты чего-то умнеть на старости лет начинаешь, — отозвалась бабка Василиса, стоя на крыльце. — Это чудо, сколько ты девчонку по лесу таскаешь, и всё тебе с рук сходит. Я сейчас! Петли салом подмажу, пускай спит спокойно.

Дверь осторожно затворилась. Утро было ясное и холодное, трава серебрилась от росы. Старик и жалел, что ушёл без внучки, и был доволен: в дальнем квартале на знакомой полянке особенно часто слышался рёв Бурана. Он узнал бы его голос из сотни. И встретиться с ним, когда около него храбро шагала Анюта, старику не хотелось. Правда, вот уже почти неделя, как Буран не откликается. Или уже надоело драться?

Максим поправил ружьё на плече, топор за поясом и зашагал быстрее.

Вот знакомая поляна.

— С толком выбрал, самое красивое место, — усмехнулся Максим. Осторожно раздвинув кусты, он выглянул и остановился в удивлении. Огромный лось неподвижно лежал посередине поляны. Нет, это не Буран — Буран стоит над ним, низко нагнув голову, касаясь рогами головы соперника. Не отходит. Не двигается, дышит тяжело, видно, как вздымаются бока. Он широко расставил передние ноги, и они, эти могучие ноги, дрожат, вот-вот готовы подогнуться.

Старик взмахнул руками и, не обращая внимания на ветки шиповника, хлеставшие его по лицу, выбежал на поляну.

— Буранушка, — проговорил он упавшим голосом. — Друг ты мой. Да что же это приключилось!

Ноги лося вздрогнули сильнее. Он попытался повернуться, но… не повернулся. Затем дёрнулся, стараясь поднять голову. Послышался глухой стук, точно кость стукнулась о кость, ещё и ещё. Лесник понял: в страшной схватке ветвистые рога врагов переплелись так прочно, что расцепиться, освободить друг друга им было невозможно.

Буран с большим усилием, не поднимая головы, попятился, сдвинул с места лежавшего лося. Тот зашевелился, попытался встать, но снова беспомощно растянулся на земле и закрыл глаза.

— Дело-то какое! — проговорил старик. — Слыхать слыхал, а видать…

Не договорив, он шагнул ближе, торопливо схватился за пояс и вытащил топор.

Буран, не поднимая головы, глухо, жалобно промычал. Гордый великан не выдержал: сдался, попросил помощи.

— Сейчас, сейчас, Буранушка. Ослоболю тебя, обоих ослоболю! Голос Максима приметно вздрагивал от волнения, но топором умелые руки действовали уверенно. Он нагнулся, примерился, размахнулся. Удар! Другой!

Буран, не поднимая головы, опять промычал. Теперь к жалобе примешивался страх.

Третий удар топора решил дело. Рог лежавшего лося свалился на землю и освободил рог Бурана. Лось грузно приподнялся. Опираясь на передние ноги, взбрыкнул задними. Шатаясь, повернулся и исчез в кустах.

— Знай, не дерись, — усмехнулся Максим. — Гуляй теперь, кривая голова, пока другой рог… — Но он не договорил. Буран медленно — затёкшая шея плохо слушалась — поднял голову, покачал ею, словно пробуя, действительно ли он свободен, и неожиданно резко повернулся к леснику. Дед Максим не шевелился. Как поступит лось? В первые секунды ещё можно было отскочить, сорвать с плеча ружьё.

Теперь поздно.

— Буранушка! — тихо позвал он.

Голова огромного лося возвышалась над неподвижным человеком.

Лось стоял тоже неподвижно, точно в раздумье. Но вдруг мутные глаза его загорелись недобрым светом, верхняя губа выпятилась, послышался угрожающий храп.

— Буран, — тихо, укоризненно проговорил лесник и

протянул руку.

И тут… недобрый свет в глазах лося потух, прижатые уши поднялись. Он опять всхрапнул, но ласково, точно просил о чём-то. Рогатая голова склонилась, и мягкие бархатные губы дотронулись до протянутой руки.

— Признал, — прошептал старик. Он тихо поднял другую руку и осторожно погладил за ухом огромную голову. А бархатные губы всё ещё мягко перебирали пальцы.

— Признал! — повторил Максим и вдруг порывисто обнял могучую шею, прижался к ней лицом.

Лось ещё раз всхрапнул, но не пошевелился.

Долго стояли они так на поляне, потерявшие и нашедшие друг друга друзья.

* * *

Звери, большие и маленькие, тоже перемену почуяли, к зиме готовятся. Летнюю одёжку сбрасывают, зимнюю надевают. В шубе, Да ещё с густой пушистой «подкладкой», и зиму можно смело встретить, не замёрзнешь. У зимующих птиц тоже зимнее оперение гуще и теплее летнего.

Осенью вырастают и расходятся из родимых мест многие звериные дети. Почему они стремятся расселиться? Не у всех, конечно, такой «приятный» характер, как у пауков, чтобы кушать друг друга. Но иногда корма в одном месте на всех не хватает, голод гонит молодёжь на новые места. Бывает, и все удобные места, где можно поселиться, молодую семью основать, — заняты. Часто при этом и сами родители лентяев поторапливают: «дайте-ка нам от вас отдохнуть».

Так, например, к сентябрю барсучата уже кормятся самостоятельно, и мамаша решает от них отделаться. (Иногда только зимует вместе с ними.) Она чистит, приводит в порядок нору, в которой растила детей. Но молодым чаще советует на её нору больше не рассчитывать. Зимовать в ней будет одна. Молодые могут сами выкопать себе нору по своему вкусу: лапы у них когтистые, настоящий землекопный снаряд. Они и не возражают, мирно расходятся, куда кому нравится. Запасать в норе еду им не требуется: под шкурой сала к осени столько нарастили, что даже бегать быстро становится трудно. Этого запаса до весны хватит, хотя барсук зимой спит не так крепко, как медведь, нет-нет, да и проснётся, выйдет погреться на солнышке в ясную погоду. Зато уж о чистоте норы барсук заботится больше всех зверей: к зиме всю подстилку сменит, носом, лапами

нагребёт чистых сухих листьев, мягко — не хуже перины. Даже уборную устроит в отдельном отнорке, подальше от спальни — грязи не терпит, а когда она наполнится, закопает и другую изготовит.

Разбежались по лесу и молодые бельчата, живут самостоятельно, гнёзда строят, грибы на зиму сушат, орехи и жёлуди запасают. Этому их родители не учат, собирают запасы они инстинктивно. Но, к сожалению, природа не всегда одинаково щедра на урожай, много от чего зависит сытость и сама жизнь живого. Каков урожай еловых шишек в лесу, нам не очень заметно. Вверх смотреть — ещё споткнуться можно. Под ногами легче заметить около ёлок тоненькие веточки этого года с выгрызенной верхушечной почкой.

«Цок-цок», — грустно, как будто бы без обычного задора отозвалась сверху белочка, и новый кончик молодой веточки с выгрызенной почкой упал на землю. Не питательная еда перед длинной зимовкой. А что это значит? Напрасно было хлопотать, утеплять зимнее гнездо. Значит шишки на ёлках не уродились, не хватит, вероятно, и остального, если до веточек дело дошло. Близится время великого беличьего похода из голодного родного леса. Вперёд, всё вперёд, пока уцелевшие дойдут до мест, не поражённых неурожаем. Это не обычная сезонная миграция (их у белок не бывает). Это бегство от голода. Многотысячная армия из далёких и близких мест собирается вместе, словно подчиняясь услышанному призыву, хотя каждая белка бежит сама по себе, как будто не обращая на других внимания. Семьи давно распались. Но иногда материнский инстинкт сохраняется в прежней силе. Это редко, но бывает, если бельчонок по какой-либо причине оказывается хворым, калекой и не может существовать без материнской помощи. О таком случае я и хочу рассказать.

Дети походили на счастливых родителей, только хвостики жидковаты. Не беда! К осени распушатся!

Всё, казалось, хорошо. Но ведь никогда не знаешь, откуда нагрянет беда. Старому врагу — ястребу, который чуть было не поймал маму Дымку весной, давно уже стало известно, какая счастливая семья живёт в сорочьем гнезде. Но ему никак не удавалось застать бельчат около гнезда. И потому как-то ранним утром он затаился в кустах на окраине поляны, как вор, выжидающий добычу. Его пёстрые перья так удивительно сливались с солнечными пятнами и тенями на ветках куста, что и вблизи его было трудно рассмотреть. Свирепые жёлтые глаза горели, как две свечи, но не выдавали себя ни малейшим движением.

Даже осторожный отец Драчун не заметил опасности. Даже не менее осторожная Дымка лапками вытащила комочек мха, заменявший дверь, осмотрелась и сказала детям на беличьем языке:

— Всё спокойно. Выходите гулять.

Повторять приглашение не пришлось. Бельчата, толкаясь, с радостным писком вывалились из гнезда, и… тут же коричневая молния бесшумно метнулась к ним из кустов. Раздался пронзительный крик дымчатой белочки, но ястреб уже исчез, унося в лапах неподвижное золотистое тельце: острые когти пронзили сердце бельчонка.

Дымка в отчаянии бегала по веткам, обнюхивала их, точно искала следы исчезнувшего сына. Драчун прискакал на её крики и удивлённо следил за ней, не понимая, что случилось: он не видел ястреба.

Дымка спустилась на землю. Ястреб унёс крупного, сильного бельчонка и взмахом крыла сбросил с дерева маленькую Черноглазку. Теперь она с жалобным стоном приковыляла к матери на трёх лапках: падая, сильно ушибла четвёртую. Взобраться по дереву в гнездо она не могла.

Что же делать?

Драчун, взволнованный, недоумевающий, прыгал по веткам, заглядывал в гнездо. Наконец капелька крови на ветке разъяснила ему, что случилось. Он издали принюхался к ней, вздыбил шёрстку на затылке, как-то странно кашляя от страха и отвращения. Затем, спустившись с дерева, он долго стоял около Черноглазки, с опасением рассматривая её раненую лапку.

Он не знал, что надо делать.

А Дымка знала. Ей хорошо было известно ещё одно дальнее дупло, где чёрные дятлы весной выводили детей. Теперь дупло пустовало. Далековато, но тем лучше убраться подальше от ястреба, который непременно вернётся.

Подойдя к лежавшей на земле Черноглазке, она решительно стала подталкивать её носом и лапками. Та тихо пискнула, но не пошевелилась. Дымка подняла голову и растерянно посмотрела на Драчуна, точно прося его о помощи. Но тот ответил ей таким же растерянным взглядом и вдруг, одним скачком, оказался на ветке над её головой. Ясно: решать приходилось ей. И она, ухватившись зубами за пушистый загривок дочки, попробовала вскинуть её себе на спину, как когда-то переносила совсем маленьких детей. Но как же это оказалось трудно: Черноглазка ростом была уже почти вполовину матери.

Так началось это путешествие. Шатаясь под ношей, Дымка медленно тащилась по земле. Драчун следовал за ней по нижним

веткам деревьев. Нагибаясь, чуть не падая, он усердно цокал, по-видимому подавая жене самые лучшие советы. Но спуститься на землю и помочь ей своими сильными плечами не догадался или не хотел.

Но всё кончается, кончился и этот трудный путь. У старой дуплистой осины мать и дочь упали без движения. Лихорадочно вздымавшиеся и опадавшие бока их показывали, как сильно бились измученные маленькие сердца.

Вот это удача! Драчун проворно нырнул в черневшее на стволе дупло и тотчас же вынырнул с весёлым стрекотанием. Похоже было, что он приглашал всю семью посетить великолепный дом, который сам отыскал.

Но семья, к его удивлению, не отозвалась на приглашение. Всю ночь Дымка оставалась на земле около лежащей Черноглазки, дрожа, оглядываясь, но не решаясь её покинуть.

Ночной ветер сжалился над двумя маленькими пушистыми клубочками, дрожавшими в траве, притаился и не донёс вести о них ни большим, ни малым хищникам, рыскавшим вокруг.

Раз они услышали лёгкий шорох и хруст под очень лёгкими лапками. Это вышел на добычу злобный горностай — тигр среди малых лесных зверей, хотя сам не крупнее белки. Стоило ветру выдать их присутствие его острому чёрному носу, и одна из них, наверное, не дожила бы до утра. Но ветер не выдал, и горностай, проскользнув мимо старой осины, подхватил неосторожную лягушку и унёсся большими скачками. Лишь тогда белочки перевели дыхание.

С первым солнечным лучом терпение ветра окончилось. Как резвый мальчишка, промчался он по лесу, и деревья зашептали и закачались на его пути. Над головами белочек раздалось тревожное стрекотание. Драчун и тут не покинул их. Он то взбегал по стволу к самому дуплу, то опять спускался на нижнюю ветку, точно старался показать белочкам, что им надо сделать. И они послушались его. Черноглазка со стонами подковыляла к дереву, также медленно добралась до дупла и почти упала на дно его. Она так и осталась хроменькой на всю жизнь. И для Дымки Черноглазка осталась детёнышем на всю жизнь. Белочка ночью в дупле нежно обнимала дочку лапками, утром вылизывала ей шубку, пока та не начинала блестеть, как золото. Днём подзывала ласковым криком и беспокоилась, если Черноглазка отбегала далеко.

Лето подходило к концу. Белки уже усиленно готовили запасы для зимы. Это делали все белки, даже молодые, хотя о зиме они ещё ничего не знали. На деревьях развешивали на просушку самые лучшие грибы — боровики и маслята. В дуплах и

под корнями завели кладовые с орехами и желудями. Зимой забудет белочка, где её запасец, другие белки и отыщут, им пригодится. Хроменькую Черноглазку больная лапка часто подводила: оступится и уронит гриб, с которым добиралась до развилки сучков. Надо уложить его надёжно, шляпкой вверх, ножкой вниз. Иначе свалится. Поэтому она чаще раскладывала грибы на пеньках — и так высохнут.

Всё шло хорошо, как вдруг в лесу что-то изменилось. Было ещё тепло, еды хватало. Но все белки в лесу ощутили странное беспокойство. Возможно, причиной был неурожай еловых шишек, их главной пищи… Родной лес перестал быть родным. Белки беспокойно прыгали с дерева на дерево, что-то звало их неизвестно куда, но только прочь от родных мест.

Лес наполнился скачущими по деревьям белками, своими и чужими, пришедшими издалека. Это был непрерывный поток рыжих пушистых зверьков. А вскоре и Дымка с Черноглазкой к нему присоединились. Где-то в этом потоке бежал и Драчун, но Черноглазка выросла, Дымка перестала им интересоваться.

Самый характер белок изменился. Они прыгали по деревьям, бесстрашно перебегали открытые места, если река преграждала путь — бросались в неё такой плотной толпой, что в воде теснились, сами тонули и топили друг друга. Переплыв, бежали дальше.

Над ними с криком вились хищные птицы. Они хватали белок и тут же их пожирали. Отяжелев от сытости, отставали. Проголодавшись, снова нагоняли бедных зверьков. А волки, лисы, горностаи — те просто объедались, бежали за ними по пятам.

Шёл уже не первый день пути. Дымка и Черноглазка упорно бежали вместе. Если к ночи находилось дупло, забирались в него, нет — спали на ветке у ствола, тесно прижавшись друг к другу. Черноглазка заметно слабела. По утрам, прежде чем тронуться в путь, долго со стоном лизала больную распухшую лапку. Всё новые толпы белок опережали их.

А скоро над всем беличьим войском: разразилась новая беда: лес вдруг кончился. Белки, смущённые, собрались на опушке. Перед ними лежало огромное пожарище. Земля почернела, обуглилась, лишь кое-где торчали стволы обгоревших деревьев.

Белки усыпали уцелевшие деревья на опушке. Они тихонько цокали, испуганно поглядывая друг на друга бусинками-глазами, потускневшими от голода и усталости.

Наконец одна белка осторожно спустилась на обгорелую землю, испуганно потряхивая лапками, точно земля эта ещё не остыла. За ней — другая, третья… и вот уже они все устремились вперёд, всё дальше от зелёного леса по сожжённой земле.

Угольная пыль покрыла рыжие шубки, набивалась в горло. Бедные зверьки чихали, кашляли и… бежали дальше.

На мёртвом пожарище слышался только хруст угольков под усталыми лапками. Ни еды, ни воды. Казалось, для бедных белок не было надежды на спасение.

Но вот лёгкий ветер подул им навстречу, и усталые зверьки встрепенулись. Они поднимались на задние лапки, усиленно внюхивались в свежие струйки воздуха. И прочитав в них какую-то ободряющую весть, кидались бежать быстрее, точно ветер вдунул силы в измученные лапки.

Дальше, дальше… И вдруг передние белки остановились. Задние набежали на них. Небольшая тихая речка преградила им путь. Страшное пожарище кончалось на этом берегу её.

На другом — лес стоял во всей красе. Старые ели сияли гроздьями зрелых шишек. Этой новостью ветер и подбодрил усталых зверьков.

Белки, перегоняя друг друга, кидались к воде. Они пили с жадностью, лакая по-кошачьи языком, и тут же пускались вплавь к другому берегу. Глаза, уши, чуткий нос наперерыв звали их, торопили, обещали… и белки стремились навстречу обещанному.

Черноглазка приковыляла к берегу с последними белками, она спотыкалась, падала и не сразу могла встать. Дымка отбегала вперёд, возвращалась, толкала её носом, даже покусывала — ничто не помогало.

В воду они спустились последними.

Дымка плыла храбро, пушистый хвост, как флаг, держала высоко над водой. Хвост Черноглазки уже не раз почти касался воды, однако белочка из последних сил опять поднимала его. Инстинкт говорил ей: намокший хвост утянет под воду.

Вот уже середина речки, всё ближе конец пути, конец страданиям, и вдруг… огромная безобразная голова, похожая на голову страшной лягушки, высунулась из воды, раскрылась широкая пасть, вода закипела от удара сильного хвоста, раздался короткий жалобный крик… Одной белкой на воде стало меньше.

Удар рыбьего хвоста, оглушив Черноглазку, задел и Дымку. Задыхаясь, еле различая берег, белки всё же плыли к нему. В трудной борьбе за жизнь они не поняли, что слышали последний крик Драчуна.

Старый сом утащил добычу в свой любимый глубокий омут под берегом. Давно ему не попадалась такая вкусная дичь. Но удовольствие это на его зловещей морде не отразилось. Глоток, и он снова притих в засаде. Темнота в омуте делала его совершенно невидимым среди лежащих под водой коряг. А маленькие жёлтые глаза на лягушиной морде можно было заметить только с очень

близкого расстояния. Такого близкого, что тому, кто заметил их страшный блеск, уже не было спасения.

Уцелевшие перепуганные белки выбрались на берег и сразу забыли обо всем, кроме чудесных шишек на деревьях. Они вперегонки кинулись к ёлкам на отмели, поспешно взбирались на них, срывали шишки, жадно глотали маслянистые, несущие жизнь семена. Лес наполнился шорохом и хрустом. Местные сытые белки с удивлением и страхом смотрели на тощих мокрых чужаков, но в споры и драку не пускались. Что же? Шишек на всех хватит. Живите!

Дымка выплыла на то самое место отмели, на которое волна выбросила оглушённую сомовым хвостом Черноглазку, и кинулась к ближней ёлке, но тихий стон заставил её остановиться. Минуту она стояла неподвижно, в нерешительности, затем повернулась и… тотчас присела, распласталась на земле. Одни чёрные глаза жили. Они неотрывно следили за чем-то в воздухе. Ясно: оттуда грозила опасность.

— Кру!.. — раздалось над отмелью. Не нахальное грубое вороньё «карр», а мелодичный глуховатый призывный крик чёрного ворона. Но от этого звука шерсть на беличьей спинке поднялась и мелко задрожала.

— Кру, — также мягко отозвался другой голос из леса поблизости.

Две большие чёрные птицы описали плавный круг над отмелью. Они немножко опоздали. Ну что же! И одной белки с них хватит. Ещё круг! И ещё. Пониже…

— Кру! — Чёрная птица опустилась на отмель. Неторопливо шагнула к маленькому тельцу, распростёртому на песке. Медленными важными движениями она больше походила не на разбойника, а на доктора, который собирается осмотреть больного.

Но вдруг важная птица споткнулась от неожиданности и, взмахнув крыльями, даже отскочила на шаг. Раздалось отчаянное стрекотание. Другая белка, тёмно-дымчатая, молнией кинулась от ближней ёлки прямо на ворона.

— Кру! — повторил тот озадаченно, словно хотел сказать: «Ничего подобного видеть не приходилось!»

Но тут же в ответ прозвучало другое «кру», уже не удивлённо, а зловеще. Оно означало:

— Не обращай внимания. Этой нахалкой я сама займусь. — И вторая чёрная птица опустилась на песок позади Дымки. Дымка стояла над неподвижной Черноглазкой, точно обнимая её дрожащими лапками. Шерсть на её спинке поднялась, было

заметно, как маленькое и испуганное сердце то колотилось со всей силой, то замирало. Чёрные глаза её, не отрываясь, следили за каждым движением врагов. Было понятно: отступать Дымка не собирается.

Два бандита на одного измученного перепуганного зверька! Откуда же ждать спасение?

Из-за крутого поворота речушки вдруг вывернулся небольшой неуклюжий плот. Тройка мальчишек на нём действовала шестами очень неумело: плот слушался течения больше, чем своих капитанов, вертелся, куда и как ему хотелось. Но мальчуганов это только веселило: плот кружился, они смеялись, всё шло отлично.

— А что я говорил? Что говорил? — весело кричал высокий мальчуган в синей рубашке, стоявший на переднем конце плота. — До берёзовой рощи скорехонько доплывём, а там грибы… Полные корзинки наберём, посмотришь, Сенька. И домой. Здорово!

— Да, а корзинки-то придётся на горбе тащить, — отозвался другой мальчуган в розовой рубашке, — река-то…

Но первый мальчик перебил его:

— К берегу правь! К берегу! — отчаянно закричал он, хватаясь за шест. — Не видишь? Сожрут они её!

Одного взгляда на отмель было достаточно. Мальчуганы дружно заработали шестами.

— Сожрут! Сожрут! — отчаянно повторил мальчик в синей рубашке, изо всех сил загребая воду. Но плот вдруг завертелся на одном месте: зацепился за корягу, торчавшую из воды, как раз против отмели.

На минуту мальчики забыли про шесты и плот. Неподвижные от изумления, они наблюдали, что творилось на берегу. На них там никто не обратил внимания.

— Кру, — проговорил первый ворон и опять шагнул ближе. Но это был хитрый ход: он явно следил не за белкой, а за тем, что было позади неё, и отвлекал её внимание.

Дымка вздрогнула и, отчаянно вереща, прыгнула навстречу врагу. Ворон, точно испуганный, попятился.

В ту же минуту его подруга молча налетела сзади. Ещё мгновение — и храбрая белочка получила бы смертельный удар клювом по голове. Супругам-разбойникам достались бы две жертвы.

Но в это мгновение…

— Сожрут! — отчаянно крикнул высокий мальчик, — Прыгай, ребята!

Три всплеска, три сильных броска были ответом.

— Держи! Держи! Вот я тебе! — вопили мальчуганы, дружно загребая воду сажёнками.

— Кру! Кру! — был недовольный ответ. Птицы проворно взмыли вверх. Вон там, на сухой берёзе, можно переждать. Может быть, уйдут, не оставят их без вкусного завтрака?

Дымка заметила мальчуганов, лишь когда они, крича, выбежали из воды на отмель.

Ещё враги!

Минуту она стояла неподвижно над тельцем Черноглазки. Казалось, она готова на борьбу и с этими новыми врагами. Но затем не выдержала, с громким криком страха и горя кинулась к соседней ёлке. С жалобным и яростным стрекотанием она метнулась по нижней ветке: вперёд — назад, вперёд — назад. Бусинки-глаза с ужасом следили: новые враги нагибаются над мокрым тельцем там, на песке…

Эти-то уж наверняка съедят!

Худенький мальчик в розовой рубашке осторожно поднял Черноглазку.

— Мёртвая! — проговорил он. — Заклевали. Ух вы! Подхватив с отмели порядочную гальку, он что есть силы запустил ею в сухую берёзу.

— Кру, — ответили разбойники и, поднявшись, неохотно перелетели немного подальше.

— Мёртвая! — почти со слезами повторил мальчик. Но старший нагнулся и положил руку на неподвижное тельце.

— Стукает! Сердце стукает! — крикнул он радостно. — Оживеет! Холодная только очень.

— Оживеет! — повторил маленький. — Ништо. Я погрею.

Проворно расстегнув мокрую рубашку, он сунул неподвижную белку за пазуху. Дымка ответила на это грустным цоканьем. «Съели!» — вероятно, значило это на беличьем языке.

— Оживела! — вдруг радостно крикнул маленький. — Ворохнулась. Ой, ещё!

От теплоты ребячьего тела Черноглазка пришла в себя. Она слабо зашевелилась под розовой рубашкой.

— Пищит! — в восторге прошептал мальчик. — Носом меня щекочет!

— Как бы не куснула! — с сомнением проговорил старший. — Вынь её, Сашок, поглядим.

Черноглазка заметалась от ужаса в руках Сашки, но укусить не пробовала. Она снова жалобно пискнула. Дымка в ответ отчаянно заверещала, но спрыгнуть на землю не решалась.

— Дай! — Коляка протянул руку.

— Я её к той, на ветку, посажу. Что будет.

Осторожно он поднёс вырывающуюся белочку к ёлке. Прикосновение лапок к стволу совершило чудо. Черноглазка сразу молнией взвилась на ветку, где ждала её Дымка. Та с писком кинулась ей навстречу. Мальчики смотрели, не шевелясь, не смея вздохнуть.

Белочки встретились на середине ветки.

На минуту остановились, мордочка к мордочке, точно перешепнулись.

— Лижет её! — шёпотом проговорил Сашок. — Гляди! Точно маленькую. В голову!

В увлечении он переступил с ноги на ногу, на земле что-то хрустнуло. Черноглазка отскочила от матери, кинулась вверх по стволу и исчезла из глаз.

— Спугнул! — укоризненно проговорил Коляка. — Сейчас и та тоже…

Но у Дымки были свои соображения: она не собиралась отступать сразу. Она прыгала по ветке, распушив хвост и взъерошив волосы на спинке. Снизу мальчикам хорошо было видно, как горели её чёрные глаза. Она нагибалась, точно желая лучше рассмотреть онемевших от изумления мальчуганов, и сердито верещала на них во всю мочь маленького горлышка.

— Это она чего же? — не выдержал Сенька, третий мальчуган в белой майке.

Коляка обеими руками зажал рот, чтобы не расхохотаться.

— Ругает! — объявил он страшным шёпотом. — Нас! По-своему, по-беличьему. Ты что, не разобрал? Во как понятно выговаривает!

Глаза Сеньки округлились.

— А она, она… что выговаривает? — спрашивал он, поднимаясь на цыпочки, вытянув шею, чтобы лучше слышать.

— Ах вы такие, распротакие, хотели мою белочку слопать, да она вам не далась! — объяснял Коляка и тоже, вытянув шею, делал вид, что прислушивается.

Тут и Сенька разобрал шутку. Он задохнулся от смеха, махал руками и подпрыгивал.

— Слопали! — заливался он. — Это мы слопали?

Но тут уж и храброе Дымкино сердечко не выдержало. Прострекотав, наверно, самое обидное, она огоньком мелькнула в густых ветвях и тоже исчезла вверху.

Мальчики ещё постояли. Вдруг что-то прошелестело сверху и свалилось на землю у самых их босых ног. За ним другое.

Коляка нагнулся.

— Обедают! — возвестил он и поднял стерженёк обгрызанной шишки.

— Приятного аппетита! — дружно три раза прокричали ребята, со смехом выбежали к воде и остановились: их недавняя гордость, чудесный плот был окончательно испорчен. Брёвна разъехались от удара. Он сиротливо покачивался на середине речки, собираясь вовсе развалиться.

С плаваньем было покончено.

Но ни один из капитанов об этом не жалел.

— Кру! — глухо донеслось из глубины леса.

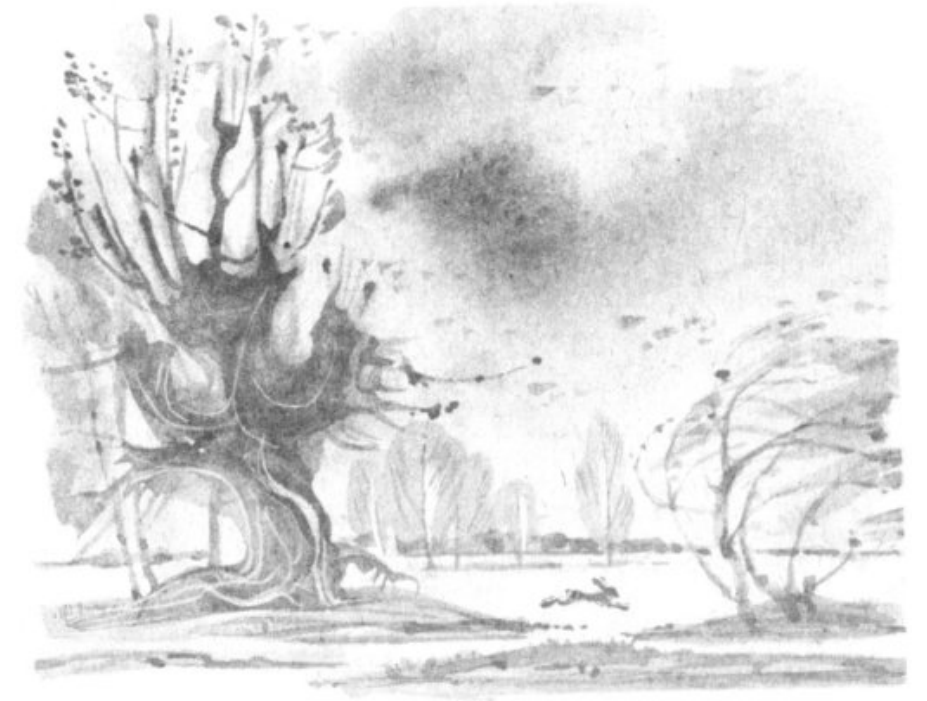
Пара воронов на этот счёт осталась при особом мнении.

Считается обычно, что первой отзывается на приближение осени берёза: жёлтые маленькие пряди в зелёных её косах. Но увеличиваться они не торопятся. По-настоящему ещё с конца сентября румянцем заливается боярышник, в начале октября отзовутся клён и липа. А там уже осень почувствует дуб. Точных границ между месяцами деревья и в этом не признают. Выдумали их люди, а природа свой великий установленный порядок для удовольствия календарей не меняет. Когда разрушается зелёный пигмент, выступают другие краски. Это их прятал в своей густой зелени хлорофилл. Теперь пришёл их черёд красоваться. Фиолетовыми, красными цветами засиял антоциан в листьях, содержащих разные виды сахара. Осины, листья которых более «сахаристы», нарядились в красный цвет. Осины, менее «сладкие», украшены скромнее — жёлтыми листьями. Чем ярче листья, тем больше они захватывают уже более скупого солнечного тепла. Оказывается, вся осенняя подготовка в них — переход соков в черешки, а оттуда в ветви и дальше (в ствол и корни) идёт быстрее. Они скорее выполнят свою заботу о родном дереве и потом, уже сухие, без сока, скорее опадут, закончат листопад, чем другие листья, менее нарядные.

Но это правило не все ещё деревья освоили: клён, рябина, вишня… Но о них поговорим особо.

У разных деревьев и кустарников листопад начинается не в одно время. У одних, например, у липы, тополя сначала опадают нижние листья; вяз, орешник, ясень осыпаются сверху. У ясеня, ольхи, садовой сирени хлорофилл совсем не разрушается: листья опадают зелёными. Если листья не отпали — их обжигают ночные заморозки. Дольше всех держатся листья на дубе, яблони и сирени.

ОКТЯБРЬ



Октябрь — второй месяц осени. Народ не поскупился для него на прозвища: листобой, зазимник, грязник. Всё живое, как кто может, с летом прощается, к зиме готовится. Отцвели, отпылали растения последним хороводом ярких красок отмирающей, выполнившей свою летнюю задачу листвы. Не только на деревьях и кустах: покраснели листья земляники и толокнянки, фиолетовые листья голубики, нежно желтеет папортник-орляк. До чего же ярко, разноцветно лес прощается с летом! Золотая берёза, огненно-красные клён и осина, жёлтые вяз и липа. Один дуб краски на бурые листья пожалел. Но и без него глаза не устают любоваться, а душа радоваться. Одна угрюмая ольха стоит зелёная, и зелёными упадут с неё листья. Но недолга прощальная краса деревьев. Вот уже листья отдали родному дереву всё, что имели питательного (крахмал, жиры, сахар), и сухие, мёртвые падают на землю. Но и тут они не бесполезны; мягким тёплым ковром укутали корни, берегут их от мороза. Затем мириады незаметных тружеников — грибков, микроорганизмов роскошно пируют на них и превращают этот тёплый ковёр в питательный гумус. Он пригодится весной и летом, когда проснутся деревья и тронутся в рост. Ничто в

природе не пропадает. Кончается в этом месяце листопад, раздевается и единственное наше хвойное дерево: мягкие жёлтые иголочки лиственницы устилают землю. А цветы ещё держатся на полях и лугах: краснеют головки клевера, желтеют кульбаба осенняя, донник лекарственный, белеет высокий тысячелистник, ромашка. А некоторые цветы ещё и вторично зацветают: лютик, неугомонный одуванчик, а на сыроватых лугах ещё и первоцвет мучнистый. Подвигается октябрь к ноябрю, можно и утренних заморозков дождаться, а в конце месяца иногда и лёгкий снежок пойдёт. «Первый снежок — не лежок», — говорят в народе. «В осеннее ненастье семь погод на дворе: сеет, веет, крушит, мутит, ревёт и льёт и снизу метёт». Безрадостная поговорка. Но хоть листья опали, а есть на чём ещё отдохнуть глазу: все ягоды на кустах поспели. Не хуже красных листьев рдеют кисти рябины, а там и калина расцветилась, шиповник, а пониже поклонишься, и клюквы с брусникой тоже красным-красно, не ленись собирать. Брусника — так даже и второй раз, бывает, зацветёт — залюбуешься на крохотные нежные колокольчики.

Первыми, не дождутся даже полной спелости, принимаются за рябину дрозды. Дружные птицы целой тучей с криком, с каким-то забавным квохтаньем облепят дерево, на весь лес слышно. Грузные глухари пожалуют лакомиться: долгую зиму ведь мороженую хвою жевать будут, тетерева целыми стаями. А рябчиков сибирские охотники рябиной даже в петлю заманивают. Чижи, щеглы только семечки вышелушат, мякоть на землю роняют. Их объедки подберут все, кому вверх не забраться: зайцы, кабаны, косули. Куница, соболь на дереве пируют, кровожадный хорёк и тот внизу пасётся. А медведь, сколько ему надо сучков, могучей лапой наломает. Всех щедрое дерево угостит. И ещё останется для северных гостей, которые к нам из родных мест вроде как на юг прилетают: снегири, свиристели, щуры и бродяги-клесты. Все краски юга они на ярких пёрышках принесли: розовый, красный, малиновый. Самочки серенькие, простенькие между яркими мужьями незаметны, но в аппетите от них не отстают — проголодались за дальнюю дорогу.

Прозрачен осенний лиственный лес, и ярка густая зелень хвойного. Невольно сравниваешь, невольно спрашиваешь: почему? Но ещё удивительнее: ведь в засушливых жарких странах деревья тоже сбрасывают листья, пока не кончится засуха и прольются благодатные дожди. У нас в холодную погоду корни перестают подавать воду вверх. Листья продолжают испарять воду через устьица. Что же делают деревья? Они сбрасывают листья, как делают их братья жарких стран. Мало того, в листьях накопились и вредные вещества (особенно в городах, около

заводов). Дерево от них освобождается. А зимой тяжесть снега может и сломать ветку, вовремя не сбросившую листья. Всё правильно, понятно. А как же хвойные? Сравните широкий лист и узенькую иголочку. Кто больше испаряет влаги? Лист, конечно. И ещё: иголочки покрыты восковым налётом. И устьица у них в углублениях, и на зиму они закрываются. Но… справедлива старая поговорка: «каждая палка — о двух концах». Берёза или липа каждую осень сбросит листья и с ними от всех вредных веществ освободится. Можно жить наново. А иголка живёт на ёлке или сосне пять-семь лет. Они долго копят в себе всё вредное, отравляют этим родное дерево. Потому хвойные больше страдают от загрязнённого городского воздуха, чем лиственные. Помогают ёлке, сосне, лиственнице, если растут с ними, лиственные: ведь листья перегнивают в подстилке в два-три раза быстрее, чем иголочки. Берёза, липа, ольха сделают почву плодороднее. А красная бузина не только полезна улучшением почвы. Давно замечено: не любят её насекомые-вредители и в лесах, и в садах. Не человеческому, мало чувствительному носу дано разобраться в тонких, губительных для насекомых ароматах-фитонцидах, нечувствительным для нас облаком обволакивающих скромный кустарничек. Красные его ягоды на наш вкус вовсе непривлекательны, а посмотрите, как лакомятся птицы. А подстилка из опавших листьев бузины (соединения синильной кислоты) губит гусениц большой тополевой стеклянницы, от которой осина, бальзамический тополь суховершинят и засыхают. Целый набор таких разнообразных свойств у одного скромного кустарника. Если нам кажется, что какое-то живое существо ничем не интересно, значит, мы не сумели его как следует рассмотреть.

А вот у черёмухи, черники, ежевики листья не красные, а жёлтые. Полезная придумка: на жёлтых листьях тёмные ягоды заметнее, чем на красных. А чернике и черёмухе этого и нужно: зрелые ягоды птицы скорее заметят и скушают. Съели и дальше побежали или полетели. Ягода переварилась в желудке, а семена птица посеяла где-нибудь подальше от родного куста. И птице хорошо, а семечку ещё лучше: ведь у него крылышек нет, птичьи крылья и ноги его переселили. В тихие солнечные дни листья, точно яркие бабочки, тихо колыхаясь, плывут, опускаются на землю. Но вдруг налетит жестокий холодный вихрь, и разноцветный рой, глазам больно, сорвётся с голых, словно озябших, ветвей. Жалобно, тонко засвистят они, замечутся. Прощай, осенняя краса, до будущей осени.

Птицы улетают

Одними из первых улетают насекомоядные: зёрнами не питаются, насекомых нет. Из них первыми летят кукушки старые: детей они не знают и дети их. Примечательно, что молодые не проявляют никакого интереса и к приёмным родителям: выучились, наконец, кормиться самостоятельно и — прощайте! Как будто маленьких птичек, из сил выбивавшихся, чтобы накормить ненасытную громадину, уже перебравшуюся из тесного гнезда на ветку, для кукушонка не существует. Интересно наблюдение одного учёного, что приёмный «отец» приближался к кукушонку даже с некоторым страхом и, явно пересиливая себя, засовывал добычу в разинутую пасть. По-видимому, слишком уж велико несоответствие роста приёмыша с теми, кого он считал бы собственными детьми. Случается также, что кукушонок, вовремя не выбравшийся из дупла, где было гнездо горихвостки, уже оперившийся, не мог из него вылезти. Приёмные родители, взволнованные, метались между тягой к перелёту и необходимостью кормить застрявшего в гнезде кукушонка. Наконец, не выдержали — улетели. Взрослые кукушки, пролетавшие мимо, никакого участия в судьбе погибающего от голода родича не принимали. Однажды мальчики, случайно заметившие такого узника, освободили его и принесли домой. Но и к ним он никакой привязанности не проявил и при первой возможности улетел в Африку, как ему и полагалось. Мальчики очень ждали его прилёта весной, надеясь, что он их узнает. Напрасно.

Собираются в осеннюю дорогу дикие голуби. Пять видов живёт их в Татарии, и все, хотя и привычки у некоторых разные, удивительно друг на друга похожи. Посмотришь на крупного вяхиря, на маленькую нежную горлицу, и сразу скажешь: голубь. Все они — древесные птицы, кто в дупле, кто кое-как неумело гнездо на дереве смастерит, снизу сквозь ветки часто яйца виднеются. Исключение — немногочисленный скалистый голубь, гнездится он по берегам Волги в расщелинах скал или заброшенных разработках. Но все они, кроме вяхиря, корм на земле собирают: семена диких и культурных растений, ягоды. Наш одомашненный голубь считается потомком скалистого, как и все культурные породы, например почтовый. Остальные породы, в сущности, чисто спортивно развлекательны. За границей мясная порода голубей разводится ради вкусного нежного мяса. У нас мясо голубей в пищу не употребляют, а напрасно.

Отлёт перелётных голубей начинается в сентябре. Но только

горлинка летит действительно далеко, в экваториальную Африку. Остальные перелетают сравнительно недалеко — несколько южнее мест, где проводят лето, но всё-таки просто кочёвкой это считать нельзя. Наш одомашненный, живущий на чердаке, никуда не отлетает (ведь скалистый голубь не перелётный). И на деревьях он кормиться не научился, хотя собирать пищу на дворе не так-то просто. Голодный, он может бродить, подбирая под деревьями упавшие семена, но не взлетит на ветку, густо покрытую такими же семенами, велика сила наследственности инстинкта. Правда, раз мне пришлось увидеть сизаря на ветке клёна. Ел он с отменным аппетитом, а внизу целая стайка подбирала случайно им сброшенные семена. Но… наука им впрок не пошла.

От одомашненного голубя выведены все формы, какие только придумала любительская фантазия. Действительно интересен и большую роль издавна играет среди них почтовый голубь. Удивительна его способность возвращаться к своему гнезду, даже если его увозят да большое расстояние. Эта способность усилена очень давно длительным отбором. И теперь, в век радио и самолётов, почтовики бывают очень полезны и на войне, и в мирное время. Во время войны 1870–1871 гг. Париж был осаждён немцами. Телеграфа ещё не было. Связь Парижа с французской армией поддерживали почтовые голуби. Их отправляли с донесениями на тонких листиках бумаги, надёжно свёрнутых и прикреплённых к перьям так, чтобы они не мешали полёту. К сожалению, голуби знают путь только в одну сторону, к родному гнезду. Поэтому из Парижа их отправляли на воздушных шарах. Ответы голуби приносили уже самостоятельно. Правда, из Парижа отправили 300 посланцев, а обратно с ответами в голубятни Парижа добралось только 70, но и это было очень важно.

Во время Великой Отечественной войны в Ростове-на-Дону у мальчика Вити Черевичного были голуби, не почтовые. Когда фашисты захватили Ростов, Витя начал выпускать кружиться голубей в тех местах, которые важно было указать нашей артиллерии для обстрела. Фашисты случайно узнали об этом. Мальчика убили. В Ростове теперь стоит памятник: Витя с голубем в руках.

Случалось, что на войне партизанам были очень полезны не только голуби, а… сороки. В глухом лесу хорошо, если недалеко от тропинки к лагерю оказывалось сорочье гнездо. Сорока с гнезда слетит, чтобы врагу его не выдать, детей не погубить. Отлетит и тут уж душу отведёт, шуму-гаму на весь лес. И подружки на подмогу не опоздают явиться. А партизанам это и

нужно — сороки, неподкупные сторожа, весть подали: враги по лесу пробираются!

В 1957 году К. Янов написал книгу «Разведение голубей», им опубликовано ряд статей в газетах и журналах о голубеводстве и голубином спорте. В его адрес поступает много писем.

Однажды ему вручили письмо от Фёдора Ефимовича Медведя, живущего в Одессе. Он писал, что к нему случайно попал голубь, на ножке которого было кольцо, и просил узнать, какой стране принадлежит эта птица и кем окольцована.

И вот только недавно он получил «Справочник спортивных голубей Великобритании и стран Европы», изданный в Лондоне в 1962 году. В этот справочник внесены голуби, отличившиеся на общегосударственных состязаниях в полётах на большие дистанции.

По справочнику выяснили, что голубь родился в 1958 году от чистокровных почтарей. Его хозяин Осман, автор многотомных трудов по спортивному голубеводству.

Птица, попавшая к Ф. Е. Медведю, зарегистрирована в голубином клубе города Ковентри. В справочнике сказано, что кольцо № 201 выдавал секретарь клуба В. Г. Ровелл. Этот голубь имеет немало спортивных успехов. Он побывал во многих странах мира. Его выпускали с территории Франции, Италии, Северной Африки, и он всегда возвращался к себе домой.

И только в последний раз голубь не смог достигнуть берегов Англии. Что же с ним случилось?

Корабль находился в океане. Небо кругом заволокли тучи, грозные волны разбивались о борт судна. И вдруг на палубу села птица. Это был сизый голубь. Пернатого пассажира поместили в наскоро сколоченную миниатюрную голубятню. Долго голубь не прикасался к пище. Метался из стороны в сторону. Тосковал, потом смирился со своим положением, ожил, повеселел. Корабль прибыл в Одесский порт. Так голубь оказался у Ф. Е. Медведя.

Среди своих собратьев чужестранец почувствовал себя превосходно. Он уже имеет потомство, которое без предварительной тренировки свободно совершает полёты по маршруту Николаев — Одесса.

Всё тише становится в лесах и полях, улетают, протяжными криками прощаются с нами или просто переговариваются о своём последние пролётные водоплавающие. Летят утки, опытное ухо различит и голоса гусей: серых, гуменников, красавиц казарок. Серебряный грудной лебединый прощальный голос прозвучал в последний раз и затих вдали. Улетели.

Неохотно пускаются они в дальнюю дорогу. Осенней ночью

уже заморозок льдом покроет родное озеро, казалось бы, пора улетать. Так нет! Лебеди утром поднимутся и с размаху грудью на лёд упадут, разобьют его и опять плавают, кормятся, точно стараются хоть на несколько дней оттянуть разлуку с родиной.

Только ли холод не даёт им остаться у нас? Нет, им нужна открытая вода — в ней они добывают себе пищу. Ведь запасов они себе заготовить не могут. Место их зимовки — южная часть Каспийского моря. Миллионные стаи собираются там. От разноголосого крика бывает не слышно человеческого голоса. Какой простор для бессовестных браконьеров, скажете вы. Для птиц созданы два заповедника: Кызыл-Агачский и Гасан-Кулийский. Птицы спокойно там зимуют, если не постигнет их редкая в тех местах, но страшная беда: мороз и гололедица. Тысячи гибнут тогда от голода и обморожения, их нежные перепончатые лапы не терпят мороза. И пищи, ещё более необходимой в холод, им из-подо льда не достать. Конечно, посильную помощь бедным птицам оказывают и работники заповедников, и добровольцы. Но как она мала по сравнению с тем, что было бы необходимо. К счастью, эта беда приходит не так часто. Гибнущие птицы теряют страх перед человеком, ждут помощи…

Лебеди летом вырастили детей, теперь, осенью, все семьи соединились в общую стаю, стаей отправились на далёкий юг. Но пары остались верны друг другу, лебедь и лебёдка будущей весной опять вместе будут — выводить детей. Если же случится беда, один погибнет, то весной вернутся лебеди в родные места, разобьются на пары, а одинокий лебедь так и проживёт лето одиночкой. Тоскует, зовёт исчезнувшего друга, пока настанет время осенью в стае лететь на зимовку на юг.

В СССР охота на лебедей запрещена. И вовремя: ещё немного и совсем бы исчезла в нашей стране белоснежная птица-красавица. Но, к сожалению, браконьеры-хищники и у нас ещё не перевелись. Осенью подстерёг такой стаю птиц на перелёте. И заметил необычное: летят лебеди, а среди них один клювом за хвост другого держится. Браконьер убил этого лебедя, а потом рассказал: лебедь был слеп. А передний, как поводырь, его вёл, дорогу показывал. О своём друге заботился.

Как часто наблюдаем мы в жизни природы такое, что всю душу захватывает.

Старик-пенсионер много лет назад был лесником, и ему приходилось наблюдать, как жили, гнездились лебеди шипуны у нас в Татарии.

На озере около его дома пара лебедей свила гнездо, вырастила детей. Пришла пора отлёта, а лебёдка повредила

крыло. Над озером летала, а в дальний путь в тёплые страны не решилась. Уже и дети улетели, и пролётные стаи на озеро опускались, с собой звали… Лебедь над лебёдкой кружил, то отлетит, то вернётся, звал, манил её за собой. Наконец стая поднималась и улетала, он оставался.

Вот пролетели последние стаи. Лёд на озере окреп, уже лебедям не под силу стало разбивать его грудью. Некоторое время держались они в полынье у ключа, что и в большие морозы не замерзал, но в руки леснику не давались. Наконец, после сильной снежной бури лесник, с волнением следивший за судьбой лебедей, нашёл их на берегу. Они сидели, тесно прижавшись друг к другу, точно делились последним теплом. Но… тепла уже не было. А с ним ушла и жизнь. Лебедь, умирая, не оставил подруги, могучий инстинкт, звавший его к отлёту, оказался слабее, чем привязанность к ней.

При перелётах птицы иногда удивительно используют состояние атмосферы. Близ Босфора осенью птицы с парящим полётом (аисты, крупные хищники) начинают кружиться над горой Камлиджа, набирая высоту в восходящем потоке воздуха. Достигнув нужной высоты, перестают кружиться и переходят на скользящий полёт, пока не встретят новый восходящий поток. Тогда начинают набирать высоту. Весной обратный путь лежит южнее, где легче найти восходящий поток воздуха.

В сентябре — октябре улетают и кулики, большие и маленькие. Раньше собирается в путь куличок-воробей, из крошек крошка, в октябре исчезает единственный наш лесной кулик вальдшнеп. Летом они отшельники, но летят группами. В октябре исчезли и последние из чаек — озёрные. Скучно становится на воде без этих милых птиц.

Зато леса оживились зимними гостями, о которых мы раньше говорили. Не только красивы, но и полезны они. Жадно набросились на ягоды, которыми полна наша щедрая осень, Мы на это не в обиде: они на родине такой роскоши не видели. Кончатся ягоды — примутся за семена сорняков, а ведь это уже прямая польза. Ягоды, к сожалению, мы до сих пор не научились собирать для своих нужд, как следовало бы. Не будем же неоправданно жадничать.

Звери

Полон шорохов осенний лес. Прижался под кустиком заяц-беляк кажется ему: со всех сторон враги подбираются. А если ещё и перелинял рано, в зимние белые штанишки до снега нарядился — вовсе от страха не дышит, крадучись из леса на поле, луг выбирается. Там хоть тишина сердце успокоит.

Ласка, горностай по заячьему примеру тоже в белое платье нарядились. У горностая хоть самый кончик хвостика чёрный, а у ласки только носик да глаза чёрные. Белочка тоже скромное серенькое платьице надела, авось куница не приметит. Но это, пожалуй, мало поможет: зорок беспощадный враг.

В календарь звери не заглядывают и так чувствуют: кончится сытая осень, а зима, ох, длинна. Осень — запасиха, зима — подбериха. И кто как сумеет, хлопочут, торопятся, запасаются. Самый простой способ — нарастить запас сала на собственных боках и с тем залечь на зимний долгий сон. Такой способ медведь себе выбрал, но пока ещё только к нему приступает. И это не без хлопот достаётся: ещё нескоро удастся набрать сала такой туше. Медведице надо и больше: ведь у неё в берлоге появятся детки. Ну и стараются жиреть огромные звери. Им всё годится: от крохотного муравьишки до заблудившейся в лесу коровы, и ягоды, жёлуди, корни, семена растений.

Из насекомоядных откормились и ложатся спать ежи. Норку копать они ленятся, норовят чужую пустую квартиру занять, или подходящее место под каким-нибудь корнем понравится. На иголках спать жестковато, так ёж на сухих листьях поваляется, нацепит их на иголки и везёт к себе в норку, точно сухая куча листьев сама ползёт. Вот и подстилка на всю зиму. Теперь уже и маленькие дети не верят, что ёж так себе на пропитание яблоки на иголки накалывает и домой тащит. Ёж никакой растительной пищи не ест. Но хорошо себе норку утеплить не умеет или ленится, в суровую зиму и замёрзнуть может. Остальные насекомоядные спячки не признают — очень уж прожорливы: землеройка любая, если пару часов ничего съедобного не найдёт, умирает. Об этом мы говорили выше. Где же такой жадине наготовить себе еды на всю зиму? Не спят и кроты. Но они, наловив побольше дождевых червей, делают иногда запасы, обкусывая головы, чтобы черви не расползались.

Грызуны

К сожалению, нет зимней спячки и у мышевидных грызунов, из них особенно вредны полёвки: и запасы делают, да ещё и детей выводят круглый год, даже зимой под снегом. Подсчитано, что пара полёвок в год могла бы дать потомство (дети, внуки, Правнуки и их потомство) до 300 миллионов в год. Но и при обычных благоприятных условиях семейка может составить 400–500 штук. Удивительно ли, что ими питаются хищные птицы и звери до волков и медведей (так-же ценные пушные). Трудный вопрос задаёт нам природа: чего больше от этих вредителей — вреда или пользы?

Лесная сказка

По дорожке в густом старом лесу быстро шли два мальчика. Один постарше, темноволосый и темноглазый, говорил горячо и на ходу то и дело взмахивал рукой. Другой, беленький, кудрявый, почти бежал около него, чтобы не отстать.

— Ты, Вадик, к нам в первый раз приехал, — говорил первый. — Ничего, значит, в лесу не знаешь, так?

— Так, — охотно согласился Вадик. — Только я маму давно просил, ещё летом…

— Ладно, ладно, — перебил его старший. — Я тебе всё показать могу. Озеро там есть, деревья в воде отражаются, точно и там лес, только вверх ногами. Занятно? Оно, может, даже вовсе неизвестное. Я его сам нашёл. И никому про него не говорил. Ни словечка.

— Наверное, неизвестное, — подхватил Вадик убеждённо. — А знаешь что? Давай мы его сами назовём. Только для нас. И оно только для нас будет известное.

— Ой, здорово ты придумал! — восхитился Сашок. — Только для нас известное. Наша тайна будет!

Некоторое время мальчики шли рядом молча. Озеро — тайна, и название его — тоже тайна. От этого и само озеро становилось интереснее. Но вот тропинка свернула в сторону в обход глубокого оврага.

— Ты что думаешь? Это и овраг не простой, — заговорил опять Сашок. — Барсучий овраг. Тут барсук живёт. Большой, как собака. Старый. Мы с дедом его не раз видели. Идёт и ворчит: «Уф, уф!» Ты его не бойся, он сам никого не обижает. Только не трогай. А то у него когтищи — во! И зубы…

— Не буду трогать, — с готовностью согласился Вадик. Он нагнулся и заглянул в таинственную глубину оврага. Что же? Интересно бы на него посмотреть. Только… пускай он лучше не на тропинке встретится, а шёл бы там, внизу, и «уф, уф» говорил.

— Ты его не бойся. — Вадик покраснел: и как это Саша всё понимает! — Ему не до тебя. Сегодня вон как тепло, а всё равно осень, нору почистить надо, корней всяких набрать — зима-то долгая. Он спит, да и поесть захочется. Дедушка говорит, он и грибы сушит. Целую кладовку. Занятно?

Мальчики помолчали.

— А ты не отставай, — заговорил опять Сашок. — Здесь даже заблудиться очень просто. Ты по такому большому лесу ходил?

— Нет, — замялся Вадик и вздохнул — Я читал только, как в лесу дорогу находят…

— Читал, — передразнил его Сашок. — Вот смотри, муравейник возле сосны. Как по нему узнать — где юг, где север?

— А муравьи разве знают? — удивился Вадик.

— А то нет? Они муравейник всегда с южной стороны дерева строят. Им и компаса не надо, не ошибутся.

Вадик даже остановился на минутку, так его муравьи удивили. Но Сашок опять потянул его за рукав.

— Потом, потом. Дедушка нам про муравьёв не то ещё расскажет. А там, у озера, муравейник есть, ну чуть не с тебя ростом. И сосна ещё на обрыве. Ей, может, уже тысяча лет. Я под ней сидел раз и думал: вот бы узнать, что она видела? Что тогда было?

— И муравейнику тоже тысяча лет? — удивился Вадик.

— Ну, про муравейник не знаю. Только тоже очень старый.

— В нём, наверное, ещё муравьи живут, которые жили, когда сосна совсем молодая была, — догадался Вадик. И так на ходу об этих старых муравьях задумался, что споткнулся и чуть не упал.

— А вот ёлка, на ней мох только с северной стороны растёт, — заговорил опять Сашок. — И ещё…

Тут тропинка опять круто повернула, и перед ними открылось маленькое озеро. Сашок замолчал и остановился.

Они стояли на обрыве над самым озером. Над ними огромная сосна широко раскинула толстые изогнутые сучья. Всё было так, как говорил Сашок, и… совсем не так.

На земле валялась куча головешек, красно-золотистая кора сосны с одного бока обуглена, видно огонь от непотушенного костра перекинулся на неё, добирался до нижних сучьев. Наверно, его дождь погасил. Тут же валялись банки, бумажки…

— Смотри! — Вадик показал на уцелевший от огня бок сосны. На нём грубо вырезаны буквы. — Сеня, Коля, Миша, — прочитал он. Из глубоких надрезов сочилась и застывала золотистая смола.

Сашок нагнулся и вытащил из костра обгорелую палку.

— Они хвороста поискать поленились, вот молодую сосенку погубили. Я бы их за это — ух! — Он, что есть силы, размахнулся палкой.

— Ты что? С ума сошёл? — Вадик еле успел в сторону отскочить.

— Ну, я же не тебя. Это я их так. Ой! А это что?

Недалеко от сосны, около развороченного муравейника, суетились большие рыжие муравьи. Одни собирали разбросанные сосновые иголочки и тащили их обратно в муравейник, другие хватали какие-то кусочки и относили их прочь. Из середины муравейника торчала большая палка. Муравьи бегали по ней вверх и вниз, останавливались, трогали друг друга усиками,

точно советовались, что же им с этой палкой делать.

— Бессовестные! И муравьёв не пожалели!

Вадик сердито выдернул палку, размахнулся, чтобы закинуть её в озеро. Сашок схватил его за руку.

— Ты что? На ней муравьёв сколько! Оставь!

— Ой! — крикнул вдруг Вадик, подпрыгнул и бросил палку на землю. Разозлённые муравьи успели перебраться с палки ему на руку и яростно в неё вцепились.

— Ничего, дай я стряхну, они, наверное, думали, это ты их муравейник разворотил, — объяснил Сашок, но вдруг и сам запрыгал й кинулся прочь от дерева.

— Ой, ноги! Вадик, беги скорей!

Мальчики отбежали в сторону и пучками травы поспешно обмели с босых ног вцепившихся в них муравьёв.

— Давай купаться, не так больно будет, — крикнул Сашок, прыгнул с невысокого обрыва прямо на отмель, да тут и остановился: красивая птица лежала прямо у самой воды, широко раскинув блестящие крылья.

— Голубь лесной, дикий, — прошептал Сашок. — Улетать на зиму собрался, да не успел. Гляди, вся голова разбита. Из рогатки. Это тоже они, Вадик, я тут больше не могу, не хочу смотреть. Пойдём.

— Куда?

— Куда-нибудь. В другое место.

— Пойдём, — вздохнул Вадик. — Мне, мне тоже жалко. Давай только её закопаем. А муравейник сгребём опять в кучу, муравьям поможем. Ладно?

— Что ты! — удивился Сашок. — Так им помочь нельзя. Они каждый прутик знают, как положить, там у них комнаты и ходы-переходы. Это дом был, а не куча мусора.

— Я не знал, — смутился Вадик. — Ну тогда вот здесь голубя похороним. А они уж пусть как-нибудь сами…

Домой шли словно не те, весёлые, а совсем другие мальчики, шли, опустив голову, почти не разговаривая.

Немножко развеселились только к вечеру. Бабушка Сашка позволила спать обоим не в комнате, а на сеновале. Душистое сено застелила дедовой плащ-палаткой, ещё с войны осталась.

— И Вадику можно? — обрадовался Сашок.

— И Вадику. Только сбегайте, пускай ему мама позволит. Сбегали вместе: близко, всего через три дома. Мама позволила и даже вкусных лепёшек дала. Мальчики их не съели за ужином, потом — на сеновале, будто в лесу, в походе. Но весело по-настоящему и от этого не стало.

— Сашок, — тихонько заговорил Вадик. — А муравьи заснули

или и ночью свой дом будут строить?

— Не знаю, — ответил Сашок. — Давай лучше спать, а то в темноте думать ещё скучнее. Только, наверное, я всю ночь не засну…

— Я тоже, — отозвался Вадик и вздохнул.

Но сон потихоньку подкрался к ним, дунул в глаза, получше уложил стриженые головы на подушках и поспешно улетел. Забот у него была куча.

На сеновале стало тихо. Но вдруг Саша заворочался и приподнялся: что-то большое заслонило открытое окно и луну в нём. Стало совсем темно, потом опять посветлело и на Сашу глянули, очень близко, два огромных жёлтых глаза.

«Ой, как светятся!» — только и успел он подумать и даже зажмурился.

— Скорее! — проговорила ему на ухо большая серая сова и когтистой лапой потянула с него одеяло. — Лесной народ давно собрался, старый барсук тебя ждёт, сердится. Где твои сандалии?

Саша опять открыл глаза. Он ни капельки не удивился, словно так и полагалось, чтобы сова говорила по-человечьи.

— Сандалии под подушкой, — ответил он, — а то они всегда теряются. А как же ты…

— Надевай, — строго сказала сова. — Лезь ко мне не спину. Держись за шею, только осторожно, я щекотки боюсь. Нагни голову. Ну почему на чердаках люди делают такие маленькие окошки?

Ух, и полетели они! Над рекой, над самым лесом!

Страшно немножко, конечно. Но вот Саша глянул вниз и от удивления страха как не бывало: лес не спал. В лунном свете было видно, как по тропинкам и без тропинок бегут, ползут какие-то тени. Выше над деревьями тоже тени, это птицы скользят в воздухе, молча и всё в одном направлении. Куда?

«Мы тоже летим!» — догадался Саша и вдруг кувыркнулся вниз, так быстро сова опустилась прямо на площадку над озером, к старой сосне.

— Говорила тебе, держись крепче, — сердито крикнула сова и ловко подхватила его когтистой лапой за воротник рубашки. — Ну вот и всё! Вот этот мальчик, уважаемый судья. Я немножко царапнула ему спину, и одну сандалию он обронил, а всё остальное в порядке.

— Хорошо, спасибо, сова. — Это сказал Сашин знакомый, старый барсук. Он важно сидел под сосной, белые полоски на его голове ярко блестели и маленькие умные глазки тоже. А кругом… Саша оглянулся: ну и теснота! На площадке только одно маленькое свободное место и было, и сова очень ловко его на это

место поставила. Дальше, до самого обрыва, теснились разные звери. Зайцы жались в сторонке и робко поглядывали на пушистую лису. Но она сидела очень смирно и глаз не спускала с барсука.

— Не топчись, — сказала Саше большая толстая лягушка. Ты наступишь на моих лягушат.

Но тут барсук поднял когтистую лапу.

— Лесной народ, — заговорил он.

— Слушайте, слушайте, — зашелестели голоса кругом и смолкли, точно ветер пролетел и затих.

— Лесной народ! — повторил барсук. — Мы все здесь жили мирно и счастливо. Люди редко заходили в наш лес, а когда и заходили, так нас не обижали. Часто приходил вот этот мальчик. Но он никогда никого не обижал.

— Не обижал, не обижал, мы любим его, любим, — тихо зашелестели голоса и опять смолкли.

Барсук снова поднял лапу.

— Так было, но так больше никогда не будет, — горестно сказал он. — Недавно пришли другие, чужие люди, и вы видите, что они сделали. Они…

И тут все заговорили, перебивая друг друга.

— Они раскопали мою нору и убили моих лисят, — грустно сказала лиса.

— Переловили моих зайчат, — заплакала зайчиха.

— Сачком выловили моих детей-мальков, бросили их на песок, и они умерли.

Это сказала большая рыба, вся серебряная в лунном свете. Все повернулись к озеру и увидели, что она высунула голову из воды.

И вдруг точно зазвенели тысячи маленьких стекляшек, это в кустах отозвались мелкие птички.

— Они разорили наши гнёзда, — жаловались птички. — Они…

Но тут все голоса покрыл глубокий сильный голос откуда-то сверху. Заговорила старая сосна.

— Их костёр опалил мою кору, — сказала она. — Они вырезали на ней свои имена, из надрезов сочится смола и оттого слабеют, сохнут мои ветви. Болят и корни, обожжённые костром.

Сосна вздохнула и замолкла, и тут опять послышались тысячи тонких голосишек:

— Мы муравьи. Мы защищали лес от вредных червяков и жуков. А люди разорили наш муравейник, разбросали самое дорогое — наших малых детей и смеялись над нашим горем. Что делать нам? Что делать?

И барсук поднял лапу.

— Уйдём, — сказал он. — Далеко, туда, где люди не будут нас мучить. Уведём и унесём наших детей. С нами уйдут и лесные деревья. Оставим злым людям голую пустыню. Хочешь, иди с нами и ты, мальчик, ведь ты наш друг.

— Уйдём, уйдём, — загудели, зазвенели тысячи голосов.

Воздух наполнился шумом крыльев, по земле застучали коготками, затопали тысячи быстрых ножек. Большая птица мелькнула перед лицом Саши. В лапках она несла маленького птенца.

— Вальдшнеп, — узнал Саша. Уносит своих детей. Но тут же пошатнулся и вскрикнул в испуге: земля дрогнула под ногами, из неё показались толстые корни могучей сосны. Она тоже уходила, уходила с лесным народом.

— Останься! — отчаянно крикнул Саша и протянул к ней руки. — Мы не дадим больше обижать тебя. Лесной народ, останьтесь и вы! Мы защитим вас. Мы…

Но тут кто-то крепко тряхнул его за плечо.

— Ты что кричишь? — услышал он голос Вадика. — Что с тобой? Саша открыл глаза и быстро сел.

— Разве сова принесла меня обратно? — спросил он, оглянулся и… совсем проснулся.

Лесной язык

Подошёл старый лось к осине. Тонкая она, а высокая, в густой заросли сильно к свету тянулась. Нежных верхних веточек даже высокий лось достать не может. Ну, лось просто распорядился: нажал на осинку, трах — и лежит она на земле, а лось со вкусом попробовал одну ветку, другую. Ветки в хороший палец толщиной — ему подходящая еда. Стоит, жуёт с удовольствием.

Позади него на тропинке что-то хрустнуло. Чуткие уши повернулись, насторожились, но сразу же и успокоились, ветерок ему доложил: зайчишка за кустом притаился, не обращай внимания.

А зайчишке не терпится. Сколько времени он по следу за лосем прыгал, дожидался, пока тот себе на завтрак осинку сломает, ведь и ему, зайцу, горькие веточки по вкусу. Ну вот — лось ушёл. Теперь и он попирует.

Заяц осторожно к осинке подобрался, захрустел веткой. Ух, вкусно! Погрызёт и прислушается: тихо, можно грызть дальше. Когда грызёт, он плохо слышит. Не знает бедный, что кумушка-лиса тоже соображает: он слушает — она лежит, не дышит. Он грызёт — лиса ближе подбирается. Тут бы зайцу и конец пришёл, да сорока по своим сорочьим делам летела и приметила, что под кустом пушистый рыжий хвост шевельнулся. А сороке только того и надо — по лесу новости разносить.

Закружилась она над лисой, да как закричит:

— Беда, беда, заяц, беги! Спасайся!

Заяц сорочий язык очень хорошо понимает. Вкусной веточки дожевать не успел, прыг через осину и покатился. Лисица за ним метнулась, с досады зубами на сороку щёлкнула. Пропала охота! А сорока громче на весь лес звонит: лиса, лиса, беда! Беда!

Другие сороки услышали и к ней мчатся, уже издали кричат, ей помогают.

Но что это? Что с лисицей случилось? Щёлкнула она ещё раз на сороку зубами и вдруг… упала, вытянулась посередине лужайки и глаза закатила. Над ней уже четыре сороки вьются, над самой головой пролетают, а она лежит не дышит.

Ну, сороки теперь не улетят: надо же разобраться, как это лисица так вдруг помереть успела?

Спустились сороки на землю, покрикивают, к лисице боком, боком подскакивают. А та — лежит хоть бы что.

Одна сорока не вытерпела: ближе, ближе, в лисий глаз целится, как вдруг… Лисица — прыг, и сорока крикнуть не

успела, у неё в зубах оказалась, только сорочьи косточки захрустели.

Другие сороки вверх метнулись, но лиса на них и не посмотрела. Конечно, заяц лучше, однако на голодный зуб и сорока сгодится. На полянке стало тихо. Лось ушёл, заяц убежал, лисица сороку дожевала и тут же зевнула и под кустиком свернулась: пообедала и отдохнуть неплохо. Сорокам скучно, полетели искать, где ещё что новенькое не случилось ли.

Ну, как раз! Озеро, а на бережке у самой воды американская гостья нутрия сидит, умывается. А над ней высоко в небе ястреб-тетеревятник кругами ходит, прицеливается.

Сороки и тут поспели, заметались над озером, вперебой как закричат:

— Ястреб! Ястреб! Беда! Беда!

Нутрии самое бы время в озеро нырк — и пропала, поди её ястреб из воды достань. А что же вы думаете? Сидит нутрия, коготками на брюшке мех расчёсывает, ни на сорок, ни на ястреба внимания не обращает.

Сороки охрипли от крика, измучились: на каком же языке этой американской дурочке кричать?

Но тут в кустах кто-то засмеялся человечьим смехом. Сорок от нутрии так и откинуло. Взвились и к другому берегу озера вперегонки. А из кустов люди вышли с ружьями.

— Видишь, — говорит один и смеётся. — Нутрию эту, водяную крысу, к нам из Америки привезли, мех у неё хороший. Одна беда — наших языков не понимает. Сороки-то как стараются, слышишь: ястреб, ястреб, беда! — кричат. А она умывается, словно ей и не по-русски говорят. Из-за этого её только в клетках разводить можно. Здесь пробуют на воле — ничего не выйдет.

Тут вода всплеснулась, и нутрии как не бывало: человека с ружьём надо бояться. Это звери и в Америке понимают.

Колька, кошка и котята

Около дома кусты у нас посажены. Вышла я раз утром, вижу — мальчик лет десяти под куст из рогатки целится. А там в траве кошка прячется и другой мальчик сидит, маленький, лет шести. Он пальцы на обеих руках растопырил, как мог, и закрыл ими кошку. А сам вверх смотрит на того, с рогаткой. Видно испугался очень, не меньше, чем кошка.

Большой мальчик весь красный от злости.

— Отойди! — кричит. — А то как стукну!

А тот только шире пальцы растопыривает, кошку закрыть старается. И молчит.

Я не выдержала, крикнула:

— Ты что же это делаешь? А мальчишка ко мне повернулся и отвечает дерзко:

— А тебе какое дело? — И опять на кошку нацелился. Ну, тут я больше говорить не стала. Заборчик вдоль тротуара низкий, ниже колена. Я через него — прыг, и к мальчишке. Тот сразу понял, тоже — прыг! — в другую сторону. Уже издали обернулся, мне кулак показал. И… за угол.

А малыш сидит, кошку гладит и говорит:

— Бабушка, киса ведь какая хорошая. А он всегда кошек стреляет.

— Ты знаешь, где он живёт?

— Знаю. Это Колька. Вон из того подъезда, где дверь открыта.

— Ты меня сведи к его родителям. Я с ними поговорю.

— Пойдёмте, — охотно сказал мальчик, ещё кошку погладил и встал.

— Тебя как зовут?

— Шамиль. Сюда, бабушка, здесь забор сломанный, вам перешагнуть легче.

Пока мы шли, разговорились.

— Он меня три раза бил, — сказал Шамиль. — За чёрную кошку, потом за жёлтую и ещё за одну, серая такая, а лапки беленькие. Теперь вот за эту тоже бить будет. Даже больше. Потому что за вас ещё. Серую кошку я под живот спрятал, а сам кричу. Колька тогда из рогатки выстрелил прямо мне в ногу. Очень больно было. И кошка меня за живот оцарапала. А я всё равно терпел, а её Кольке не дал.

Вижу — мы не одни идём, за нами ещё мальчишки. Они издали смотрели, теперь подошли.

— Это всё Колька-кошкодав, — сказал один мальчик, чуть выше Шамиля, — он всегда кошек стреляет и птиц… Он…

— А ты не фискаль, — перебил его другой мальчик в синей рубашке, — зачем бабушке говоришь? И Шамилька тоже фискал. Бабушку ведёт квартиру показывать. Кольке за то от отца попадёт.

Шамиль остановился, покраснел и посмотрел на меня вопросительно.

— Бабушка, а по-вашему как? — спросил он тихо.

Я оглянулась. Мальчишек набрался уже целый десяток. Они перешёптывались и смотрели то на меня, то на Шамиля. Дело-то оказалось интересно.

— Давайте сядем вон на ту скамейку, — предложила я. — По-вашему, значит, кошек из рогатки бить хорошо?

— Плохо, — сказал ещё один мальчик. У него, видно, нога болела, он подскакивал и опирался на палочку, но от других не отставал. — А фискалить тоже нехорошо. Он дерётся здорово, Колька. Даже камнями. Мне палец на ноге отбил.

— Он сильнее тебя? — спросила я.

— И даже всех на дворе сильнее. Хоть кому наломает.

— А кошек, значит, не жалко? — спросила я.

— Жалко. Да кому охота битому быть.

— Вот кому, — показала я на, Шамиля. — Он знает, что ему от Кольки попадёт, а всё равно за кошку заступился. А вы только смотрели.

Мальчики смутились, переглянулись.

— Я ему и то говорил, — пробурчал ещё один, в белой майке. — Говорил я: чего лезешь? Всё равно тебе с ним не сладить.

— А вы, значит, не поможете? — договорила я. — Вот ты, мальчик в синей рубашке, так считаешь: пускай Колька птиц и кошек стреляет и пускай Шамиля бьёт. А родителям про то говорить нельзя, а то они бедного Кольку накажут. И это будет по-твоему фискальство. Так?

Мальчики чувствовали себя неловко, переминались с ноги на ногу. А тот в синей рубашке даже оглянулся: не дать ли тягу. Я точно этого не заметила.

— А уж Колька как рад, что вы не фискалы, — сказала я. — Значит, ему можно обижать маленьких. А как вы думаете, когда Колька вырастет, хороший из него человек будет?

Мальчик, который собирался дать тягу, вдруг обернулся.

— Ясно, если родители узнают, не дадут безобразничать, — проговорил он решительно. — Другой раз опасаться будет. Только… как сказать-то? Не положено ведь!

Мальчики вдруг сдвинулись, обступили мою скамейку. Видно, всем стало очень интересно.

— Выходит так, — сказала я. — Колька делает гадости, и вы все это понимаете. Понимаете, что, если родители узнают, Кольке будет польза, вовремя его остановят. Но рассказать родителям вы не можете, «не положено». А вот маленький Шамиль кошку защитил и мне помогает, надо по-хорошему поговорить с родителями. Так разве можно сказать, что он фискал?

Мальчики помолчали. Шамиль тревожно смотрел то на них, то на меня.

— Чего уж там, ступайте, — наконец проговорил мальчик в синей рубашке, который первый сказал про фискальство. — Ступайте. Только он Шамильке за то наподдаст, это уж верно.

Шамиль вздохнул, слез со скамейки и крепко взял меня за руку.

— Пойдёмте, бабушка, — тихо сказал он.

— Постой, — удержала я его. — Сядь опять около меня. — Ребятки, а что если мы с вами вот как сделаем.

— Как? — сказали сразу три мальчика и Шамиль.

— Вы все с одного двора с Колькой?

— Ну… — сказали все мальчики и подошли совсем близко.

— Один на один у вас Колька самый сильный. А все вместе ведь вы сильнее.

— Ои, и здорово бабушка придумала! Всыплем ему!

Мальчишки на радостях так развопились, что мне долго нельзя было и слова вставить.

— Кончили? — спросила я наконец. — Только вы рано обрадовались. Я вовсе не то хочу посоветовать.

— Ну… — растерялись мальчишки.

— Давайте так: Кольку не бить, а устроим над ним товарищеский суд (это кроме моего разговора с родителями). Пускай он увидит, что его осуждает не один Шамиль, а все товарищи. С вами воевать одному Кольке не под силу. Вы не только кошек спасёте, вы самому Кольке поможете человеком стать.

— Бабушка, расскажите, как суд делать, как? — кричали мальчишки.

— А вот как: у вас будут судья, обвинитель, свидетели и защитник, всё, как в настоящем суде.

Теперь вокруг моей скамейки набралось уже десятка три ребят, мальчиков и девочек.

— А как это будет? А что будет говорить судья? А обвинитель? А защитник? — спрашивали меня со всех сторон.

— Суд решает дело, когда выслушает всех: свидетелей, обвинителя и защитника, — объяснила я.

— Постойте, я тоже скажу, — подошёл хромой мальчик с

палкой. — Вот вы говорите — защитник. Какая может быть ему защита? Колька птиц и кошек стрелял, всех бил, зачем его защищать?

Я подождала, пока все замолчали.

— Колька, — сказала я, — виноват. Но, может быть, кое в чем и вы виноваты? — При этом я посмотрела на мальчика в синей рубашке. — Колька бил Шамиля за чёрную кошку, и за жёлтую, и за серую с белыми лапками. И Мише палец камнем разбил. А вы смотрели на это безобразие и молчали. Значит, и вы виноваты. За себя испугались и товарищу не помогли. Пойдём, Шамиль!

И мы пошли на квартиру Колькиных родителей. В подъезде я оглянулась. Вижу, ребята не расходятся, горячо о чём-то спорят, руками машут.

Колькиных родителей я дома застала, и разговор у нас был долгий и очень хороший.

А вечером соседка меня встретила, смеётся.

— Знаете, — говорит, — ребята суд над Колькой учинили…

— Били? — испугалась я.

— Что вы! По-хорошему. Защитником девочку выбрали. Таню из восьмой квартиры. Ну и молодец! Как стала говорить, что они все виноваты, почему с Колькой не дружили. А потом за Шамильку опять на мальчишек напала, как они за малыша такого не вступились, одна бабушка вступилась. Меня аж за сердце взяло.

— А Колька? Колька что? — торопила я.

— Не знаю. Сначала нагрубил всем. Я, мол, вас знать не желаю. А потом молчал-молчал, да как кинется бежать. И убежал.

Так я в тот вечер ничего больше не узнала.

А кошку, что Шамиль защищал, узнала. Смотрю, сидит около моего подъезда, худая, кожа да кости. Смотрит жалобно, голодная. Я её позвала к себе, накормила. Она поела с жадностью, к двери кинулась и убежала. Я удивилась даже, куда это она так торопится? Ведь бездомная. Кошка красивая — полосатая, как тигр, и глаза яркие, зелёные.

На другой день с утра было душно, я даже дверь открыла на лестницу, сама в комнате чем-то занялась и вдруг почувствовала — смотрит на меня кто-то. Обернулась и слова сказать не могу от удивления.

На пороге стоит… кто бы вы думали? Кошка! Та самая. И во рту держит маленького котёнка. Я вскочила со стула. А она подошла, осторожно положила котёнка мне на ногу, подняла голову, смотрит на меня. Глаза её зелёные говорят: мне детей спрятать некуда. Помоги, возьми их себе!

Я даже сказать ничего не могла. Наклонилась, погладила её.

Но она, мать, поняла. Сразу кинулась на лестницу. И вот опять появилась в дверях, второго котёнка в зубах держит. На пороге уже не остановилась, вошла и смело его рядом с первым у моих ног положила: ведь мы глазами обо всём договорились.

Я сразу котят в корзинку на мягкие тряпочки под кровать положила. Кошка тут же в корзинку прыгнула, легла, котят к себе придвинула, посмотрела на меня и вдруг громко-громко запела. Даже если бы она умела говорить по-человечески, и то было бы не так понятно. Она меня благодарила за то, что я спасла её детей, а я сидела на корточках около кровати, смотрела на неё и слушала.

Потом погладила кошку и опустила одеяло. Надо ей и детишек покормить, и самой отдохнуть, и успокоиться. Ведь инстинкт её учил прятать детей в самые тёмные далёкие углы. А она решилась, вынесла их из подвала и положила в чужой квартире к ногам чужого человека. Поверила. И не ошиблась. Всё это она мне рассказала своей песней. А потом совсем другим, тихим голосом успокоила котят. Теперь ей бежать, торопиться некуда. Маленькая храбрая кошка нашла дом для себя и своих детей.

На другой день я вышла во двор и кого же вижу? Из нашего подвала Колька выходит, в руке что-то держит, в бумажке завёрнуто, но на рогатку не похоже. Притворился, что меня не видит.

— Коля, — сказала я так, как будто мы с ним самые лучшие друзья. — Пойдём ко мне. Что-то покажу…

Он постоял, носком сандалии асфальт у крыльца поцарапал. Пошёл, наконец, за мной, но всё в сторону смотрит, точно и не со мной идёт, а сам по себе.

На пороге остановился, я одеяло на кровати откинула, говорю:

— Смотри!

Он присел на корточки, заглянул да как вскочит:

— Вот куда она подевалась! А я ей в подвал нёс, вот…

И развернул бумажку, а в ней — что бы вы думали? — кусочек мяса.

— Я её в подвале утром увидел. И котят тоже. Хотел покормить. Пока за мясом сходил, а она куда-то подевалась, — говорит Колька и всё ещё на меня не смотрит.

— Она не знала, что ты её кормить собрался и сама мне котят принесла, — объяснила я. — А мясо ты ей отдать можешь. Не откажется.

Кошка, и правда, не отказалась.

А Колька взглянул на меня и вдруг улыбнулся, да так по-хорошему, по-доброму и сказал:

— На меня, значит, зла не имеет.

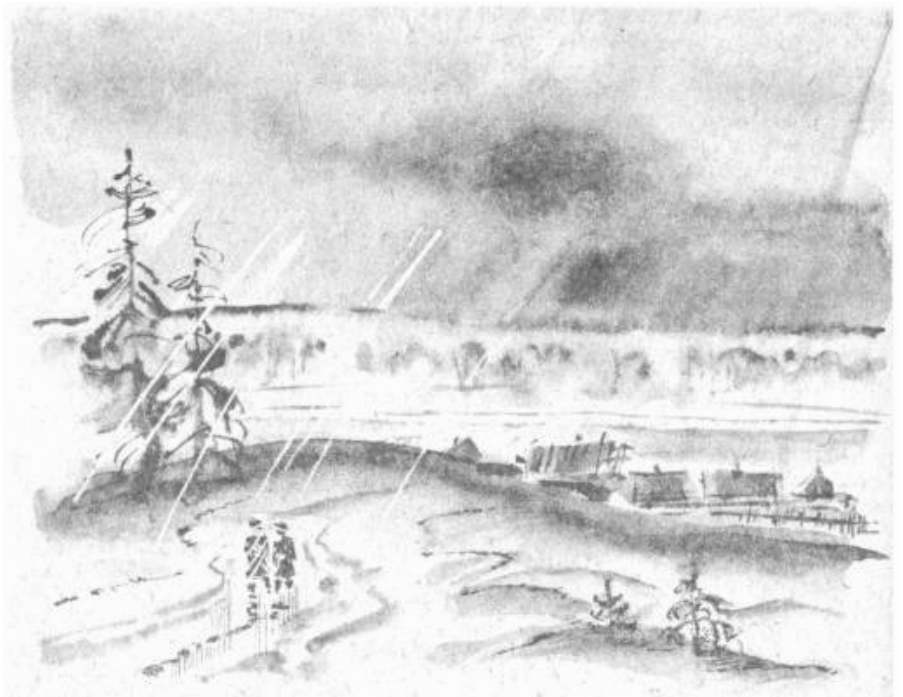
— Не имеет, — подтвердила я.

Мы друг на друга опять посмотрели, и я заметила, что у Кольки глаза карие, большие и очень весёлые.

— Так-то, друг Колька, — сказала я.

— Так-то, друг бабушка, — неожиданно ответил он. И мы оба рассмеялись.

НОЯБРЬ



Ноябрь — сентябрев внук, октябрев сын, зиме родной батюшка. Такой меткой поговоркой встречает его народ. В народе называют его грудень: грудами земли, затвердевшей от мороза, украшает он дороги, по которым ни колесу, ни санному полозу хода нет. Он и листобой: сбитые им с деревьев листья на земле лежат.

Начало ноября, конец октября — бывает, подмораживает, но ещё сухо и солнечно. И лёгкий, как пыль, снежок налетит и растает как-то незаметно. Но раз-другой, и заметно становится: грудень листобоем оборачивается. Кому-кому, а зайчишке это на радость. Мокнет лист — шороха в лесу стало меньше, он передохнул и потихоньку в лес возвращается. Но уже бывает и так: закачаются голые ветки деревьев на ветру, на дороге позёмка закрутилась, снега прибавилось. Но всё равно ни саням, ни колесу ещё хода нет.

С каждым днём на смену исчезнувшим перелётным всё больше гостей-северян прибывает: пока ягоды ветром не сбило, снегом не засыпало, полакомиться, подкормиться. Ведь на далёком севере такого изобилия не увидишь.

Почему же улетают в тёплые края многие наши птицы, которые тоже сумели бы прокормиться? Взгляните на календарь:

медленно, неотвратимо убывает день и прибывает ночь. Неотвратимо подкрадывается она, и надо успеть достаточно подкормиться за светлое время, чтобы перетерпеть её. Синичка-гаичка летом семнадцать часов активна, а зимой семнадцать часов спит. А это искусство не каждому доступно. Потому и летят наши неумёхи за длинным днём в тёплые края. Почему одни смогли физиологически приспособиться, а другие — нет? Не знаем. А как бы нужно узнать!

Могучий сигнал получают и повинуются ему перелётные птицы. Проводился опыт. Утки шилохвосты с подрезанными крыльями пешком пошли на юг. Не раз было замечено, как на севере опоздавшие с линькой гуси, ещё не лётные, тоже начинали массовый переход на юг пешком. Им, всем водоплавающим, на зимовке в заповедниках, даже если бы они и захотели, размножение было бы невозможно из-за тесноты. Яйца и птенцов затоптали бы. А выведению детей, их кормлению полезен более длинный летний день. Птицы объясняют это без слов, но очень понятно: матери каждого широко распространённого у нас вида несут в южной части своего обитания меньше яиц, чем в северной, где летний день длиннее. Вот и идут пешком туда, где день длиннее.

Жалобно свистят голые ветки, листьев давно нет, только на дубе ещё кое-как держатся, корявые, тусклые. А вот берёза вся точно грачиными гнёздами обвешана. Откуда взялись? Знаю точно — грачей здесь летом не было. Да грачи тут и ни при чем, скорее это пучки тонких прутьев, на мётлы похожие. А это и есть мётлы. «Ведьмины мётлы». Так назвали болезнь на деревьях. К берёзе, ольхе, клёну, сосне, ели и другим деревьям она прицепляется. Виноват клещик-орешник, а иногда и грибок. Клещик крошечный (его и в лупу трудно хорошо рассмотреть), ветром его несёт по лесу. Нанесёт на ветку дерева, по ней он доберётся до почки и в ней устроится жить. Казалось бы, какой он вредитель? Сосёт сок и этим питается. Почка ростовая, в ней скрыт стебелёк с зачатками листьев. Но квартирант её беспокоит (укусами или выделениями). Она уже растёт, развивается ненормально, в несколько раз быстрее, чем ей полагается. Быстрее же и созревает: коротенький побег, и на нём вырастают боковые веточки. А клещик тоже успел завестись детками, которые перебираются на эти веточки и повторяют на них работу родителей. Бедные веточки, не успев вырасти, уже начинают ветвиться. Сказка с началом, в конце которой на бедном дереве вырастает уродливая ведьмина метла. Роль ведьмы играет с виду такой невинный клещик (а иногда ту же работу выполняет, тоже микроскопическая, спора грибка).

Пусто в лесу. Отпелись песни, отплясались пляски, то снег, то дождь. Все, кому далеко лететь, — улетели, даже кто только кочует не так уж далеко, и те, понемножку отдыхая, туда, где потеплее, подвинулись. Нашего грача, скворца, а то и жаворонка можно на Украине встретить. Даже до Южной Европы многим лень долететь. С Украины ведь ближе будет обратно к нам за теплом двигаться. Поди разбери — кто кочевник, кто — перелётник.

Сейчас настоящие перелётники у нас: яркие чечётки, свиристели, щуры. Явились и золотисто-зелёные чижи, и желтопёрые модники щеглята, и смирные симпатичные красногрудые снегири. Эта троица зимняков не настоящие перелётные: просто передвинулись к нам с севера, им и у нас кажется потеплее. А наши бродяги двинулись к югу, набаловались теплом.

А вот кого нам не холод пригнал с севера. Взгляните на её оперение, никакой мороз не проберёт. Сова. Гроза и ужас всех птиц и грызунов, включая зайца. В тундре ей сейчас делать нечего, Птицы улетели, а мыши и из них главный корм — лемминги под толстым слоем снега спрятались — поди достань. Этим прилёт северян закончен. Полярная сова ростом и силой нашему филину мало уступит. Но эта пара, хоть и зимует у нас вместе, силой мериться не пробует. Наши лесные куры никуда не кочуют и не перелетают, верны родине. Перепёлка — исключение, но вряд ли это ей на пользу: слишком малое количество бедных маленьких курочек добирается до желанной Африки и весной назад — в родные края.

От недостатка еды оставшиеся не страдают. К зиме молодые глухари и тетерева уже самостоятельны. Матерям можно отдохнуть, соединяются в стаи; откормились на земле — пора на деревья. Голода они не боятся. Для глухарей были бы сосны, а хвои хватит. Жестковатое блюдо, но глухарь и без зубов с ним хорошо справляется: заглотал с осени хорошую порцию крепких камешков, а они в мускулистом желудке, как жернова, хвою перетрут. Пища тетеревов и рябчиков мягче и, вероятно, питательнее: почки, серёжки и побеги лиственных. Количество камешков в их желудках соответственно меньше, но и для них необходимо. Добрые люди (не обязательно чтобы это делали охотники для своей будущей добычи), которым близка и понятна жизнь природы, не ленятся высыпать сколько-нибудь гравия на крутых, незаносимых местах и в лесу под густыми ёлками. Птицы его обязательно найдут. Глухарь, оказывается, гастроном. Иногда встретишь две сосны: на одной хвоя основательно ощипана, а соседка — не тронута, чем-то не угодила. А вообще, все

предпочитают хвою сосен, растущих на болотах, она мягче.

Наши лесные куры — не певучий народ. Даже любовные объяснения глухарей, тетеревов не радуют музыкальное ухо. А сейчас, в зимних стаях, тем более они неразговорчивы. И вдруг в притихшем лесу раздаётся нежный и звучный негромкий голосок. Не песенка с разными коленцами, просто серебристый свист. И тут же ответ на него, покороче и нежнее. Словно кто-то протяжно дует в соломинку. Разговор двоих, обоим понятный. Призыв ласковый и нежный. Поют рябчики. Рябчик, единственный из куриных, зимует с подругой. Вырастил уже самостоятельных с осени детей и весной начнёт новые семейные хлопоты. Чьё сердце не согреет такая привязанность малых пичуг! Конечно, не сердце охотника. В его руках уже пищик — трубочка, подражающая нежному зову, и ружьё наготове. Охотник искусен, на зов откликнется самчик, если он почему-либо отдалился от подружки, или она, если первой услышит коварный призыв. Он или она бегут на манок охотно. Но бывает, охотник поёт не хуже рябчика, а никто не откликается. Почему? Объяснение простое: значит, птички находятся вместе. Такая верность, думаете, охотника трогает? Тогда он откликается сам. Парочка в испуге разлетается. Теперь можно начать манить сначала: кто первый отзовётся.

Рябчики поют, пока глубокий снег не закроет землю. Есть, правда, у нас и ещё один зимний певец, даже пара — супружеская чета снегирей. Милые спокойные птахи. Не торопясь едят и поют негромко. Самочки скромные, без красного сияния на грудке, зато тоже поют, что большая редкость среди певчих птичек. С ними и ноябрьский угрюмый лес становится уютнее.

Большой пёстрый дятел ещё стучит, выслушивает деревья, под корой которых крепко заснули вредители-насекомые. Но скоро он перейдёт на вегетарианскую пищу: оторвёт от ветки еловую шишку и летит в специально выбранное место, где удобно засунуть шишку в трещину на дереве или между веткой и стволом. Отламывая чешуйки, будет выбирать спелые семена. Хоровод голодных пичужек, что кормятся возле дятла, разочарован. Шишка разобрана не аккуратно, много семян упало, а дятел мчится уже с другой, целой шишкой. Ловко прижал её к дереву, вытащил старую, вставил новую — кузница заработала. Увы, падающие семена и недоеденные шишки — это пожива для мышей, жестковаты они для слабых клювиков птичек. Настало время им полагаться больше на собственные силы и, если повезёт, на чужие запасы где-нибудь в трещинах коры. Поползень летом много чего напрятал в таких местах. Пищуха тонким клювиком-шильцем вытягивает насекомых, пауков, до которых и

запасливому поползню не добраться. А она и до его запасов доберётся, у хозяина не спросит. С ними и синицы хлопочут. Голод — не свой брат. Зима ещё только начинается. Подсчитано: из десятка осенних синичек только одна доживает до весны. Непонятно, как вообще выживают крохотки-корольки, тоже из дятловой свиты. Кое-какую помощь оказывает голодной стайке малый пёстрый, дятел, но, ловко вытягивая насекомых из зимних убежищ, он не может отламывать большие куски коры с заражённых деревьев, как делает его большой брат. От него птичкам пользы меньше. Сколько можно детям и взрослым играючи запасти с осени семян сорняков и деревьев и ягод, не нужных человеку, прежде чем всё это вымокнет и прикроется снегом! В годы, неурожайные по шишкам, даже большой пёстрый дятел наведывается на кормушки, защищённые навесом от дождя и снега.

Вывод сделайте сами!

Молчаливо в лесу. Даже сороки-стрекотухи подались к человечьему жилью поближе. Так тихо, что прислушаешься — шелестят на липе длинные крылышки-прицветники. Из них летом выглядывали нежно-душистые цветочки. А теперь крошечные круглые орешки. Их даже дети иногда не ленятся собирать. Они вкусные, маслянистые, жаль только, что такие маленькие! Чудеса делают учёные-селекционеры. Что если бы они попробовали сделать липовые орешки покрупнее? Орешки стойкие. Они и зиму провисят, а весною крылатки помогут им с попутным ветерком улететь подальше от родного дерева. На ясенях целые пучки крылаток, на ольхе — маленькие чёрные шишечки. Но и в них семена — птичья радость. Деревья словно пожалели бедных птах: семян, серёжек наготовили столько, что и птичек покормить не жаль, и на посев останется. Красные райские птички чечётки до берёзовых серёжек и ольховых шишечек охотники. Надо же подкрепиться: из Индии не близкий путь. Свиристели красивы, а пуще хохолок нарядный. По нему на рябине сразу розового хохлачика узнаешь. А уж кушать примется — за день ягод больше, чем сам весит, съест. Наверно, очень о них мечтал на долгом пути с севера. Каждый северный гость ест по-своему. Свиристель всё подряд глотает, лишь бы ягода, лишь бы не отнял кто. А медлительный малиновый щур ягодку можжевельника не торопясь разомнёт, семечки выберет, а ягодку точно в задумчивости уронит. Ещё подумает, соседа словно спросит: «Ну как, понравилось?» И за другой ягодкой потянется. Можжевельник — любимая его еда. Но если нет её, и от других ягод и семян не откажется.

Наша серая ворона — кочующая птица. Мы говорили уже, что

у нас зимой живут более «северные» вороны, которые весной возвращаются гнездиться в родные места. А к нам выводить детей возвращаются наши вороны, зимовавшие южнее, где потеплее. Но теперь выяснилось, что в городах появились вороны, живущие круглый год. С виду, конечно, все одинаковы, а ведут себя по-разному. Гости-кочевники более насторожённы, людей подпускают на двадцать — тридцать метров, если подойдёшь ближе — взлетают. И утром улетают кормиться из города вместе с галками. «Собственные» же, то есть живущие постоянно, круглый год, более доверчивы, на два-три шага подпускают. Они уже и разным хитростям выучились. Пробьют найденный в мусорке пустой молочный пакет, засунут клюв, в уголке найдут и выпьют остатки молока, а то и целый пакет при разгрузке около магазина утянут. Парами, а то и стайками на домашних голубей нападают. Птенцов весной кормят кухонными отбросами. _ В садах осенью плодовые деревья обвязывают ловчими поясами. Расчёт остроумный и простой: бескрылые бабочки паденицы ползут по деревьям отложить на них яички. Весной из яичек выведутся гусенички и начнут есть листья и плоды. Вот бабочка доползла до грубого пояса из мешковины. Очень удобно, яички под ним уютно перезимуют, а ей и ползти выше не нужно. Садовод тоже доволен: снял пояс и в огонь. Вот и перезимовали! Но ворону не напрасно называют царь-птицей. Она ещё раньше сообразила: пояс крепким клювом растрепала и яички съела. И вкусно, и всем полезно. Конечно, садоводу и самому следить нужно. А удивительная птица! У нас, как и в других городах даже с более суровым климатом, появились зимующие грачи и скворцы. Богатая зимняя добыча соблазняет некоторых соколов (пустельга, чеглок, сапсан). Мало того, появились в городах прежде не виданные ушастая сова, крохотка, воробьиный сычик и сам угрюмый великан — филин. Летом кормятся мышами, крысами, зимой — на окраинах промышляют воробьёв.

Есть сведения, что в Москве начали зимовать даже некоторые малые перелётные птахи. И на них так набросились разбойницы-вороны, что придётся встать на их защиту.

Есть вещи, казалось бы, до того очевидные, что и в голову не приходит в них усомниться… в определённых условиях. Например, человек, впервые осознавший себя, увидел такую роскошь окружающей его природы, что ему ясно стало одно: природа неисчерпаема — рыбы не переесть, зверей не переловить, и лесу конца-краю не предвидится.

Соответственно он себя и повёл: ел, ловил, лес сводил. А века шли да шли, и постепенно становилось очевидно другое: и рыбе,

и зверю, и лесам конец предвидится и даже до неприятности скоро. Потому что людей становится всё больше, а мест безлюдных, где уцелевшая природа может от людей отдохнуть, всё меньше.

Люди, которые это поняли, сказали: природу береги, охраняй то, что осталось, для себя и для потомков. Но человек склонён беречь, щадить то, что для него ценность. А для людей, скажем для большого количества людей современных, природа — источник личной выгоды.

В настоящее время охота становится всё большим анахронизмом. Убить почти ручного лося, полуручного глухаря или фазана, выращенных в охотничьих хозяйствах, утки дикой — по одной на десяток охотников не хватает. В этом научно-художественная литература может принести неоценимую пользу. Вспомните рассказ Сетона-Томпсона, как выследил он измученного преследованием оленя, взглянул ему в глаза и… не выстрелил. Нужны хорошие книги о фабриках и заводах, о труде земледельца. Но столь же художественные, увлекательные, зажигающие молодую душу любовью ко всему живому, нужны не менее. Природа — не только объект потребления, она и украшает жизнь. К — сожалению, многие это начинают понимать уже только взрослыми. Но есть такие чудесные малыши, что их и учить не надо. Надо только внимательно следить за теми ростками любви ко всему живому, что растут в их душах, не дать им заглохнуть. Пример — один неожиданный разговор.

— Мне зверей очень жалко, — сказал мне как-то один очень маленький мальчик.

Даже лопатку положил (он из песка крепость строил). И вздохнул тяжело.

— И птиц тоже, — договорил он грустно. Я очень удивилась, спросила:

— Почему же ты их жалеешь?

— У людей вот праздники бывают, — объяснил малыш. — Разные. Например, вчера у меня день рождения был. Мячик мне подарили и вот, лопатку. А у зверей никаких праздников нет. Живут просто и всё. За то мне их жалко.

Злое дело сделает тот взрослый человек, который над таким разговором посмеётся.

Земноводные

Весной, мы говорили, тритоны, лягушки, жабы проснулись на суше в укромных уголках и к воде спешили — икру откладывать. Осенью начинается второе переселение земноводных: тритоны в тёплой воде наплавались, детей наплодили и теперь давно уже вылезли на берег зимовать. Зимних нор они себе не роют, мало ли в лесу готовых убежищ: там на старом пне кора отстала, тут под корнем кто-то лаз проделал да ушёл. А сухие листья все норки уютно прикрыли: пожалуйте ночевать, все удобства ваши. Тритон не спорит: холодная кровь ещё похолодала, спать хочется. И заснул. До весны. Всего в год два переезда.

Лягушачья жизнь хлопотливее. Осенью земля остывает и многие виды идут зимовать и греться… в воду. В подходящем месте в речке около придонного родничка тихо, уютно… Самая пора, пока мороз не застудил и без того холодную кровь.

Существа они не общественные, но двигаются на зимовку и с зимовки иногда толпами одновременно и по одному пути, веками их племенем избранному.

В Германии в одном месте проложили новое автомобильное шоссе. Оказалось, что в положенное время через это шоссе путешествуют земноводные, хотя давят их машины тысячами.

Во Франции в департаменте Верхний Рейн под шоссейной дорогой возле небольшого озера пришлось проложить трубу-тоннель для лягушек. Когда вековые пути их весной — в воду, а осенью — из воды люди перерезали асфальтом, они не смутились. Колёса машин скользили по раздавленным полчищам. И люди сдались — продолбили тоннель. Лягушки согласились. Что ж, можно и тоннелем. Лишь бы направление не менять!

Рыбы

Охладели водоёмы, солнце, если когда и прорвётся на короткое время, уже не согреет воду даже на отмелях и холодную рыбью кровь не разгорячит. Наоборот, инстинкт подсказывает: спать пора. Сомы переходят в озера, самые старые, крупные — в глубокие омуты, в Оке, на Средней Волге помногу в одном месте. А в низовьях Волги, старики рассказывают, тысячами в одном удобном месте. Слоями друг на друге лежали чудовища. Даже сазаны в низовьях южных рек ложились слоем в метр и больше.

Ерши-малыши, тоже по примеру великанов, в омут стаями собираются под глинистым крутояром, а в прежнее время в глубокие запруды перед мельничной плотиной. По-настоящему не спят, жадность и зимой одолевает: нет-нет и поднимутся — нет ли чем поживиться? Найти такую стайку — мечта зимнего рыболова. Замёрз он, на ящике сидя, над своей лункой. А тут знай таскай, какая-никакая уха да будет.

В глубину стаями спускаются лещи, окуни, голавли, язи, плотва. За ними — незасыпающие щуки. Понятно, для чего?

Общее стремление в глубину тоже понятно. Вода сильнее всего сжимается при четырёх градусах тепла и опускается на самое дно водоёма. А слои с температурой в два-три градуса легче и лежат выше, чем четырёхградусный слой. Значит, рыбе на самом дне теплее, чем подо льдом. Конечно, тепло относительное, но тут особенно разборчивым быть не приходится.

Хозяин воды

Мы выбирались с трудом по обледенелой стенке оврага наверх и немедленно же скатывались, кто на чем может, в соседний овраг. Это называлось «ближняя дорога» в село.

Наконец добрались. Вот и дом под тесовой крышей старого рыбовода Хайрутдина Зарипова. К нему-то я и шла.

* * *

Он встал с табуретки и вежливо взял мою руку обеими своими маленькими руками. Глаза у него были живые, почти молодые, и бородка без проседи, чёрная, но всё лицо в мелких, очень уютных морщинках. Они собирались около глаз, и от этого казалось, что глаза улыбаются, даже если разговор был серьёзный.

— Всё по порядку? — удивился он и улыбнулся морщинками. — Тогда снимай шубу, пожалуйста, садись чай пить. Разговор будет долгий. Потому что первый пруд я сделал, когда мне было, наверно, лет десять.

Горячий чай — это хорошо, когда на дворе очень морозно, а людям надо познакомиться и привыкнуть друг к другу. Мы пили и привыкали и говорили о тяжёлой дороге и о знакомом, написавшем привезённое мною письмо. Потому что лучше, если человек постепенно, сам, душой обратится к прошлому и заговорит о нём без напоминаний.

Так и вышло. Чай Хайрутдин наливал себе сам, чуть повернув кран пузатого маленького самоварчика. Он задумчиво смотрел, как медленно наполнялась широкая чашка без ручки, точно тихий звук льющейся воды помогал ему что-то вспоминать.

* * *

— О алла! Скверный мальчишка опять воды в огород напустил! Дай мне палку, Сания, дай палку! Я покажу ему, как портить картошку.

Но скверный мальчишка уже давно перебрался на другой берег речки и отсиживался в густых кустах лозняка. Он был очень огорчён. Плотина, устроенная им на соседнем ручье, должна была наполнить маленький пруд и задержать мелкую рыбёшку, стоявшую в воде у самого берега. Вода так хорошо поднималась,

но вдруг хлынула прямо в отцовский огород. Не вышло.

Солнце стояло высоко. В животе у мальчика громко заурчало, есть хотелось нестерпимо. Ему казалось — даже через речку слышен из домашней печки чудесный запах лапши. Мать удивительно умеет варить лапшу, густую, ложка становится. Но вода ещё не сбежала с огорода, а у отца рука тяжёлая…

— Хайрутдин! — услышал он вдруг с того берега голос старшей сестры и осторожно попятился в лозняки. — Хайрутдин!

Сания подошла к самому берегу и прикрыла рукой глаза, всматриваясь в заросли лозы. Вот хитрая! И как она знает, где его искать?

— Мать хлеба прислала, Хайрутдин! — В маленькой смуглой руке её хорошо был виден толстый ломоть хлеба. Наверно, тёплый, пахнет… Хайрутдин вздрогнул: невозможно вытерпеть! Осторожно он подошёл к берегу, ступил в воду.

— Кидай сюда, — предложил он. — Я поймаю.

Ломоть мелькнул в воздухе и шлёпнулся в мелкую воду, но погрузиться не успел: так ловко подхватил его мальчик, острые зубы впились в мокрую корку.

— Девчонка! — проворчал он. — Бросать не умеешь!

— Не вкусно? Кидай назад! — засмеялась девчушка и, быстро подвернув длинные штанишки, по колено вошла в воду. — Какая вода тёплая! Мать говорит, — посиди тут до вечера, пока отец уйдёт к дяде Ниязу. Потом придёшь, спрячешься. А там… отец забудет.

— Да-а, а если не забудет? Ты палку спрячь куда-нибудь подальше, — посоветовал Хайрутдин и, закинув голову, ссыпал последние крошки в широко раскрытый рот. — Не могла больше принести! Сама лапшу ведь ела. И чай пила. С сахаром!

— Другой раз ничего не принесу! — пообещала Сания. — Раз ты такой. Даже спасибо не сказал. Сиди один. Лягушек ешь!

Девочка со смехом выскочила из воды и побежала по берегу, на ходу спуская закатанные штанишки.

Хайрутдин смущённо посмотрел ей вслед. Он не хотел её обижать. Ну, да она обиды не помнит, наверно, потом принесёт ещё чего-нибудь. Отец тоже долго не сердится. Вот только… палку надо бы убрать подальше…

Мальчик прошёл немного вверх по реке, туда, где берег высокий и обрывистый. Прилёг на круче, свесив голову, напряжённо всматриваясь в тёмную воду. Глубоко. Очень. И в самой глубине, наверно, стоят большие серебряные рыбы и тихонько шевелят хвостами, чтобы их не снесло течением. Вот бы посмотреть! А в ручье — маленькие рыбки мелькают, точно птички. Он построил такую хорошую плотину, камень таскал

далеко с горы, чтобы не могли уплыть рыбы-птички. Кто же знал, что вода перельётся на отцовский огород?

Хайрутдин отсидел в лозняках до вечера, и отец, правда, не побил его, только пригрозил:

— Ещё с водой баловаться будешь — в речку стащу, к камню привяжу. Будешь по горло в воде сидеть, на рыб любоваться.

Ну такой-то угрозы Хайрутдин не испугался: палка была куда страшнее.

Не вышло с плотиной, Хайрутдин не угомонился: неделю кряхтел, копал около ручья большую яму. Выкопал и начал в неё из ручья старым ведром воду носить. В яме должны жить рыбы-птички, которых он наловит ведром в ручье. А потом они станут такими же большими, как когда-то рыбы в омутах речки.

Но вода не хотела держаться в яме. Хайрутдин таскал тяжёлые вёдра и лил, лил в яму, пока, наконец, ведро само не вывалилось у него из рук и в глазах потемнело. А вода всё куда-то уходила на глазах, оставляя мокрое дно. Иногда в ведро, с водой из ручья, попадала маленькая рыбка, но через несколько минут она уже беспомощно трепыхалась на мокром песке и умирала, если Хайрутдин не успевал быстро выпустить её обратно в ручей.

Почему же вода в ручье и речке текла и никуда не девалась? Хайрутдин боялся спрашивать об этом отца и дядей, чтобы не смеялись, а мать только качала головой:

— Пять братьев у тебя, и все умные. Отчего ты такой глупый, Хайрутдин?

Хайрутдин и сам не знал, почему его глаза в каждом ручье ищут, где бы построить хоть маленькую запруду, чтобы задержать весёлую стайку рыбы. Ему становилось стыдно, что он глупее своих братьев. И всё же он ничего не мог с собой поделать.

— Другие мальчишки ловят рыбу и продают её на базаре или домой несут, а ты на неё только глаза таращишь, — сказал ему раз отец.

Хайрутдин встрепенулся: и как это он сам не догадался! Но прошёл не один час, пока он решился робко отворить калитку во двор своего самого старого и самого сердитого дяди Нияза. Тот возился около дома и что-то ворчал, перетаскивая старые доски от ворот к сараю.

Хайрутдин постоял, переминаясь с одной босой ноги на другую, потом подошёл и осторожно взялся за конец доски.

— Здравствуй, дядя, — застенчиво проговорил он. — Я тебе помогу, хорошо?

Старик сердито на него покосился и отвернулся.

— Ты что у меня забыл? — проворчал он вместо ответа.

Но плохому началу вышел хороший конец. Хайрутдин

пыхтел, задыхался, но не отступился, пока последняя доска не легла на новое место. И сердитый старик смягчился, согласился взять племянника на ловлю: загонять рыбу в сети.

Хайрутдин захлёбывался, пускал пузыри, но держался так стойко, что после ловли дядя, отчитав его как следует за малый рост отсыпал ему горсточку трепещущей рыбьей мелочи и позволил приходить завтра.

Хайрутдин был в восторге: всю дорогу домой бежал бегом, сжимая в руке подол рубашонки с дорогой добычей. Дома, ещё с порога, задыхаясь, он крикнул:

— Принёс, мама, принёс! — И, осторожно развернув узелок, вытряхнул на нары рыбок. Мать всплеснула руками:

— О алла! Для этого ты так вымазался и промок? Эту дрянь и чистить не стоит!

Мальчик стоял как пришибленный. И правда, скорченные, перемятые рыбки совсем не похожи были на тех, которые так весело плескались в густой сетке дяди Нияза.

— Кошке отдай, — сердито проговорил отец. — А мальчишку стукни по затылку, пускай не дерёт зря штаны по корягам, если путного ничего словить не может.

Хайрутдин глубоко вздохнул и затаил дыхание — это помогает, чтобы не плакать. Но тут уж вступилась Сания: Хайрутдин был её любимцем.

— Я почищу рыбу и положу в суп, позволь, отец, — сказала она и покраснела от страха: не очень просто было противоречить отцу даже в таком пустяке. Да ещё девочке.

Но отец чем-то занялся и кивнул головой, явно не слушая. Всё равно, это уже можно было принять за позволение. Матери тоже стало жаль мальчика, и первый суп с его уловом был скоро сварен и подан на стол.

На следующий день Хайрутдину повезло: улов был хороший, или дядя Нияз подобрел, но мальчик получил целый десяток рыбок почти настоящей величины. Завязывать добычу в подол рубашки он уже не хотел, сломал тонкую гибкую веточку и пропустил её сквозь жабры рыбок. Получилась блестящая серебряная гирлянда, и мать весело улыбнулась Хайрутдину. Отец посмотрел, как всегда, хмуро, но ничего не сказал, а Сания подпрыгнула и вытащила нож, заткнутый за полку на стене: эту рыбу уже можно было чистить, не спрашивая позволения.

Однако хорошие уловы случались редко, крупную рыбу выловили из речки, ещё когда дядя Нияз был молодой и не такой сердитый, а мелкой не давали вырасти: ловили её и сеткой и бреднем. Ребятишки весной черпали мальков просто мешком на палке. Из мальков с крупой матери варили кашу и удивлялись:

— О алла, куда же пропадает в реке крупная рыба?

— А если маленькую рыбу пускать назад, чтобы росла? — сказал раз Хайрутдин и показал дяде Ниязу пригоршню трепещущих серебряных мальков. Он собирался уже бросить их в воду, но старик быстро вытянул руку и больно стукнул его согнутым пальцем по бритой головёнке.

— Дурак! — крикнул дядя. — Какого дурака аллах послал Габдулле! Тогда эту рыбу съедят другие. Понял?

— Понял, — неохотно ответил Хайрутдин и, положив рыбок в корзину, осторожно потёр ушибленное место. Но он понял только, что дядя ответил неправильно. А как надо было бы ответить — этого он себе ясно не представлял.

Их было шестеро сыновей (Хайрутдин по счёту третий), и мать, как-то раз наливая похлёбку в большую глиняную чашку, сказала со вздохом:

— Надо купить чашку побольше, Габдулла, этой уже на всех не хватает.

— А землю ты тоже скажешь растянуть, чтобы она давала больше хлеба? — ворчливо ответил муж.

Хайрутдин тихонько опустил руку с ложкой: он заметил, что сердитые глаза отца смотрят на него.

— Ртов больше, чем требуется по нашей земле рук для работы, — снова заговорил отец и зачерпнул ложку дымящейся лапши. — У Ибрагима два сына на Урале, копают белое золото, хорошо зарабатывают. Осенью принесут деньги. Ибрагим возьмёт в аренду ещё столько земли, сколько имеет. Это хорошие сыновья. — И отец опять взглянул на опустившего голову Хайрутдина,

Вскоре мать, примачивая водой покрасневшие от слёз глаза, сшила Хайрутдину заплечный мешок и положила в него хлеба, соли и пригоршню луковиц. Деньги на дорогу были замотаны под онучу на ноге, вместе с паспортом.

— От него в доме пользы меньше, чем от братьев, — сказал отец. — Не растёт вовсе и силы мало, пускай приносит деньги.

Прощаясь, мать потихоньку от отца повесила на грудь Хайрутдину ладанку с щепоткой родной земли, чтобы он лучше помнил родной дом. Но Хайрутдину и без того казалось, что даже воздух чужих мест будет для него душным и солнце неласковым.

Хайрутдин ушёл на заработки вместе с сыновьями Ибрагима в Верхотурье на Урале. Там, в глухом лесу, по речке Туре лопатами снимали верхний пласт земли в два-три метра толщиной. Ниже шла тяжёлая синяя глина, из неё извлекали белое золото — платину. Глину копали вручную, только промывали в реке машиной. Работа была тяжёлая, надрывная,

усталость и тоска заставляли искать отдыха и веселья. А веселье было одно: водка. И заработанное тут же пропивалось… всеми, кроме Хайрутдина. Сыновья Ибрагима быстро вошли во вкус новой жизни и потешались над малышом Хайрутдином.

— Копает землю так усердно, точно белое золото достанется ему, а не хозяину, — смеялся старший, Мустафа Ибрагимов.

— А ты пьёшь так, точно пропиваешь хозяйское, а не своё, — отвечал Хайрутдин и каждую субботу старательно заматывал жалкую получку под онучу на ноге, больше прятать было некуда.

Как ни трудна была работа, а нравилась Хайрутдину тем, что работать приходилось с водой.

— Я даже на ручье в лесу плотину попробовал устроить. Может быть, там рыбы вырастут, — сказал Хайрутдин. Отложил лапоть, лукаво посмотрел на меня и засмеялся. Старушка жена тоже тихонько смеялась. Она уже справилась со всеми работами на дворе и теперь с удовольствием слушала рассказ мужа. По-русски она понимала плохо, но он иногда несколькими словами по-татарски пояснял, о чём идёт речь. А дальше всё хорошо известное понималось по голосу и выражению лица.

Сейчас она весело покачала головой, видимо что-то напоминая.

— Да уж скажу, скажу, — улыбался Хайрутдин. — От баб мне за эту плотину здорово попало: вода малинник залила. На вырубке. Малины там очень много было.

Осенью Хайрутдин принёс отцу сто рублей, накопленных за пять месяцев тяжёлого неустанного труда. Он надеялся, что на промысел теперь отправится его младший брат. А его, может быть, отец женит (два старших брата уже были женаты). Надеялась на это и мать. Но сто рублей в большой семье быстро разошлись на неотложные нужды, и маленький Хайрутдин опять оказался лишним ртом, хотя ел меньше всех.

Хайрутдин был трудолюбив, но его работа в семье не ценилась. Чинил старый сарай, валял валенки на всю семью, точил пилы, косы, топоры. Но когда для общего хозяйства опять потребовались деньги, на заработки отправился тот же Хайрутдин. Прощаясь, он снял и отдал матери ладанку с родной землёй.

— Возьми, мать, — просто сказал он. — Моё сердце и так просится домой, а с этим — вовсе не терпит.

Прошло немало лет, пока слёзы матери подействовали: отец согласился женить Хайрутдина и оставить его дома. Хайрутдин был доволен. Теперь уж, наверное, на заработки пойдёт младший брат. Беспокоило его только одно: выбрать себе жену по сердцу — об этом молодой татарин и думать не смел. Но Галимбаян,

весёлая подружка младшей сестры, с детства запомнилась ему. Каждую осень, возвращаясь домой, он с замиранием сердца боялся услышать, что Галимбаян вошла в дом другого. Кого же выберет ему отец?

Сватовство, как и полагалось, шло в большом секрете от него. Но сестра Сания не вытерпела, шепнула ему что-то, от чего сердце застучало. Закутанную до неузнаваемости женщину он увидел тогда, когда она уже по закону стала его женой. И, сняв с неё покрывало, долго стоял молча, а она, тоже молча, тихо плакала слезами радости: это была Галимбаян.

Это была первая удача в жизни Хайрутдина. После этого жить даже в доме сердитого отца стало легче. Но и теперь Хайрутдин часто вздыхал, слушая рассказы стариков о времени, когда в омутах их речки ворочались тяжёлые, как брёвна, сомы, а сазаны вырастали с большой чайный поднос и еле шевелились от жира. Революция застала его врасплох. Хайрутдин не сразу понял, как пойдёт новая жизнь, но затем вдруг осмелел: отделился от отца и начал работать на собственную семью, увидел, что новый порядок делает его хозяином своей жизни. Вздохнула и Галимбаян, Уже не нужно было тенью скользить по стене хаты, выслушивая приказания отца и старших братьев Хайрутдина, не смея даже переспросить, если недослышала или не поняла.

Жизнь становилась интереснее, но тут наступил двадцать второй год, в Поволжье голод, засуха, речка вовсе обмелела, а из ручья не набрать было воды и для поливки огорода. В голове Хайрутдина зашевелились было опять робкие мысли о плотине, но в доме плакали голодные дети. И Хайрутдин, как бывало смолоду, отправился на заработки. Выехал в Семипалатинскую область, но уже не один, а с тремя старшими детьми. Галимбаян с двумя меньшими осталась сторожить дом, чтобы было куда вернуться.

Надо было успеть доехать, заработать, выслать ей хлеба… пока не поздно.

Он успел, хотя в Омске дети, все трое, переболели сыпным тифом. Он, на счастье, не заболел. Выдержал карантин, доехал до Павлодара, заработал и оттуда выслал первую посылку с мукой: восемь килограммов. Посылка пришла вовремя. Немного позже её уже было бы некому получать…

— Валенки валял, день и ночь валял, на всех заработал. Только сердце очень болело. Сам ел, думал: наверное, у них там кишки пустые.

А потом домой вернулся, дом поставил, все стали сытые, жить стали хорошо, — продолжал Хайрутдин, но вдруг остановился и, сняв доску с нар, начал озабоченно шарить где-то

в глубине: ему понадобился другой кочедык, больше по руке. Видно, он и в старости даже за разговором не может сидеть без дела.

Я тем временем осмотрелась: дом двухэтажный, зимняя изба в первом полуподвальном этаже маленькая, потолок низкий — надо тепло беречь, но как всё продуманно, сказывается вековой опыт. В комнате низкие широкие нары. На них стелится скатерть — стол на всю семью. Ночью положат перины — и нары превращаются в кровать — тоже на всех. В печку вмазан котёл с круглым дном, его и мыть легко, и пища не пригорает. Он родился ещё над костром кочевника, он на тысячи лет старше плиты, для которой потребовалась кастрюля с плоским устойчивым дном.

— А в тридцать третьем году собрались мы, девятнадцать человек, и решили, — продолжал Хайрутдин, отдохнув от кашля. — Собрались и решили: надо колхоз строить. Всё хорошие работники, хорошие люди. И вот…

На этом месте старик опустил лапоть на колени и начал говорить быстрее.

— И вот тут я понял, почему мне показалось, что неправильно меня побил дядя Нияз, когда я мелкую рыбу в речку хотел пустить. Потому что если мы, как волки, всё будем хватать, чтобы только другим не досталось, — и другие станут, как волки. Так нельзя. Я это понял, когда в колхоз хотел вступить. Старик тихонько засмеялся.

— Так меня рыба научила человеком быть, — весело договорил он. — Сыновья раньше меня научились. Дружно жили. И вот пошли мы все с председателем колхоза своё хозяйство осматривать. Хайруллин Газиз был председатель. Он говорит:

— Это место хорошее на ручье. Тут надо пруд делать, молотилку водяную ставить. А в пруду рыбу разведём.

Хайрутдин замолчал, принялся было за лапоть, но вдруг опять положил его на нары.

— Ты понимаешь? Пруд! Ты понимаешь? Я уже больше ничего не слышал, о чём они говорили. Я стоял и вспоминал, как я на ручье плотину строил. Значит, я не такой уж был дурак? Может быть, не глупее братьев?

И тогда я сказал, очень громко сказал, так что на меня все посмотрели. Все привыкли, что я говорю тихо. Я сказал:

— Газиз! Разводить рыбу буду я!

Старик проговорил это и теперь неожиданно громким и звучным голосом, глядя куда-то вдаль, точно видел в эту минуту Газиза, колхозников и свой первый пруд.

С этой минуты и началась история рыбоводства в колхозе

«Магариф» («Просвещение»). А Хайрутдин Зарипов считает, что с этой минуты началась и настоящая история его жизни. Потому что человек может быть счастлив, только найдя своё настоящее место в жизни. Жена, три сына и две дочери не боялись говорить при нём, что думают, и, это уже действительно редкое счастье в жизни, они все думали о жизни одинаково и добровольно шли одной дорогой.

Однако история жизни колхоза «Магариф» и Хайрутдина Зарипова — это далеко не повесть о непрерывных успехах и счастье без теней. Началось всё действительно хорошо, с горячим подъёмом, при котором люди душой сливаются в одно целое. Председателю не приходилось батожком стучать в окна ленивцам. Плотина, о которой полжизни мечтал Хайрутдин Зарипов, выросла у него на глазах, и его лопата поработала на ней больше, чем все остальные. Водяная молотилка оправдала себя: молотила тридцать тонн в сутки, и к ней пристроили водяную же веялку. А в первый пруд Хайрутдин сам выпустил тысячи мальков карпа, привезённых из Пестречинского рыбопитомника. Рыбёшки долго держались дружной стайкой на месте выпуска, и Хайрутдин смотрел на них.

— Руки очень дрожали, — сказал он и тихонько засмеялся.

Осенью мальки выросли в меру хорошей товарной рыбы, и, подсчитав полученный от их продажи доход, Газиз почтительно взял в обе руки маленькую руку Хайрутдина.

— Спасибо, Хайрутдин абзы, — просто сказал он. — Теперь опять поезжай в питомник, но мальков больше не покупай, заведём своё стадо.

И Хайрутдин поехал. Он купил гнездо: одну самку («икрянку») и двух самцов («молочников»). Обратно лошади шли осторожным шагом, и грузные карпы в большом металлическом ящике с водой, наверно, волновались меньше, чем сопровождающий их Хайрутдин. На зимовку этих карпов-производителей посадили в отдельный небольшой проточный пруд — зимовал. В другом зимовале находились сеголетки, то есть дети этого лета, — небольшое количество непроданных рыбок, выращенных из купленных в прошлом году мальков. Крупные рыбы с боками, отливающими серебром, чуть шевеля хвостами, стояли у берега в тени деревянного навеса, Хайрутдин чаь-сами смотрел на них, и сердце его замирало.

— Когда я был маленький и лежал на обрыве у речки, вот таких рыб я хотел увидать, — говорил он.

Председателем колхоза скоро стал сын Хайрутдина, другой стал бригадиром-рыбоводом.

В колхозе началась настоящая рыбоводческая работа. С осени

приготовили новый нагульный пруд для зимующих сеголеток, спустили и очистили выростной пруд для будущих мальков и обнесли насыпью углубление, заросшее травой, — нерестовый пруд. Оставалось следить за зимовалами и ждать весеннего тепла.

Дождались. Весной, когда вода нагрелась до семнадцати градусов, нерестовый пруд наполнили водой из ручья и в тот же день осторожно перенесли в него производителей из холодного затенённого зимовала. Хайрутдин стоял на берегу и напряжённо смотрел в прозрачную воду. Руки у него опять дрожали.

Вот успокоившиеся после пересадки грузные рыбы, лениво шевеля хвостами, приблизились к пучкам жёсткой травы у самого берега и стали тесно прижиматься к ним боками. Струйки золотистой икры щедро полились в согретую солнцем мелкую воду и смешались с оплодотворяющим током молок, облепляя густые кустики травы. Новая жизнь зарождалась в сотнях тысяч икринок — потомстве одной матери. Этим кончилась её забота о детях. Теперь можно было снова пересадить родителей в отдельный пруд до зимы, когда снова наполнится водой осушённый на лето зимовал.

Пять дней, пока икра созревала в тёплой воде, Хайрутдин почти не отходил от нерестового пруда: а если в него заберутся утки, соскучившиеся зимой без животной пищи? Или лакомые до икры лягушки:, которые, кроме того, ещё не прочь отложить в тёплую воду нерестового пруда и свои икринки — маленькие шарики прозрачной слизи с чёрной точкой? Беда. Вышедшие из лягушачьей икры головастики съедят в пруду корм, необходимый для малышей-рыбёшек.

В помощь старику около пруда дежурили два мальчика с сачками для ловли лягушек.

Всё сошло благополучно, и утром на шестой день один мальчик, быстроглазый и весёлый, потянул Хайрутдина за рукав.

— Смотри, абзы, — зашептал он, точно боясь спугнуть увиденное, — о, абзы, они уже живые. А почему у них пузо такое большое?

— Я тоже мог увидеть первый, — крикнул другой мальчуган и сердито толкнул локтем его в бок. — Я тоже мог первый увидеть. Только я уток караулил. И лягушек. А ты только на воду таращился. Но первый даже не почувствовал ни толчка, ни обиды. Мальчик и старик, затаив дыхание, склонились над пучком травы, хорошо видным в мелкой воде. Прозрачные, почти как вода, крохотные личинки-мальки неподвижно висели, прицепившись к травинкам, на которых они родились, вышли из икринок. Они ещё не нуждались в пище: большой пузырь на брюшке — запас питательного желтка, отложенный матерью в икринку, — кормит

и укрепляет их, слабеньких, в первые дни их жизни.

— Я тоже, я тоже буду разводить рыбу, — прошептал Мустафа в восторге. Хайрутдин только крепко сжал его руку, они понимали друг друга без слов.

Семьсот тысяч икринок выпускает из себя взрослая самка карпа. Чтобы вырастить всё её потомство, потребовалось бы тридцать пять гектаров выростных прудов для мальков, выклюнувшихся из этих икринок в первое лето их жизни.

Зимой для них нужно было бы построить зимовалы площадью в девять гектаров, а следующей весной пересадить их в нагульные летние пруды площадью в сто пятьдесят гектаров. К осени годовики весят в среднем по пятьсот граммов, то есть вес всего потомства одной самки составил бы триста шестьдесят тонн. Это вес огромного стада коров.

Иначе сказать, если бы всё потомство одной самки могло выжить, то его хватило бы на все рыбные пруды района (если прудов много).

Но на самом деле, даже в лучших рыбоводческих хозяйствах от одной самки вырастает не больше двадцати тысяч годовиков. Остальные погибают и на зимовке и во время летнего содержания в выростных прудах. Сколько же их может вырасти в природных условиях, в реках и озёрах, где их никто не охраняет? Там икру и мальков, беззащитных, не умеющих даже прятаться, едят все, кому захочется: хищные насекомые, лягушки, рыбы, птицы. Поэтому в реках и озёрах только удивительная плодовитость рыбы спасает её от уничтожения.

Мальки росли, и мальчики продолжали помогать Хайрутдину в заботе о них. Рустем держал наружную оборону: гонялся за утками и гусями, забредавшими к нерестовому пруду, и ловко ловил лягушек, которые ухитрялись проскочить в пруд ночью. Мустафа часами стоял, наклонившись над песчаным тёплым заливчиком, и взволнованно повторял.

— Они растут! Хвостики стали длиннее, а пузо меньше. Хвостиками шевелят. Абзы, о абзы, они плавают!

— Большая от тебя польза, — презрительно ворчал Рустем, — только и умеешь, что глаза таращить!

Но и сам он исподтишка косился на отмель: какие у них большие тёмные глаза!

— А тебе только кашу из мальков варить, — отозвался будущий рыбовод и приподнялся, чтобы лучше видеть. — Мне теперь стыдно думать, что мы таких мешком ловили. Больше ни за что не буду!

— А я — буду! — задорно отозвался Рустем, но почувствовал, что сказал неправду. Мальки оказались куда интереснее, чем он

раньше думал. Почему им учитель ничего такого не рассказывал? Он и раньше бы не ловил…

Но сказать это почему-то было стыдно. И Рустем, лихо свистнув, помчался за удирающим гусаком. Однако не утерпел и опять присоединился к Хайрутдину и Мустафе, когда через семь дней наступил новый важный момент в жизни мальков: они подросли, корма в нерестовом пруду уже не хватало, нужно было их пересадить в большой летний выростной пруд — до осени.

— Мальков нужно считать, когда сажаем. Мало посадим — дохода мало, много посадим — корма не хватит, плохие будут, опять дохода мало, — говорит мне Хайрутдин, отрываясь от рассказа, и вытаскивает из угла хаты странные носилки: брезентовые, на ножках, сильно провисающие, точно неглубокий мешок.

— Вот сегодня домой принёс починить, весной опять нужны будут. Из нерестового пруда мальков сачком ловим и в этих носилках с водой к выростному переносим. Потом из воды в носилках ложкой их надо ловить, считать и в вырастной пруд пускать. Не у всякого терпенья хватит на такую работу. Мальчики всегда много помогают: траву в пруду косят, чтобы не мешала ловить мальков, носилки таскают. Теперь из мальков кашу не варят, в речке не ловят. Понимать стали. К осени мальки вырастут, станут сеголетки, по тридцать граммов весят. Тогда мальчики опять их ловить помогают и сажают в зимовал до весны. Веской их уже в нагульный пруд пустим, пускай жир нагуливают до осени. А в выростной пруд пойдут новые мальки, из весенней икры. Там расти будут.

Тут в дверь громко постучали. Нагибаясь, чтобы не удариться о низкую притолоку, через порог проворно переступил запыхавшийся паренёк в расстёгнутой ватной куртке.

— Здравствуйте! — проговорил он торопливо. — Хайрутдин абзы, сеголетки в зимовале ходят, — тревожно продолжал он по-татарски.

Старик проворно протянул руку к полушубку на стене.

— Гуси не пугали? — спросил он, уже застёгиваясь у дзери.

— Никто не ходил. Снег совсем чистый, следов нет. А они — ходят.

Хайрутдин на морозе задыхается и кашляет. Но сейчас он шёл быстро, не останавливаясь даже во время припадков кашля, только горбился и тяжелее опирался на палку.

Около зимовальных прудов торжественная тишина, на снегу нет следов, кроме узенькой тропочки — подхода. Прозрачная вода бесшумно переливалась по лоткам из одного пруда в другой и дальше в ручей, на котором Хайрутдин когда-то строил свою

первую плотину. С одной стороны над прудами навес из хвороста, прикрытого снегом, под навесом спокойно дремлют в темноте величественные карпы-родители. В другом зимовале должны дремать малыши-сеголетки. Но они беспокоятся: в темноте, среди редкой донной растительности, точно вспыхивают серебристые блёстки.

— Спусти воду ниже. Скорее! — распорядился Хайрутдин и, расстроенный, повернулся ко мне:

— Воздуха нет! Дышать им трудно. Зимой они не едят, если ходить будут — до весны сил не хватит, помрут. Им спать надо.

Мы остались около пруда ждать. Постепенно, очень медленно уровень воды в зимовале понижался. Вода, переливавшаяся с лотка, падая с большой высоты, запенилась, полетели брызги. Хайрутдин удовлетворённо кивал головой.

— Хорошо, — сказал он наконец, — видишь, как, бьёт, воздух в воду забивает. Если не успокоятся, колесо поставим, чтобы ещё сильнее брызгало. Через два часа приди ко мне, Мустафа.

— Хорошо, абзы, — с готовностью откликнулся паренёк, — я ведь и сам жалею, сам боюсь!

— Береги, береги! — повторил старик. — Весной половину продадим, кобылицу? матку для колхоза купим.

— Даже ночью встаём, — признался паренёк смущённо, — караулим их. Так матку ждём!

— Сорок две тысячи их тут спит, — говорил Хайрутдин уже на обратном пути. — Одна икрянка у нас. Если бы не Бадриев, десять раз столько бы было.

— Какой Бадриев? — спросила я.

— Я тебе про всё ещё не рассказал. — И Хайрутдин, тяжело дыша, остановился и показал рукой. — Вот здесь, под снегом не видно, пруд выростной. А дальше — нагульный, для годовиков. Сейчас воды в них нет, на зиму спустили, а рыбу в зимовалы перенесли. Так нужно всегда делать. А вот как началась война, ушли мои сыновья на фронт, ушли все мужчины, остались старики и женщины и новый председатель. Он меня не послушал, всю рыбу оставил на зиму в выростном пруду. А весной с полой водой ушла моя рыба в реку. Годовики и производители—все! Все пропали, и весь труд пропал.

Тут Хайрутдина схватил такой приступ кашля, что об остальном я уже догадалась по частям.

А было так: во время половодья, стараясь остановить уходящую рыбу, Хайрутдин метался по плотине с лопатой в руках, пока его самого чуть не унесло течением. Плотину размыло, пруд мелел на глазах, и, наконец, показалось дно, на котором там и сям поблёскивали забитые водой годовички. Вдруг

что-то тяжело шлёпнулось у противоположного берега. Ещё и ещё! Увязая в холодной грязи, Хайрутдин кинулся туда. Два карпа, огромные, блестящие, тяжело взмахивали хвостами, лёжа на боку в мелеющей ямке на дне пруда. Карпы всегда идут против течения, но весенняя вода быстро унесла с собой не только годовиков, а и взрослых карпов-производителей, только эти две самые сильные рыбы держались, не дали себя унести, но в конце концов опрокинулись на бок в обмелевшей ямке.

— Сторожи! — крикнул Хайрутдин подбежавшему мальчику, а сам кинулся в деревню.

— Давно бегать не могу, задыхаюсь, — рассказывал он, — а тут бежал, как молодой. Надо было успеть, пока они не задохнулись в грязи.

Он успел. По проваливающемуся снегу с двумя старухами дотащил до пруда кадушку с водой и осторожно переложил в неё облепленных илом, замученных, бьющихся рыб. Все годовики исчезли, и с ними исчезли надежды на осеннюю прибыль. Но уцелела основа рыбного хозяйства, лучшие самец и самка.

— Самое наше счастье, что их мы поймать успели. Купить новых производителей мы бы не могли, — докончил Хайрутдин уже дома, вешая на стену полушубок.

Тут в дверь опять постучали, на этот раз спокойно и вежливо. Новый посетитель, почти великан, в низком полуподвале не мог даже выпрямиться и, войдя, сразу сел на самый низкий чурбан с набитой сверху дощечкой, ссутулился. И в такой позе он всё же оказался выше сидевшего на обыкновенной табуретке Хайрутдина, но приятно было видеть, с каким уважением смотрел на старика. Это был новый председатель колхоза Габдрахман Ахатов.

Габдрахман не учился в русской школе, но свободно говорил по-русски: выучила война. Домой он пришёл простреленный и контуженный, но крепкая натура выдержала.

Осторожно протягивая руку, чтобы ничего не задеть, говорил:

— У нас в колхозе мужчин мало, ну да я руки в карманах не держу, а тогда справиться можно.

Он уже во многом «справился»: прекрасный конный двор и погреб для семенного картофеля были отремонтированы почти только его руками, и учит он не словами, а примером. Только засуха помешала ему поставить колхоз на твёрдые ноги.

— Ссуду на семена получил сегодня, — проговорил он, обращаясь к Хайрутдину после первых слов приветствия. — Будут семена. А ссуду осенью чем покроем, абзы?

Хайрутдин взял из рук жены и протянул гостю чашку с чаем.

— Серебром, — неторопливо ответил он. — Серебро спит в

зимовнике, летом его жмыхом кормить будем, а осенью пятнадцать центнеров рыбы с гектара пруда возьмём и ссуду покроем. Если всё будет хорошо, — предусмотрительно договорил он.

Габдрахман осторожно взял с блюдечка конфетку, непомерная сила приучила его обращаться с маленькими предметами так, будто они готовы сломаться в его крепких пальцах.

— А как с утками, абзы? — осведомился он. — Времени терять нельзя, на утят запись идёт.

Лицо старика потемнело.

— Не знаю. Не пробовал, — сухо ответил он и отвернулся. Габдрахман поставил чашку на нары.

— А я знаю, — твёрдо проговорил он. — Ты, абзы, боишься, что утки рыбу есть будут? Так ведь мы их в выростной пруд не пустим, где малыши сеголетки. Мы их в нагульный пруд пустим. К годовикам. Они их не тронут, и гуси — тоже. Я принесу книгу про один совхоз в Московской области. Без подкорма сколько рыбы с гектара пруда взять можно? Два центнера? А там уток в пруд пускают и без подкорма получают десять центнеров рыбы и десять центнеров утиного мяса. И ещё яйца и перо. А жмых, которым ты рыбу хочешь кормить, скоту пойдёт. Коровы молоком спасибо скажут. А почему так? Потому что утки траву едят, которая рыбе вред делает — пруд засоряет. Ещё утки едят головастиков лягушек, жуков — всякую дрянь, для рыбы вредную. А рыбу утки кормят: от навоза утиного в воде больше рыбьего корма разводится. Вот как! — В увлечении Габдрахман чуть не вскочил со скамеечки, но вовремя взглянул на низкий потолок, засмеялся.

— Мне и в траншеях очень неудобно было, — повернулся он ко мне. — Даже спина болеть стала. Нельзя прямо стоять, голова торчит. Ну, как будем делать, абзы?

Старик помолчал и вдруг махнул рукой.

— Ладно, ладно, Габдрий, попробуем, — проговорил он добродушно. — Утки, гуси… согласен. Ещё что сделать хочешь?

— Ещё что? — Габдрахман поставил чашку на нары и расстегнул полушубок. — Хочу воду в пруду ещё выше поднять, на огороды пустить. Колесо такое сделаем. Если засуха будет, воду ещё выше поднимем и на поля пустим. Воды у нас много. От верхнего ключа, который через зимовалы идёт, водопровод пустим на конный двор и на скотный двор, там вовсе близко, вода сама пойдёт. А потом…

Он на минуту остановился. Видно было, что дальше речь пойдёт о самом дорогом, о чём не всегда можно говорить.

— Электростанцию, — выговорил он решительно. — На реке. В колхозе «Красный партизан» уже есть. А у нас почему нет? Твоё серебро, Хайрутдин абзы, за всё заплатит, даже в этом году, хотя у нас ещё птицы мало будет. И тогда вот здесь… — Председатель, не вставая, взмахнул рукой, чуть не опрокинув керосиновую лампочку под потолком, — повесим лампочку Ильича. Мне очень нравится такое название.

Дверь снова открылась. Мустафа стоял на пороге, улыбаясь во весь рот.

— Не ходят больше, спят, абзы, — коротко заявил он. — Можно опять напустить воды?

— Не надо пока, — Хайрутдин даже пальцем помахал отрицательно. — И напомни Рустему, когда он на смену придёт, что там, в зимовале, спит цена кобылицы-матки.

— Он уже колесо делает, абзы, — объяснил мальчик, — которое воду брызгает. Говорит: «Я твоих рыб только из-за кобылицы берегу». Только это неправда, абзы, он сам за рыбу боится, из-за рыбы.

Габдрахман поднял руку и посмотрел на них. Хозяйка тревожно подвинулась к лампе.

— Вода, — сказал председатель задумчиво. — Мне один узбек ещё на войне говорил: «Где у нас вода — там жизнь…» И я скажу: и у нас вода — жизнь. Если хорошо жить хотим, с воды начинать надо.

Он сложил руки: пальцы одной руки в переплёт с пальцами другой.

— Вода идёт везде, вот как пальцы этой руки входят в другую руку. Нет, Галимбаян апа, я не трону лампы. Скоро вода польётся у нас на конный двор и на скотный двор. Вода вертит молотилку и веялку, а скоро будет крутить нам свет в лампочку Ильича. Вода кормит рыбу и птицу. Засухи больше не пустим, водой польём поля. Всё делает вода.

Маленький Хайрутдин медленно допил свой чай и протянул пустую чашку жене.

— Налей воды, — весело проговорил он. — Теперь я понимаю, почему всю жизнь на каждом ручье я хотел поставить плотину. Я хотел быть хозяином воды.

Габдрахман засмеялся и встал.

— Ты хозяин нашей воды, Хайрутдин абзы, — проговорил он. — Ты хозяин живого серебра. Пусть гостья приедет к нам в будущем году и посмотрит, что сделает вода для нашего колхоза.

ДЕКАБРЬ — ФЕВРАЛЬ

И, наконец, самый величественный период развития природы — зима. Декабрь, январь, февраль — три месяца зимы нашего сурового климата. Декабрь — студень. Таково старое его славянское название, близкое и понятное нам. Средняя суточная температура 5—10° ниже нуля. Бывают в иные годы и отклонения. Случается и Новый год праздновать в оттепель. А в 1942 военном году и в 1979 году много яблонь в наших садах после зимних морозов так и не откликнулись на весеннее тепло. Но это крайности.

22-е декабря — день зимнего солнцестояния: «солнце на лето, зима — на мороз». Понятно: в декабре земля получает наименьшее количество тепла. Мало того, что дни коротки, но и солнце поднимается над горизонтом очень невысоко, и косые его лучи меньше нагревают землю. Земля, вдобавок, покрыта белым снегом, который отражает их. Мало утешения, что день прибывает на минутки. Выйдет человек из тёплого дома на мороз и поёжится невольно, даже в тёплой одежде. Дрожь пробирает! Плохо это? Представьте себе — хорошо! Удобное дополнение… к шубе. Мышцы усиленно работают — дрожат, а как известно из физики, при всякой работе выделяется тепло. Неожиданно, правда? Подрожали и согрелись, хоть немного.

Растения этой способности греться не имеют. Но и у них

зимний способ согревания существует: снег, тёплое покрывало. Лёгкий, пушистый. И чем пушистее, тем теплее. Так и шуба звериная — чем пушистее, тем теплее. Греет, конечно, не снег и не мех, и не сам воздух, который находится между снежинками и волосками густого меха. Дело в том, что воздух очень плохой проводник тепла. Живое растение, животное выделяют тепло. А воздух этого тепла не пропускает наружу, не даёт улетучиться. Поэтому и пальто на толстом слое ваты хорошо греет, то есть сохраняет тепло живого тела. А попробуйте хорошо укутать на морозе полено. Хоть мехом, хоть ватным одеялом. Полено не согреется: своего тепла нет. Птичье зимнее оперение гуще и тоже лучше задерживает тепло. А заметили вы, что в мороз ворона, сидящая на ветке, становится будто толще? Это она, да и любая другая птица, распушилась, и между пёрышками набралось больше воздуха.

До чего же ярка белизна свежего снега. Выглянет солнце — глаза заслепит от яркого блеска. Известно, в тех местах, где снег застилает целые равнины, людям приходится надевать тёмные очки, а то случится снежная слепота. Если завязать такому больному глаза или надеть тёмные очки, эта слепота проходит, но всё-таки неприятно ослепнуть, хотя и на время.

Эскимосы и другие жители заполярных стран очень искусно делают себе деревянные очки. Это тонкие деревянные пластинки, в них прорезаются узкие щёлки. Света щёлки пропускают мало, только чтобы видеть, куда идёшь и что делаешь, так что блеск снега глаз; не утомляет.

Белая пелена укрыла землю. Тихо. Кажется, под ней и вовсе жизни нет, всё мертво. Но беда, если вдруг буран налетит. Куда неподвижная пелена подевалась! Небо, земля — всё словно смещалось в крутящемся вихре, самая тёплая одежда не защитит, ветер до костей доберётся и тепло выдует. Можно замёрзнуть в нескольких шагах от дома, где ждало бы спасение. На дальнем севере одно жильё от другого на километры отстоит. Там опытный путешественник перевернёт санки, ляжет под них и даёт снегу себя замести. Так в снежной «берлоге» и пересидит бурю, только шестом сверху в снегу маленькую дырочку проделает, чтобы дышать. И спасётся. Собаки его ездовые на ночь и без бурана в снег закапываются, так теплее.

Декабрь-батюшка и воду льдом покрывает. Лёд, присыпанный снегом, всегда тоньше, чем в местах, снегом не закрытых. Снег тепло, какое есть в воде, хоть и небольшое, бережёт.

Холоден декабрь, но зачастую по-настоящему ещё землю снежной шубой закрыть не может. Ветром сухой снег сдует, и уже холодеет, чернеет земля на буграх и косогорах. Жнивьё на полях

даже не закрыть. А на дорогах и обочинах какие-то новые гости показались: чуть больше воробья, поменьше скворца, птички неяркой раскраски, как щур или свиристель, но по-своему милые: чёрно-серо-беленькие. Это пуночки — белые полярные воробышки из далёкой Африки. Они у нас, можно сказать, проездом, вернее пролётом, с берегов Северного Ледовитого океана. Кормятся семенами сорняков, что ещё на кустах держатся. Отдохнут и дальше на юг подадутся, до самого Крыма. А ранней весной обратно на север. Не лесные это птицы, простор любят. Вспорхнут и опять на дорогу, потому и зовут их ещё зимние подорожники.

А вот полынья. С ней мороз не справился: родничок под берегом. На самой кромке льда пичуга сидит, тонкие лапки заморозить не боится. Хорошенькая, коричнево-буренькая, горлышко белое. И поёт. Да так весело, точно зима ей летом показалась. Кончила петь и преспокойно нырнула в воду на самое дно и давай по дну бегать. Тут жучка цап, там ещё что-то и вылетела из проруби, в клюве рыбку держит. И ни капельки воды на пёрышках, жиром смазанных. Ноздри перепонка закрывает, клапаны плотно ушные отверстия закрыли, хвостик коротенький, видимо, в воде с таким удобно бегать и быстро поворачиваться. Встречается у нас оляпка редко, биологи считают, заглядывает во время зимних кочёвок. Тем интереснее на неё полюбоваться, а милый голосок её зимой послушать — чистое удовольствие.

И ещё один «водолаз» у нас иногда у незамерзающей полыньи зимовать остаётся: красавец зимородок.

В малоснежную зиму беспокойно на душе хлеборобов, как бы не пострадала от мороза озимь. Посев ржи или пшеницы сделан осенью, ростки всю зиму мирно дремлют под пуховой снежной периной. Но беда, если зима бесснежная. Жестокий мороз убьёт беззащитные растеньица. Нелегко им бывает, если зимой вдруг потеплеет. Снег сверху подтает, а потом ударит мороз, и ледяная корка-наст закуёт землю. Рыхлый снег между снежинками содержит воздух. А под настом (ледяной коркой) задыхаются.

Но выпал снег, и сама земля, и всё, что на ней снегом прикрыто, дышит и спокойно ждёт весны. Хорош, красив снежный дедушка декабрь. На еловых лапах искрятся под солнцем снежные подушки. Ёлке они не страшны, ветки у неё гибкие, не ломаются. Они отходят от ствола с наклоном вниз, так что излишек снега долго не удержится, съезжает на землю. Голые ветки лиственных деревьев за тысячи снежных зим тоже приспособились: не ломаются. Бывает, слишком вытянуты молодые деревца в гущине, так эти не жильцы, их снег согнёт чуть не до земли.

Примолк зимний лес, закутанный мягким белым покрывалом. Торжественна его тишина. Но вот громкий стук раздался и нет

тишины. Это большой пёстрый дятел. Ему не до созерцания: зимний день короток, и холодна длинная ночь, много надо потрудиться, ведь еда питает и греет. Большой и малый пёстрые дятлы зимой перешли на смолистые сытные хвойные семена. Но их надо достать из шишки.

С шишкой в клюве дятел уже летит к своей «кузнице», прижал шишку грудкой к дереву и ловко выхватил из щели в нём прежнюю растрёпанную, семена вытащены из-под разбитых мощным клювом чешуек. Новая шишка вставлена в расщелину, вновь заработал кузнец. На земле под «кузницей» груда пустых шишек. Что это именно дятлова работа, опытный глаз сразу определит: белка все чешуйки скусывает, остаётся голый стерженёк. Клёст ловко отгибает чешуйки, достаёт семена удобным для этой работы искривлённым клювом, а полёвки отгрызают чешуйки наполовину. Каждому по-своему удобно. Дятел неряха, в куче шишек под деревом много ещё найдётся забытых семечек, есть и целые шишки. Чем-то дятлу они не понравились. А нелетучему народу пир: целые шишки на сырой земле долго лежат не раскрываясь, поэтому семена в них хранятся и тогда, когда шишки на деревьях уже подсохли, раскрылись и семена из них высыпались. А лежачими и белки попользуются, когда наверху уже взять нечего. Дятлы работяги. Но попадаются и хулиганы. Вот принёс пёстрый дятел шишку, вставил в кузницу и… вдруг вихрем подлетает другой и грудью на него: «Пошёл вон! Моя!» И что же? Без спора, без драки место уступается. Однако, кажется, орнитологи ещё не решили окончательно, кто же в этом споре был настоящим хозяином «кузницы».

Большой пёстрый дятел, всем известно, часто летает с целой свитой. Синицы, поползни, корольки, пищухи подбирают крохи с его стола.

Однако маленькие нахлебники в долгу у дятла не остаются. Бывает, дятел примется долбить и в увлечении не замечает, что делается кругом. А из-за деревьев вывернулся ястреб-тетеревятник и прямо с дятлу. Тут бы долбану и конец, да синицы как запищат:

— Дятел! Прячься! Беда!

Дятел услышит и шмыг на другую сторону дерева. Ястреб туда, дятел сюда. Ястреб сюда, дятел туда. Покрутится разбойник, покрутится и отправится искать добычи попроще.

Так синички платят дятлу за угощение.

Вы понимаете, конечно, что этого ни синички, ни дятел не обдумывают, так оно само получается, и для тех и других выгодно.

Большой чёрный дятел жёлна и зимой своим сильным клювом продолжает обдирать кору в поисках насекомых и долбит в стволах большие четырёхугольные отверстия — добирается до древесных чёрных муравьёв. А если почуял поживу в глубине гнилого ольхового пня, весь толстый пень разлетится на кусочки.

Зелёный дятел специалист по муравьям. Зимой такую нору в муравейнике выкопает, что сам в ней скроется. Добирается до личинок и куколок, их муравьи на зиму уносят поглубже, чтобы холод не повредил. Такой разбой может погубить большой старый муравейник, погубить самых ценных наших помощников в борьбе с вредителями леса. Недаром эти муравейники охраняет закон. А лесники, для которых большой пёстрый дятел — лучший друг, на зелёного дятла неодобрительно головой покачивают.

Синички, верные спутницы дятлов, не только кормятся живностью, которую дятлы роняют на землю с кусками оторванной коры. Жёлна на заражённых деревьях выдалбливает такие ниши, что сытые синички в них устраиваются на ночлег.

…Ну просто цветы расцвели на сухих кустиках лебеды, крапивы и репейника; до чего нарядный наш щегол! Молодцы щеглы. И глаз порадовали и пользу принесли, семенами позавтракали, а у нас сорняков на огороде меньше будет. Со щеглами и синички прилетели. Но им не семена репейника нужны. В семени для них закуска спрятана: бабочка-репейница поздней осенью яички в головки репейника отложила. Сама прогрызть семечко она не может. Да и не надо. Личинки из яичек вышли до морозов, семечки прогрызли, в них спать-зимовать устроились до весеннего тепла. Синички семечки с гусеницами легко отличают, они становятся крупнее. Синичкин клюв тонкий, острый, всех гусениц достанет. Глядя на них, подлётные рыболовы этих гусениц добывать научились. Рыбка на них хорошо берёт.

Понятно, почему свиристели едят с такой быстротой и жадностью. У всех птиц пищеварение идёт очень быстро, а свиристель в этом отношении рекордсмен. Нища у него прямо-таки перескакивает из зоба в желудок, в кишки и дальше, только успевай снова зоб набивать ягодами. А они-то вошли с морозом, ягоды мёрзлые, зоб и всё тело охлаждается, дыхательные пути сдавлены, бедный обжора часто в обмороке падает с ветки на землю. Если их много — всей компанией. И лежат, пока часть ягод в зобу оттает, пройдёт в желудок. Можно дышать! Свиристель зашевелился, прыг на ветку, можно кушать дальше.

Сойка беспокоится: настало время за запасы приниматься, осенью хлопотунья где только желудей не напрятала, поди их теперь найди. Ну своих не нашла — соседкины пригодятся, а то и

на белкин запас наткнётся — не важно. В дубовом севе лесникам она главная помощница. Мелкие птички эту красавицу вороньего рода не очень жалуют: она и птенчика промыслит, и яичко. А сейчас, зимой, и птичку подхватить не откажется.

Песен в зимнем лесу не заслушаешься: свои певцы улетели, а зимние красавцы щуры, свиристели, клёсты петь не особенные мастера. Тихо, уютно напевают, правда, снегири.

В декабре, не в пример глухарям и тетеревам, рябчики разбиваются на пары, хотя до весны далеко. Тетерева в березняках нет-нет да и забормочут, но как-то по привычке. Тетёрки на это и не отзываются, не проявляют интереса. Берёзовые почки для них интереснее. Тихо стайка на вершинах берёз держится, может, почки там вкуснее. При ветре они на средние сучья спускаются, где потеплее. Под снег-то ночевать ещё рано, закусить не мешает. Но к вечеру наклевались рябчики, тетерева и кувырк с ветки на снег, в снегу ещё коротенький ход разгребут — и снежная спальня готова. В злую непогоду можно под снегом и двое и трое суток отсидеться — не замёрзнешь. А на снегу и следов не осталось, всего лишь маленькая ямка в том месте, где птица в снег погрузилась.

Но бывает, на дне снежного моря ждёт бедных птиц та злая беда, которая, как мы говорили, и для озими опасна. Солнце засветит поярче, и верхний слой снега подтает, а к ночи подмёрзнет, образуется ледяная крышка — наст. Утром птицам на волю пора, а ледяная крыша не пускает.

Как-то недалеко от одной деревни ребята приметили: на опушке берёзовой рощи вечером сидели тетерева, кормились берёзовыми почками и на глазах упали в снег и закопались. А утром снег прочно заковало настом.

— Забирайте лопаты, спасательная команда, — сказал учитель, — идём лесных кур из беды выручать.

Ребятам это понравилось, на лыжах все живо в рощу прикатили.

— Ни один не выбрался, — сказал учитель. — Видите, края у ямки вдавлены, это вход. У выходной ямки снег был бы в стороны разбросан. Действуйте!

Школьники, кто лопатой, кто просто палками, осторожно принялись за ледяную корку. Фрр! Что тут поднялось! Снег тучей взвился в воздух, косачи и тетёрки летели кто куда, об одном не догадались: поблагодарить спасителей.

— Не стоит благодарности! — крикнул учитель и схватился за шапку: крупный косач чуть не сшиб её в снег.

Смеху и радости было много. И ещё веселее стало ребятам, когда по следам они разобрались, какой незваный гость наблюдал

за их работой из-за ближнего кустика.

Оказалось, кумушка лиса сообразила, какая вкусная добыча ждала её под берёзой в ледяной тюрьме. Она не первый раз подстерегала под снегом тетеревов и, подобравшись, ловко хватала первого же на взлёте.

А тут — ну и досада! — опередили. И неловкие же какие! Ни одного и поймать не сумели, зря старались, только ей охоту испортили. Так думала, вероятно, лиса, глотая слюнки. Но тут девчушки от радости подняли такой визг, что она не выдержала, метнулась в сторону, даже несколько рыжих шерстинок не кусте оставила. По следам да по этим шерстинкам школьники и прочитали, что мы рассказали.

А бывает и так. Ястреб-тетеревятник у нас тоже зимует и не хуже нас знает птичьи повадки. Увидел тетеревов на берёзе и к ним во весь дух. Вот, наверно, думает, досыта пообедаю.

Только тетерева не глупее ястреба: с берёзы бух в снег и закопались.

Подлетел ястреб. Опустился на снег. Тут она, добыча, под самыми кривыми когтями. Только вот беда, когти эти умеют добычу хватать. Цепко, не вырвешься. А копать не научились. Посидит ястреб, посидит на снегу… и опять на крыло, другую добычу искать. Вот тетерев и спасся.

Кумушка лиса под снег не залезет, но снег и ей помогает. Она хорошо знает, что под снегом живут, да ещё и плодятся, мыши с полёвками, её главная еда. Для полной сытости ей штук двадцать в день поймать надо. Охота нетрудная, интересная. Лиса так увлекается при этом, что к ней даже подобраться можно, полюбоваться.

Ведёт она себя забавно: то остановится, то подскочит на задних лапах, точно танцует, и вдруг хлоп! Мордочкой прямо в снег зарылась, он так и разлетелся. Вынырнула, проглотила и дальше бежать. Это она, как говорят охотники, «мышкует». Проглотила мышку. И редко, когда ошибается, не успеет мышь поймать. Под снегом их не видно, но для чего ей чуткие ушки? Они не хуже глаз расскажут, где мышка под снегом прошуршала, где пискнула. Выслушает её лисица, поднимается на задние лапки и со всего размаха нырк в снег головой. Глядишь — и мышка уже в зубах. Но одна мышка — один глоток. Облизнулась лиса и дальше слушает. Поэтому лиса нам полезный зверь и охота на неё, когда у неё дети растут, запрещается. А зимой охотник за дерево спрячется, через пищик пискнет, и лиса сама на него набежит.

Отмучился по чернотропу рано полинявший заяц, теперь беги, куда хочешь: снег белый, и сам белый, точно в

маскировочном халате.

Но лучше днём зря не бегать. Следы напутать и под кустиком отлежаться тишком-молчком. Приходится не только настоящего врага поберечься, сорока да сойка заметят — на весь лес крик разведут. И ведь не для своей выгоды, а так, болтушки, помолчать не могут. Кому только заячье мясо не нравится!

Раз пришлось мне подсмотреть, как по заячьему печатному следу шагали две вороны. Идут молча, головы на бок, во всех заячьих хитростях разбираются не хуже охотника. Если доберутся, косому плохо придётся.

Чаще всего по заячьему следу пробирается рыжий следопыт лиса. Эту никакими увёртками не обманешь. Не откажутся от зайчатины и голодные волки.

Подумать только, сколько опасностей бедного зайца ожидает, не считая охотников с ружьями и собаками. А защиты у зайца — всего только хитрость да быстрые ноги.

Вот заяц и принимается за хитрости. Если надо ему отдохнуть, он не сразу заляжет под кустик. Он по своему следу и назад пробежит, и в сторону прыгнет. Напляшет, напрыгает, наконец, последний огромный прыжок. И в этом последнем прыжке особая хитрость. Прыгнет заяц не на чистое место, а под куст или в пучок травы, что торчит из-под снега. И лапки на прыжке прижмёт одну к другой, чтобы след получился незаметный, одной ямкой. И ещё ложится косой на отдых обязательно головой в ту сторону, откуда пришёл, чтобы врага вовремя заметить и успеть спастись.

Лунной зимней ночью сядет охотник в шалашик на огороде, ждёт, не придёт ли заяц капустных кочерыжек поглодать. Так вы знаете, как он зайца теперь высматривает? По тени. Заяц бежит белый, от снега не отличишь, а тень его рядом скачет — голубая, заметная.

И не только тень выдаёт зайца, но и следы.

В лесу, в поле бабушка зима точно развернула большую книгу с чистыми страницами и каждого бегуна просит в ней расписаться. Вы бежите? Пожалуйста, только вот не откажите лапку отпечатать: одну, другую… Ну и всё. Бегите дальше.

В книге бабушки зимы расписался не один заяц. Все звери, даже птицы, если спустятся на землю, волей-неволей лапки к ней приложат. Особенно, как выпадет свежий снег, каждый след на нём ясно виден. И опытному следопыту сразу понятно, кто, куда и за каким делом бежал. Для этого по лесу надо ходить умеючи, бесшумно, как ходят сами лесные жители. И тогда… Тише! Тише! Спрячьтесь за кустик, смотрите, что это такое? На снегу заячий след, а по нему важно шагает огромная белая птица. Снежная

сова. Яркие жёлтые глаза огнём горят. Нехорошим для зайца. Прочитает она его след в книге бабушки зимы — ох! — прочитает. И приложит к нему когтистую лапу.

Как спастись? Бегом. Зайцу, известно, только ноги помогают. И помогают не только на бегу. В поле его не то что ястреб, а и орёл не может взять. Подлетит — а заяц на спину бух и задними ногами забрыкает. Спустится ястреб пониже — ему и кишки вон, когти у зайца острые, сразу птичий живот распорют. Отгонит он врага, опять пробежит, ещё упадёт и забрыкается. Так до безопасного места в густой чаще и доберётся.

Иногда трудно бывает решить, какие качества зверя приносят ему пользу, а какие — вред. Например, у зайца-беляка шкурка очень непрочная, потянешь за шерсть покрепче, трах… и останется в руках клочок шкурки, самый верхний слой, а на боку у зайца голое место, даже кровь на нём не покажется, чисто и сухо.

Случилось раз так. Видит охотник, бежит заяц, а лиса из куста к нему и хвать его зубами за бок. Заяц вырвался и накатился прямо на охотника. Лисица прыг в сторону, а зайца охотник застрелил. И что же? Смотрит, на боку у зайца голое место, а клочок кожи остался в зубах у лисицы. Потому заяц и вырвался. Иной раз гнилой кафтанчик выгоднее крепкого.

Забавные у зайца следы, точно он задом наперёд бежит. Вот это передние короткие лапки, след от них кружочками. А это — задние. От них след длинный. Их заяц закидывает так, что они ступают впереди передних.

На снегу вся тайная лесная жизнь видна, как на ладошке. Кто куда шёл и что делал — всё понятно.

Раздался глухой бас старого гончака и звонкий заливистый лай молодого горячего пса. Дрогнула, словно сломалась, тишина леса. И, обгоняя тишину, уже несётся косой, лапками земли едва касается. Две передние лапки, а задние далеко вперёд вылетают, печатают следы, нам не видно, а гончим понятно. Лай, глухой и звонкий, не умолкает. Опытному охотнику бежать незачем. Заяц круг сделает, на свой след придёт. Стоит охотник за кустом, недалеко дорога. По его расчёту заяц, тоже опытный, не рядом с дорогой пойдёт, а обязательно на дорогу заскочит: на дороге следов много, гончим они чутьё забьют, след потерять могут.

Был такой случай не зимой, а к осени.

Гон ближе, ближе собаки заливаются. Заяц, как и думалось, по дороге несётся, уже и ружьё на изготовке, но… Сбоку от дороги крестьянки лён мочёный сушить разостлали. Заяц с разбегу стал столбиком на задние лапки, понюхал воздух да вдруг с дороги прямо на лён покатился и ну по льну взад-вперёд

прыгать. Прыгал-прыгал, опять на дорогу скок и давай бог ноги, близко мимо меня проскакал. А я… как вы думаете, что? Ружьё опустила.

— Живи, — говорю, — ты, умник-разумник. И тут же гончие налетели. С разбегу по следу на лён заскочили и след потеряли. Резкий запах льна забил им чутьё. Я их, конечно, на след зайца не навела, наоборот, в другую сторону отозвала. Пришла домой с пустым ягдташем и очень этому радовалась. Это, пожалуй, был первый раз, когда я серьёзно задумалась, а такое ли уж это весёлое занятие — убивать не от голода, а так, для развлечения? Подумала и завела себе фотоаппарат.

А на снегу ещё следочки, совсем как заячьи, только маленькие: тоже задние лапки длинные, вперёд заскакивают. Но печатал их зверёк не так, как заяц, без всякой хитрости. Видно: с одного дерева спустился, до другого добежал и на него забрался.

Это заячья родственница — белка. Она по земле бегает не очень охотно, с дерева на дерево по веткам норовит перепрыгнуть. Зато на дереве глазом за ней не уследишь. Налетит на неё голодный ястреб-тетеревятник, норовит когтями вцепиться. А она как кинется по стволу вверх винтом, винтом, у ястреба, верно, и голова закружится, никак не приноровится схватить рыжую молнию.

Белке живётся легче, чем беляку. К зиме. она приготовилась, как запасливая хозяйка, сплела себе несколько гнёздышек, да не простых, а с крышей, натащила в них шерсти, пёрышек, моха, а то и в дупле устроится. В большой мороз из гнезда и носа не высунет, вход в него мохом заткнёт поплотнее, и тепло в нём, как в комнате: 20 градусов. В одном гнезде у белки кладовая: шишки, орешки, полным-полно. Белка — лакомка. До зимы ещё насушила грибов. Она в грибах разбирается, любит маслята и берёзовики. А сушит их просто: натыкает на сучочки, да так и оставит. Зимой бродит по деревьям, найдёт грибок и скушает. Иногда переходит жить из одного гнезда в другое, если в первом её уж очень блохи забеспокоят.

Казалось бы, всё хорошо, живи до весны спокойно. Но не спит зимой самый злой беличий враг — куница. Рыщет она по деревьям и если увидит беличье гнездо — не миновать белке беды. Не успеет выскочить — задушит её куница в гнезде, а если и выскочит — труд но спастись: куница ловка, догонит и на дереве и на земле. А в гнезде задушит белку, съест, да в этом же гнезде и спать устроится.

А вот и совсем мелкие следы-точечки. Выскочил кто-то из-под снега, пробежал прыжками недалеко, и цепочка кончилась: нырнул зверёк в снег, как в воду. В этом месте осталась

крохотная, чуть заметная ямка.

Вот и другая цепочка, тоже коротенькая, только ямки-вмятины в конце её нет. Вместо неё капелька крови. Оборвалась цепочка, и с ней оборвалась маленькая мышкина жизнь. Голодный ястреб-тетеревятник подхватил её с лету, острые когти пронзили маленькое тельце, замёрзшая капелька крови досказала остальное.

Недаром мыши не любят зимой выбираться из-под снега: днём ястреб, ночью — сова налетит, подхватит. А подальше попробует мышка пробежать — злой мороз в минуту закуёт крошечное тельце, много ли в нём тепла? Смелая мышка так и останется лежать на снегу ледяным комочком.

То ли дело под снегом. Ни сова, ни ястреб не доберутся, но из-под снега в лесу мышиное племя часто подбирается ближе к человеческому жилью, вместе с домашними мышами. И в дом, и в копны сена, в которых к весне могут внутри одну труху оставить. Да и в лесу под снегом не плохо: даже из норок под снег выбираются, а полёвки и гнёзда вьют, и детей выводят. Просуньте палец в гнездо — из него даже пар вьётся. Малыши лежат голенькие, а им тепло.

К счастью нашему, не спят зимой враги всего мышиного народа, самые малые и самые свирепые из хищников — горностай и ласка.

Горностай полезный зверёк: он убивает мышей, полёвок, всяких вредных грызунов, отлично охотится на них и под снегом. Правда, эта крошечная злая тварь, не зная страха, иногда бросается далее на такую огромную дичь, как заяц и глухарь. Это всё равно, как если бы кошка напала на крупную собаку. Мне удалось раз подсмотреть, как это бывает.

В лесу было особенно тихо, свежевыпавший мягкий снег глушил все шорохи. И вдруг в нескольких шагах от меня с кустика бересклета посыпались хлопья и около него будто взорвалась снежная бомба: огромным скачком вверх взлетел большой заяц, ещё и ещё раз, всё на одном месте. Стоя на задних ногах, он взмахивал передними, а струйка крови текла у него по горлу и окрасила грудь. Он ещё раз взмахнул лапками, вдруг опрокинулся на спину, да так и остался лежать. Тут от его горла отделилось что-то белое, тонкое, тоже запачканное кровью. Горностай! Он повернул ко мне оскаленную мордочку и вдруг злобно зашипел и заверещал тонким голосом, дескать, не тронь, моё! Не твоё! Я шагнула ближе. Он пискнул ещё злее и, ныряя в снег, исчез за раскидистой маленькой ёлочкой.

Заяц уже не шевелился. Наверное, горностай подобрался к нему под снегом и вцепился в горло, прежде чем заяц его

заметил.

Горностай недаром нырнул под снег: он отправился на новую охоту. Передушит всех крыс и мышей, каких встретит, чего не съест — закопает про запас. Он не охотится только, когда спит. А спит он мало.

Ещё страшнее для мышей родственница горностая — ласка. Она вовсе крошечная, размером с толстый карандаш, в любую мышиную норку пролезет и ни одной мышке спуску не даст. Хороший хозяин не убьёт ласку у себя на дворе. Смелости у ласки хватило бы на тигра. Раз видели, как сова схватила ласку (верно, уж очень проголодалась), взлетела с ней и вдруг забилась в воздухе и упала. Ласка извернулась у неё в когтях и на лету перегрызла ей горло.

Эти маленькие хищники так злобны, что и друг с другом воюют. Вот под окутанной снегом ёлкой мелькнуло что-то. Зверёк, весь белый на белом снегу, тоненький, в большой палец взрослого мужчины и всего вдвое длиннее. Чёрные глазки и чёрный носик на злой мордочке, короткие проворные ножки. Зверёк подозрительно принюхался, пискнул тонким злым голосом, прыгнул и вдруг исчез, только снег взвихрился над крошечной ямкой. А над ямкой с разбега пролетел и резко затормозил, даже лапки в снег погрузились, другой зверёк — точно родной брат белого, только вдвое больше и кончик хвоста чёрный. Горностай это. Такой же разбойник, как и ласка, которая от него в снег нырнуть успела. Казалось бы, ну что им делить? Мышей и полёвок под снегом хватает. Но так уж злобность у горностая велика: по пути, если удастся, и ласку не прочь придушить. На этот раз не удалось. Повертел горностай злющей мордочкой и тоже пропал, на охоту отправился.

В снегу этим разбойникам раздолье, сутками из-под снега не вылезают.

Убивают они гораздо больше, чем могут съесть, запасы в норку свою спрячут, а если охотился от норы подальше, то и просто в снег закопают и опять на охоту. В одной норке горностая раз нашли двадцать штук разной дичи: мышей, крыс, ящериц, лягушку, тритона и гадюку. Смелый охотник даже ядовитой змеи не испугался. Й тут же, около змеи, припрятал жука-плавунца. Ему всякая мелочь годится.

Даже не понятно, почему всех мышей и полёвок такие враги давно не съели. К весне их, правда, остаётся гораздо меньше, чем было с осени: холод и враги делают своё дело.

Ласка смело идёт воевать с мышами и крысами и в подполья и в амбары. Но вот беда: если заберётся в курятник — всех кур передушит, не для еды, а так — от злобности.

Водится за ней и другой грех. Иногда в конюшне утром лошадь окажется вся в мыле, грива спутана, лошадь бьётся, храпит, чем-то сильно напугана. В старину говорили, что это домовой её мучает, ночью на ней ездит, не ко двору пришлась.

На самом же деле лошадь пугает не домовой, а крохотная ласка. Она бегает по шее лошади, путает гриву, лижет выступивший от страха солёный пот. Может быть, и кусает шею и слизывает выступающие капельки крови.

Домовой будто бы боится козла, при нём лошадей не трогает. Потому в больших конюшнях раньше держали козлов — на страх домовому. Может быть, и правда, что ласка боится козла или его запаха? Попробуйте, проверьте!

Под снежной пеленой живёт ещё один удивительный охотник за мышами. Сам похож на мышку, только нос длинный, как маленький хоботок. Крошка-землеройка весит три-четыре грамма, но ни одной мыши не пропустит и даже полёвки, хотя она вдвое её крупнее. О прожорливости землеройки мы говорили выше.

Медведь

Наш самый сильный, крупный хищник к зиме подготовился по примеру суслика и ежа. Нарастил за осень под меховую шубу толстый слой жира, и можно спокойно спать до самой весны. Жир и греет и питает, а под вой вьюги так спокойно спится. Зимнюю квартиру-берлогу медведь уже заранее в лесу присматривал. Если ему ничего по вкусу не найдётся, он сам себе берлогу где-нибудь в обрыве подкопает. Но бывает это очень редко. Чаще всего ему нравится выворотень — это когда бурей ёлку повалит с корнями, вот и стенка будущей берлоги уже готова. Подкопает он землю немного, чтобы ямка получилась поглубже, и начнёт в ней постель мастерить. Нарвал моху целую охапку, идёт на задних лапах и мох несёт в передних, как человек в руках. Ещё с ёлки когтями коры надерёт и всё в яму положит. Потом натаскает веток, приткнёт их к выворотню, как к стенке, сам под эту крышу влезет и затаится, больше не выйдет до самой весны. Потом берлогу снегом занесёт, и только иней на ветках показывает, где хозяин лежит-дышит.

Прежде чем лечь, медведь очищает кишечник: ест определённые травы и корни их, так что ложится с пустым желудком, и берлога всю зиму остаётся чистой. Удобная предусмотрительность, ведь лентяй не копает себе норы с отдельными уборными, как делает чистюля барсук.

Медведь, когда нужно, смел. Но также хитёр и осторожен. Спать и сны видеть приятно с чувством полной безопасности, значит нечего не знамо кому к берлоге путь показывать. Вот косолапый и не ждёт декабря, торопится залечь в зимней квартире до снега. Да иногда зазевается, что ли, с календарём не поладил, а снеговая туча небо закрыла и раз — всю землю снегом замела. Теперь всякому понятно: след печатный по снегу к самой берлоге кого не надо подведёт. Ну медведь не растеряется, не хуже зайца следы путать начинает, путает-путает и наконец подойдёт не близко, примерится и прыг — прямо в берлогу и затаится. Кто сам не видел, не поверит, что медведь так прыгнуть может. Будет лежать, пока свежий снег все его путаные следы закроет и берлогу занесёт. Теперь и заснуть можно.

По тому, какое место медведь себе для берлоги выбирает, опытные охотники предсказывают, какой весны ожидать надо. Устроился медведь на высоком сухом месте — весна будет ранняя, снег быстро таять начнёт. Если же в низинке медведь спать улёгся, значит не скоро тепло наступит, не затекут под мохнатый бок ручейки талого снега, не помешают топтыгину

последние зимние сны досматривать.

Спит в берлоге медведь не так беспросыпно, как суслик и сурок, на одном ухе спит, другим слушает. Это знают опытные охотники-медвежатники. Найдут берлогу без шума и тихонечко уйдут — к охоте приготовиться. Придут опять, а медведя и след простыл, ушёл и не вернётся. Голодный злой медведь — опасный хищник-шатун, он и сам не прочь за человеком поохотиться. Растительного корма зима для него не наготовила, одна зимняя еда — мясо. Оголодавший зверь подстерегает лося, корову, что придётся.

Однажды в Сибири на улицу села, полную народа, из тайги вылетел огромный лось. Он нёсся громадными скачками, обезумев от страха, а на спине у него сидел медведь и, зацепив лапой за рога, старался свернуть ему голову и сломать шею. Лось добежал до середины улицы и грохнулся на дорогу мёртвый. А медведь, озверев от голода, не обращая внимания на людей, рвал и глотал ещё тёплое мясо. Он не заметил, как охотник подошёл к нему и, чуть не в упор, всадил ему пулю в ухо. Медведь был страшно Худой, видно давно уже шатался по лесу.

Охота на шатуна трудна и опасна, но необходима, иначе большой беды не миновать. Это совсем не то, что охота на берлоге. Там охотникам есть время приготовиться, известно, откуда зверь выскочит, опытные собаки всегда успеют остановить его, берегутся страшных медвежьих лап, а сами хватают его за ляжки. Медведь, не выдержав боли, сядет, старается зацепить собаку лапой. Охотник же в это время успеет прицелиться и выстрелить. Но шатун — исключение. Медведь у нас — редкий зверь, и теперь охота на него запрещена. (На шатуна разрешается.)

Много тысяч лет тому назад предки наших смирных коров, и не всегда смирных быков, свободно бродили по земле. Они не знали человека-хозяина, они знали ещё только человека-охотника, врага, И знали ещё беспощадных хищных зверей. Знали они и защиту от них: быки охраняли коров и телят, окружая их, смело выставив рогатые головы навстречу врагу. Так и сейчас отражают волчью стаю полудикие яки, которые в наше время мирно работают и пасутся в горах Таджикистана. Недавно был такой случай. Появились волки, и безоружный пастух кинулся к стаду. Яки пропустили его в середину, к телятам и старым ячихам, и отбили волков. А бывает, что и наши быки и коровы, вероятно, одомашненные много раньше, чем яки, вспоминают битвы славных предков не только с волками, а и с медведем-шатуном. Вот один такой подлинный рассказ. Схватка произошла у быка с медведем. Раньше он медведя и в глаза не видал. Но

древний инстинкт защиты проснулся, возможно, потому, что рядом стояла корова.

Бык Мишка и Рыжуха вышли из сарая и остановились около крыльца. Огромный Мишка, всегда такой спокойный, сегодня был чем-то взволнован: он сердито мычал, с шумом нюхал воздух и бил себя хвостом по бокам, точно отгонял надоедливых мух.

Мелькающая в воздухе кисточка хвоста понравилась Павлику. Он осторожно спустился с крыльца и направился было в сторону Мишки, но Наталка догнала его и упрямо потянула за рукав: бабушка сказала далеко не ходить, не ей, как раз, нравилось делать запрещённое. Павлик не запротестовал, и близнецы покатились вниз по тропинке, ведущей к озеру.

— Ого, команда! — крикнул Саша. Он только что вышел из прибрежных кустов на тропинку. Три белоснежных зайца, связанные за лапки лыковой верёвочкой, болтались у него через плечо наперевес. День был удачный: из четырёх силков только один оказался пустым.

— Ого, команда! — повторил он весело и помахал, рукой. — Как же это вы так далеко забежали?

— Саса! — запищали близнецы и побежали с горки быстрее. Они старались бежать вперегонки, но при этом, по привычке, продолжали крепко держаться за руки.

Вдруг Шейка, бежавшая позади Саши, взвизгнула и бросилась мальчику под ноги. Волнистая шерсть на ней встала дыбом, она дрожала и смотрела на что-то, находившееся за Сашиной спиной.

Саша оглянулся и замер на месте: снизу, «из-за поворота тропинки, неслышно ступая и раскачиваясь, вышел лохматый зверь, похожий на огромную копну прошлогоднего сена. Голова зверя была опущена к самой земле, и на ходу он ею покачивал.

Спина у Саши похолодела. Он бросился навстречу бегущим близнецам.

— Назад бегите! — крикнул он. — Домой.

Но малыши с весёлым писком продолжали катиться вниз: им хотелось получше рассмотреть незнакомую рыжую собаку, там, внизу на тропинке.

Саша на бегу обернулся. Медведь как будто бы не смотрел на него и им не интересовался, шагал, не торопясь, и всё покачивал головой. Но он был уже близко, гораздо ближе…

— Саса! — радостно повторили близнецы. Но Саша на бегу подхватил их за руки и, не останавливаясь, потащил вверх по тропинке. Зайцев он раньше бросил и, оглянувшись, увидел, что медведь остановился и внимательно их обнюхивает.

«Может быть, отстанет», — подумал мальчик, но тут же тихо

охнул: медведь потрогал лапой зайца, потом другого и двинулся по тропинке уже быстрее и сильнее раскачиваясь на ходу.

Тащить плачущих ребят волоком по снегу было очень тяжело, но остановиться, чтобы взять их на руки, Саша не решался.

Дом был уже близко. Совсем близко и так далеко…

Саше казалось, что шея его горяча от дыхания медведя. Опять рычание, за самой спиной…

И вдруг такой же рёв, ответный, раздался впереди, у самого дома.

Саша едва успел посторониться, оступился и упал, придавив детей. Огромная чёрная туша пронеслась мимо него вниз по тропинке. Шерсть на загривке быка встала дыбом, он ревел и бил себя хвостом по бокам.

Медведь ответил ему ещё более грозным рычанием и, поднимаясь на задние лапы, взмахнул передними…

Две туши, бурая и чёрная, столкнулись с тупым стуком, покатились вместе под горку, на повороте с треском смяли молодые сосенки и, ударившись о ствол старого дуба, остались лежать неподвижно.

— Оба! — прошептал мальчик, не в силах глаз отвести от страшного зрелища.

Но тут бык Мишка поднял голову и, упираясь передними ногами, вскочил с такой быстротой, что Саша только успел кувырком откатиться от тропинки в снег.

Бык был страшен: залитая кровью голова его опустилась, шерсть на спине вздыбилась, он покачнулся, но вдруг заревел с новой яростью и, кинувшись к неподвижной туше медведя, начал топтать её ногами и бить рогами так, что в воздух полетели клочья мяса и шерсти, а кровяное пятно на снегу расплылось ещё шире. От ударов быка лапы медведя вздрагивали и дёргалась окровавленная голова — казалось, он оживает и вот-вот вскочит и примет бой.

А Мишка то пятился, то с новой силой налетал на врага, пока от медведя не осталась изуродованная, залитая кровью бесформенная масса.

Наконец бык остановился, тяжело поводя боками и высунув язык. Некоторое время он стоял неподвижно, затем повернулся и медленно, пошатываясь и на ходу глотая снег, направился вверх по тропинке к дому.

Волки

Кончилось лето, прошла осень, сытная и для такого страшного хищника, как волк. Но уже повзрослели молодые зайцы, взлетели на деревья молодые тетерева, глухари. Еды стало меньше. Волк вечно голоден и неразборчив: ему и мышь, и ящерица, и лягушка годится, и от ягод, падалицы, диких яблок он не откажется. Но всё это было. Снег покрыл закованную морозом землю, стало голодно. Прошлогодние волчата вернулись в семью, к родителям и молодым сеголеткам. Мрачная стая, вечно голодная, отправляется на добычу. Впереди старая волчица, позади старый волк. Идут цепочкой, след в след, поди разбери, сколько их прошло. Стая — это семья (бывает и 10–15 волков). На человека, как правило, волки не нападают. Но голод — не шутка, делает их дерзкими. В книге М. П. Вавилова «Охота в России» (теперь библиографическая редкость) есть такой рассказ.

По лесу мчался, на ходу отбиваясь от стаи волков, огромный медведь. На поляне была сложена большая куча дров, и на неё медведь успел вскочить. Лесник, бывший на поляне, к счастью, тоже успел вскочить на дерево на краю поляны. Ружьё осталось на земле, так что ему пришлось быть зрителем дальнейшего. Волки окружили высокий штабель. Первый, который попробовал вскочить на него вслед за медведем, свалился с проломленной головой. Остальные с рычанием, огрызаясь друг на друга, окружили штабель.

Вдруг медведь схватил полено, большое и тяжёлое, и запустил им в волков. Послышался визг, кому-то попало. Разгорячённый успехом медведь схватил другое, третье; он метал поленья, и волки рычали, отскакивали. Но поленница становилась всё ниже. Конец пришёл быстро: дрова разбросаны, волки окружили медведя. Он бился отважно, не один волк погиб, но остальные растерзали его. Сытые, утром они исчезли. Лесник спустился с дерева и с ружьём по следу разобрал, что случилось. Оказывается, волки, осатаневшие от голода, напали на берлогу и выгнали медведя. Стая была большая, лесник насчитал пятнадцать волков. Это случилось в Псковской губернии, тогда ещё очень богатой лесом и зверями.

В то далёкое время волков было много, и они были гораздо смелее. Смелыми были и люди, которые решались охотиться на волков с поросёнком. Охотники сидели в санях, тискали поросёнка, заставляли его визжать. Сзади на верёвке за санями привязывали клок сена или чего-нибудь, что можно было принять за поросёнка. Волки являлись на визг. Охотники отстреливались,

но бывали случаи, когда и охотники становились добычей. Особенно, если волки кидались на лошадь.

М. П. Вавилов описывает и ещё один случай. Крестьяне зимой на скользком льду поймали и связали лося. Помещик (время было крепостное) приказал привезти лося на санях. А затем додумался: приказал лося поставить, сел на него, и ноги ему связали крепко под животом лося. Затем лося развязали, но барину не удалось покрасоваться на нём во дворе. Лось одним скачком перепрыгнул через высокий забор и исчез, унося всадника. Не скоро нашли в лесу остов лося и на нём человека, обглоданных волками.

Декабрь нет-нет и скуёт неглубокий ещё снег предательским настом. Надёжнее снежная шуба января из свежего сверкающего снега. Новогодний наряд. По старой сказке братьев Гримм, снег идёт, значит бабушка зима свою перину выбивает. В иной год столько снега насыпается, что, пожалуй, в её перине не много пуха оставалось. Без лыж тогда по лесу не пройдёшь. У охотников, кому не по дорогам, а по чаще пробираться приходится, лыжи не такие, какие продаются в магазинах, а широкие и короткие. На них такой скорости не разовьёшь, как на беговых, зато удобно в чаще поворачиваться, а это охотнику и нужно.

Не только люди, а и некоторые хищные звери тоже как на лыжах ходить приспособились. У большой дикой кошки рыси широкие лапы прямо созданы, чтобы ходить но рыхлому глубокому снегу и не проваливатся. Удобнее, конечно, чем волчья лапа, но при встрече с волками рысь состязания в беге не устраивает, лучше на дереве отсидеться. Ведь широкая лапа с кошачьими когтями к дереву тоже лучше приспособлена, чем волчья. Вот лисья лапка узенькая, тоненькая. И плохо лисоньке приходится, если в глубоком снегу выследит её безжалостный охотник — рысь. Догонит и… от лисицы мало что останется.

Наверное, многие думают, что хищники друг за другом не охотятся: достаточно им безобидной нехищной дичи. Оказывается, не так. Ну, рысь у нас редкий зверь, для лисицы большого вреда от неё нет. А вот где появятся волки, там лисиц становится меньше: волкам, особенно зимой, лиса лакомая добыча. Охотятся волки не в одиночку, а вместе, хитро, по разработанной программе. Гонят добычу, а один, чаще старый волк-отец, заляжет за кустиком и выжидает, пока заяц или лиса мимо пробежит. Тут ей и конец. Надо заметить, что папаша, заполучив таким образом дичинку, не собирается честно делить её с детьми. Наоборот, норовит, чтобы им, когда до него добегут, не больше половины зайчишки или лисички осталось.

Голодно в январе и холодно. И от голода каждый зверь

смелее становится. И волки от голода смелеют, а если это ещё в глухом лесу, от большого человеческого жилья далеко — особенно. Не следовало двум мальчуганам в такое время от жилья далеко отходить, да ещё лыжное состязание устраивать. Ох не следовало…

* * *

— Горки напугался! — поддразнил Андрейка. — Ладно, гляди, как у нас, у деревенских. Ух ты!..

Облако снежной пыли взвилось в воздух. Андрейка в стремительном полёте ловко обогнул одну старую осину, другую и… с разбегу налетел на третью.

Лыжа с хрустом разломилась на две половинки, и Андрейка кувырком полетел в овраг.

— Андрейка! — испуганно закричал Саша. — Я сейчас… Но Андрейкина голова уже высунулась из сугроба.

— Не ходи! — крикнул он. — Утопнешь. Я сам.

Взобраться наверх оказалось нелегко. При падении Андрейка расшибся, но сознаваться в этом не хотел. Барахтаясь и утопая в снегу, он полз, хватался за деревья, таща за собой лыжи. Прошло немало времени, пока он дополз до верха обрыва и уцепился за протянутую Сашей руку.

— Хорош! — смеялся Саша, помогая ему выбраться на край обрыва. — Показал, как. у вас в деревне…

— Что делать будем? — Андрейка протянул ему два обломка лыжи. У Саши сразу пропала охота смеяться. Только сейчас он понял, что весёлого в их положении мало.

— Давай попробуем связать, — и он проворно вытащил из кармана складной нож и лыковую верёвочку. «Без верёвочки да без ножа от дома и через дорогу не переходи», — любил приговаривать дед Никита. Как Саша был благодарен ему за науку! Но на этот раз верёвочка помогла мало: лыжа, связанная ею, прогибалась при каждом шаге и совсем не давала скользить. Через полчаса такой ходьбы от Андрейки даже пар пошёл, и он, прислонившись к дереву, расстегнул полушубок.

— Не могу! — сказал он, задыхаясь, и виновато посмотрел на Сашу. — Что будем делать, Сашок?

Что делать? До дома не меньше десяти километров. На лыжах — это пустяк. Но просчитать весь этот путь шагами по глубокому снегу…

Однако Андрейка смотрел на Сашу с такой надеждой, что он почувствовал: ответить «не знаю» просто нельзя.

— Дай теперь я попробую так пройти, — предложил он, чтобы выиграть время, — а там что-нибудь придумаем.

Но Саша был тяжелее Андрейки, двигаться ему было ещё труднее и вскоре, задыхаясь, он прислонился к дереву.

— Жарко, — проговорил он смущённо. Давай постоим немножко, хочешь?

— Давай уж и поедим заодно, — предложил Андрейка и, не сходя с лыж, присел на корточки и засунул руку за пазуху. — У тебя зайчатина не замёрзла?

— Распарилась, — через силу улыбнулся Саша и осторожно присел на уцелевшую Андрейкину лыжу. — Только долго сидеть не будем: смотри, солнце уже до самого верха добралось и скоро вниз пойдёт.

Андрейка вскинул голову, и рука его с куском мяса застыла в воздухе.

— Уже никак второй час пошёл, — испуганно проговорил он. — Ой, Сашок, скорее пойдём, как бы нам темноты не захватить. Пропадём!

Теперь мальчики менялись лыжами через каждые четверть часа: на большее не хватало ни сил, ни дыхания. И всё же солнце двигалось быстрее., чем они, и, видимо, должно было их обогнать.

Вдруг Саша ударил себя по лбу рукой.

— Какой же я дурак! — воскликнул он. — Андрейка, становись ко мне на лыжи сзади. Скорей! И шагать будешь со мной разом. Держись за кушак! Крепче!

Андрейка даже взвизгнул от удовольствия:

— Вот теперь пойдёт!

Лыжи, глубже оседая в снег, послушно двигались по уже проложенной мальчиками лыжне. Теперь они шли, хотя и медленно, но гораздо быстрее, чем раньше и, главное, не тратили столько сил.

— Раз-два, раз-два, — повторял Андрейка, держась за Сашин пояс, и вдруг остановился, так что Саша чуть не упал с лыж.

— Что с тобой? — спросил Саша.

Вместо ответа Андрейка рукой указал вперёд.

— Слышишь? — тихо спросил он.

Тонкий, чуть слышный жалобный звук послышался где-то далеко и замер. Ему ответил другой, такой же жалобный, и тоже замер.

Звук возникал так же незаметно, как и замолкал, и трудно было определить, в каком направлении.

— Идём, — наконец прошептал Андрейка. — Ты что? Не понял? Волки это… Охотятся.

— Охотятся? За кем? — спросил Саша и вдруг почувствовал толчок в сердце.

— Не скажу, — тихо отозвался Андрейка.

Раз-два, раз-два. Но мальчикам казалось, что солнцу тоже кто-то считает. И быстро. Оно спускалось над лесом всё ниже и ниже, точно прыгало по ступенькам, вот-вот коснётся верхушки лохматой сосны.

«У-у-уу—» — тоненько плакало то с одной, то с другой стороны.

И мальчики молча убыстряли шаг. Они знали, о ком говорили волки. И они знали, что именно говорили волки.

— Раз-два. Раз-два, — снова считал Саша.

«У-у-у-у…» — тоненько пели-плакали волки. Так им удобнее было окружать и следить за странными маленькими человечками там, на тропинке.

Они давно уже подошли бы поближе, но тонкий нюх докладывал им, что за плечами мальчика висит не палка, а штука, пахнущая железом и порохом, — опасная в человеческих руках. И, кроме того, шли мальчики как-то странно, непривычно. А во всём непривычном можно подозревать хитрость и опасность.

— Смотри-и-и-те… смотри-и-те… — подвывали волки уже ближе. И от этого мальчики чувствовали, как шевелились под шапкой волосы.

Берег Малинки давно остался позади. Солнце зацепилось-таки за вершину одной из сосен и как будто сразу нырнуло вниз, оказавшись уже между верхними её ветвями.

На тропинку легли голубые тени, заголубели сугробы между тонкими сосенками-привидениями, и вдруг мальчики, как по команде, остановились. Саша схватил с плеча ружьё: из-за сугроба, справа, блеснули два жёлтых огонька.

— Сашок, не стреляй, нельзя, — тихонько охнул Андрейка. — Терпи… до последней крайности.

— Слева — тоже…

— Только не стреляй, — зашептал Андрейка. — Не стреляй, прошу тебя. Идём скорее!

А в хате на Андрюшкином острове старики давно уже не находили себе места. Дед Никита то и дело открывал дверь и прислушивался. Выходила и бабушка Ульяна, и дед её спрашивал:

— Ты ничего не видишь, Ульяна?

И со вздохом качал головой, когда она отвечала:

— Да много ли тут увидишь, дед? Тропка-то вон за ближними соснами прячется. Дальше и увидать нельзя.

А в это время Андрейка, дёргая Сашу за кушак, шептал ему:

— Идут сзади, Сашок, наддай ходу, только не стреляй… пока. Дай мне твой нож, Сашок!

Сняв рукавицу, закусив губу, мальчик крепко зажал в кулаке нож, который Саша протянул ему, не оборачиваясь.

— Береги заряд, Сашок, — шептал он, — на переднего. Как спереди какой станет и с дороги не сойдёт…

А у Андрюшкиной хаты дед Никита постоял, приложив руку к уху, и вдруг быстро открыл дверь, схватил топор, лежавший около печки.

— Доходят! — торопливо проговорил он. — Слышишь, Ульяна? Обошли наших и уж близко.

— Никита! — крикнула бабушка Ульяна, хватая его за руку. — Ты же не увидишь!

Дед Никита повернул голову.

— Что? — переспросил он. — Не увижу, как зверь моего ребёнка рвать будет? — И быстрыми шагами, какими не ходил уже много лет, почти побежал вниз по тропинке к болоту.

— Близко? — часто и тихо спрашивал Саша. Сам он боялся оглянуться, чтобы не наткнуться лыжей на какое-нибудь препятствие и не упустить движений тех, кто шёл по бокам. Потому что волки уже почти не прятались, шли, постепенно сближаясь, точно зажимая мальчиков в клещи, и молчали: в переговорах уже не было нужды. Мальчики были близко, и волки знали, что им нужно делать. Но запах оружия и странная ходьба вдвоём на одних лыжах всё ещё сдерживали их.

— Ближе? — опять спросил Саша, не оборачиваясь.

— Близко! — ответил Андрейка одним дыханием. Огромный тощий волк, недавно появившийся позади них, двигался, как будто не замечая их, но постепенно сокращая расстояние.

— Один поворот! Один поворот остался, Андрейка!

Но, сделав этот поворот, Саша остановился так резко, что Андрейка ткнулся грудью в его спину. В том месте, где был подъём на остров, сидел волк, самый большой и тощий. Он не двинулся и не обернулся при приближении мальчиков, а лишь слегка оскалил зубы. Саша поднял ружьё. Волк оскалился ещё сильнее и вскочил. Раздался выстрел и страшный вой: волк подскочил, упал и судорожно задёргал лапами. В ту же минуту волк, шедший сзади, бросился на мальчиков.

— Сашок! — успел только крикнуть Андрейка. И направил лыжу, которую нёс в руках, волку в грудь. Удар с разбега был так силён, что на землю покатились оба: волк и мальчик. Саша

обернулся, но выстрелить ему не пришлось: перед его глазами что-то мелькнуло, и волк упал на снег. Из разрубленной шеи хлынула кровь, волк захрипел и затих.

— Домой бегите! — кричал дед Никита, размахивая топором. — Домой, пока они не опомнились!

Андрейка, пытаясь встать, вдруг отчаянно вскрикнул от боли в ноге. Дед Никита нагнулся и одной рукой вскинул Андрейку на плечо.

— Домой! Домой скорее! — Но разноголосый вой и рычание заглушили его голос.

Тёмные тени выскочили из кустов, отрезая им путь вверх к избушке. Волков было трое. Передний оскалился и медленно зевнул, не сводя глаз с деда Никиты, стоявшего с Андрейкой на плече. Поднимая мальчика, старик выронил топор и теперь стоял в нерешительности, боясь нагнуться.

— Андрейка, можешь стоять? — спросил дед Никита.

В эту минуту раздался такой пронзительный крик, что даже волки обернулись. Увязая в сугробах, навстречу бежала бабушка Ульяна.

— Прочь ступайте, проклятые! — крикнула она, размахивая пылающими головнями, с которых роем сыпались сверкающие в вечернем сумраке искры.

— А-а-а-а… — И она швырнула одну головню прямо в переднего волка. Тот с визгом увернулся и отскочил в сторону.

— Домой! Домой! — кричала бабушка Ульяна. — Бегите, пока горит!

Дед Никита с Андрейкой на плече кинулся вверх по тропинке. В этом месте снег сдуло ветром и бежать было легко.

— Не стреляй, Сашок! Береги заряд! Они у самого дома хуже остервенятся. Бабка, а ну маши, а ну маши!

Но бабушка Ульяна и так махала с удивительным проворством: теперь головня, раздуваемая ветром, пылала ярким пламенем. Саша, держа ружьё наготове, бежал за дедом Никитой, поминутно оглядываясь. Бабушка Ульяна шла последняя. Волки держались с боков и сзади, огонь отражался в их глазах, и они отворачивались от него и молча скалили зубы.

Однако головня уже гасла, искры сыпались меньше, и волки снова начали приближаться.

— Гаснет! — с отчаянием крикнула бабушка Ульяна. — Ой, бегите скорей!

— Не отставай, бабушка! — закричал Саша. — Вперёд иди! Я останусь!

Но тут от сильного взмаха головня вырвалась из рук старухи и с шипеньем погрузилась в сугроб. Бабушка Ульяна с криком

кинулась за ней, но выхватила из сугроба лишь мокрую тлеющую обугленную палку. В ту же минуту волки, как по команде, загородили тропинку, ведущую к дому. Они сторожили каждое движение людей.

— Теперь стреляй, Сашок, — твёрдо сказал дед Никита и остановился. — Цель в переднего и беги к дому, не оборачивайся!

Саша поднял ружьё. Передний волк остановился и присел для прыжка. Но тут дверь хаты широко открылась и из неё вылетела пылающая головешка.

— Прочь! — крикнул дрожащий детский голос. — Прочь пошли!

Волки с визгом отскочили с тропинки в снег. Дед Никита кинулся вперёд. Бабушка Ульяна и Саша за ним. На бегу Саша приложился и выстрелил, почти не целясь. Страшный визг и рычание показали, что заряд попал в цель.

— Сашок, Сашок! — отчаянно кричала бабушка Ульяна, уже стоя на пороге. — Беги!

Одним прыжком Саша оказался у двери, втолкнул бабушку Ульяну в избу, захлопнул дверь и задвинул тяжёлый деревянный засов.

И было пора: что-то тяжёлое ударилось снаружи в дверь, послышались злобное рычание и грызня. Волки, разозлённые исчезновением добычи, которую они уже считали своей, дрались, как свора собак.

Дед Никита положил Андрейку на нары и сел около него, опустив голову и тяжело дыша. Бабушка Ульяна обхватила руками Сашину голову и, прижимая к себе, заплакала.

Немного успокоившись, старики раздели и осмотрели стонущего Андрейку. Волчьи зубы сдавили ногу сквозь толстый меховой чулок, и она уже, начала опухать.

— Ладно, я ещё подоспел, — сказал дед Никита, пока бабушка Ульяна прикладывала к ноге мокрую тряпку.

— Спасибо, — тихо ответил Андрейка. — И тебе спасибо, Сашок, что меня не покинул.

— Как это не покинул? — переспросил дед Никита, но бабушка Ульяна замахала рукой, чтобы все утихли, и нагнулась, прислушиваясь.

— Это кто там? — спросила она.

Под нарами что-то зашевелилось, и опять послышался тихий стон. Бабушка Ульяна опустилась на пол и заглянула под нары.

— Гришака! — удивилась она. — Что ты там делаешь?

— Лежу, — послышался не сразу голос Гришаки.

— А ну вылезай оттуда! — распорядился дед Никита и, не дождавшись ответа, нагнулся, засунул руку под нары.

Показалась маленькая съёжившаяся фигурка Гришаки. Он поднял кверху руку с растопыренными пальцами. Бабушка Ульяна всмотрелась и вскрикнула:

— Дитятко ты моё, да что это ты с руками сделал?

— Головешку… — медленно, как всегда, проговорил Гришака, но не удержался и застонал. Обожжённые руки его покрывали пузыри.

Дед Никита хлопнул себя ладонью по голове.

— А мы и не подумали — кто это нам помощь дал? Головешкой-то! Не будь Гришаки — ни один бы до крыльца не дошёл.

— Хлопчик ты мой, — засуетилась бабушка Ульяна с перевязкой. — Да чего ж ты голыми руками за головешки хватался?

— А чтобы вас волки не съели, — ответил Гришака.

— Чего ж ты под нары запрятался? — допытывалась бабушка Ульяна и, обняв Гришаку за плечи, ласково заглянула в упрямые глаза.

— Плакать! Чтобы не видали! — сердито отозвался он, но вдруг, не выдержав, уткнулся головой в руки бабушки Ульяны и горько заплакал.

Утром перед домом на вытоптанном и залитом кровью снегу остались только обрывки шкуры и чисто обглоданные кости. Волки поужинали убитыми товарищами. Следы показывали, что они долго кружили около сарая и даже забирались на крышу, но дедова постройка выдержала испытание.

Волки с передатчиком

Сколько интересного о птичьих перелётах и о многих происшествиях в птичьей жизни узнали мы, когда начали кольцевать птиц. Теперь уже и до зверей добрались. Поймают косулю, укрепят на ушке тоненькую пластинку, а на ней — дата, где и когда надели серёжку на ушко. А рыболовы — исландцы и норвежцы — начали метить… селёдок. Выстрел из особого пистолета — и тонкая металлическая пластинка пробивает стенку селёдкиного брюшка. Готово. Не очень приятно, конечно, но самочувствию это не вредит. Стая рыб уплыла, её где-то выловили, поймалась и меченая. По пластинке весь путь стаи известен. А как же меченую узнали? — спросите вы. Очень просто: весь улов рыбы из сети двигается по конвейеру. Сильный электромагнит «чувствует» железную пластинку в теле рыбы, и она сбрасывается в специальный люк. Готово: пластинка найдена и прочитана.

В Канаде устраивают радиоохоту на волков. Правда, сначала требуется поймать волка. На спину ему прикрепляют крошечный передатчик, который непрерывно посылает сигналы на приёмную станцию. Волк не подозревает, что теперь каждый шаг его известен. Он спешит найти стаю и к ней присоединяется. Теперь станции известен путь стаи, в которой находится невольный предатель — меченый волк. Охотники выбирают удобное место, окружают стаю и уничтожают её, оставляя одного волка-наводчика. А тот, оставшись в одиночестве, находит новую стаю и к ней присоединяется. Тогда всё повторяется.

Зимняя охота в Чехословакии на фазанов

На другом конце леска, постукивая палками по стволам деревьев, шумели загонщики. Стрелки, в ожидании, переступали с ноги на ногу. Они знали: фазаны начнут вылетать, когда загонщики пройдут большую часть пути. И поэтому хлопанье крыльев взлетевшей вверх крупной птицы оказалось для них неожиданным. Торопливая стрельба вслед явно запоздала. Птица была жёлтая, словно лепестки подсолнуха, с рассыпанными по оперению чёрными крапинками. Это королевский фазан — трофей трофеев…

Охота на фазанов началась по всем правилам. Одетые в традиционную форму, охотники выстроились в шеренгу. Протрубили рожки, и главный охотовед доложил директору лесничества Йозефу Сухану, что на линейке построены 22 загонщика, 12 стрелков и 6 охотников с собаками для поиска и подбора дичи. Выслушав рапорт, директор поздравил всех с началом охоты и произнёс традиционное в таких случаях «ни пуха!»

В распоряжении лесничества района Йиндржихув-Градец 25 тысяч гектаров угодий, населённых оленями, лисами, зайцами. Но главное богатство — фазаны.

Лесничество имеет две фермы, на которых ежегодно выращивается 20 тысяч фазанов. Иозеф Сухан с гордостью показывал посетителям вольеры, в которых ходили серые осторожные курочки и яркие длиннохвостые петухи.

— Выращивание фазанов требует строгого соблюдения определённых правил, — рассказывает директор. — Главное из них — родительское стадо обновлять каждый год. Тогда потомство будет крепким и жизнестойким.

В Чехословакии живут в основном так называемые золотые фазаны. Для обогащения фауны специалисты лесничества решили развести ещё и королевских. Их завезли сюда из нашего Закавказья.

Принять участие в охоте может лишь тот член общества охотников, который в течение года отработал не менее 85 часов в угодьях хозяйства. Это — постройка и ремонт кормушек для кабанов, косуль, фазанов, заготовка сена и других кормов, чтобы поддержать обитателей леса в трудное для них зимнее время.

…Охота кончилась. Добыча подсчитана, рассортирована, аккуратно разложена на снегу. Йозеф Сухан зачитал участникам охоты результаты сегодняшнего дня, занесённые в специальный журнал. Среди трофеев было несколько королевских фазанов. Но

купить их (убитая дичь считается по законам ЧССР собственностью государства) разрешалось лишь тому, кто сумел добыть эту редкую в здешних местах птицу.

Кто как зимует (кроме медведя)

Из семейства собачьих у нас на зиму залегает только енотовидная собака. Завезена в Татарию в 1934 году. Своей всеядностью наносит урон, особенно в охотничьих хозяйствах. Эта всеядность и накопленный жир создают ей возможность зимнего сна вместо того, чтобы, подобно волку или лисе, вести полуголодное бродячее существование. Нора к зиме особо не утепляется, ложится куда попало: под выворотень, а то и в густую траву под высокими кочками, сверху снежок присыплет — замечательно уютно. В оттепель и проснуться можно, побродить, перекусить и опять покойной ночи! Поэтому «енот» не прижился на крайнем нашем севере: на очень долгую зиму запаса жира не хватает, а подкрепиться там, где снег очень глубок, коротколапке трудно. У нас же всего в меру, и покушал, и выспался. Молодёжь к зиме самостоятельно устраивается. А родители, дружная пара, и зимуют вместе — так теплее.

Суслик заснул ещё по теплу и спит так крепко, что его можно принять за мёртвого: сердце бьётся два-четыре раза в минуту, и дыхания не слышно. Тельце холодное, чуть теплее нуля градусов. Другой зверёк не вынес бы такого понижения температуры. А для суслика это полезное приспособление. Хорошо спать огромному медведю: он нагреет берлогу собственным теплом. А суслик величиной с белку, норка холодная, откуда взять тепла?

По крепости сна с сусликом может поспорить ёжик. В спячке дыхание его так слабеет, что его можно погрузить в воду и держать в ней до двадцати пяти минут. Он не проснётся, и это не принесёт ему вреда.

Ёж и весной просыпаться не торопится. Пока заморозки совсем не кончатся, не выглянет из норки, даже если днём на солнышке градусов десять тепла. Норка у него плохая, приткнулся, где попало, между корнями, а сам холода очень боится. Потому и погибают ежи часто зимой, особенно молодые. Они ещё чувствительнее к морозу, защититься от него по-настоящему не умеют. А старики зимуют отдельно и никакой заботы о взрослых детях не проявляют: прячьтесь от мороза, как знаете, нам и самим от него не сладко. И правда, после зимовки часто не просыпаются не только молодые, но и старые.

Рыбы

Зимой невесело и рыбам, и всей водяной мелочи. Дни и наверху сумрачны и коротки, а подо льдом ещё темнее.

Лёд, как шуба, закрывает воду и оберегает её от полного промерзания на всю глубину. Однако бывает такой сильный мороз и держится так долго, что постепенно лёд становится толще и неглубокий водоём может промёрзнуть на всю глубину. Всё живое вмерзает в лёд. Весной лёд растает. Пиявки, водяные жуки, улитки, даже караси, которые закопались с осени в донный ил, оживут. Но остальные рыбы уже не проснутся,

А вот на Крайнем Севере, на Чукотке, живёт далия, чёрная рыбка с палец величиной. Живёт в озёрах, которые зимой промерзают до дна на десять месяцев. Далия и спит, замороженная, все десять месяцев. На два месяца лета оттает, поплавает и опять в ледяную колыбельку. К счастью, промерзающие до дна мелкие водоёмы у нас, в средней полосе, встречаются довольно редко. Зимующих рыб подстерегает другая опасность и, к сожалению, не редкая. Называется она замор. Рыбам нужен кислород для дыхания. Три времени года вода в реках, озёрах, прудах, ручьях получает кислород из воздуха и от водяных зелёных растений. Рыбы пропускают воду через жабры, и кислород, растворённый в воде, сквозь тонкую нежную кожицу лепесточков их проходит в кровь. Рыба так дышит. Но вот лёд заковал воду. На дне остались водоросли, умерли, гниют и тоже забирают из воды кислород. А чем дышать рыбам? Особенно в глубоких ямах, где они часто лежат слоями? Рыболовы видели, как иногда, как по команде, рыбы медленно поднимаются и опять опускаются, точно освежают в яме затхлую воду. Но время идёт, кислорода всё меньше, рыбы начинают задыхаться, близится замор. Если в это время пешней, ломом прорубить лёд, к проруби первыми сплываются водяные насекомые, за ними задыхающиеся рыбы: окуни, ерши, язи, щуки, плотва, лещи.

Последними являются лини и караси. Рыбы точно обезумели: толкаются, выпрыгивают, их сачком можно подцепить, если не жалко в беде. Чуткие вороны и сюда поспели, бочком подбираются, на людей с пешнями поглядывают: не будет ли им поживы? Кто по доброте, а кто и по соображению — не обезрыбило бы озеро — рыбачить будет негде, прорубь поддерживают, вроде как форточку в душной комнате отворят. Можно её ветками забросать, сверху ещё каким тряпьём прикрыть, чтобы не сразу замёрзла. И подновлять её будет легче, не то что первый раз толстый лёд долбить. Не весело рыбе зимой,

и рыбакам подчас тоже. Сколько иной раз лунок продолбить придётся, чтобы на стайку ершей, окуней, а то и плотвиц напасть. Эти, хоть и полусонные, а всё-таки не утерпят, цапнут еду, которая так соблазнительно сама чуть не в рот лезет.

Зато кому холод подо льдом в радость, так это налиму. Усиленно кормиться он начинает обычно по ночам через десять-двенадцать дней после ледостава. В январе, наперекор всем рыбьим привычкам, он займётся самым важным для налимьего рода делом: начинает нерест. А для откорма до чего же удобное время выбрал зимний разбойник: рыбы спят или еле двигаются, выбирай любую на закуску. Он и выбирает. Ночной бродяга, но свет его привлекает. Рыболовы похитрее опускают в лунку лампочку, зажжённую от карманной батарейки, и тут же, на крючке, предлагают ему некрупную рыбку, какая найдётся. Но это не значит, что он от крупной добычи откажется. Однажды девушку послали принести из садка налима, она прибежала в ужасе: «В садке сидит один налим без головы, а два хвоста». Это налим заглотал до половины другого, но одолеть не смог, а выпустить захваченную добычу не в его привычках. Налимы — родители никудышные: икру выметали и тем с заботой о продолжении своего рода покончили. Выжить — задача, которую решать должны сами мальки. Не всех же съедят, хоть их и едят кому не лень — количеством спасаются. При нересте, по одним сведениям, попарно свиваются, по другим — производители, переполненные икрой и молоками, хороводом ползают по камням и гальке, песчаным отмелям, оставляя икру, политую молоками. Икра жидкая, мелкая, желтоватая, просвечивает капелька желтка, от 200 тысяч до миллиона икринок, в зависимости от величины самки.

Лениво ползают по дну толстые рыбины. Льётся жидкая икра, обильно поливается молоками, а самим родителям точно до этого и дела нет. Зато разной рыбьей мелочи — праздник. Ерши, плотва, окуньки тут же налимьей икрой отъедаются. Налимы в нерест аппетит теряют, мелкота под самым носом безбоязненно пирует. Недаром считается, что до промыслового веса дорастает только один процент налимьих мальков.

После нереста налимы уходят в глубокие места. Но идут и на свет костра, шум, звон. Например, на реке Великой (когда не кормятся) их ловят на пятигранный якорёк с кольцом. Дёргают, получается звон. Лов продолжается в январе, феврале, заканчивается в марте.

В лес зимой лучше всего ходить, как солдат на разведку: в белом маскировочном халате с капюшоном. Потому что у лесного народа не только уши, а и глаза острые. У вас два глаза, всего

ими не усмотришь, а в лесу глаз много: из-под каждого кустика, с каждого дерева острые глазки смотрят, чуткие ушки слушают.

Тихо. Бесшумно сыпятся с веток искорки инея, точно он один жил в заколдованном лесу. Лес полон интересного: учитесь только ходить тихо, прятаться ловко и смотреть зорко.

Вот над самой головой промелькнула птица и сразу на ветку ёлки. Удивительная, красная, как фонарик, а клюв — половинки наперекрёст. Как таким клювом клевать можно? А пичуга перевернулась на ветке вниз головой, уцепилась за шишку и как примется кривым носом одну за другой чешуйки отгибать, семена доставать. Клёст это. И клюв у него для его работы самый удобный: кривые половинки ловко из-под отогнутых чешуек семена достают, прямым носом никак не удалось бы.

Шелушил-шелушил и скок, порхнул по ёлке повыше и куда-то пропал. Что он там делает?

Ну, я ведь вам рассказываю не о вчерашней своей прогулке. Было это много лет тому назад, и лазила я тогда по деревьям разве немного похуже обезьяны.

Лыжи я на земле оставила, сама тихонько с ветки на ветку, с ветки на ветку, да так и застыла. Ну и чудеса! Красный клёст с криком вспорхнул у самой моей головы, а перед глазами у меня на ветке у ствола гнездо! И так ловко прилажено и замаскировано, что и тут я его еле заметила. А из гнезда, ну просто глаза в глаза, смотрит на меня птичка, и нос такой же кривой, только сама не красная, а желтовато-зелёная.

В следующую минуту она опомнилась, пискнула и из гнезда вылетела, чуть меня крылом по лицу не задела. А в гнезде… лежат четыре птенчика, совсем голенькие, слепые и на меня ротики раскрывают: дескать, дай покушать. А родители так и вьются, так и кричат: «Убирайся, пожалуйста!»

Я, конечно, убралась как можно скорее. Страшно даже смотреть было на несчастных голышей. Лыжи надела, но отъехала не очень далеко, за дерево спряталась и в бинокль поглядываю: не замёрзли бы птенчики без матери. Только она сразу же вернулась и юрк в гнездо. А маленький красный папа ещё немножко поволновался, а потом сел на ветку и запел. Очень у него немудрёная песенка, до соловья, конечно, далеко, но зато соловья когда ещё дождёшься, а этот удивительный певец и сам похож на нарядную ёлочную игрушку, и так весело заливается, слушаешь — не наслушаешься!

Мне показалось, он здорово хвастался, как ловко напугал страшного зверя, что к его детишкам подбирался. А я послушала песенку и тихонько пошла дальше.

Ну разве это не похоже на сказку? Клёсты выводят детей

зимой, часто в самые свирепые морозы. Правда, кормят они их очень калорийной пищей: мелко-мелко разгрызают, точно разжёвывают, еловые семена, размягчённые слюной. Сами тоже еловыми семенами питаются. И от этого всё тельце клеста так просмаливается, что мёртвый он не гниёт, превращается в маленькую мумию.

Песенка клёста становилась всё тише и замолкла. Ясно, песнями семью не прокормишь, наверно, маленький отец опять принялся шелушить шишку, готовить еду для птенцов.

С аппаратом или без него, можно и так ведь — душой запоминать, что видишь и слышишь в лесу. Вот так я стояла за кустиком и запоминала душой.

Тишина стояла в лесу удивительная. Казалось, упадёт с дерева сухой листок, что случайно на нём задержался, и то загремит на весь лес. Вдруг я даже вздрогнула, такой разбойничий свист по лесу покатился. Дятел! Вот это кто! Нырком, как всегда, промелькнул между деревьями и не сел, а с лету прицепился к стволу, хвостом в него упирается, точно это у него третья нога, и ну долбить клювом, как молотком: тук-тук-тук.

И сразу же, точно он сигнал дал, в лесу раздалось «пинь-пинь-пинь», и целая стайка мелких пичужек закружилась вокруг дятла: синички разные, поползни, пищуха и королёк-крошка.

Кусочки коры от дятлового молотка так и посыпались с дерева. А синички закружились, ни одного кусочка коры не пропустили, всю насекомую мелкоту, что под ними зимовала, вытащили и склевали.

Дятел, известно, птица серьёзная, такой мелочью не интересуется, добирается до насекомых покрупнее.

У него язык тонкий, на конце шило роговое с зазубринками. В ходы, что насекомые в дереве точат, он язык засунет, жука или личинку проколет и вытащит.

Дятел мне понравился, но я, верно, шевельнулась, и он это заметил. Опять свистнул разбойным свистом, оторвался от дерева и умчался. Летит, точно в волнах ныряет. Синицы кинулись за ним. Вдали ещё раз прозвенели их стеклянные голоски и стихли. И опять я стою, тишину слушаю. Чудесна она, лесная тишина. Как будто и молчит и в то же время тысячью звуков говорит: ухо их не слышит, а душе понятно.

Но в этот раз тишина не вернулась. Зашелестели кусты, и на полянку выбежала кучка мальчуганов. Впереди парнишка лет пятнадцати, остальные помладше. В руках держат сетки и птичьи клетки. Одна клетка белым платком прикрыта.

Я тихонько опять за куст отступила, что, думаю, за компания

такая? На что этому взрослому парню малыши понадобились?

Остановились, смотрят в ту же сторону, что и я только что смотрела.

— Сейчас их нипочём не удержишь, — сказал старший и рукой с досады махнул. — Так и будут теперь за дятлом лазить, объедки подбирать. Он им заместо няньки.

— Жалеют? — спросил один, самый маленький.

— Тоже вздумал, — старший на него рукой махнул презрительно. — Болтаешь зря. Айда, ребята, на полянку. Митька тоже, вроде дятла, жалостливый. Кормушку устроил, птичья столовая, говорит. Там у него всякие птицы навадились. Живо чего надо прихлопнем.

— Я щеглёнка хочу, — сказал мальчик побольше. — Сенька, слышишь?

— Там и щеглов… завались, — ответил Сенька великодушно, точно богач, которому своим добром поделиться не жалко. — Митька не ленив. Репьёв насобирал целые веники. На всю зиму. Щеглы их страсть шелушить любят. И ещё рябину.

— А рябину кому? — спросил маленький белобрысый.

— Рябину свиристелям да щурам, — объяснил Сенька. Он в птицах разбирался неплохо. — Они к нам с севера зимовать прилетают. Вовсе дураки доверчивые, сами в ловушку просятся.

— А синицам что? — допытывался белобрысый.

— Им сала кусок на палку гвоздём приколотил. Прицепится синица лапками и ну долбить. Потеха!

— Палку, — опасливо отозвался ещё один мальчик в синей куртке и почему-то оглянулся. — А если Митька этой палкой кому по шее? Он ведь не меньше тебя, а в восьмом уже, а ты — в пятом.

— А тебе до моего класса дела нет, — ощетинился Сенька. — Не в школу пришёл.

Он так зло глянул на него, что мальчик попятился. Это Сеньку успокоило.

— Ещё чего, — усмехнулся он, — Митька-то в первую смену учится. Пока домой придёт, пока что… А мы их цап и айда…

Говоря это, он повернулся и тут заметил меня, прищурился и подбоченился вызывающе.

— А тебе чего тут надо? — спросил дерзко. — Тоже за птицами пришла?

— Тоже, — согласилась я. — Только ловить я их не собираюсь. Люблю вот наблюдать, как они в лесу вольно живут, что делают. Митя ваш птиц жалеет, кормит. А вы и рады, что птицы человеку поверили, не боятся? Этим доверием пользоваться вздумали?

Меньшие мальчишки неловко потоптались, переглянулись.

— Поют они хорошо, — нерешительно проговорил мальчик в куртке. — По клетке скачут. Смотреть весело.

Остальные мальчики уже стояли вокруг меня. Сенька оказался немного в стороне, молча поглядывал на меня исподлобья.

— Скачут? — переспросила я. — А ты думаешь, от веселья скачут? А почему вот у того мальчика клетка платком закрыта?

— Это чтобы птица голову не разбила, — охотно отозвался мальчик и поднёс мне клетку поближе. — А то разобьёт голову и помрёт.

— От большого веселья значит? — досказала я. — Жила она на воле, лети, куда хочешь. А в твоей клетке прыгай с жёрдочки на жёрдочку. Вперёд — назад, вперёд — назад. Отчего птицы в неволе долго не живут? От веселья? Ты об этом думал?

— Не думал, — сознался мальчик. — То есть думал: скачет, значит ей весело.

— А ты больше думай, — сердито вмешался вдруг Сенька и даже ногой топнул. — Индюк тоже думал, да сдох. Уговор забыли? Птиц наловим, продадим, мяч футбольный купим. Айда, пошли, нечего тут с ней разговоры разводить.

Но мальчики переглянулись и вдруг… все к Сеньке спиной повернулись и глядят в разные стороны, будто его не слышат. А он постоял, плюнул, погрозил мне кулаком и ушёл, забрав все свои ловушки. А мальчики со мной остались, и мы продолжали разговаривать.

Те, кто ловит птиц, часто думают, как и тот мальчик: «Скачет по клетке — значит ей весело». Так ли это?

Вперёд — назад, вперёд — назад. И горсточка конопляного семени в обмен на свободу, на гнездо, которого никогда уже не совьёт маленький пленник. Горсть семян в обмен за радость полёта, на песню не на постылой жёрдочке, а на зелёной ветке в лесу…

Вот что вы дали птице и что у неё отняли. Да как же можно радоваться, глядя, на маленькое обездоленное существо?

В давнее время богатые купцы держали в клетках соловьёв. За певца с песней во много колен платили бешеные деньги. Но разве можно сказать, что они любили птиц? И кто по-настоящему любит птиц: Сенька, меняющий их на футбольный мяч, или Митя? У Мити на кормовом столике каждый день поют и чирикают не пленники, а свободные друзья. Щеглы шелушат пучок репейника, свиристели — ягоды рябины. А Митя наблюдает и слышит то, чего никогда не услышит и не поймёт Сенька: радость свободной жизни.

Полон жизни в любое время не только лес.

На полях, на дорогах, поближе к селу, деревушке, стайка воробьёв чирикает и вдруг словно стеклянный колокольчик зазвенит. Это не воробьи, а их зимняя подружка — овсянка запела. Милые птички, чуть пожелтее воробья, зимой обычно летают со стайкой воробьёв. Но весной запоют весело свою немудрёную песенку и… до свидания, скажут, зимние товарищи, скоро начнутся у нас семейные хлопоты, гнёзда вить, детей выводить. Но пока ещё, в январе, они вместе по полям, по дорогам скачут, чем поживиться ищут.

Сказка Нового года

Городок, в котором это случилось, был маленький, окружён лесом. В самом конце одной улицы давно стоял пустой домик с двумя окошками. Окошки были заколочены досками, и все привыкли к тому, что домик пустой. Никто сначала даже не подозревал, что в доме кто-то поселился, но однажды оказалось, что доски с окон сняты, а из трубы вьётся тоненький дымок: видно, новый хозяин обед готовить приладился.

Мальчишки это, конечно, обнаружили первыми и сразу сунули любопытные носы во все щели старого забора. Татьянка и тут поспела, самую широкую щель отыскала.

— Ходит, — шептала она, — по двору, приколачивает чего-то. Старый, и борода белая.

— Татьянка, — мучился любопытный Петька. — Ну подвинься, я, может, лучше тебя угляжу.

Однако больше ничего особенно интересного высмотреть они не смогли. Но прошло немного дней, и во дворе у Коляки собралось экстренное совещание, ему через улицу было хорошо видно, что делается у соседа.

— Старик уже сколько раз в лес ходил, — взволнованно сообщил он, — каждый раз доску несёт и в мешке чего-то. А назад идёт — ничего не несёт, мешок вовсе пустой, вот.

— Вот! — поддразнила Коляку Татьянка. — Было из-за чего нас собирать. Чего в доске интересного? Тоже выдумщик.

Коляка так и подпрыгнул с обрубка, на который было сел.

— Это я выдумщик? — крикнул он. — А сегодня опять в лес доску нёс и в мешке чего-то. И опять вовсе пустой пришёл. Это тебе ничего? А ты, Петька, что скажешь?

Петька подумал, тряхнул головой.

Меховая шапка, очень большая, наезжала ему на глаза.

— А я знаю, что у него в мешке? — медленно, как всегда, проговорил он, чуть заикаясь. — Может быть, идёт человек, значит, ему надо.

— Ему надо! — передразнил Коляка. Он был выше всех, старше и ходил не в пальтишке, как прочие, а в настоящем полушубке, и вообще был у них заводилой, чем очень гордился. — А я вот скажу, что ему нужно. Идите сюда, ближе. Ну… — Четыре ребячьих головы в мохнатых зимних шапках притиснулись друг к другу. Коляка минуту помолчал, затем отстранился, чтобы лучше было видно, какое получится впечатление, оглянулся на дверь дома и выговорил раздельно, заглушённым шёпотом:

— Шпион!

Три мохнатые головы так и отскочили друг от друга, точно их током ударило. Петька даже забыл посадить шапку на прежнее место и косился из-под неё на Коляку одним вытаращенным глазом.

Татьянка схватилась обеими руками за голову и пискнула отчаянно:

— Матушки!

Но Андрейка тут же дёрнул её за косичку, что торчала из-под шапки, девочка охнула и тоже обеими руками зажала себе рот.

— Шпион! — повторил Коляка торжественно и оглядел всех. Я такую книжку читал. Тот тоже в лес таскал чего-то. А оказалось — рация. Вот что! И по ней фашистам всё передавал. Про наши заводы и про всё. Ну точь-в-точь. Понятно?

— Да ты ему в мешок не глядел, — попробовал было возразить Петька. Но его и слушать не стали. Дело и так было ясное.

Заговорщики долго не расходились. Они прыгали с ноги на ногу, тёрли щёки и носы, но продолжали шептаться, пока не решили, как им действовать, чтобы обезвредить опасного диверсанта. Тут же поклялись страшной клятвой не проговориться родителям. Вся слава поимки шпиона должна была достаться только им.

По домам разошлись, когда терпеть мороз уж совсем стало невмочь.

Шпиона решили караулить посменно, а греться забегать к Коляке: он жил вдвоём с бабушкой, та с утра уходила на работу, никто не помешает и с расспросами не пристанет. Беспокоило одно: до новогодних каникул оставалось ещё два дня занятий. Как быть, если шпион отправится вершить свои тёмные дела, пока они будут в школе? Сообразили: в школу все они ходят во вторую смену, а шпион, заметил Коляка, тащит доски и таинственный мешок утром, когда они свободны.

Только вот досада: прошёл и первый, и второй день, а шпион преспокойно возился дома, два раза побывал в магазине, возвращался домой с целой сумкой всякой еды. Он и не догадывался, что каждый раз в магазине рядом с ним оказывался маленький покупатель и просил отвесить ему на десять копеек каких-нибудь дешёвых конфет.

— Семечки покупает, — доносил Петька, очередной дозорный, на вечернем собрании в углу двора. — Пять кило. На что ему столько? И ещё пшена и белого хлеба. Целую сумку!

— Сала свиного во-от какой кусок, — это прибежала Татьянка и сделала круглые глаза. — Я чуть не попалась. Подошла к

продавцу и стою. Он спрашивает: тебе, девочка, чего? А я говорю — Конфет на десять копеек. — А он говорит — В мясном отделе конфеты не продают. — И все засмеялись. И тот, который шпион, тоже засмеялся и говорит — Пойдём, девочка, я тебе куплю конфет.

Коляка очень рассердился.

— Ну какой ты разведчик? Если бы в тылу врага — тебя сразу бы схватили.

Татьянка не успела даже обидеться, как дверь хлопнула и вбежал Андрейка, точно за ним кто-то гнался.

— Идёт! — крикнул он. — В лес. И рация в мешке! И доска! Всё тащит!

Татьянка от волнения влезла в Колякин полушубок и еле из него вылезла. Петька ползал по полу — искал рукавицы и стукался головой о все ножки стола, потому что шапка то и дело налезала ему на глаза. Пока разобрались и оделись, каждый в своё, таинственный старик оказался уже довольно далеко на дороге к лесу. Он шёл легко по накатанной колее, разведчики прятались за придорожными кустами, спотыкались в снегу, но из виду его не теряли.

— Вдруг за ним там на вертолёте прилетели, — пугалась Татьянка. — По лестнице заберётся и всё.

— Вертолёт гудит хуже паровоза, — отвечал Коляка, выбираясь из сугроба. — А сейчас вон как тихо. Тише и вы, ещё сам услышит, у него, наверное, и оружие есть.

Об оружии разведчики не подумали и теперь сразу очень охотно замолчали. Однако никто отстать не пробовал.

А таинственный старик шагал очень уверенно, не прятался и даже ни разу не оглянулся, так что ребята понемножку осмелели и подобрались поближе. Но что это? Он вдруг остановился, отстегнул короткие лесные лыжи, висевшие за спиной, надел их и уверенно шагнул в сторону с дороги, прямо в снег. Снегу было немного, так что хоть и трудно пришлось, ребята задыхались и проваливались, но и тут от него не отставали. Куда же он их ведёт?

Деревья вдруг расступились, и точно в ответ, перед ними открылась полянка. Посередине её стояла ёлка, невысокая, но такая стройная и раскидистая, что, наверно, во всём лесу было трудно найти ещё такую красавицу. Ребята, тяжело дыша, прятались за густые молодые ёлочки вокруг поляны, осторожно из-за них выглядывали. А старик спокойно подошёл к красавице ёлке, опустил на снег заплечный мешок и облегчённо вздохнул.

— Насилу добрался! — проговорил он, пошевелил плечами и, нагнувшись, развязал мешок. Тут только ребята заметили, что

снег под ёлкой хорошо утоптан, а на еловых лапах подвешены со всех сторон дощечки с закраинками. Дальше пошло ещё удивительнее. Старик проворно насыпал на дощечки подсолнечные семечки, пшено, крошки белого хлеба, а кусочки сала, тоже оказавшиеся в мешке, подвешивал на верёвочках.

Работал он быстро, тихонько что-то про себя приговаривая, вытащил из-под ёлки грубо сколоченную скамейку, встал на неё и всыпал угощение на дощечки повыше.

Татьянка не утерпела, толкнула Коляку.

— Вот и доски твои, он из них скамейку… — Но докончить не успела. Старик обернулся.

— А ну, кто там за ёлками прячется? — сказал он спокойно, как будто ничего тут удивительного и не было. — Вылезайте!

Ребята не пошевелились, точно окаменели. Первым опомнился Коляка.

— Идём! — сказал он. Раздвинул колючие ветки и выступил на полянку, за ним, крепко держась за руки, шагнули Петька с Андрейкой. Татьянка просунула любопытную мордочку между ними. Было тихо, даже синичка нигде не пискнула. Старик, высокий, в белом полушубке и серой шапке-ушанке, молча разглядывал тоже молчавших детей и вдруг улыбнулся так, что лучиками от глаз разбежались весёлые морщинки.

— Э, да это ведь ты, мартышка, у мясника конфет на десять копеек покупала? — сказал он, посмеиваясь по-хорошему. — А как вы тут оказались? Похоже, что вы за мной следили. Зачем?

— А мы думали, мы думали, что вы шпион, — вдруг выпалила Татьянка, тут же опомнилась и совсем спряталась за мальчишками.

— И что у вас в мешке — рация, — басом добавил Андрейка. При этом ребята шевельнулись и разом сделали шаг назад.

— Рация? — протянул старик удивлённо. — Рация? Кто же это первый до того додумался?

— Я, — сказал Коляка. Щёки у него раскраснелись, глаза блестели, но он храбро смотрел на старика. — Я книгу читал. Про шпионов. И я думал…

— Думал, — медленно повторил старик, а в глазах у него так и заиграли лукавые смешинки. — А теперь что ты думаешь?

— А теперь другое. Совсем другое, — признался Коляка, но губы его ещё вздрагивали. — Мы всё поняли. Вы птичью ёлку делаете.

— Вот теперь правильно догадался, — кивнул старик, — я один тут работал, боялся, что если много вас набежит, вы моих гостей напугаете. Но если вы будете тихо себя вести, оставайтесь. Только… — Тут старик весело посмотрел на Коляку. — Только

книг про шпионов читайте меньше, у меня другие есть книги, поинтереснее, и пользы от них вам будет больше.

Коляка опять вспыхнул, но старик сделал вид, что этого не замечает. Он засунул руку в свой мешок и…

— Рация! — выпалил Андрейка. И тут же присел. В руках старика оказался какой-то ящичек.

— Не совсем, — улыбнулся старик. — Магнитофон. Птицы соберутся на нашей новогодней ёлке, а волшебный ящик и запишет все их песенные разговоры. Поняли?

— Поняли, — медленно, чуть заикаясь, проговорил Петька и мотнул головой, чтобы шапка сдвинулась на своё место. — И ещё… вы настоящий Дед Мороз, только ещё лучше.

— Правда, правда, — зашумели разведчики, но старик поднял руку.

— Из шпионов в Деда Мороза? Очень приятно. Благодарен. Только уговор: не кричать, не то вы мне всю музыку испортите. Лес любит тишину. Он сам вам свои сказки расскажет. Учитесь слушать. Выучитесь — будете моими лучшими помощниками.

«Выучимся!» — хотела крикнуть Татьянка, но вовремя спохватилась и вместе со всеми тихонько проговорила — Выучимся!

* * *

Кончается третий месяц зимы — февраль. Февраль — тоже не русское слово, латинское. Старинное народное название этого месяца — лютый, значит, злой, свирепый. Говорят, в феврале хозяйничают две подруги: метель да вьюга. Так было раньше, так и теперь нередко случается. Суматошный месяц. И ещё есть примолвка: «февраль — кривые дороги». Наметут подруги — метель да вьюга — сугробы на дороге, и приходится их объезжать стороной. Ведь не было в старое время машин, которые возьмут да разгребут сугроб: поезжай прямо!

Старался народ и по приметам узнать, что готовит коварный месяц. Кошка пол скребёт — будет метель, а уж если стену когтями заскребла — жди вьюги. Не одна кошка в предсказателях ходила. Вьюгу, пургу и другие животные «предсказывали»: собака на снегу валяется, куры хвостами вертят, лошадь храпит, свинья визжит, а если ещё к тому и соломы в своё логово натаскать спешит — жди настоящего бурана.

Одна примета хуже другой, хоть из дома не выходи. Но всегда ли уж так плох февраль?

Февраль лютый месяц, что и говорить. Но по каким-то

приметам большая синица уже разгадала: весной пахнет. И уже хоть и петь небольшая мастерица, а не по-зимнему точно крохотным молоточком по ветке ударяет: чи-чи-ку. Да вдруг звонко, ясно выговорит: ци-фи, ци-фи. Право, эта немудрёная песенка в феврале — лучше самой замечательной песни летних певцов. Заслушаешься, и вдруг — а это что-то новое? Глазам не веришь, не только ушам. Это же пищуха, невидная коричнево-пёстренькая птаха. Ползает по стволу, острым клювиком кого-то в трещинах коры достаёт и попискивает, на то она и пищуха. А тут вдруг трелью, как серебром, рассыпалась. Это же её весенняя песенка. Весну славит кроха. Спасибо тебе, милая, даже лютый февраль присмирел. Заслушался!

В феврале тетерева забираются в чащи, где лютому не так легко разбушеваться напоследок, и берёзовых серёжек и почек хватает. Весной (время тока и мимолётного ухаживания) тетерев заботы ни о временной супруге, ни о детях не проявляет. Но в зимней стае, когда все на деревьях кормятся, старый вожак держится на ёлке повыше и не ест, сторожит. Ястреб налетит — надо с сигналом тревоги не опоздать. Если лису заметит, глаз с неё не сведёт, но сигнал другой, потише, вроде петушиного «ко-ко-ко». На деревьях от неё опасности нет, а всё-таки будьте настороже. Ну, кумушка облизнулась и ушла — я, мол, так, мимоходом.

Нашему лесному куриному племени зимой голод не грозит. Глухарю тоже в любом хвойнике пища: сосновыми иголками накушается, можжевельником закусит. Рябчику лишь бы ольхи хватило, тоже перезимует.

Чернышу чей-то тоненький не то свист, не то писк на его «ко-ко» отозвался. На этой же ёлке, на самом кончике самой тоненькой ветки вниз головой прицепился крохотный королёк. Уже никто, кроме него, до самого кончика не доберётся, а он ещё и добычу там себе найдёт такую, что нам её в лупу едва видно, а ему сытно и вкусно. Он и в самые страшные морозы не унывал, а теперь в тоненьком писке ясно слышится: весна! весна идёт!

Есть у февраля ещё народное название — бокогрей. Почему? Ведь месяц-то морозный! Но в ясный солнечный день повернитесь к солнцу одной щекой и постойте. Чувствуете, как этой щеке теплее, чем другой, которая в тени? И на дерево посмотрите, что стоит свободно на полянке: снег на нём остался с северной стороны, а с южной стороны февральское солнышко его потихоньку сгоняет. Вот вам и бокогрей: морозит, а солнце на тепло поворачивает.

От дневной ласки коварного бокогрея бывает иногда деревьям днём хорошо, а ночью беда: морозобойные трещины, да

какие! Глубокая рана рвёт высоко по стволу не только кору и луб, но под ним даже заболонь. Виновато тепло. Днём ствол разогрелся, слои, нагреваясь, расширились. А вечером приморозило. Остыли верхние слои. Сжались. А глубинные ещё хранят тепло, сжиматься не хотят. Треск на весь лес или сад: лопается, сжимаясь, холодная кора, под ней и заболонь. Распирают их внутренние неостывшие слои. Вот почему в садах в это время белят деревья. Белый ствол отражает нагрев и коварное преждевременное разогревание дерева. Понятно, что темнокорые деревья страдают от морозобоин сильнее.

Снег на земле ещё лежит толстым слоем. Одна маленькая девочка сказала:

— Ой, какой снег холодный, кто под снегом живёт, ему, бедному, очень плохо.

Ну, конечно, девочка ошиблась: наши растения и звери много тысяч лет живут в теперешних условиях и к снежной зиме приспособились. Хорошо в лесу, когда февраль метелью не бушует: в. лунную ночь на полянке зайцы соберутся. Тут уж у них танцы начинаются. Столбиком друг против друга станут, лапками машут, ушками хлопают. Разбегутся. И опять сбегутся. И ну по кругу вприпляс скакать. Просто глаз не оторвать.

Случается, пляшут зайчики, а в кустах блестят при луне два карих глаза на острой рыженькой мордочке. Зайцы до того растанцевались, что лису не приметили. А кумушка налюбуется и… уж наверное одного из плясунов подцепит. Благо, они до того развеселились, что об осторожности забыли.

Заяц для лисы не обычное блюдо, а лакомство, не так легко к нему подобраться. Правда, и кумушка хитра.

Вы бы посмотрели, как она крадётся к беляку, когда тот едой занят. Грызёт ветки и кору и в то время плохо слышит. А перестанет грызть, и лиса замрёт, не пошевелится, пока заяц за новую ветку не примется.

Февраль белой пеленой закрыл-закутал землю. Но и под этой белой пеленой кипит жизнь. Бегают, кормятся и плодятся мыши. Охотятся на них белые, как снег, ласки и горностаи, дремлют в уютных спаленках тетерева и глухари. И ещё идёт жизнь, тихая, невидимая, но удивительная: дремлет и ждёт: Зелёная жизнь! Копытень даже с бутонами осенью под снег ушёл, весной только выглянет на свет, и готово — цветёт. Перезимовали зелёные жёсткие листья брусники, а теперь, к концу зимы к ним прибавятся ещё нежно-зелёные, это уже не зимовщики, это молодые листья весны.

Осторожно раскопайте снег: что это? Из-под слоя мёртвых листьев тянутся зелёные ростки. Февраль на дворе, а на

подснежниках уже и почки и бутоны. Потому они и называются подснежники, ранние весенние цветы. Самые разные. И голубые перелески, и белые ветреницы, и жёлтый гусиный лук. Вьюги и метели сверху до них не доберутся. Они тихонько зреют, растут в белой снежной спаленке. Весна поворачивает первую страницу весёлого марта.

В начале зимы вы несли домой голые веточки деревьев. Напрасно ставили их в воду, наблюдали, ждали и… разочаровывались. Деревья спят, спят почки. Природа, как нежная мать, укрыла их тёплыми чешуйками, листки свёрнуты, упакованы для долгой дороги сквозь зиму до станции Весна. Ольха крепко стиснула, прижала чешуйки на чёрных шишечках, и серёжки маленькие, жёсткие, берегут для них драгоценную пыльцу. Но поезд времени всё ближе к станции Весна. Пора! Теперь осторожно ставьте веточки ольхи и лещины в банку с водой на солнышко. Они просыпаются! Незаметно серёжки вырастают на глазах. Золотая пыльца ольхи и лещины высыпается из серёжек, серёжки лещины уже не коричневые, а жёлтые. Ветер на воле понесёт пыльцу на женские незаметные шишечки-цветочки. Листьев пока нет, они ветру не помеха. Опыление совершилось. Дальше… март открывает новую главу жизни!